ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ IX.

ВЫПУСКИ I—IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЬМИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1896.

ГЕРМАНСКОМУ

ВОСТОЧНОМУ ОБЩЕСТВУ

КО ДНЮ ЕГО

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ЭТОТЪ ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

СВОИХЪ ЗАПИСОКЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ВОСТОЧНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

Мелкія замѣтки и Извѣстія 243

Критика и Библіографія . . . 291

Списокъ рецензированныхъ книгъ [1]):

а) На русскомъ языкѣ.

---

1) Въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или заглавій. Фамиліи рецензентовъ поставлены въ скобкахъ.

б) На иностранныхъ языкахъ 305

Новыя книги 338

Исправленія и дополненія 340

ТАБЛИЦЫ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 11 января 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: А. Я. Гаркави, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, А. В. Комаровъ, В. И. Ламанскій, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, А. М. Позднѣевъ, кн. П. А. Путятинъ, П. А. Сырку, и баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

Гости: Н. П. Карповъ, П. К. Коковцовъ, П. М. Меліоранскій, Д. М. Позднѣевъ, И. Г. Троицкій и П. Д. Ягелло.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ слѣдующія текущія дѣла:

а) Поступили въ библіотеку Общества въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) «The Indian Antiquary». Oct. & Nov. 1893.

2) «Bibliotheca Indica», New Series №№ 831—833.

3) Архим. Макаръ Г. Бархударянцъ «Албанія и сосѣди ея» (Средній Дагестанъ). Тифлисъ 1893 г. (на армянскомъ языкѣ).

б) Получены письма отъ Н. Ѳ. Петровскаго; при одномъ изъ нихъ онъ препроводилъ брошюру на кашгарскомъ нарѣчіи — переводъ съ китай-

скаго, подъ заглавіемъ: خان نينك تصنيف قيلغان يخشى ايش غه رواج برادورغان ضرور سوزلارى Литограф. въ Кашгарѣ въ 1311 г. гиджры.

в) Консулъ въ Кульджѣ, В. М. Успенскій, прислалъ при письмѣ 4 мѣдныхъ монеты, найденныхъ въ селеніи Турпанъ-Юзи, въ даръ Обществу. Онѣ, по опредѣленію барона В. Г. Тизенгаузена, джагатайскія, чеканены въ Алмалыкѣ, XIII вѣка, не рѣдкія.

III.

А. Я. Гаркави сдѣлалъ докладъ о еврейскихъ сектахъ по свѣдѣніямъ караимскаго писателя X вѣка Алькиркисани [1]).

IV.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ о переводѣ В. В. Бартольдомъ турецкой былины «о Дерсе-Ханѣ» изъ «Китаби-Коркудъ», который и былъ прочитанъ В. А. Жуковскимъ.

Засѣданіе 22 февраля 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: А. Ѳ. Бычковъ, Ѳ. А. Браунъ, В. Г. Васильевскій, А. Я. Гаркави, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, Д. Ѳ. Кобеко, Н. Я. Марръ, П. М. Меліоранскій, Н. А. Мѣдниковъ, А. М. Позднѣевъ, В. В. Радловъ, В. Э. Регель, А. А. Спицынъ и П. А. Сырку.

Гости: С. А. Аристовъ, бар. Д. Г. Гинцбургъ, П. А. Дмитревскій, Д. М. Позднѣевъ, П. С. Поповъ, Я. И. Смирновъ, М. С. Щекинъ и А. И. Щербатскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ слѣдующія текущія дѣла:

а) Поступили въ библіотеку Общества въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

---

1) См. Записки В. О. VIII, 247—321.

1) The Indian Antiquary. Dec. 1893. Part I и Part II.

2) Giornale della Società Asiatica Italiana, vol. VII.

3) Transactions of the ninth International Congress of Orientalists. London 1892, 2 voll.

б) Н. Ѳ. Петровскимъ прислапа барону В. Р. Розену, въ личный даръ ему, арабская рукопись, содержащая въ себѣ фармакопею Ибнъ-Бейтара. Достопримѣчательность ея, представляющая общій интересъ для оріенталистовъ, заключается въ томъ, что въ ней есть приписка, повидимому свидѣтельствующая о принадлежности этой рукописи знаменитой библіотекѣ Тимура.

III.

В. В. Радловъ сообщилъ о дешифрированіи копенгагенскимъ профессоромъ Томсеномъ такъ называемыхъ орхонскихъ и енисейскихъ надписей, и затѣмъ изложилъ содержаніе переведенныхъ имъ, В. В. Радловымъ, орхонскихъ надписей.

IV.

Баронъ В. Р. Розенъ предложилъ избрать профессора Томсена членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. — Опредѣлено: внести это предложеніе въ Совѣтъ Общества.

Засѣданіе 1 апрѣля 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, А. О. Ивановскій, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, П. М. Меліоранскій, г. Пападопуло-Керамевсъ, А. М. Позднѣевъ, князь П. А. Путятинъ и В. Э. Регель.

Гости: Г. А. Эзовъ, К. Н. Лишинъ и И. Г. Троицкій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что въ библіотеку Общества поступило въ даръ сочиненіе Grammatica della lingua Industana o Urdù. Per Camillo Tagliabue.

III.

Произведены закрытою баллотировкою выборы на слѣдующее трехлѣтіе Управляющаго Отдѣленіемъ и Секретаря Отдѣленія. Избранными по большинству голосовъ оказались — Управляющимъ Отдѣленіемъ баронъ В. Р. Розенъ, а Секретаремъ Отдѣленія В. Д. Смирновъ.

IV.

По возобновленіи состоявшимся избраніемъ полномочій, Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, доложилъ о слѣдующихъ дѣлахъ:

1) Отдѣленіе получило приглашеніе принять участіе въ предстоящемъ въ Женевѣ конгрессѣ оріенталистовъ. — Постановлено: записаться Отдѣленію въ члены конгресса и просить С. Ѳ. Ольденбурга быть делегатомъ со стороны Отдѣленія на конгрессѣ.

2) Изъ R. Istituto Orientale въ Неаполѣ послѣдовала просьба объ обмѣнѣ изданій. — Рѣшено отозваться на означенную просьбу согласіемъ.

3) Отъ Н. Ѳ. Петровскаго изъ Кашгара получено увѣдомленіе телеграммою о томъ, что онъ высылаетъ всю свою коллекцію терракоттъ.

4) Г. Зелигъ Гиршъ дэ-Глинъ представилъ планъ реставраціи Ветхозавѣтной Скиніи съ описаніемъ его, для компетентной санкціи этого плана, какъ наиболѣе правильнаго, со стороны Восточнаго Отдѣленія. — Постановлено: отклонить этотъ актъ научной санкціи въ виду того, что это не входитъ въ задачи Общества.

V.

Н. Я. Марръ сдѣлалъ сообщеніе объ источникахъ Исторіи Моисея Хоренскаго.

Засѣданіе 14 октября 1984 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, А. О. Ивановскій, П. К. Коковцовъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, П. М. Меліоранскій, Н. А. Мѣдниковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, Г. Н. Потанинъ и П. А. Сырку.

Гости: В. А. Страшевскій, И. Г. Троицкій и А. Э. Шмидтъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о кончинѣ двухъ членовъ Общества, А. П. Орлова и Н. М. Ядринцева. Присутствовавшіе почтили память усопшихъ вставаніемъ.

III.

Поступили въ библіотеку Общества въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) مرآت البلدان ناصری 3 т. } отъ персидскаго министра печати
2) کتاب منتظم ناصری 3 т. } Итимад-эс-Салтэнэ.

3) Archeological Survey of India. South Indian Inscriptions. Tamil Inscriptions etc. ed. and translated by E. Hultzsch. Vol. II, P. II. Madras 1892.

4) Epigraphia Indica. Vol. III, P. I. January 1894. Supplem. to the Ind. Antiquary. — P. II. March 1894.

5) Записки Общества Изученія Амурскаго края, т. III. Владивостокъ. 1894.

6) Матеріалы по описанію Хинганской экспедиціи полковника Путяты. Дневникъ Л. П. Бородовскаго. Владивостокъ 1894.

7) Comité de Conservation des Monuments de l'art arabe, Exercice 1891. Fascicule 7-e. Procès-Verbaux de Séances. Rapports de la même Commission. Le Caire 1892 [1]).

IV.

Н. Θ. Петровскій прислалъ на усмотрѣніе Отдѣленія:

1) Коллекцію терракоттъ [2]).

2) Рукопись писанную арабскими буквами, но на неизвѣстномъ языкѣ, пріобрѣтенную имъ въ Кашгарѣ.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ заявилъ о выходѣ въ свѣтъ 3 и 4 выпусковъ VIII-го тома «Записокъ Восточнаго Отдѣленія».

---

1) Получено въ іюнѣ 1893 г.

2 См. ниже, стр. 167—190 статью Г. Е. Кизерицкаго.

VI.

Г. Н. Потанинъ прочиталъ записку о трудахъ покойнаго сочлена Общества Н. М. Ядринцева.

VII.

С. Ѳ. Ольденбургъ сообщилъ о содержаніи надписей на геммахъ изъ коллекціи Н. Ѳ. Петровскаго и объ отрывкахъ санскритскихъ рукописей на берестѣ и на пальмовомъ листѣ.

VIII.

С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ рефератъ В. В. Бартольда подъ заглавіемъ: «Слѣды греческихъ миѳовъ въ Средней Азіи».

Засѣданіе 14 декабря 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. В. Бартольдъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, В. И. Ламанскій, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, В. В. Латышевъ, П. М. Меліоранскій, Н. А. Мѣдниковъ, А. М. Позднѣевъ, П. А. Сырку, В. А. Тепловъ, А. А. Цагарели и А. Н. Щукаревъ.

Гость: С. А. Бершадскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ заявилъ, что Совѣтъ постановилъ образовать коммиссію для составленія программы празднованія 50-лѣтняго юбилея Общества и выбрать въ нее по 2 члена изъ каждаго Отдѣленія.

III.

Произведены были выборы въ вышеозначенную коммиссію. Выбранными оказались по большинству голосовъ К. Г. Залеманъ и В. А. Тепловъ.

IV.

Н. Я. Марръ сообщилъ, что Мхитаристы въ Вѣнѣ просятъ дать имъ клише къ статьѣ его «О сирійско-армянскихъ надписяхъ въ Семирѣчьѣ». — Постановлено послать клише съ просьбою возвратить ихъ по миновании въ нихъ надобности.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о поступленіи въ библіотеку Общества въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующихъ сочиненій по востоковѣдѣнію:

1) Bibl. Indica №№ 827—830 и 834—846.

2) Bibl. Indica, New Series. The Index of the Maásir al-Umará. Vol. I, fasc. X и XI.

3) The Indian Antiquary. Febr.—Octob. 1894.

4) Epigraphia Indica. Vol. III, PP. I—IV.

IV.

С. А. Бершадскій прочиталъ рефератъ объ устройствѣ Турецкой Имперіи въ началѣ XVI-го вѣка на основаніи документа, находящагося въ одной изъ посольскихъ книгъ Коронной Метрики времени короля Александра Ягеллона.

Засѣданіе 20 января 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. В. Бартольдъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, Г. Е. Кизерицкій, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, П. М. Меліоранскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. М. Позднѣевъ и А. Н. Щукаревъ.

Гости: Г. А. Эзовъ и Я. Я. Лютшъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ слѣдующія текущія дѣла:

а) Получено письмо А. Г. Туманскаго объ его путешествіи по Персіи, изслѣдованіяхъ о бабидахъ и находкѣ экземпляра «Тарихи Джани».

б) Н. Ѳ. Петровскій прислалъ одинъ листъ тибетской книги.

в) Онъ-же прислалъ еще нѣсколько отрывковъ на неизвѣстномъ языкѣ.

г) Въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) The Indian Antiquary. Nov. 1894.

2) Epigraphia Indica. Part V. (Vol. III). Sept. 1894.

2) Bibliotheca Indica. New Series. №№ 847—849.

III.

Н. Я. Марръ сдѣлалъ сообщеніе «О мнимомъ географическомъ названіи *ӷротастак* въ исторіи Агаѳангела» [1]).

IV.

С. Ѳ. Ольденбургъ привелъ нѣсколько выдержекъ изъ письма Н. Ѳ. Петровскаго о пріобрѣтеніи предметовъ древности, которые были выставлены въ засѣданіи для обзора.

Засѣданіе 15 марта 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Барсовъ, В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. О. Ивановскій, А. В. Комаровъ, В. В. Латышевъ, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, А. М. Позднѣевъ, кн. П. А. Путятинъ и И. Г. Троицкій.

Гости: Я. Я. Лютшъ и А. Э. Шмидтъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ текущія дѣла:

а) Въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

---

1) См. ниже, стр. 191—197.

1) The Indian Antiquary. Dec. 1894.

2) Epigraphia Indica. Vol. II, P. XVI.

3) كتاب التدوين فى احوال جبال الشروين (отъ автора, персидскаго министра печати Итимад-ас-Салтэнэ اعتماد السلطنة).

б) Н. Ѳ. Петровскій прислалъ еще новые отрывки Кашгарскихъ рукописей.

III.

А. М. Позднѣевъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ памятникѣ монгольской письменности, рисующемъ жизненные идеалы современнаго степняка-монгола.

IV.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ о предпринятомъ M. van Berchem'омъ изданіи «Corpus Inscriptionum Arabicarum», и указалъ на большую важность его.

V.

Предложены были для разсмотрѣнія присутствовавшихъ въ засѣданіи древности изъ Хотана, принадлежащія Я. Я. Лютшу, изъ коихъ въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе одна почти совсѣмъ цѣлая терракоттовая ваза, украшенія которой объясняютъ значеніе многихъ полученныхъ ранѣе орнаментныхъ глиняныхъ осколковъ.

Засѣданіе 24 апрѣля 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. В. Бартольдъ, В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ, В. А. Жуковскій, Г. Е. Кизерицкій, П. К. Коковцовъ, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. М. Позднѣевъ, В. А. Тепловъ, баронъ В. Г. Тизенгаузенъ и А. Г. Туманскій.

Гость: Я. Я. Лютшъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о слѣдующихъ текущихъ дѣлахъ:

а) Въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) تاريخ مصر Ибн-Іяса. 3 т.

2) Н. Ф. Петровскій. Древніе арабскіе дорожники. Ташкентъ 1894.

б) Выпущенъ въ свѣтъ атласъ къ путешествію покойнаго Дорна по южному прибрежью Каспійскаго моря.

III.

Баронъ В. Р. Розенъ прочиталъ сообщеніе В. В. Бартольда «Новое мусульманское извѣстіе о Русскихъ», извлеченное имъ изъ персидскаго писателя Ауфи [1]).

IV.

Баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе: къ вопросу объ арабскихъ переводахъ «Худай-нâмэ» [2]).

V.

А. Я. Гаркави сдѣлалъ дополненіе къ прежнему своему реферату о сектѣ «Магâріійе»-«Пещерниковъ» на основаніи новаго источника.

VI.

Обозрѣнію присутствующихъ подлежали въ этомъ засѣданіи древности, присланныя Н. Ѳ. Петровскимъ.

Засѣданіе 17 мая 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, А. О. Ивановскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, В. И. Ламанскій, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, А. М. Позднѣевъ, Н. И. Веселовскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, И. Г. Троицкій.

Гость А. Э. Шмидтъ.

---

1) См. ниже, стр. 262—267.

2) См. «Восточныя Замѣтки», стр. 153—191.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученіи библіотекой Общества въ даръ Catalogue of the Sanscrit Manuscripts in the Library of the India Office. Part IV. By E. Windisch and J. Eggeling. Lond. 1894.

III.

С. Ѳ. Ольденбургъ говорилъ о вновь присланныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ древностяхъ.

IV.

Д. Ѳ. Кобеко сдѣлалъ сообщеніе о своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью и бытомъ среднеазіатскихъ мусульманъ во время своей поѣздки въ Туркестанскій край.

Засѣданіе 15 сентября 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: о. Алексѣй (Виноградовъ), А. Ѳ. Бычковъ, С. К. Буличъ, В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, А. О. Ивановскій, А. В. Комаровъ, Г. Е. Кизерицкій, В. И. Ламанскій, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, А. М. Позднѣевъ, Д. М. Позднѣевъ, кн. П. А. Путятинъ, В. В. Радловъ, А. Г. Туманскій и И. Г. Троицкій.

Гость А. Э. Шмидтъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) Epigraphia Indica. Vol. III, Part VII.
2) The Indian Antiquary. Jan.—July 1895.

3) Буддійскій канонъ. 17 т. (отъ Сіамскаго Короля).

4) И. Г. Троицкій. Толкованіе на книгу св. прор. Исаія (XLIX—LXVI) Спб. 1895.

5) Толкованія на В. З., изданныя при Спб. Духовной Академіи. Вып. 9. (Ис. XXXV—XLVIII).

6) о. Алексѣй (Виноградовъ). Исторія Библіи на Востокѣ.

III.

Въ виду предстоящаго празднованія 50-лѣтія Германскаго Восточнаго Общества (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) Управляющій Отдѣленіемъ предложилъ привѣтствовать Общество. Постановлено привѣтствовать Германское Восточное Общество въ день 50-лѣтія плодотворной его дѣятельности телеграммою и посвятить ему печатающійся нынѣ IX-й томъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія».

IV.

В. В. Радловъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ дешифровки Енисейскихъ надписей.

V.

О. Алексѣй (Виноградовъ) сказалъ нѣсколько словъ по вопросу о переводѣ книгъ Св. Писанія на китайскій и японскій языки.

Засѣданіе 10 ноября 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ; Дѣйствительные члены и сотрудники: В. В. Бартольдъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Г. Бокъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, А. О. Ивановскій, Г. Е. Кизерицкій, А. В. Комаровъ, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, В. И. Ламанскій, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, кн. П. А. Путятинъ, А. М. Позднѣевъ, Д. М. Позднѣевъ, А. Г. Туманскій и И. Г. Троицкій.

Гости: А. П. Саломонъ, А. Э. Шмидтъ и С. И. Яснецкій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ заявилъ, что И. Г. Троицкимъ принесены въ даръ Обществу 1-й и 2-й выпуски «Толкованія на книгу св. пророка Исаіи», совмѣстный трудъ его, жертвователя, и другихъ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

III.

С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе о восточныхъ источникахъ «Lai d'Aristote».

IV.

Присутствовавшимъ членамъ Общества было предложено къ обозрѣнію нѣсколько древностей, вновь присланныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ изъ Кашгара.

Засѣданіе 13 декабря 1895 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ замѣнявшаго отсутствовавшаго Управляющаго Отдѣленіемъ Секретаря Восточнаго Отдѣленія, В. Д. Смирнова, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, А. В. Комаровъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. М. Позднѣевъ, Д. М. Позднѣевъ, В. В. Радловъ, А. Г. Туманскій.

Гость г. Котвичъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Замѣнявшимъ предсѣдателя, Секретаремъ Отдѣленія было доложено, что въ библіотеку Общества поступили въ даръ или въ обмѣнъ слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

1) The Indian Antiquary. Aug.—October 1895.

2) Epigraphia Indica. Vol. IV, P. I.

3) Bibliotheca Indica. New Series. №№ 854—859 и Index of the Maásir-ul-Umará. Vol. III, fasc. XI—XII.

III.

Д. А. Позднѣевъ сдѣлалъ сообщеніе «къ вопросу о картографіи древняго Китая».

IV.

Произведенъ выборъ въ члены Совѣта отъ Восточнаго Отдѣленія. Большинствомъ голосовъ избранъ В. С. Голенищевъ.

V.

А. Г. Туманскій сдѣлалъ сообщеніе объ извѣстіи Рашидъ-Эддина касательно тюркскаго происхожденія династіи Саманидовъ.

VI.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ настоящаго засѣданія.

Калмыцкія сказки.

VII.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ᠪᡝᠶᡝᠪᡝ᠉ ᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ ᠰᡝᠮᡝᠪᡳ ᠮᡠᡨᡝᠮᠪᡳ ᠪᡳ᠉ ᠰᡝᡵᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ ᠪᡳ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡥᡝᡴᡝ ᠪᡳᡥᡝ᠉ ᡝᠮᡠ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳᡥᡝᡴᡝ ᠪᡳᡥᡝ᠉ ᡨᡠᠸᠠᠴᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡥᡝᡴᡝ ᠪᡳᡥᡝ᠉

ᠰᡝᠮᡝ ᡨᡝᠮᡝ ᡝᠮᡠ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡳ ᠪᡳᠮᠪᡳ᠉ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᡨᡠᠸᠠᠴᡳ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳᡥᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ

ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡝᠶᡝᠪᡝ ᡨᡝᠮᡝ ᠪᡳ ᡥᡝᠨᡩᡠᡵᡝ ᡨᡝᠮᡝ ᠪᡳ᠉ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳ ᡝᠯᡝ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡝ ᠪᡳᡥᡝ ᠪᡳ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ ᡳᠯᡳᠨᠵᡳ ᠪᡳᡥᡝ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡥᡝ ᡨᡝᠮᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᡨᡝᠮᡝ᠉ ᠰᡝᡵᡝ ᡝᠮᡠ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡳ

ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡳᡥᡝ ᡥᡝᠨᡩᡠᡵᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ᠉ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᠪᡝ ᠪᡳ ᡤᡳᠰᡠᠨ

ᠪᡳᡥᡝᠪᡳᡥᡝ ᡨᡠᠸᠠᠴᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳᡥᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ᠉ ᠰᡝᡵᡝ ᡝᠮᡠ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ ᠪᡳᡥᡝ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝᠪᡝ᠉ ᡨᡝᡵᡝ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳ᠉ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᡨᡝᡵᡝ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ᠉ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ᠉ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ

ᡨᡝᡵᡝ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳᡥᡝ᠉ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ

ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ᠉ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᡨᡠᠸᠠᠴᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡳᡥᡝ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ᠉ ᠰᡝᡵᡝ ᡝᠮᡠ

ᠰᡝᠮᡝ ᠪᡳᡥᡝᠨᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳ᠉ ᡤᡳᠰᡠᠨ ᠪᡳ ᡝᠯᡝᠩᡤᡝ ᡨᡝᡵᡝ ᠪᡳᡥᡝ ᠪᡝᠶᡝᠨᡳ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Калмыцкія сказки.

VII.

Сказка про сраженіе Гэсэръ-хана съ Андалмой.

Въ ту пору какъ повелитель десяти странъ Гэсэ̄ръ-ха̄нъ проживалъ, распространяя вѣру будды какъ солнце и утверждая міровое правленіе какъ скалу, изъ Докӯръ тӣба (явился) ха̄нъ, по имени Андалма̀. Въ верхней части тѣла онъ имѣлъ десять тысячъ глазъ, десять тысячъ рукъ и былъ одаренъ тѣломъ Ра̄ху[1]); въ средней части тѣла онъ былъ снабженъ (тѣломъ) четырехъ еретическихъ геніевъ, а въ нижней части тѣла исполненъ силами восьми ракша̀совъ[2]); ничѣмъ не возможно было побѣдить его; при каждомъ своемъ превращеніи могъ онъ принять на себя 71 видъ; онъ имѣлъ у себя 3000 богатырей, 360 предводителей, 33,300,000 войска; желто-пѣгая лошадь его, величиною съ гору, была одарена силами тринадцати драко-

1) Ра̄ху есть, кажется, олицетвореніе одного изъ небесныхъ тѣлъ, являвшееся, по представленію древнихъ индусовъ, въ видѣ получеловѣка съ головою дракона. Вмѣстѣ съ буддизмомъ такое понятіе о Ра̄ху перешло теперь и ко всѣмъ народамъ средней Азіи, исповѣдующимъ эту вѣру. По началу Ра̄ху былъ асӯра, или титанъ, который во время волненія моря и произведенія амриты замѣшался въ число боговъ для того, чтобы получить свою долю напитка, дающаго безсмертіе. Въ моментъ, когда онъ подносилъ свои губы къ амритѣ, солнце и луна освѣтили его и показали Вишну, который ударомъ своего диска разсѣкъ ему голову. Божественный напитокъ сдѣлалъ асӯра безсмертнымъ но голова его, съ цѣлью мщенія, время отъ времени бросается теперь на солнце и луну, чтобы поглотить ихъ. Таково по индійской миѳологіи происхожденіе затмѣній.

2) Ракша̀съ, въ просторѣчіи монголо-калмыковъ, абурга̀съ,—родъ злобныхъ геніевъ, имѣющихъ много различныхъ видовъ. Одни изъ нихъ являются въ формѣ великановъ, другіе представляются людоѣдами, вампирами, жадными до человѣческихъ тѣла и крови. Водятся они по преимуществу въ лѣсахъ и на кладбищахъ.

3*

новъ. Такой-то ха̄нъ подчинилъ себѣ населеніе пяти провинцій мѣстности, находившейся при р. Гангѣ и называвшейся Та̀къ; по возвращеніи же его правители этого населенія, отправляя своихъ пословъ къ августѣйшему повелителю десяти странъ, приказывали имъ такъ: «ступайте, и такъ доложите августѣйшему Гэсэ̄ръ-ха̄ну, повелителю десяти странъ: изъ Докӯръ тӣба пришелъ Андалма̀-ха̄нъ; пришелъ, говоря: «есть ли на этомъ мірѣ ха̄нъ выше меня!» и подчинилъ насъ; мы, въ силу невозможности воевать, вошли въ его подданство; богатырей его, говорятъ 3000; предводителей его, говорятъ, 360; верховая лошадь его, говорятъ, желто-пѣгій конь, величиною съ гору; кочевье его, говорятъ, на Докӯръ тӣбѣ; дойти до него, говорятъ, можно въ 15 лѣтъ; такъ и доложите!» — Дали они ста посланцамъ, предводительствуемымъ тремя нойонами, каждому по сту мериновъ и сказали: «поѣзжайте вы день и до полуночи и оттуда пріѣзжайте по истеченіи трехъ лѣтъ. Разстояніе между этими двумя землями было девять лѣтъ ѣзды. Двинулись эти сто человѣкъ по направленію къ землѣ Гэсэ̄ръ-ха̄на и добрались по истеченіи трехъ лѣтъ; остановились передъ золотымъ дворцомъ августѣйшаго повелителя 10 странъ, сдѣлали девять девятковъ поклоновъ и всѣ дворовые люди того народа, увидавъ ихъ колѣнопреклоненными, дивились между собою, говоря: «батюшки, изъ какой страны это народъ?!» Увидавши этихъ людей, Гэсэ̄ръ-ха̄нъ послалъ спросить: «какой страны вы люди и зачѣмъ пришли сюда?!» Посолъ спросилъ по приказу Гэсэ̄ръ-ха̄на. Тѣ люди отвѣчали: «мы изъ мѣстности, находящейся при рѣкѣ Гангѣ и называемой Та̀къ. Наши повелители отправили насъ послами, приказавъ доложить рѣчи августѣйшему повелителю десяти странъ. Изъ Докӯръ тӣба пришелъ ха̄нъ, именуемый Андалма̀, съ 3000 богатырей, 360-ю предводителями и съ 33,300,000 войска. Сдѣлавъ нападеніе и подчинивъ населеніе нашихъ пяти провинцій, онъ говорилъ: «есть ли въ этомъ царствѣ ха̄нъ выше меня?!» — мы же, въ силу невозможности сражаться, не сражались. Проводивъ этого ха̄на обратно, мы послали, приказавъ доложить (о случившемся) августѣйшему повелителю десяти странъ». Послы доложили все сполна и подробно передъ августѣйшимъ.

Тогда августѣйшій повелитель десяти странъ приказалъ придти и собралъ тридцать своихъ богатырей и всѣмъ имъ сказалъ августѣйшій: «Знаете ли вы всѣ? Говорятъ о нашемъ населеніи пяти провинцій мѣстности, находящейся у береговъ р. Ганга и называемой Та̀къ, что пришелъ изъ Докӯръ тӣба ха̄нъ, по имени Андалма̀, подчинилъ себѣ тотъ нашъ народъ и ушелъ. Что съ этимъ дѣлать?!» Всѣ тридцать богатырей отвѣчали: «Августѣйшій нашъ, вѣроятно, самъ вѣдаетъ!» Какъ сказали, — богатырь Шӯмаръ: «батюшки», говоритъ, «какое прекрасное

слово!» и покатился со смѣху; а служившій даргòю Буянтàкъ, удерживая его, сказалъ: «Эй, Шŷмаръ мой, чего ты въ одиночку смѣешься? Постой, подождемъ слова своего августѣйшаго, а потомъ поговоримъ!» Повелитель десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ, тотчасъ же, изслѣдовавъ Андалмà-ха̄на, говоритъ: «Эй, богатыри, знаете ли вы? Находящійся на Докŷръ тӥбѣ пятнадцатиголовый Андалмà — воплощеніе абурга̄са Въ верхней части своего тѣла онъ имѣетъ 10,000 глазъ, 10,000 рукъ и одаренъ тѣломъ Ра̄ху; въ срединной части своего тѣла онъ снабженъ (тѣломъ) четырехъ еретическихъ геніевъ, а въ нижней части тѣла исполненъ силами восьми ракша̀совъ; ничто не можетъ взять его, онъ воплощеніе пятнадцатиголоваго ракша̀са. Лошадь, на которой онъ ѣздитъ, — желто-пѣгій конь, одаренный силою тринадцати драконовъ; при каждомъ своемъ превращеніи онъ принимаетъ на себя семьдесятъ одинъ видъ; домъ, въ которомъ онъ живетъ, — трехбашенный городъ; жена его — прелестная ханьша, по имени Бàдма-ра̄га, обладаетъ красотою, превосходящею свѣтъ золотыхъ солнца и луны; вообще же, въ силу дальности разстоянія, я не узналъ его какъ слѣдуетъ». Говорятъ ему богатыри: «О, вѣроятно же пойдетъ (на него) повелитель десяти странъ, родившійся для того, чтобы пресѣчь корень десяти золъ, благодѣтельный и августѣйшій нашъ! Уже ли же мы будемъ бояться этого черта, потому что онъ очень силенъ?!» Нанза̀нъ и Шŷмаръ, преклонивъ колѣна, говорятъ августѣйшему повелителю десяти странъ: «О, счастливый и августѣйшій нашъ, произносящій рѣчи, способныя удовлетворить девять пожеланій! О, донрòбъ августѣйшій нашъ, превозмогающій всѣхъ злобныхъ десяти странъ! Что было бы, если бы сѣлъ ты на своего умнаго, гнѣдаго коня, надѣлъ свои приготовленные, драгоцѣнные, военные доспѣхи, приказалъ слѣдовать за собою своимъ готовымъ тридцати богатырямъ, да поскорѣе отправился?». И съ этими словами они поклонились августѣйшему. Улыбнулся на это Гэсэ̀ръ и сказалъ: «О, ястребъ людей, Шŷмаръ мой—подожди! О, когти смертоноснаго ястреба, пятьнадцатилѣтній, драгоцѣнный силачъ Нанза̀нъ мой, — подожди!» Такъ сказавши, онъ продолжалъ: «А сколько есть у насъ теперь войска?» Бывшій предводителемъ праваго крыла и знавшій языки шести родовъ одушевленныхъ существъ, переводчикъ Буянтàкъ, преклонивъ колѣна, сказалъ: «пошли десять пословъ къ ха̄намъ десяти странъ; слѣдуетъ объявить имъ, чтобы, взявъ по десятку сотенъ тысячъ своихъ воиновъ, каждый изъ нихъ шелъ бы цѣлый день и до полуночи и собрались бы они на Цэцэктŷ-талà (цвѣтной долинѣ). Когда эти войска соберутся, то августѣйшій, взявши своихъ солдатъ, можетъ двинуться въ походъ. Повелитель десяти странъ, августѣйшій одобрилъ эти слова и отправилъ пословъ къ ха̄намъ десяти странъ. Между

тѣмъ богатырь Шӯмаръ, сѣвъ на своего воронаго коня за̀нъ-хайса̀нъ, всунулъ свой ужасный, черный лукъ, у котораго была бронзовая тетива въ сто восемь слоевъ и тысяча пятьсотъ роговыхъ наконечниковъ, опоясалъ свой черный колчанъ-арха̀тъ, вложилъ своихъ восемьдесятъ восемь стрѣлъ-ханга̀й, одѣлъ свои блестяще-цвѣтныя латы, пристягнулъ свой девятисаженный, черный кинжалъ-моро̀лъ, пришелъ къ августѣйшему и сказалъ: «О, ужасъ десяти странъ, августѣйшій мой, въ ту пору какъ намъ говорятъ, что пришелъ исполненный силы пяти золъ, хубилга̀нъ двѣнадцатиголоваго мангӯса и завладѣлъ нашимъ населеніемъ пяти громадныхъ провинцій, будемъ ли мы медлить такимъ образомъ? Я отправлюсь впередъ и развѣдаю». — «О, мужественнѣйшій изъ мужчинъ, драгоцѣнный Шӯмаръ мой!» отвѣчалъ повелитель десяти странъ, августѣйшій: «Это твое (намѣреніе) совершенно правильно; теперь мы соберемъ войска и отправимся!» Когда 30 военачальниковъ и 300 богатырей узнали про то, что Шӯмаръ уѣхалъ, они сплотили свои разъединенныя о̀соби, одѣли свои пристегиваемые военные доспѣхи, и пришли, производя шумъ полныхъ десяти тысячъ солдатъ. Августѣйшій повелитель десяти странъ, вздрогнувши, говоритъ: «Батюшки, пришли, что ли, войска Андалма̀-ха̄на?!» А богатырь Шӯмаръ, «я вѣдь говорилъ вамъ, не это ли войска Андалмы?» сказалъ, ударилъ по ляжкѣ свою черную лошадь и, обнаживъ свой девятисаженный, черный кинжалъ, ринулся впередъ. Гэсэ̀ръ-ха̄нъ приподнялся, посмотрѣлъ и узналъ своихъ богатырей. Шӯмаръ между тѣмъ приближался безъ остановки [1]). Буянта̀къ увидалъ его и говоритъ: «Развѣ это не Шӯмаръ?» Съ этими словами онъ поѣхалъ впередъ, на встрѣчу къ нему и сказалъ: «О, мой Шӯмаръ, коли называть тебя барсомъ, такъ ты нападающій барсъ».— Шӯмаръ, узнавши Буянта̀ка, покатился со смѣху и сдержалъ свою лошадь. Нанза̀нъ говоритъ: «Эй Шӯмаръ мой, когда доберемся до войскъ Андалма̀-ха̄на, тамъ, по всей вѣроятности, и будетъ радость, при которой можно посмѣяться, а попусту, на степи, чего смѣешься?!» — Когда всѣ тридцать богатырей пришли къ августѣйшему, Нанза̀нъ и Шӯмаръ опять преклонили колѣна и сказали: «Августѣйшій мой повелитель десяти странъ, соблаговоли узнать: ужели тысячу превращеній пятнадцатиголоваго ха̄на мангӯсовъ, обладающаго семьдесятъ однимъ видомъ, не побѣдитъ нашъ, имѣющій природу одного тѣла, святой и августѣйшій Гэсэ̀ръ ха̄нъ? Зачѣмъ намъ утруждать эти многочисленныя войска? Кажется, августѣйшій пове-

---

1) По тексту, имѣющемуся у проф. Голстунскаго вм. [illegible] читается [illegible]

литель десяти странъ, приказавъ слѣдовать за собою намъ, тридцати военачальникамъ, да тремстамъ богатырямъ, можетъ и одинъ идти»?! Повелитель десяти странъ, августѣйшій Гэсэ̇ръ-ха̇нъ, одобривъ эти слова Нанза̇на и Шӯмара, спросилъ у Буянта̇ка, справедливы ли ихъ рѣчи, или нѣтъ. Буянта̇къ отвѣчалъ: «Августѣйшій повелитель десяти странъ, кажется, самъ знаетъ о томъ въ своей свѣтлости». Тогда Гэсэ̇ръ-ха̇нъ отложилъ свой походъ съ солдатами и возвратилъ подвластныя войска десяти странъ.

Теперь, родившійся для истребленія десяти золъ въ десяти странахъ, ужасный Гэсэ̇ръ-ха̇нъ, приказавъ слѣдовать за собою тремстамъ богатырямъ и тридцати военачальникамъ, двинулся въ направленіи къ пятнадцатиголовому ма̇нгӯсу. Разстояніе, которое надлежало проходить пятнадцать лѣтъ, августѣйшій повелитель десяти странъ рѣшилъ пройти въ двѣнадцать мѣсяцевъ, а 80-ти лѣтнему старцу Царгӣну сказалъ: «Завѣдуй ты дома народомъ и скотомъ». Говоритъ Царгӣнъ: «Теперь хоть бы и еще я прожилъ 80 лѣтъ, а не увидать мнѣ такого большаго праздника! Говорятъ, будто встарину отецъ твой Хормуста̇-тэнгрѝ сказалъ, что послѣ твоего отшествія въ міръ, будетъ два великихъ сраженія: одно изъ нихъ съ тремя ха̄нами злобныхъ Шарайго̄ловъ, а другое — это. Августѣйшій мой, предстоящее мое — близко, а прошедшее мое — далеко; возвратившись съ этого великаго праздника, какой еще увижу я праздникъ? Батюшка, августѣйшій мой, не запрещай мнѣ, я пойду вмѣстѣ съ вами!» съ этими словами старецъ Царгӣнъ заплакалъ. Августѣйшій повелитель десяти странъ не вынесъ слезъ Царгӣна и самъ проливаетъ слезы. Пришелъ Нанцза̇нъ и говоритъ: «ты не слушаешься приказаній господина августѣйшаго?! Если пойдешь домой — что будетъ?» Отвѣчалъ старецъ Царгӣнъ: «Знаешь ты, пятнадцатилѣтній, единородный Нанза̇нъ мой, состарился я, твой 80-ти лѣтній старецъ-дядюшка; соловый конь мой, за̇нъ, сталъ безсиленъ чтобы пережевывать траву; бѣлоголовый старецъ, отецъ твой, сталъ безсиленъ, чтобы держать палку! Побуду я на этомъ праздникѣ передъ повелителемъ десяти странъ, своимъ батюшкой августѣйшимъ, да передъ тобою, своимъ пятнадцатилѣтнимъ и единороднымъ!» При такихъ рѣчахъ его всѣ богатыри растрогались и расплакались. Августѣйшій повелитель десяти странъ снялъ свою исподнюю жемчужную рубашку и отдалъ ее старцу Царгӣну.—Приказавъ надѣть ее, онъ сказалъ: «О мой дядюшка Царгӣнъ! Все это твое — правда; но развѣ ты не слушался когда моихъ словъ? Воротись и управляй моимъ народомъ; живи, служа опорою моего яшмоваго, великаго правленія!» Говоритъ старецъ Царгӣнъ: «Правда твоя, батюшка, августѣйшій мой: съ малолѣтства не преступавшій твоихъ приказаній старецъ Царгӣнъ, уклонюсь ли я отъ твоего слова при своей старости?! Твердыя кости мои разслабились,

черная кровь моя разжидилась, жалкое тѣло мое состарилось; поэтому-то и думалъ я умереть, вступивъ передъ всѣми вами въ ряды непріятелей; но, послѣ того какъ запрещаетъ мнѣ это мой августѣйшій батюшка, я — нечего дѣлать—рѣшаюсь воротиться». Такъ сказавши, старецъ Царгѝнъ воротился со слезами.

Повелитель десяти странъ августѣйшій Гэсэ̀ръ, предпринявъ движеніе на мангу̀са, послалъ развѣдчиками Буянта̀ка и Ула̄нъ-ниду̀на, причемъ далъ имъ такое приказаніе: «Отправляйтесь вы и, доѣхавъ до границъ Андалма̀-ха̄на, скажите: повелитель этого міра, Гэсэ̀ръ-ха̄нъ, предпринялъ походъ съ войсками и идетъ, чтобы отрубить по одиночкѣ всѣ 15 головъ 15-ти головаго ха̄на мангу̀совъ». Буянта̀къ и Ула̄нъ-ниду̀нъ: «Ла̀дно!» говорятъ и, вышедши съ радостью, поѣхали. Доѣхавши, Буянта̀къ и Ула̄нъ-ниду̀нъ крикнули такъ, что земля поколебалась и погнали десять тысячъ бѣлыхъ мериновъ у пастуховъ десяти тысячъ бѣлыхъ табуновъ Андалма̀-хана. Андалма̀-ха̄нъ говоритъ: «Кто это, издавшій такой крикъ, что земля поколебалась? Въ этихъ мѣстахъ нѣтъ никого, кто осмѣлился бы придти ко мнѣ! Развѣ пришелъ Хормуста̀-ха̄нъ?» Тѣмъ временемъ прибыли пастухи и тайши и доложили ха̄ну: «Пришла толпа разбойниковъ и грабительски угнала нашихъ десять тысячъ мериновъ. Ха̄нъ спрашиваетъ: «А какъ велико было войско?» — «Шумъ, съ которымъ они скакали, былъ какъ будто отъ десяти тысячъ солдатъ, а на взглядъ ихъ было какъ будто только двое», — такъ отвѣчали они Андалма̀-ха̄ну. «О, бѣда», — сказалъ Андалма̀, — «это были развѣдчики злобнаго Гэсэ̀ра!» — Потомъ онъ далъ двумъ своимъ богатырямъ Арха̄й'ю и Шарха̄й'ю тысячу солдатъ и сказалъ: «Поскорѣе догоните ихъ и не убивайте, а захватите живыми и пригоните свой табунъ». Оба богатыря взяли тысячу солдатъ и поѣхали въ догонку.

Буянта̀къ и Ула̄нъ-ниду̀нъ, гоня свой табунъ, въѣхали на вершину горы Арсала̀нъ-ӯла и, выбравъ изъ табуна одну лошадь, убили ее и стали совершать поклоненіе небу и молиться генію-хранителю своего августѣйшаго повелителя десяти странъ. Въ это время Буянта̀къ услышалъ лошадиный топотъ и, сѣвши верхомъ на своего крѣпкаго бѣлаго коня, въѣхалъ на вершину Арсала̀нъ-ӯлы; глядь, — и видитъ, что ѣдутъ тысяча человѣкъ, во главѣ съ двумя богатырями Арха̄й'емъ и Шарха̄й'емъ. «Батюшка ты мой, Ула̄нъ-ниду̀нъ», говоритъ онъ, «непріятели подъѣхали, садись на лошадь!»—Ула̄нъ-ниду̀нъ покатился со смѣху, вспрыгнулъ на свою лошадь и съ словами: «гдѣ, гдѣ?!» поѣхалъ кверху. Бывшій даргѐю Буянта̀къ, удерживая его, сказалъ: «мой Ула̄нъ-ниду̀нъ, берегись, какъ бы не быть тебѣ одураченнымъ иноземнымъ непріятелемъ, и не опозорить тебѣ свое любезное имя». «О дядюшка Буянта̀къ», отвѣчалъ Ула̄нъ-ниду̀нъ, «на такомъ-то войскѣ мы

попадемъ въ просакъ?!» Съ этими словами онъ просѣкъ ударомъ ляжку своей сѣрой лошади, быстрой какъ ястребъ, обнажилъ свой черный кинжалъ, раскрылъ свой ротъ во все лицо, повернулъ своими красными глазами, величиною въ чашку, и съ крикомъ началъ наступать. Буянтàкъ также просѣкъ ударомъ ляжку своего крѣпкаго, бѣлаго коня, обнажилъ свой булатный мечъ и съ крикомъ поскакалъ. Богатыри Архàй и Шархàй вздрогнули и потеряли присутствіе духа. «Да вѣдаетъ геній-хранитель нашего августѣйшаго Гэсэра, повелителя десяти странъ!» сказали Буянтàкъ и Улāнъ-нидӯнъ и при этихъ словахъ Буянтàкъ отрубилъ прикрытую шлемомъ голову Архàй-бāтура и привѣсилъ ее въ видѣ кисти на нагрудный ремень отъ сѣдла у своей лошади; а Улāнъ-нидӯнъ отсѣкъ одѣтую въ панцырный нарукавникъ руку Шархàй-бāтура и, положивъ его поперекъ своей лошади, началъ выѣзжать. «Голубчикъ мой, Улāнъ-нидӯнъ», сказалъ Буянтàкъ, «не убивай его!» самъ же съ двухъ только взмаховъ меча перерубилъ тысячное войско. Шархàй-бāтура не убили, но захватили его живымъ и начали допрашивать. Передавши въ подробности все, что приказалъ имъ Андалмà-хāнъ, онъ сталъ кланяться, говоря: «О, любезные мои, соизвольте спасти мою жизнь!» — «Батюшка мой», отвѣчалъ Буянтàкъ, «такія великія слова къ намъ не подходящи, они приличны, пожалуй, для нашего августѣйшаго повелителя десяти странъ! Мы спасемъ тебя и тогда, когда ты просишь спасти, спасли бы и тогда, если бы ты просилъ не спасать. Поѣзжай въ цѣлости и сохранности и такъ скажи своему хāну: «Повелитель міра, Гэсэръ-хāнъ идетъ со своими страшными богатырями, идетъ, двинувъ въ походъ войска и съ намѣреніемъ отрубить по одиночкѣ каждую изъ 15 головъ пятнадцатиголоваго Андалмы-хāна, а все, что есть у него, забрать въ добычу. Мы—два прислужника Гэсэра. Гэсэръ-хāнъ послалъ насъ, чтобы произвести развѣдки и сообщить вамъ эти вѣсти. Такъ и скажи своему хāну!» За симъ они заткнули за поясъ его руки и отправили. Такъ какъ они привязали Шархàя къ его богатырской лошади, то, доѣхавъ, онъ сказалъ своему хāну: «Охъ, какъ отправились мы, такъ дѣйствительно оказалось только два человѣка; а какъ начали сражаться, такъ оказались они сильнѣе полныхъ десяти тысячъ воиновъ. Они сказали: «Такъ доложи своему хāну, — повелитель этого міра, Гэсэръ-хāнъ, приближается, двинувъ въ походъ своихъ страшныхъ богатырей и съ намѣреніемъ убить пятнадцатиголоваго Андалмà-хāна, а все, что есть у него, захватить въ добычу. Мы два прислужника Гэсэра; онъ послалъ насъ, приказавъ передать вамъ эти слова, и произвести развѣдки». На такія рѣчи Андалмà-хāнъ всплеснулъ руками и сказалъ: «А, вы два богатыря отправились во главѣ тысячнаго войска, сражались только съ двумя человѣками, и воротились безъ рукъ и безъ ногъ,—это что же значитъ?»

Убивъ своего богатыря на томъ самомъ мѣстѣ, Андалма̀-ха̄нъ ударилъ въ большой свой барабанъ и собралъ большую тьму своихъ родовъ, ударилъ въ малый свой барабанъ,—собралъ малую тьму своихъ родовъ. Стоя среди трехъ тысячъ богатырей, трехсотъ шестидесяти предводителей и всего войска, онъ сказалъ: «Эй, знаете ли вы? Говорятъ, на насъ идетъ, двинувъ свои войска, злобный Гэсэ̄ръ-ха̄нъ. Напередъ пришли только два человѣка и угнали нашихъ десять тысячъ бѣлыхъ мериновъ. Я послалъ вслѣдъ за ними тысячное войско, подъ предводительствомъ Арха̀й'я и Шарха̀й'я; но они избили этихъ моихъ тысячу солдатъ съ двумя богатырями во главѣ и угнали десять тысячъ моихъ мериновъ. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Всѣ богатыри молчатъ. «Что же вы молчите?» продолжалъ ангійнъ-ха̄нъ[1]). Хата̀нъ-хара̀-ба̄туръ, состоявшій начальникомъ праваго крыла, отвѣчалъ: «если бы мы не овладѣли воровскимъ образомъ злобнымъ народомъ мѣстности, именуемой Та̀къ, то откуда пришелъ бы къ намъ этакой непріятель? Говорятъ, что Гэсэ̄ръ, въ верхней части своего тѣла исполненъ буддъ десяти странъ; въ средней части тѣла онъ, говорятъ, одаренъ силами четырехъ великихъ тэнгріевъ и ста восьми рагйни; а въ нижней части тѣла обладаетъ силами восьми ха̄новъ драконовъ. Если злобный Гэсэ̄ръ-ха̄нъ дѣйствительно отправилъ на насъ войска, то, кажется, намъ покоиться — не порядокъ». За̄нъ-тӯшимэ̀ль, состоявшій начальникомъ лѣваго крыла и бывшій первымъ изъ трехсотъ шестидесяти предводителей, сказалъ: «Если Гэсэ̄ръ имѣетъ такія воплощенія, то у нашего ха̄на такихъ воплощеній нѣтъ; намъ нужно бы поскорѣе двинуться въ походъ и выступить къ нему на встрѣчу. Ангійнъ-ха̄нъ, одобривъ эти слова, сѣлъ на свою желто-пѣгую лошадь, одаренную силами тринадцати драконовъ и величиною съ гору, одѣлъ свои девятерныя латы, именовавшіяся «камнемъ», и, взявши всѣ свои войска, выѣхалъ на встрѣчу изъ своего трехсотъ-башеннаго города.

Тою порою Буянта̀къ и Ула̄нъ-нидӯнъ пригнали десять тысячъ мериновъ простыхъ, да тысячу мериновъ одѣтыхъ въ латы и, представивъ ихъ повелителю десяти странъ, августѣйшему Гэсэ̄ръ-ха̄ну, доложили: «Когда мы, отправившись по приказанію своего августѣйшаго, гнали десять тысячъ мериновъ ангійнъ-ха̄на, сзади догнала насъ тысяча солдатъ, предводительствуемыхъ двумя богатырями ангійнъ-ха̄на, Арха̀й'емъ и Шарха̀й'емъ. Двинувшись къ нимъ на встрѣчу, мы, съ молитвою къ геніо-покровителю своего августѣйшаго повелителя десяти странъ, выступили впередъ; одного

---

1) Ангійнъ — отъ слова «ангй»—часть, удѣлъ; т. е. удѣльный ха̄нъ. Андалма̀ называется такъ въ отличіе отъ Гэсэ̄ръ ха̄на, который почитается міровымъ владѣтелемъ.

богатыря и тысячу солдатъ убили; у другаго богатыря отсѣкли обѣ руки, потомъ, заткнувши ихъ ему за поясъ, привязали его къ его лошади, и, передавъ ему въ совершенной полнотѣ и подробностяхъ наказъ августѣйшаго, отправили его дальше, къ его хāну, а сами прибыли сюда».—«Всѣ наши предпріятія и намѣренія выполняются: Буянтàкъ и Улāнъ-нидӯнъ прибыли, совершивъ свое дѣло!» сказалъ августѣйшій повелитель десяти странъ; засимъ онъ какъ слѣдуетъ раздѣлилъ одиннадцать тысячъ мериновъ, приговаривая: «добрый знакъ, хорошо!» и направился далѣе. Увидавши за три мѣсяца ѣзды туманное очертаніе трехсотъ-башеннаго города Андалмà-хāна, августѣйшій повелитель десяти странъ сказалъ: «Батюшки, видите ли вы? Вѣдь это городъ Андалмà-хāна!» Съ этими словами онъ натянулъ золотыя поводья своего умнаго, гнѣдаго коня и поѣхалъ рысью, временами сбиваясь вскачь. Всѣ богатыри очень обрадовались: «гдѣ, гдѣ!» говорятъ и пустили поводья своихъ лошадей. Догоняя Гэсэ̀ръ-хāна, они представили собою очертаніе массы войскъ въ десятокъ билліоновъ, десятокъ милліоновъ и десятокъ сотенъ тысячъ. Андалмà-хāнъ, увидавши, оробѣлъ: «Батюшки, батюшки», говоритъ, «это что такое, какъ будто землетрясеніе?! Какъ помѣстились эти громадныя, прибывшія войска?!»

Повелитель десяти странъ, Гэсэ̀ръ-хāнъ, такъ говорилъ всѣмъ своимъ богатырямъ: «Ну, слушайте всѣ вы, богатыри мои, одаренные тѣломъ крѣпкимъ какъ сталь и сердцемъ крѣпкимъ какъ черный камень. Силы иноземныхъ враговъ—громадны. Всякаго непріятеля вы схватывайте и рубите. Когда крѣпость ваша ослабѣетъ, молитесь, поминая меня:—я вѣдь Гэсэ̀ръ-хāнъ, снабженный десятью силами и восполню вашу мочь! Если, вспоминая меня, вступите вы въ ряды неимовѣрно сильнаго непріятеля, то я вѣдь богатырь Гэсэ̀ръ-хāнъ, могущій закалить ваши сердца! Если, подвернувшись подъ остріе закаленнаго оружія, вы будете ранены, молитесь, вспоминая меня: я вѣдь цѣлитель Гэсэ̀ръ-хāнъ, и ваши раны съ порѣзами уврачуются сами собою. Когда вы вступите въ ряды чуждыхъ враговъ, приведете въ надлежащее состояніе свое закаленное сердце, запечется ваша кровь и вы почувствуете жажду, молитесь, поминая меня: я вѣдь Гэсэ̀ръ-хāнъ, напояющій цѣлебною водою, способною утолить вашу жажду!» Такъ говорилъ онъ и всѣ богатыри въ справедливой радости сказали: «О, нашъ ужасный августѣйшій, родившійся для того, чтобы пресѣчь корень десяти золъ въ десяти странахъ! Есть ли благодать помимо тебя?!» и поклонились ему въ ноги.

Августѣйшій повелитель десяти странъ, одобривъ все совершившееся, сѣлъ на своего умнаго, гнѣдаго коня, надѣлъ на свою драгоцѣнную голову шлемъ, на которомъ рядомъ были изображены солнце и луна, надѣлъ свои,

подбитыя семью драгоцѣнностями латы, кубоваго цвѣта, вложилъ тридцать бѣлыхъ своихъ стрѣлъ съ яшмовыми зазубринами, пристегнулъ свой девятисаженный черный кинжалъ, всунулъ свой ужасный, черный лукъ «билигїйнъ» и направился на хāна абургāсовъ, именуемаго пятнадцатиголовымъ Андалмà. Загрохоталъ тогда повелитель десяти странъ Гэсэ̄ръ-хāнъ какъ тысяча громовъ; отъ макушки его протянулась девятицвѣтная радуга; изъ обѣихъ ноздрей протянулось, достигая до неба, пламя премудрости; со лба своего онъ извлекъ изображеніе божества Махакāлы; изъ поръ своей макушки выпустилъ пять рѣющихъ въ полетѣ гарйди; выхватилъ свой мечъ съ такою силою, что отъ него разсыпался искрами огонь премудрости, и двинулся. Въ ту-же пору изъ каждаго волоса служившаго ему подъ верхомъ, умнаго, гнѣдаго коня засверкалъ огонь, изъ обѣихъ ноздрей его повалилъ клубами дымъ, изъ подъ четырехъ копытъ заблисталъ искрами огонь. Тридцать богатырей Гэсэ̄ра, хāна десяти странъ, подпрыгивая, сѣли на своихъ крылатыхъ коней, одѣли свои разныя боевыя украшенія и, въ необычайной радости, какъ будто нашли они необыкновенную драгоцѣнность чиндаманй, стали наступать со словами: «пошелъ, пошелъ!» Впереди всѣхъ двинулся ястребъ людей Шӯмаръ: онъ накинулъ себѣ на плечи свои блестяще-цвѣтныя латы; всунулъ свой ужасный, черный лукъ, у котораго (тетива) была сплетена изъ 108 бронзовыхъ нитей и было тысяча пятьсотъ роговыхъ наконечниковъ; опоясалъ свой черный колчанъ-архàтъ; вложилъ восемьдесятъ восемь своихъ черныхъ стрѣлъ съ тупыми наконечниками, у которыхъ перья были пригнетены при посредствѣ двѣнадцати мѣдныхъ пластинокъ; пристегнулъ свой девятисаженный черный кинжалъ-моро̀лъ, сѣлъ на свою вороную лошадь зāнъ-хайсàнъ и двинулся, загрохотавъ какъ двацать громовъ. Въ эту пору изъ макушки Шӯмара протянулась пятицвѣтная радуга и появилось изображеніе бурхàна Очйръ-вāни. Какъ поѣхалъ онъ, блистая огненными искрами изъ подъ четырехъ копытъ своей вороной лошади зāнъ-хайсàнъ, Нанзàнъ трижды крикнулъ ему: «эй постой, постой, постой»; но онъ не слушалъ, пустилъ свободно поводья своей вороной лошади зāнъ-хайсàнъ, обогналъ августѣйшаго повелителя десяти странъ, да какъ ринулся въ припрыжку на удѣльнаго хāна, такъ небо и земля какъ будто слились воедино. Увидавши, что Шӯмаръ подъѣзжаетъ впереди всѣхъ предводителей, Хатàнъ-харà, богатырь Андалмà-хāна, сѣлъ на свою вороную лошадь, величиною съ гору, одѣлъ свои латы, именуемыя «харбӯ», взялъ свою трехсаженную черную пику, и, выѣхавъ на встрѣчу Шӯмару, ожидалъ его. Когда они сошлись, то Хатàнъ-харà, увидавъ изображеніе Очйръ-вāнійнъ гэгэ̄на, находившееся на макушкѣ Шӯмара, оробѣлъ и не имѣлъ силъ ударить; а богатырь Шӯмаръ, схватилъ свой черный кинжалъ «моро̀лъ», отсѣкъ имъ

одѣтую въ шлемъ голову Хата̀нъ-хара̀-ба̄тура и, привѣсивъ ее въ видѣ кисти на нагрудный ремень у сѣдла своей лошади, вытянулъ свой девятисаженный черный кинжалъ въ мѣру девяностадевяти саженей. Двинувшись на три билліона, три милліона и три сотни тысячъ войска Андалма̀-ха̄на, онъ проѣхалъ черезъ строй ихъ, отмахиваясь, и отмахалъ десять тысячъ воиновъ. Оглянувшись назадъ и увидавъ, что августѣйшій повелитель десяти странъ, въ сопровожденіи своихъ тридцати богатырей, издавая звуки тысячи страшныхъ громовъ, хочетъ вступить въ сраженіе, Шӯмаръ одинъ перерубилъ тридцать тысячъ войска и присоединился къ своимъ богатырямъ. Повелитель десяти странъ, Гэсэ̀ръ-ха̄нъ, вытянулъ свой кинжалъ-кюрюнчи̂, сдѣлавъ его имѣющимъ лезвіе въ 1500 саженей. Рубя при каждомъ взмахѣ по десяти тысячъ воиновъ, Гэсэ̀ръ-ха̄нъ перерубилъ одинъ билліонъ и одну сотню тысячъ съ одной тысячей солдатъ; переводчикъ Буянта̀къ перерубилъ десять сотенъ тысячъ солдатъ; пятнадцатилѣтній могучій Нанза̀нъ перерубилъ десять сотенъ тысячъ съ пятью десятками тысячъ солдатъ, Ба̀рсъ-богатырь убилъ восемь десятковъ тысячъ; сынъ Шӯмаровъ Ула̄нъ-нидӯнъ перерубилъ десять тысячъ съ одною тысячей солдатъ; сынъ Амбӯровъ Байлзӯръ убилъ шесть десятковъ тысячъ солдатъ; сынъ Бадма̀ровъ Бакши̂-урчжи̂нъ убилъ восемь десятковъ тысячъ солдатъ; прочіе богатыри, перерубивъ по пяти, по четыре, по три, по два и по одному десятку тысячъ солдатъ, собрались къ августѣйшему.

Когда всѣ богатыри, собравшись передъ августѣйшимъ, начали счетъ, не оказалось одного только Шӯмара. «Гдѣ нашъ батюшка Шӯмаръ, не убилъ ли его Андалма̀-ха̄нъ», говорили всѣ въ печали, но, въ то самое время, какъ докладывали они объ этомъ Гэсэ̀ръ-ха̄ну, изъ войскъ Андалма̀-ха̄на прибылъ Шӯмаръ: вороная лошадь его за̄нъ-хайса̀нъ, на которой онъ поѣхалъ верхомъ, сдѣлалась кроваво-рыжею и надѣтыя на немъ блестяще-цвѣтныя латы сдѣлались огненно-красными; хотя̀ и не́хотя, понуждая шагнуть свою лошадь разъ, два, онъ нерѣшительно подъѣхалъ[1]) и такъ сказалъ: «Что вы ѣсть, или пить захотѣли, почему вы такъ скоро собрались?!» Такъ говоря, онъ, громко смѣясь, подъѣхалъ и сѣлъ передъ августѣйшимъ. «Я бы», говоритъ, «и не пріѣхалъ, но, увидавъ своего августѣйшаго повелителя десяти странъ, еле еле выбрался!» — «О, ястребъ людей, черно-сердечный Шӯмаръ мой, сколько убилъ ты человѣкъ?» спросилъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ. «Ахъ мой августѣйшій, я, торопясь, успѣлъ перерубить только одинъ милліонъ, да одну сотню

---

1) По списку проф. Голстунскаго: [illegible].

тысячъ и пріѣхалъ», отвѣчалъ Шӯмаръ. «Сколько же теперь осталось?» спросилъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ. «Какъ слѣдуетъ я не считалъ», отвѣчалъ Шӯмаръ, но, вѣроятно, что войска его осталось теперь 3 милліона и 300 тысячъ. Повелитель десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ сказалъ: «Теперь я вкусилъ своей животворной пищи и нѣжное тѣло мое отдохнуло, поѣдемъ!» и съ этими словами августѣйшій повелитель десяти странъ направился противъ Андалма̀-ха̄на; прочіе же богатыри выступили какъ крылья. Повелитель десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ и Андалма̀-ха̄нъ направились одинъ противъ другаго. Гэсэ̀ръ-ха̄нъ срубилъ пять головъ удѣльнаго ха̄на мечемъ-кӯрӯнчѝ; но онѣ тотчасъ же приняли свое надлежащее положеніе на тѣлѣ. Между тѣмъ чиновникъ Андалма̀-ха̄на, именуемый За̄нъ, вырвалъ съ корнемъ громадное дерево, которое было не въ обхватъ и пяти человѣкамъ, да и пошелъ бить имъ на ту и на другую сторону. Шӯмаръ и Нанза̀нъ, подъѣхавъ сзади, едва могли убить его. Повелитель десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ снова срубилъ пять головъ Андалма̀-ха̄на; но когда онѣ опять оказались также точно здоровыми на своемъ тѣлѣ, то онъ положилъ обратно свой мечъ и остановился. Въ то время Андалма̀ перерубилъ Гэсэ̀ръ-ха̄на отъ лѣваго плеча до подошвы, но раздѣлившееся на двѣ отдѣльныя части тѣло августѣйшаго повелителя десяти странъ въ одно мгновеніе исцѣлилось. «Эге! этого хана я убить не могу!» сказалъ Гэсэ̀ръ.

Съ этими словами онъ сталъ творить молитву передъ своими тремя побѣдоносными матерями: «Благодѣтельныя и побѣдоносныя три мои матушки, дружественные и святые три мои тэ̀нгрія! По повелѣнію своего родителя, верховнаго Хормусты̀, явился я, чтобы помочь одушевленнымъ существамъ міра. Истребляя корень десяти золъ, и низвергая злодѣевъ десяти странъ, я не вступалъ еще въ сраженіе съ такимъ сильнымъ врагомъ!» Три побѣдоносныя его матери, услыхавъ этотъ голосъ, доложили объ этомъ Хормуста̀ тэ̀нгрію и Хормуста̀ тэ̀нгри сказалъ: «Да, я говорилъ, что послѣ отхода въ міръ моего Ӯйлэ̀ бӯтэ̄кчи, случатся два большихъ сраженія: одно изъ нихъ—настоящее. Кто же теперь пойдетъ?» — «Мы пойдемъ!» сказали три дружественные тэ̀нгрія; но, услыхавъ это, Зэсэ̀-шикѝръ отправился къ Хормустѣ и сказалъ: «Если у моего повелителя десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄на не хватило силы на пятнадцатиголоваго ха̄на абурга̀совъ, то въ такомъ случаѣ хотя-бы и пошли три дружественные тэ̀нгрія, все равно — силъ не хватитъ; пойду я и попытаю свое искусство: такъ какъ я прежде уже дѣйствовалъ въ мірѣ подъ руководствомъ своего августѣйшаго, то, вѣроятно, я буду посмышленѣе и поопытнѣе ихъ!» На такой докладъ Хормуста̀: «О, мой Зэсэ̀», говоритъ, «хорошо что ты идешь!» и остановилъ трехъ дружественныхъ тэ̀нгріевъ. Зэмсэ̀, прелестная супруга Зэсэ̀-шикѝра,

сказала: «прежде я разсталась съ августѣйшимъ повелителемъ десяти странъ, потомъ разстаюсь и съ тобою, Зэсэ̀, который сошелся со мною по волѣ рока! Куда я пойду и какую буду пить воду? Опять будетъ мучить меня безпокойствомъ злонамѣренный Цото̀нъ-нойо̀нъ. Я умру!» Съ этими словами, бросившись съ золотой колонны девятиэтажнаго дворца, она умерла и, возродившись въ царствѣ тэ̀нгріевъ, сочеталась съ Зэсэ̀.

Теперь Зэсэ̀-шикӣръ сѣлъ на своего крылатаго сѣраго коня, одареннаго крыльями восемнадцати драконовъ; возложилъ на свою драгоцѣнную голову свой шлемъ, именуемый «дӯрисхӯ»; надѣлъ свои латы, называвшіяся «сабадтӯ»; всунулъ свои бѣлыя стрѣлы съ яшмовыми драгоцѣнными зазубринами; вложилъ свой ужасный, черный лукъ «билигійнъ»; пристегнулъ свой девятисаженный булатный мечъ; взялъ свою прелестную супругу Зэмсэ̀ и сказалъ: «Ну, Хормуста̀ и всѣ прочіе, будьте здоровы и благополучны, а я отправляюсь къ своему августѣйшему повелителю десяти странъ!» — Спустившись изъ царства тэ̀нгріевъ книзу, въ міръ, Зэсэ̀-шикӣръ, оглядѣвшись по всѣмъ четыремъ сторонамъ на пространство пятидневной ѣзды, увидалъ, что Гэсэ̀ръ-ха̄нъ и Андалма̀ сошлись вмѣстѣ. Повернувшись, Зэсэ̀-шикӣръ поѣхалъ и говоритъ своей прелестной супругѣ Зэмсэ̀: «Этого ха̄на злобныхъ абурга̀совъ нельзя застрѣлить, разрубить и вообще лишить жизни (пораженіемъ) куда либо въ тѣло: одухотворяющая сила его находится между двухъ глазъ. Если подойти и выстрѣлить, — долго; мой августѣйшій повелитель десяти странъ изъ силъ выбьется!» Такъ говоря, онъ пустилъ свою стрѣлу съ пространства за пять дней ѣзды, прямо между глазъ Андалма̀-ха̄на. Такъ какъ онъ попалъ прямо въ жизненную точку, то ха̄нъ абурга̀совъ покачнулся какъ разсѣвшаяся гора и упалъ съ своей желтопѣгой лошади, бывшей величиною съ гору и исполненной силы тринадцати драконовъ. Августѣйшій повелитель десяти странъ Гэсэ̀ръ-ха̄нъ подумалъ: «не помогаютъ ли мнѣ три мои побѣдоносныя матушки?!» Онъ приподнялъ своею нагайкою «билигійнъ» желтопѣгую лошадь его, величиною съ гору, и какъ посмотрѣлъ, то и увидалъ, что между глазъ у него воткнулась стрѣла. Узнавши стрѣлу Зэсэ̀, онъ воскликнулъ: «это вѣдь стрѣла любезнаго Зэсэ̀», вытащилъ ее, обнялъ и заплакалъ. «Бѣлый лукъ твой съ драгоцѣнными яшмовыми зазубринами, съ желѣзкомъ изъ закаленной стали и цвѣта горнаго хрусталя, — вотъ онъ; гдѣ же теперь ты самъ, мужественнѣйшій изъ мужчинъ, драгоцѣнный Зэсэ̀-шикӣръ мой?!» Между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ восхвалялъ его, Зэсэ̀-шикӣръ пустилъ свободно поводья своего крылатаго сѣраго коня, выхватилъ свой булатный мечъ, размахивая имъ, гналъ въ безпорядкѣ, какъ овецъ, войска Андалма̀-ха̄на, развѣвалъ ихъ какъ пепелъ и подъѣхалъ. Августѣйшій повелитель десяти странъ, увидавъ своего старшаго брата, любезнаго Зэсэ̀-

шикӥра, не сходя съ своего воронаго коня, прыгнулъ, обнялся и заплакалъ. «Яшмовая скала моя, раздробляющая иноземныхъ враговъ моихъ, стальная моя наковальня, умягчающая все для меня жестокое, единомышленникъ моего чернаго тѣла, мужественный и любезный Зэсэ-шикӥръ мой, откуда пришелъ ты, мой батюшка?!», говорилъ онъ со слезами. «Батюшка мой, родившійся чтобы пресѣчь корень десяти золъ въ десяти странахъ», отвѣчалъ Зэсэ-шикӥръ, «послѣ того, какъ ты отправился въ страну двѣнадцатиголовыхъ мангӯсовъ, чтобы преслѣдовать свою прекрасную супругу Арулà, явились три завистливые шарайгōльскіе хāна и разграбили все, что у тебя было. Во время этого набѣга я, любезный братъ твой Зэсэ-шикӥръ, подумалъ: «батюшки, августѣйшаго моего нѣтъ дома» и, не жалѣя ни своего тѣла, ни своей жизни, пошелъ. Черная кровь моя запеклась, жалкое тѣло мое потеряло силы; я напился кровавой воды изъ Хатàнъ далàй'я, засимъ опьянѣлъ, упалъ и таково было мое пораженіе чуждымъ непріятелемъ. Послѣ сего я, по твоему повелѣнію, возродился и проживалъ у батюшки своего Хормусты̀. Въ это время пришли три мои побѣдоносныя матушки и сказали: «Миленькій нашъ, въ нижнемъ мірѣ взялъ своихъ богатырей, отправился походомъ на пятнадцатиголоваго хāна абургàсовъ и не можетъ убить его». Услыхавъ такія рѣчи, я отклонилъ намѣреніе трехъ дружественныхъ тэнгріевъ придти къ тебѣ, и, желая посвятить тебѣ, моему батюшкѣ августѣйшему, свои силы, пришелъ самъ». Когда онъ такъ сказалъ, то при звучномъ крикѣ августѣйшаго повелителя десяти странъ и Зэсэ-шикӥра земля трижды поколебалась. Повелитель десяти странъ, Гэсэръ-хāнъ, оставивъ своего любезнаго брата Зэсэ-шикӥра, успокоилъ землю. Всѣ, начиная съ Нанзàна и Шӯмара, пришли и стали обниматься съ Зэсэ-шикӥромъ.

Теперь, низвергнувъ пятнадцатиголоваго хāна абургàсовъ, Гэсэръ-хāнъ захватилъ въ добычу все его имущество. У Андалмà-хāна была прелестная супруга, по имени Бàдма-рāга, которая своимъ блескомъ помрачала свѣтъ солнца. Когда Шӯмаръ хотѣлъ взять ее, пятнадцатилѣтній силачъ Нанзàнъ сказалъ: «О, Шӯмаръ, пожалуй ее мнѣ, своему маленькому братцу». — «Если бы ты попросилъ какую нибудь другую вещь, то получилъ бы», отвѣчалъ Шӯмаръ, «теперь же, когда изъ всей добычи я захотѣлъ взять единственно эту женщину, ты завидуешь своему старшему брату?!» и не отдалъ. Такъ какъ она была настолько прекрасна, что могла овладѣть даже душами августѣйшихъ, то пришелъ Зэсэ-шикӥръ и сказалъ: «Во 1-хъ Андалмà-хāна убилъ я, а во 2-хъ, развѣ я не старшій вашъ братъ? Эту женщину возьму я!» — «Любезный Зэсэ», отвѣчалъ Шӯмаръ, «кажется, радъ своему старѣйшему имени: ужели, состязуясь со своими младшими братьями, ты возьмешь эту женщину?» Въ это время августѣйшій повели-

тель десяти странъ сказалъ: «Чего вы спорите объ этой женщинѣ? Если взять ее, такъ возьметъ кто нибудь изъ насъ двоихъ, или Зэсэ-шикиръ, или я; если же нѣтъ, то мы познаемъ ее и отдадимъ вамъ». Во время произнесенія этихъ словъ мечъ-кюрюнчи у августѣйшаго высунулся на половину. Августѣйшій повелитель десяти странъ сказалъ: «Почему высунулся ты, мечъ мой? Прежде, когда разъ высунулся ты, я снялъ голову двѣнадцатиголоваго мангуса; послѣ того, когда ты опять разъ высунулся, я снялъ головы трехъ шарайгольскихъ хановъ; послѣ того ты еще разъ высунулся и я снялъ голову у пятнадцатиголоваго Андалма; чью же голову желая получить, ты теперь высовываешься?» Съ этими словами онъ обнажилъ свой мечъ и отрубилъ имъ голову этой ханьшѣ. Зэсэ-шикиръ сказалъ: «О, мой августѣйшій, зачѣмъ ты зарубилъ эту женщину?» «Ахъ, Зэсэ-шикиръ мой», отвѣчалъ Гэсэръ, ужели ты не знаешь? Вѣдь мечу высовываться не порядокъ: если онъ высунется, такъ это знакъ, что онъ долженъ попасть на голову какого нибудь зловреднаго. Зэсэ мой, человѣкъ, который взялъ бы эту женщину, не можетъ сдѣлать ее своей женою. Зэсэ-шикиръ мой, ты самъ изслѣдуй и посмотри». Зэсэ-шикиръ, изслѣдовавъ, разрубилъ брюхо этой ханьшѣ своимъ булатнымъ мечемъ и, увидавъ внутри его такого же пятнадцатиголоваго девятимѣсячнаго мальчика — шумнуса, сказалъ: «Что мы безъ батюшки, августѣйшаго повелителя десяти странъ?!» При таковыхъ словахъ его, повелитель десяти странъ Гэсэръ-ханъ убилъ и сжегъ этого мальчика, сжегъ трехсотъ-башенный городъ пятнадцатиголоваго Андалмы-хана, забралъ въ добычу все его имущество, взялъ своего любезнаго старшаго брата Зэсэ-шикира и направился въ сторону своего великаго кочевья.

Когда повелитель десяти странъ, Гэсэръ-ханъ, отправлялся въ походъ противъ Андалма-хана, то онъ скороталъ (свой путь), сдѣлавъ его пространствомъ двѣнадцатимѣсячной ѣзды; теперь, низвергнувъ Андалма-хана, при движеніи къ себѣ, онъ скороталъ его въ пятнадцатидневное пространство. Когда онъ подходилъ, то съ пространства пятидневной ѣзды Алтанъ-рагина и мэргэнъ-хатунъ Тумэнъ-чжиргаланъ съ прочими, восьмидесятилѣтній старецъ Царгинъ ӧбӧгӧнъ, Санглунъ ӧбӧгӧнъ и весь великій народъ трехъ родовъ, прослышавъ, что Зэсэ-шикиръ спустился съ неба и соединился съ Гэсэромъ, а больше всего на радости, что августѣйшій повелитель десяти странъ низвергъ пятнадцатиголоваго Андалма-хана, всѣ вмѣстѣ вышли на встрѣчу. Услыхавъ объ этомъ, Зэсэ-шикиръ сказалъ Гэсэръ-хану: «Августѣйшій повелитель десяти странъ, говорятъ, что всѣ, имѣя во главѣ Алтанъ-рагину, вышли на встрѣчу. Я пойду и повидаюсь съ Алтанъ-рагиной и Царгинъ-абагаі'емъ!» — «Это твоя правда, Зэсэ мой», отвѣчалъ августѣйшій повелитель десяти странъ, «ступай впередъ и повидайся!»

Зэсэ̀-шикӥръ, взявши Нанзӑна, пошелъ впередъ и когда подходилъ, то весь встрѣчавшій народъ, увидавъ издали, въ туманѣ, что идетъ Зэсэ̀, сказалъ: «Не идетъ ли впередъ нашъ августѣйшій повелитель десяти странъ?» «Что вы говорите, братцы», сказалъ Царгӥнъ ӧбӧгӧнъ, «зачѣмъ же пойдетъ впередъ мой августѣйшій повелитель десяти странъ? Коли придти, такъ придетъ впередъ Зэсэ̀-шикӥръ, желая попрежде повидаться!» На такія рѣчи Алтӑнъ-рагӥна сказала: «Слова Царгӥнъ-абагӑй'я справедливы» и въ ту пору какъ она говорила, прибылъ Зэсэ̀-шикӥръ, сидя верхомъ на своей крылатой сѣрой лошади. «Батюшки, это вѣдь Зэсэ̀-шикӥръ!» вскричали всѣ, а Царгӥнъ-ӧбӧгӧнъ: «гдѣ, гдѣ?» говоритъ и, нахлестывая свою буланую лошадь—зӑнъ, поѣхалъ на встрѣчу Зэсэ̀. «Голубчикъ мой, Зэсэ̀, откуда ты вдругъ явился?» говорилъ онъ, спрыгивая съ своей лошади. Зэсэ̀-шикӥръ торопливо поднялъ его на свою лошадь и они обнялись. Царгӥнъ ӧбӧгӧнъ, проливая слезы, началъ причитать: «О мой Зэсэ̀-шикӥръ, подобный драгоцѣнному черно-пестрому барсу, съ рычаніемъ ходящему по вершинамъ черныхъ горъ! О, мой любезный Зэсэ̀-шикӥръ, подобный киту, выпрыгивающему и плавающему по дну моря Хатӯнъ! Гдѣ ты ходилъ и откуда пришелъ? О мой благодѣтельный Зэсэ̀-шикӥръ, который, отправившись на трехъ завистливыхъ шарайгōльскихъ хӑновъ и, не щадя своей души, кожи и мяса, самоотверженно полагалъ свою жизнь! Желая повидаться съ своимъ, одареннымъ судьбою августѣйшимъ, ты пріѣхалъ обратно!» — Зэсэ̀-шикӥръ началъ со всѣми здороваться, когда же послѣ всѣхъ пришелъ въ одиночку и поздоровался съ нимъ Цотӧнъ-нойӧнъ, то Зэсэ̀-шикӥръ сказалъ: «Вообще то, что вспоминали меня всѣ другіе, это—совершеннѣйшая ложь; одинъ только Цотӧнъ-абагӑй страстно желалъ видѣть меня!» Всѣ сказали, что это правда, а Цотӧнъ молчалъ.

Послѣ этого прибылъ повелитель десяти странъ, Гэсэ̀ръ-хӑнъ, побѣдивъ пятнадцатиголоваго хӑна абургӑсовъ и низведя съ небесъ своего любезнаго брата Зэсэ̀-шикӥра. На златоцвѣтной равнинѣ Нулӯмъ-талӑ онъ построилъ тринадцать драгоцѣнныхъ храминъ, поправилъ свой сто восьмибашенный хрустальный городъ, въ немъ воздвигъ онъ свой золотой дворецъ, въ которомъ могли помѣщаться 1500 человѣкъ, и, собравъ свой великій народъ десяти странъ, устроилъ пиръ, большой какъ море. Въ ту пору, какъ они сидѣли и ликовали, драгоцѣнный Зэсэ̀-шикӥръ выпилъ двадцать телѣгъ водки, разгорячился и сталъ красновато-рыжимъ. Увидавъ Цотӧнъ-нойӧна, Зэсэ̀-шикӥръ сказалъ: «Приведшій къ ошибкамъ подобныя яшмовой скалѣ вѣру и правленіе моего любезнаго августѣйшаго повелителя десяти странъ; покинувшій драгоцѣнную жизнь (его) и злонамѣренный въ отношеніи своихъ родственниковъ Цотӧнъ! Пошатнувшій непо-

колебимыя вѣру и правленіе; удручавшій мысли моего августѣйшаго міроваго повелителя, разстроившій всю нашу вселенную и имѣющій сердце черное какъ сажа Цотонъ! Передавшись на сторону трехъ хановъ злобныхъ шарайголовъ и, забывъ моего августѣйшаго повелителя десяти странъ, способствовавшій моему разлученію, изсушившій все, что только было, имѣющій намѣренія вредныя, какъ ядъ, и сердце черное, какъ сажа, злобный Цотонъ, съѣмъ твое мясо!» Съ этими словами онъ обнажилъ свой булатный мечъ и... какъ наскочитъ,—Цотонъ-нойонъ: «Батюшка, августѣйшій мой, что же мнѣ дѣлать?» говоритъ и юркнулъ подъ столъ. Повелитель десяти странъ, Гэсэръ-ханъ сказалъ: «Любезный мой Зэсэ, что за дѣло — убить этого дурнаго? Если бы убивать его, развѣ я не убилъ бы его уже давно? Но если бы его не было, то мы не побѣдили бы такимъ образомъ злобныхъ десяти странъ!» «Я не видалъ», отвѣчалъ Зэсэ-шикиръ, «чтобы мой августѣйшій, ужасъ всѣхъ странъ, при низверженіи злобныхъ десяти странъ, назначалъ бы предводителемъ своихъ войскъ одного только Цотона?! Разрушившій твой золотой дворецъ, соблазнившій твою Алтанъ-рагину, отдѣлившійся отъ моего августѣйшаго повелителя десяти странъ, покинувшій мою собственную жизнь, невыносимый, злосердечный Цотонъ! Одурачившій несказанныхъ тридцать моихъ богатырей; поколебавшій вѣру и правленіе моего августѣйшаго повелителя десяти странъ, приведшій въ разстройство рѣшительно все, что было; удовлетворившій желаніе трехъ злобныхъ шарайголовъ, сухой и жестокосердый Цотонъ! Что твое могу я позабыть?!» Такъ говоря, Зэсэ-шикиръ вскочилъ и побѣжалъ. Цотонъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ. «Постой, любезный мой Зэсэ-шикиръ!» сказалъ августѣйшій повелитель десяти странъ и засимъ продолжалъ: «О мой Зэсэ, его убивать не слѣдуетъ. Если сравнить, то дѣятельность Цотона не походитъ ли на имѣющихъ обязанность пробуждать спящихъ и напоминать позабывшимъ? Безъ него мы, страстно увлекшись своими удовольствіями, не могли бы выполнить никакого дѣла. Поэтому-то одно изъ тысячи моихъ превращеній находится въ этомъ зломъ Цотонѣ. Если бы на немъ не лежали благословенія, Цотонъ давно бы уже умеръ за свои злодѣянія. Вотъ обстоятельство, ради котораго я до сихъ поръ дѣйствую, имѣя его при себѣ. Любезный мой Зэсэ, я покажу тебѣ, что Цотона убивать не слѣдуетъ». Съ этими словами, выславъ весь народъ, августѣйшій повелитель десяти странъ сказалъ: «Эй Цотонъ-абагай, поди сюда, повидаемся!» Цотонъ упалъ и поднявшись предсталъ предъ ликъ августѣйшаго. Зэсэ-шикиръ увидалъ, что августѣйшій повелитель десяти странъ и Цотонъ были совершенно какъ бы одна личность. «О счастливый ты человѣкъ!» сказалъ онъ. «Повстрѣчавшись со мною передъ моимъ августѣйшимъ, ты остался живъ!» и, положивъ обратно въ ножны свой мечъ, онъ оставилъ свое намѣреніе убить его.

Послѣ этого повелитель десяти странъ, Гэсэ̀ръ-ха̄нъ отдалъ въ военную добычу своему любезному старшему брату Зэсэ̀-шикиру желто-пѣгую лошадь пятнадцатиголоваго Андалма̀-ха̄на, которая была величиною съ гору и исполнена силъ тринадцати драконовъ; Шӯмару отдалъ латы, сдѣланныя изъ состава девяти сортовъ стали и именовавшіяся «Чилӯнъ»; Царгину отдалъ красную лошадь, принадлежавшую чиновнику Андалма̀-ха̄на Зать-хара̀; двойныя огненно-красныя латы онъ отдалъ Нанза̀ну, помимо же того соблаговолилъ на парамиту милостыни и другимъ богатырямъ. Совершивъ все, что было нужно, страшилище десяти странъ, Гэсэ̀ръ-ха̄нъ, началъ спокойно и въ довольствѣ, какъ священные тэ̀нгри, проживать въ своемъ золотомъ дворцѣ, на златоцвѣтной долинѣ Нулу̀мъ-тала̀.

А. Позднѣевъ.

Сигель грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072).

Предлагаемый сигель хранится въ Тифлисѣ въ церковно-археологическомъ древлехранилищѣ при Сіонскомъ соборѣ. Онъ (115 × 26,5 cm.) писанъ на пергаментѣ алфавитомъ мхедрули (гражданскимъ) и черными, но отъ времени поблекшими чернилами. Письмо нашего сигеля не есть чистый, окончательно установившійся мхедрули, а составляетъ переходъ отъ алфавита хуцури (церковнаго) къ алфавиту мхедрули и еще разъ доказываетъ давно высказанное мнѣніе, что мхедрули произошелъ отъ хуцури. Большинство буквъ письма нашего акта носятъ еще слѣды удлиненныхъ буквъ хуцури и безъ помощи хуцури и спеціальнаго изученія такого рода письма его трудно прочесть. Начало и края нашего сигеля попортились и открошились и письмо на нихъ исчезло. Остальное читается такъ[1]):

...[ლაშ]ქარი[2]) დიდი წარმართნი... | და ვე[რ] დავიმორჩილეთ ლაშქარ[ნი]... | წ̃ დის უდაბნისა: ლავრის მღუიმისანი: და... | დაომძიმდა: რ̃ლისათჳსცა გულს ვიდგინეთ: შესა... | რისა და დაკლებულობისა მათისა გასაკურნებლად: ... | სულსა: პ̃ლ გარდაცვალებულთა: მეფეთა: მამათა: ჩემ[თა]... | სულისა: ჩემისა: და სალხინებელად ცოდვათა: ჩემთა: შევს[წირე] | მამასა შიოს: ლავრასა მღუიმისასა: და წ̃ თა მამათა: მღუიმელთ[ა]... | გევს: ადგილი ბურცუის ჯუარი: უ̃ ლითა მზღვრითა მისითა:

---

1) См. табл. № 1, 2, 3, и 4. Пока настоящая замѣтка находилась въ портфелѣ редакціи, грузинскій текстъ документа появился въ трудѣ Ө. Жорданія (стр. 204—206) «Хроники и другіе матеріалы для исторіи и литературы Грузіи (до 1213 г.)... съ критическимъ разборомъ первой части Грузинской Лѣтописи Картлисъ-Цховреба», Тифлисъ 1893 г., вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ текущаго (1894) года. Въ доставленномъ въ редакцію снимкѣ документа недостаетъ первыхъ трехъ словъ, которыя однако читаются и у Ө. Жорданія (Ред.).

2) Недостающія слова и буквы я ставлю въ прямыхъ скобкахъ.

მთ[ითა]|ბარითა: წყლითა: ტყითა კლდითა: წისქჳლითა: და ყ̃ლითა საკმრით|და უკმრითა: და გარეთავისოფლეთ ყ̃ლისა შესავალისა და გამო[სავა]|ლისაგან: საკელმწიფოისა: საერისთვოისა: სააზნაუროისა: სა[ციხის]|თვოისა: საკევის: უფლოისა: საბანჯრისა საკიდისა: საკოდრისა: და ყ̃ლი|სა ღ̃თისა: დაბადებულისა: შესავალისა და გამოსავალისაგან: და არ[ა]|რაი ზ̃ა აც: თჳნიერ სამსახურებელისა: მის წ̃დისა: ლავრისა: მღჳიმი|სა: რ̃ თავისუფლობით: შემიწირავს: ყ̃ლისავე მეონებლ[ისა და]|დამაკლებლისაგან: რ̃ა მეოხებითა: წ̃დისა: მამისა: შიოჲსითა: ლოცვითა|წ̃თა მამათა: მღჳმელთათა: მოგჳენიჭოს ღ̃თისა მიერ: შენდობაი: ამის ნაქმა|რისა: და დაკლებისა მათისაი[1]): წარმემართოს ლაშქრობაი ესე: და ყ̃ლნივე:|დღენი: ცხორებისა ჩემისანი: ნებასა შინა ღ̃თისასა: მშჳდობით: და მტერთა| ჩემთა ზ̃ა ძლევით: აღვასრულნე: და შ̃დ სიკუდილისა: მეოხ იყოს: წ̃ე|ღ̃თისა სულისა ჩემისათ̃ს: წ̃დაი იგი: და მადლი. მათ ყ̃ლთა წ̃თა მამათაი: აწ ვინცა ჴ|ნხოთ ბრძანებაი და სიგელი ესე ჩ̃ნი: შ̃[დ]: ჩ̃ნსა: მომავალთა მეფეთა: ე̃ეთა: |ე̃თა: აზნაურთა: ციხის თავთა: კევის უფალთა: ჩინებულთა: და ყ̃ლთავე |საქმის მოქმედთა ჩ̃ნთა: დაომტკიცეთ: და ნურვინ უშალავთ: ბძანებულ|სა მას: და გაგებულსა: ჩ̃ნსა ნუცა: რას ვინ დააკლებთ: ნუ დიდსა და ნუ მცირესა თჳ|ნიერ შეწევნისა და თანადგუმისა და ოკ̃თუ ვინმე გამო[ს]ჩნდეთ: ღ̃თისა უარი|მყოფელად: და ამის წ̃დისა: ლავრისა შემცოდედ: ოდესცა და რასაცა ჟამსა: ან რა|საცა მიზეზისა მოღებითა: განა თუ იგი ადგილი შეუცვალოთ მას წ̃და|სა ლავრასა: ანუ ესე წესნი: გაგებულნი ჩ̃ნნი: შეუშალნეთ: უარის მ|ყოფელთამცა: ღ̃თისათა თანა დასჯილ ხართ: იგიმცა წ̃დაი მამაი: და მადლი მის წ̃|სა ლავრისაჲ არს მოსაჯული თ̃ქ̃ნი: ცოდვათამცა და ბრალთა ჩემ|თა გარდამკდელნი ხართ: წ̃ე ღ̃თისა: და ო̃ქნ ქ̃ეს მიერ: გ̃ი: ქართულისა კათალი:|კოზმან: და წ̃თა მღდელთ მოძღუართა: დაწერილი ესე ჩ̃ნი დაამტკი|ცეთ: ვითა: წესი არს წყევლანი: და შეჩუენებანი დაწერენით: ვინცა უქცი|ოს: და შეუცვალოს: დაიწერა: ბრძანებაი და სიგელი: ესე ჩ̃ნი: ინდი|კტიონსა მეფობისა ჩემისასა: მეო: ლა: სა:. კელითა იოვა: ნე მწიგნობრისა: მწრელისაითა:

|ქ: კ̃რნ ესე ვითა: ადიდენ ღ̃ნ ძლიერსა ბაგრატ აფხაზთა მეფესა |და ყ̃ლისა აღმოსავლეთისა ნოველისიმოსსა დაუწერია და ბო|რცოის ჯუარი სალოცველად მეფობისა მათისა და შვილთა მათისათ̃ს |მღჳმისა მონასტრისა და შეუწირავს მე გ̃ი ქ: კ̃ზ[ი] მოწამე ვა|რ და წერილსა მათსა აწ ვინცა ვინ რამანცა გუარმან კაცმან რა|საცა ჟამსა ვითა მათსა დაწერილსა სწერია უ: ქ: ციოს და შალოს დაწე|რილი მათი განა ჟამთა ცვალებითა განა სიგრძითაგან ჟამთაისა |იკადროს ან: შლად ან ცვალებად ან შესავლად და საკევისოფლ|ოდ გაკადოს ან

---

1) Буквы ი и ჲ имѣютъ совершенно одинаковое начертаніе въ письмѣ мхедрули этого періода (см. Бакрадзе. Грузинская палеографія, таб. XXVIII. Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Москва. 1887) и потому трудно опредѣлить, какую изъ нихъ предпочесть въ подобныхъ случаяхъ. Я ставлю ი для однообразія, хотя древняя орѳографія предпочитаетъ въ большинствѣ имѣющихся случаевъ ჲ.

ბეგარი და გამოსავალი რაი დასდვას და ვითა და|წერია და გათავისუფლებაი მას ზ̃ა მკჳდრად და შეუვალად არა იჰ|ყრან ჭრისხავსამცა მამაი ძე და ს̃ლი წ̃ი წ̃ი ღ̃თის მშობელი |და კრულმცა არიან დაუსაბამოისა ღ̃თისა სიტყუითა ათორ-მეტთა |წ̃თა მოციქულთა მადლითა ქ̃უსთა კრებათა მადლითა ხუთთა |ჰპატრიაქთა ჯუარითა წ̃ისა დედა ქალაქისა და სუეტისა ცხოველისა მად|ლითა ჩემ გლახაკისა ჯუარითა გაუკსნელად ს̃ლით და კურცითა მა|ს ყუფასა და მას საუკუნესა არსამცა ნაწილი მისი იოდასთანა ისკ|არიოტელისა და უ̃ლთა მწუვალებელთა და ღ̃თისა უარის მყოფელ|თა თანა შერაცხილა და ვინ დაამტკიცოს და არა შალოს ბრძანე-ბული და დაწერილი მათი მიიღენ კურთხევაი ღთისგ̃ნ და ჩე|მ გლახაკისაგ̃ნ.

|:ქ: ადიდენ ღ̃ნ: ესე ვითა: უძლეველსა |მეფეთა მეფესა. დაუწერია. და შეუ-წირავს: ბურცუ|ის ჯუარი მღუიმისთ̃ნ სალოცველად. |მეფუბისა მათისა შეაწიენ ღ̃ნ მადლი წ̃ღ̃სა შიუსი |და ევაგრესი: მეცა მიწასა მეფუბისა მათისასა ი̃ეს |ძესა ღ̃ჲ̃ტ ე̃ქ̃სა: დამიმტ: გიცებია უქცეველი |არს: ბრძანებაი მათი: ჩემგა̃ცა მონისა მათისაგან.

Т. е. «...большое [вой]ско языческое... и [не] одолѣли войск[а]... святой пустыни, лавры Мґвимской [1]) и... тяжело стало, для чего мы и поусердствовали... *и*, для возмѣщенія ея (лавры) убытковъ... [для спасенія] душъ прежде преставившихся царей, предковъ моя[хъ], [во спасеніе] души моей и во избавленіе меня отъ грѣховъ, пожертво[вали] Шіо, отцу Мґвимской лавры, и святымъ отцамъ мґвимски[мъ]... въ Хевѣ [2]) мѣстность Бурцуисъ-джуари со всѣми ея границами, горою, равниною, водою, лѣсомъ, скалою, мельницею и со всѣми ея годными и негодными *мѣстами*, свободною отъ всякого поступленія и расхода, (т. е. налога) государственнаго, эриставскаго, азнаурскаго, цихисъ-ґавскаго (въ пользу начальника крѣпости), хевисъ-уґальскаго (въ пользу начальника ущелья), пастбищнаго [3]), мостовщины, повинности на покойника [4]) и отъ всѣхъ Богомъ установленныхъ

1) Пещерный монастырь Шіо-мґвимэ (мґвимэ въ переводѣ значитъ пещера) расположенъ въ 10 в. къ сѣверо-западу отъ Мцхета. Онъ основанъ Шіо, однимъ изъ сирскихъ отцовъ, пришедшихъ въ Грузію въ VI в. Подробности объ этомъ монастырѣ см. у Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 165—166.

2) Хев-и по грузински значитъ вообще *ущелье*; но подъ этимъ названіемъ извѣстно спеціально *«Араґвское ущелье»*.

3) საბანჯრისა сабанджриса: ბანჯარ банджаръ есть армянское слово բանջար и означаетъ траву; საბანჯრე сабанджрэ, стало быть, будетъ потрава или оброкъ за пастьбу. Сулханъ Орбеліани, указывая армянское происхожденіе этого слова, переводитъ его грузинскимъ ხილი *овощи*, но и въ цитуемомъ имъ мѣстѣ Іовъ 8,11 (вм. 2) ბანჯარი означаетъ *траву*; въ словарѣ Чубинова приведено слово ბანჯარა банджара какъ названіе овощи. Въ связи съ этимъ, по всей вѣроятности, Brosset переводитъ слово მესაბანჯრე, означающее *чиновника, собирающаго оброкъ за пастьбу*, collecteur des légumes (Hist. de la G., Introd., p. CLXVIII).

4) სულდრისა, можно толковать или, съ обычной въ нашемъ памятникѣ замѣной უ буквою ო, въ смыслѣ სუდრისა *повинности въ пользу покойника*, существовавшей

поступленій и расходовъ (т. е. налоговъ), и ничего не наложено на нее кромѣ службы святой лаврѣ Мǵвимской, потому что я пожертвовалъ ее свободной отъ всѣхъ принужденій и расходовъ, дабы ходатайствомъ святого отца Шіо и молитвами святыхъ отцовъ мǵвимскихъ даровано было намъ Богомъ прощеніе за это дѣло и за ихъ убытки и дабы получили мы преуспѣяніе въ этой войнѣ и всѣ дни жизни моей по волѣ Бога провелъ я въ мирѣ и побѣдахъ надъ врагами, а послѣ смерти *моей* святой Шіо и благодать всѣхъ тѣхъ святыхъ отцовъ были бы предъ Богомъ ходатаями о душѣ моей. Нынѣ, кто увидитъ сей нашъ приказъ и сигель, будущіе преемники наши, цари, эриставы-эриставовъ, эриставы, азнауры, начальники крѣпостей, начальники ущелій, знатные *чины* и всѣ дѣлопроизводители наши, утвердите его и вы, и не нарушайте, никто, нашего велѣнія и распоряженія, не причиняйте никакого ущерба, большаго или малаго, а напротивъ вспомоществуйте и постойте за него. Если же кто когда нибудь, въ какое-бы ни было время и по какой бы то ни было причинѣ окажется непризнающимъ Бога и согрѣшившимъ противъ сей лавры, замѣнитъ то мѣсто другимъ святой лаврѣ, или это наше законное рѣшеніе измѣнитъ, — да понесетъ тотъ наказаніе наравнѣ съ отвергающими Бога, да будутъ тягаться съ нимъ святой отецъ Шіо и благодать св. лавры, и да будетъ онъ отвѣтчикомъ предъ Богомъ за грѣхи и провинности мои. И вы, во Христѣ католикосъ Грузіи Георгій, и святые преосвященные, утвердите сей нашъ актъ по установленному закону, а для того, кто нарушитъ и измѣнитъ его, напишите проклятіе и анаѳему. Написанъ сей нашъ указъ и сигель въ индиктіонъ царствованія моего 31-й рукою секретаря[1]) Іоанна.

Кvріелейсонъ! Что это написано могущественнымъ Багратомъ, аѣхазскимъ царемъ и новелиссимосомъ всего Востока (возвеличи его Боже!) и что Борцоисъ-джуари[2]) пожертвованъ Мǵвимскому монастырю въ моленіе за его величество и сыновей его, въ томъ и я, католикосъ Грузіи Георгій, свидѣтельствую. Нынѣ если кто, изъ какого бы ни было званія,

---

позднѣе подъ названіемъ მიცვალების ხარჯი *frais de mort*, *d'enterrement* (Brosset, Introd., p. CLXXII), съ которымъ можно было бы привести въ связь обычай добровольнаго жертвованія деньгами при оплакиваніи, сохранившійся до сихъ поръ въ западной Грузіи, или въ смыслѣ საყროდის какого-либо *оброка за невспаханное поле*, производя слово отъ ყორდი *пустошь, невспаханное поле*. При послѣднемъ толкованіи въ параллель перестановки რ (საყროდის вм. საყორდის) надо имѣть въ виду другое подобное же явленіе въ нашемъ памятникѣ въ словѣ მწრედლისათა вм. მწერდლისათა.

1) მწიგნობრის-მწრედლისათა (вмѣсто მწერდლისათა) дословно: «книжника-писца».

2) Въ такой формѣ это слово приведено въ записи эристава Іоанна. Присутствіе *у* въ первомъ случаѣ указываетъ, что *о* въ другихъ двухъ случаяхъ надо читать за *у*. Въ какомъ именно мѣстѣ Арагвскаго ущелья находился Бурцунсъ-джуари, что въ переводѣ значитъ Бурцунскій крестъ, крестъ Бурцуя, — неизвѣстно.

когда нибудь, извратитъ что либо въ написанномъ царемъ или нарушитъ написанное имъ или, пользуясь перемѣною обстоятельствъ и давностью, отважится уничтожить (актъ) или измѣнить, или посягнетъ на неприкосновенность пожалованнаго мѣста и обложитъ сборомъ въ пользу начальника ущелья, или наложитъ оброкъ или какую нибудь подать и не будетъ вѣрно охранять его неприкосновенность на основаніи того, что написано царемъ, — надъ тѣмъ да разразится гнѣвъ Отца, Сына, Духа Святого и Св. Богородицы, да будетъ неразрѣшимо проклятъ тотъ душою и тѣломъ въ сей жизни Словомъ Безначальнаго Бога, благодатью двѣнадцати апостоловъ, благодатью шести соборовъ, благодатью пяти патріарховъ, крестомъ священнаго престольнаго града и благодатью животворящаго столпа и крестомъ убожества моего; пусть будетъ въ томъ вѣкѣ наравнѣ съ Іудою Искаріотскимъ и со всѣми еретиками, и пусть будетъ причисленъ къ богоотступникамъ. А кто утвердитъ и не отвергнетъ ихъ письменнаго повелѣнія, пусть приметъ благословленіе отъ Бога и отъ меня убогаго.

Все, что написано непобѣдимымъ царемъ царей (возвеличи его Боже!), и что Бурцонсъ-джуари пожертвованъ въ моленіе за его величество (ниспошли, Боже, на него благодать Шіо и Евагра!) [1]) то также утверждаю я, прахъ его величества, Іоаннъ, сынъ эристава-эриставовъ Липарита. Неизмѣнимо и мною, рабомъ ихъ, повелѣніе его (царя)».

Какъ видно изъ приведеннаго текста, настоящій актъ заключаетъ въ себѣ сигель или дарственную грамоту грузинскаго царя Баграта, запись грузинскаго католикоса Георгія, коей онъ подтверждаетъ сигель царя, и запись сына эристава-эриставовъ Липарита-Іоанна, тоже подтверждающаго актъ царя.

Царь Багратъ, которому принадлежитъ настоящій актъ, есть никто иной, какъ грузинскій царь Багратъ IV, ибо только онъ одинъ изъ грузинскихъ царей носилъ титулъ новелиссимоса или, правильнѣе, новилиссимоса. По свѣдѣніямъ грузинскихъ лѣтописей Багратъ IV сначала былъ куропалатомъ, потомъ новелиссимосомъ, а затѣмъ севастосомъ [2]). Эти свѣдѣнія грузинскихъ лѣтописей подтверждаются эпиграфическими свидѣтельствами, нумизматическими фактами и записями различныхъ рукописей того времени. Такъ, напримѣръ, въ надписяхъ монастырей Кацха и Никорцминды Багратъ IV титулуется куропалатомъ, въ надписи креста въ Моцамети, близь Кутаиса, новелиссимосомъ [3]), въ надписяхъ однѣхъ монетъ его времени онъ названъ новелиссимосомъ, въ надписяхъ другихъ — севастосомъ [4]). Подъ

1) Евагръ былъ ученикъ св. Шіо, второй настоятель монастыря.

2) Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I, p. 341.

3) Brosset. Voyage archéologique. Rapp. XI, p. 46; XII, pp. 55, 95.

4) Langlois. Essai de la classification des suites monétaires de la Géorgie. Paris 1860, p. 39.

послѣднимъ титуломъ онъ извѣстенъ также и въ надписи Атенскаго монастыря, близь г. Гори[1]). А запись четвероевангелія Алавердскаго собора, переписаннаго въ 1059 г., называетъ Баграта IV, подобно нашему акту, новелиссимосомъ всего Востока[2]).

Сигель нашъ написанъ въ 31-й индиктіонъ Багратова царствованія, а Багратъ IV по свидѣтельству «Картлисъ-цховреба» вступилъ на престолъ въ 1027 г.[3]). Для того, чтобы не было никакого сомнѣнія въ вѣрности этого года, какъ начала царствованія Баграта IV, я приведу одинъ синхронизмъ, подтверждающій вѣрность сообщенія упомянутаго источника. До насъ дошелъ рукописный Метафрастъ, переписанный при Багратѣ IV, приписка котораго въ концѣ гласитъ: «Написанъ рукою Іоанна-столпника на столпѣ Дчкондидскомъ, въ царствованіе Баграта куропалата — прославь его Боже! — индиктіона 4-го, короникона 251»[4]). Указанный здѣсь короникопъ соотвѣтствуетъ 1031 году, слѣдовательно, четвертый индиктіонъ указываетъ на 1027-й годъ, какъ на начало царствованія Баграта IV. Исходя отсюда, 31-й индиктіонъ Багратова царствованія будетъ соотвѣтствовать 1058 г. Стало быть, нашъ сигель написанъ въ 1058 г. и такимъ образомъ является однимъ изъ древнѣйшихъ датированныхъ актовъ Грузіи, которые только дошли до насъ въ оригиналѣ.

Католикосъ Георгій Таоскій при Багратѣ IV, равно какъ его предшественникъ Окропиръ[5]), и наслѣдовавшій ему Гавріилъ Сафарскій извѣстны только по одному Теймуразовскому списку Картлисъ-цховреба[6]) и, какъ я полагаю, внесены въ Лѣтописи Грузіи редакціею царя Вахтанга VI. Мы не знаемъ источника, откуда редакція Вахтанга взяла свѣдѣнія объ нихъ, и потому оправданіе ихъ другими, достовѣрными, документальными источниками очень важно. Нашъ сигель не только подтверждаетъ существованіе католикоса Георгія при Багратѣ IV, но даетъ намъ его собственноручную запись.

Іоаннъ и отецъ его Липаритъ, упоминаемые въ нашемъ актѣ, личности хорошо извѣстныя не только въ грузинской, но и въ византійской

---

1) Brosset. Voyage arch. Rapp. VI, p. 23.

2) Ibid. Rapp. XI, p. 32. Закавказскій Вѣстникъ 1845 г., часть неофиц., стр. 249.

3) Hist. de la Géor. t. I, p. 311.

4) Бакрадзе. Сванетія. Зап. Кавк. От. Им. Русск. Геогр. Общ., книжка VI, стр. 113.

5) Существованіе этого католикоса при Багратѣ IV оправдывается актомъ его предшественника Мелкиседека, дошедшимъ до насъ въ копіи: Окропиръ подтверждаетъ актъ католикоса Мелкиседека (см. ниже прим. 19). О томъ же Окропирѣ упоминаетъ еще надпись церкви Пога при Топорованскомъ озерѣ, любезно доставленная мнѣ землемѣромъ Б. К. Аваліани.

6) Hist. de la Géor. t. I, p. 335.

исторіи. Они, по утвержденію армянскаго историка XIII в. Степана Орбеляна, принадлежали древнему роду Орбелянъ, хотя этого грузинскіе источники не подтверждаютъ. Представитель ихъ рода, впервые появляющійся въ лѣтописяхъ Грузіи въ IX ст. при Багратѣ I (826 — 876) и Давидѣ I (876 — 881), есть Липаритъ I, отъ котораго происходятъ два брата Рати и Звіадъ; послѣдній начальствовалъ надъ войсками царя Георгія I (1014—1027) противъ грековъ. Сынъ Рати, Липаритъ II, строитъ Манглисскій храмъ, въ надписи котораго 1020 года онъ названъ «Багуашемъ Липаритомъ». Сынъ Липарита II есть Липаритъ III, упоминаемый въ нашемъ актѣ, отецъ того самаго Іоанна, собственноручная запись котораго имѣется въ нашемъ сигелѣ [1]). Липаритъ III извѣстенъ своею борьбою противъ Баграта IV. Въ этой борьбѣ греки то помогали Липариту, то являлись посредниками между нимъ и Багратомъ IV. Съ своей стороны и Липаритъ оказалъ грекамъ немаловажныя услуги. Въ 1048 г. онъ явился на помощь къ нимъ противъ только что появившихся тогда турокъ-сельджуковъ съ болѣе 26,000 ч., но въ сраженіи при Эрзерумѣ былъ взятъ въ плѣнъ и выкупленъ греками въ 1050 г. Послѣ этого Липаритъ опять возмутился противъ Баграта IV и съ помощью греческаго войска отнялъ у него Тифлисъ, но, пойманный Сулою Калмахскимъ и месхійцами, былъ представленъ Баграту IV. Выпросивъ прощеніе у Баграта, Липаритъ принялъ монашество, отправился въ Константинополь и подъ именемъ Антонія жилъ на Аѳонѣ, покровительствуя грузинской духовной литературѣ; умеръ онъ въ Константинополѣ въ 1064 г. и тѣло его, привезенное въ Грузію, было предано землѣ въ Имеретіи въ Кацхскомъ монастырѣ, усыпальницѣ его рода [2]). Изъ сыновей Липарита III извѣстны Ратъ III, Неанія, умершій въ Ани на службѣ у грековъ, и Іоаннъ II, авторъ нашей записи. Іоаннъ, принимавшій участіе въ борьбѣ своего отца съ Багратомъ IV и вмѣстѣ съ отцомъ попавшійся въ плѣнъ въ 1059 г. (черезъ годъ послѣ написанія нашего акта), былъ прощенъ царемъ подобно его отцу и получилъ Аргветское эриставство, но скоро бѣжалъ въ Константинополь. Прощенный вторично Багратомъ Іоаннъ пріѣхалъ въ Грузію, получилъ свои вотчины и титулъ спасалара или военачальника. Онъ жилъ и при сынѣ и наслѣдникѣ Баграта IV Георгіѣ II (1072 — 1082), противъ котораго три раза возмущался. Передавшись затѣмъ Меликъ-шаху, два раза возмутился и противъ него, но оба раза попался въ плѣнъ съ семьею. Умеръ этотъ

---

1) Опись памятникамъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи Н. Кондакова и Б. Бакрадзе. Спб. 1890, стр. 52. Brosset. Hist. de la Siounie, II, 209—215. Voyage arch. Rapp. XI, pp. 26—33. Additions à l'Histoire de la Géorgie, p. 215.

2) Hist. de la Géor. t. I, pp. 312, 316, 318, 320—326, 339. Additions, pp. 214, 223—227.

неспокойный человѣкъ въ Константинополѣ, но въ которомъ году неизвѣстно [1]).

Изъ содержанія нашего акта видно, что Шіомѓвимская лавра потерпѣла убытки во время какой-то войны или во время нашествія какого-то войска и что Багратъ IV въ 1058 г. находился въ войнѣ съ кѣмъ-то, но о какой войнѣ или нашествіи тутъ идетъ рѣчь и съ кѣмъ Багратъ воевалъ въ годъ написанія нашего акта, трудно сказать, такъ какъ болѣе подробныхъ указаній, къ сожалѣнію, не сохранилось въ нашемъ сигелѣ, а царствованіе Баграта IV представляетъ, какъ извѣстно, почти непрерывную войну съ внѣшними и внутренними врагами [2]).

Въ юридическомъ отношеніи нашъ сигель представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ, въ которомъ перечислены подати и повинности, которыя тогда существовали въ Грузіи и которыя мы въ большинствѣ встрѣчаемъ и въ позднѣйшихъ документахъ.

Не мало интереса нашъ актъ представляетъ и въ отношеніи орѳографіи. Тутъ мы имѣемъ любопытный образчикъ письма мхедрули, гдѣ буква ო (о) сплошь и рядомъ читается (или по крайней мѣрѣ должно читать, придерживаясь теперешняго произношенія) за უ (у) [3]). Такое, но не такъ часто повторяющееся, явленіе я встрѣтилъ еще въ гуджарѣ временъ царицы Тамары (1184—1212) [4]), встрѣчается оно, впрочемъ, весьма

---

1) Hist. de la Géor. t. I, pp. 321, 325, 326, 332, 333, 342, 343, 346. Additions, p. 215.

2) Хронологическія данныя царствованія Баграта IV собраны акад. Броссе въ его Additions, pp. 226—227, но подъ 1058 г. ничего не указано. Всего вѣроятнѣе Багратъ IV находился тогда въ войнѣ съ Липаритомъ, причемъ подпись Іоанна могла появиться позже, когда онъ былъ прощенъ и получилъ свои вотчины и эриставство.

3) Такихъ случаевъ въ нашемъ актѣ наблюдается болѣе 40.

4) Онъ данъ Шіомѓвимскому монастырю хорошо извѣстнымъ при царицѣ Тамарѣ Мандатуртъ-ухуцесомъ Чіаберомъ. Образчики письма этого гуджара съ тремя его записями помѣщены Д. Бакрадзе въ его «Грузинской палеографіи», таб. XXIII, № 3. Авторъ первой записи, утверждая актъ, не упоминаетъ своего имени. Нужно полагать, что она принадлежитъ царицѣ Тамарѣ. Вторая запись принадлежитъ самому Чіаберу, а третья католикосу, имя котораго Д. Бакрадзе читаетъ Іоанномъ (ibid. стр. 212), но я вижу въ немъ Ѳеодора. Объ остальныхъ записяхъ Бакрадзе не упоминаетъ, хотя онѣ имѣются. Въ первой изъ нихъ я читаю имя Шоҭа, который, быть можетъ, есть Шоҭа Русҭавели, авторъ знаменитой поэмы «Барсова кожа» или, точнѣе, «Юноша въ барсовой кожѣ». Во второй я вижу имя Авага Орбели, а въ третьей Іоанна Урбнели.Послѣднія двѣ записи сдѣланы на оборотѣ гуджара и, судя по палеографическому характеру, едва-ли современны гуджару. И дѣйствительно онѣ должны были появиться позже, потому что Авагъ нашей записи можетъ быть никто иной, какъ Авагъ, сынъ атабега Іоанна Мхаргдзелидзе, хорошо извѣстный по грузинскимъ и армянскимъ источникамъ и умершій въ 1250 г. (Hist. de la Georg., t. 1, pp. 500, 508, 514, 515, 518, 521, 523, 528, 542, 513, 557; Hist. de la Siounie, pp. 225, 232; Add. et Ecl., p. 362. Іоаннъ Урбнели (Урбнійскій епископъ) неизвѣстенъ, но запись его, судя по письму, современна записи Авага Орбели. Гуджаръ этотъ хранится въ церковно-археологическомъ древлехранилищѣ при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ.

рѣдко и какъ исключеніе, и въ позднѣйшихъ документахъ до XV вѣка, но потомъ совершенно исчезаетъ. Въ нашемъ актѣ такое явленіе тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что въ другомъ, такъ называемомъ Опизскомъ актѣ Баграта IV, тоже дошедшемъ до насъ въ оригиналѣ, правда безъ начала и конца и потому не сохранившемъ короникона, но тѣмъ не менѣе безусловно принадлежащемъ Баграту IV, ничего подобнаго не наблюдается[1]). Допустить вездѣ, гдѣ мы ო находимъ вмѣсто უ, пропускъ ჳ — невозможно, потому что ოჳ для выраженія უ въ мхедрули не встрѣчается, а гдѣ при сокращеніи нужно разумѣть пропускъ ჳ подобно хуцури, тамъ вездѣ мы видимъ титло (въ нашемъ актѣ напримѣръ ო̃ჳთო; въ подобныхъ случаяхъ вообще мхедрули унаслѣдовалъ отъ хуцури только способъ сокращенія), да и зачѣмъ было прибѣгать къ такому способу, когда для обозначенія უ былъ выработанъ уже совершенно опредѣленный знакъ въ письмѣ мхедрули этого періода. Правда, и въ церковномъ асомтаврули (иниціальномъ) უ уже начинаетъ обозначаться посредствомъ только одного ო (о) безъ всякаго титла (въ особенности въ эпиграфическихъ памятникахъ) и можно было подумать, что въ мхедрули стали примѣнять этотъ способъ по аналогіи асомтаврули, но подобному объясненію мѣшаетъ обратное явленіе, наблюдаемое какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ документахъ, а именно что უ (у) читается за

---

1) При такомъ различіи ороографіи эти два акта такъ схожи по почерку, что производятъ впечатлѣніе, какъ будто написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, хотя послѣднее допустить трудно какъ по различію ороографіи, такъ и по нѣсколько болѣе крупному нажиму «Опизскаго акта». По внѣшнему виду пергаментъ и чернила, которыми писанъ «Опизскій актъ», производятъ впечатлѣніе большей свѣжести, чѣмъ таковыя нашего акта. Опизскій актъ былъ найденъ въ Имеретіи Д. Пурцеладзе, который помѣстилъ переводъ его текста въ своемъ изданіи (см. Церковные гуджары Д. Пурцеладзе. Тифлисъ 1881 г., стр. 120—121). Потомъ текстъ этого акта съ переводомъ и съ прекраснымъ разборомъ былъ напечатанъ покойнымъ Д. Бакрадзе (оригиналъ до сихъ поръ хранится въ его библіотекѣ) въ Зап. Им. Ак. Наукъ, т. LX, прил. 1. То обстоятельство, что въ «Опизскомъ актѣ» содержатся генеалогическія свѣдѣнія о предшественникахъ Баграта IV и между прочимъ Багратъ (III) названъ дѣдомъ, а Георгій (I) отцомъ Баграта (IV), дало разбирателямъ этого акта возможность точно установить принадлежность его Баграту IV. Образчикъ письма этого акта см. у Бакрадзе. Грузинская палеографія, таб. XXII, № 1.

Отъ временъ Баграта IV дошелъ до насъ, но только въ копіи, еще третій актъ, относящійся къ 1040 г. (объ его короникон ѣ см. упомянутый выше разборъ Опизскаго акта Д. Бакрадзе). Копія эта помѣщена въ Сборникѣ актовъ Грузино-имеретинской синодальной конторы, переданномъ въ Управленіе государственныхъ имуществъ на Кавказѣ. Упомянутый актъ содержитъ въ себѣ перечень деревень, монастырей, цѣнныхъ предметовъ и церковной утвари, пріобрѣтенныхъ католикосомъ Мелкиседекомъ для Мцхетскаго собора частью отъ царей греческихъ Василія II и Романа, частью отъ другихъ лицъ. Актъ утверждаютъ царь айхазовъ куропалатъ Багратъ, кахетинскій царь Квирике и преемникъ Мелкиседека католикосъ Окропиръ. Свѣдѣнія послѣдняго акта вошли и въ Картлисъ-цховреба (Hist. de la Géor. t. I, pp. 312, 315—316), но они внесены туда, какъ я полагаю, редакціею царя Вахтанга VI. Грузинскій текстъ этого акта напечатанъ въ хрестоматіи Чубинова, стр. 203—208.

ო (о). Въ нашемъ актѣ мы читаемъ დგუმის, მეუფველთამცა, მეფუბის вмѣсто დგომის, მეოფველთამცა, მეფობის. Чаще такое явленіе встрѣчается въ указанномъ уже нами гуджарѣ временъ царицы Тамары[1]). Въ виду этого, по моему мнѣнію, появленіе ო вмѣсто უ и უ вмѣсто ო нельзя объяснить однимъ палеографическимъ способомъ и отрицать между ними всякое фонетическое родство, но пока большее количество фактовъ не будетъ прослѣжено, я отъ дальнѣйшихъ выводовъ воздерживаюсь.

Чтобы покончить съ нашимъ сигелемъ, намъ остается указать, что на оборотѣ его позднѣйшимъ почеркомъ мхедрули приведенъ текстъ другого акта. Этимъ актомъ царь аïхазовъ, грузинъ, ранцевъ, каховъ (кахетинцевъ), сомеховъ (армянъ) — ширваншахъ и шахинъ-шахъ и всего Востока и Запада владѣтель и царь царей Александръ жертвуетъ Шіомгвимской пустынѣ нѣсколько отдѣльныхъ участковъ земли съ обозначеніемъ ихъ границъ и размѣровъ и крестьянъ, которыхъ освобождаетъ отъ всѣхъ повинностей и оброковъ, за исключеніемъ воинской повинности. Подъ конецъ рукою текста читаемъ: «этотъ сигель утвержденъ Великимъ Александромъ».

Короникона, къ сожалѣнію, этотъ актъ не имѣетъ и потому не можемъ сказать, къ какому именно году онъ относится, но царь Александръ, здѣсь упоминаемый, можетъ быть никто иной, какъ сынъ Георгія, возобновитель Мцхетскаго собора (1413—1442), ибо другого Александра въ спискѣ карталинскихъ царей мы не знаемъ.

---

1) Например въ этомъ гуджарѣ читаемъ: მახარუბელისაით, თავსმდებუბით, შეამდგუმლობით, სასუს, სასუებაი, ქუნებასა, მქუნებელისაგან, вмѣсто: მახარობელისაით, თავსმდებობით, შეამდგომლობით, სასოს, სასოებაი, ქონებასა, მქონებელისაგან.

Е. Такай-швили.

25-го ноября 1893 г., г. Тифлисъ.

Св. Николай и Артемида Эфесская [1]).

Легенда о св. Николаѣ слагается изъ отдѣльныхъ мелкихъ разсказовъ или чудесъ, весьма распространенныхъ въ греческой, славянской и латинской литературахъ [2]). Однообразные и скучные по содержанію, они не рѣдко вознаграждаютъ читателя весьма интересными свѣдѣніями. Несомнѣнно, что большинство ихъ существовало уже въ IX вѣкѣ [3]). Въ X вѣкѣ они легли въ основу житія нашего святого [4]), написаннаго Симеономъ Метафрастомъ.

Наша рукопись отнесена Каталогомъ Британскаго Музея къ X вѣку. Самый текстъ, переведенный или заимствованный съ греческаго, безусловно долженъ считаться по содержанію старше X вѣка, т. е. старше житія, написаннаго Метафрастомъ. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ разсказовъ или чудесъ. Ни одинъ изъ этихъ разсказовъ не можетъ считаться новымъ

---

1) Сирійскій текстъ, на которомъ основывается настоящая статья, по моей просьбѣ списанъ былъ сирійцемъ г. Томасомъ въ Лондонѣ съ рукописи Британскаго Музея, Addit. 14645 (подъ № 952 въ каталогѣ W. Wright'a, см. на стр. 1112), содержащей сборникъ разныхъ житій святыхъ и датированной 1247 годомъ Селевкид. эры, т. е. 936 г. по Р. Х. Русскій переводъ текста по этой копіи сдѣланъ П. К. Коковцовымъ и по ней же напечатанъ сообщаемый имъ ниже отрывокъ сирійскаго оригинала, касающійся св. Николая и Артемиды Эфесской.

2) Арх. Леонидъ. Посмертныя чудеса св. Николая. *Памятн. Древн. Письм.* LXXII, Спб. 1888 г. Fabricius. Bibliotheca Graeca, t. X. Jacopo da Voragine. Legenda Aurea. См. еще *Рукоп. Катал. Имп. Спб. Публичной Библіотеки* и кат. проч. библ.

3) Assemanus. Kalendaria Ecclesiae Universae etc. Romae 1755. 4°, t. V, p. 410.

4) Migne. Patrol. Curs. Compl. Series Graeca, t. 116. Печатная Четья Минея 6-го декабря. Отдѣльно стоитъ житіе, изданное арх. Леонидомъ, Житіе св. Николая *Пам. Древн. Письм.* Спб. 1881 г. О немъ см. мое изслѣдованіе «Микола Угодникъ и св. Николай». Изд. Нео-филологическаго Общества. Спб. 1892 г. стр. 5 и слѣд.

актомъ о св. Николаѣ; напротивъ, первый изъ нихъ есть едва-ли не самый распространенный въ древней славянской и греческой письменности разсказъ о св. Николаѣ [1]). Слѣдующіе два, хотя и не столь часто попадающіеся, всетаки не новы [2]). Эти три разсказа сведены во едино очевидно однимъ списчикомъ, снабдившимъ ихъ соотвѣтственнымъ вступленіемъ и заключеніемъ.

Кромѣ внѣшняго единства можно подмѣтить и нѣкоторое внутреннее единство по содержанію и стилю. Мы не только имѣемъ три чуда, совершенныхъ св. Николаемъ при жизни, мы имѣемъ еще три самыхъ древнихъ сказанія; но всего больше это единство сказалось въ манерѣ излагать, въ стилѣ. Въ предлагаемомъ нами текстѣ всѣ три эпизода разсказаны чрезвычайно просто и обстоятельно. Этотъ характеръ стиля особенно поражаетъ, если сравнить описаніе спасенія трехъ невинно осужденныхъ гражданъ города Миръ у Метафраста и въ сирійской рукописи. Рядомъ съ витіеватымъ и подчасъ запутаннымъ изложеніемъ Метафраста живость и простота разсказа въ сирійской рукописи еще болѣе выигрываетъ. Я назвалъ бы эту черту реальностью стиля, если только позволено говорить о реализмѣ, когда идетъ дѣло о чудесахъ. Эта простота слога нѣсколько противорѣчитъ однако слогу вступленія и заключенія. Я отмѣчаю эту черту въ изложеніи также и потому, что она можетъ намекнуть намъ и на сравнительную древность содержанія.

Первое чудо, самое длинное, наименѣе однако интересно, хотя наша версія и нѣсколько отлична отъ наиболѣе распространенной и вошедшей въ компиляцію Метафраста: такъ, когда св. Николаю приходятъ сказать о грозящей нѣкоторымъ гражданамъ горькой участи и онъ вмѣстѣ съ тремя воеводами торопится на мѣсто казни, у Метафраста они идутъ по городу, и при этомъ упоминается о разныхъ названіяхъ частей Миръ [3]), а въ нашемъ текстѣ говорится, что они пошли въ городъ, т. е. св. Николай оказывается живущимъ внѣ города, очевидно въ построенномъ имъ монастырѣ [4]).

Эта послѣдняя версія естественнѣе и по самому смыслу разсказа: если бы все это происходило въ городѣ, незачѣмъ было бы св. Николаю распрашивать о томъ, гдѣ находятся осужденные, или во всякомъ случаѣ

---

1) Фабрицій l. c., Lambecius. Comment. de Biblioth. Caesarea etc. Vienna 1665—79, t. VIII и IV въ разныхъ мѣстахъ. Славянскіе см. г. А. А. *Труды Кіевской Дух. Ак.* 1873. XII, 243 прим.

2) Арх. Леонидъ. Посм. Чуд. св. Николая. Четья Минея.

3) Migne. l. c., p. 339.

4) См. житіе, изданное арх. Леонидомъ l. c.

ихъ было бы легче найти. Напротивъ, если люди, предупредившіе Николая, пришли къ нему за городъ и ему самому надо было добраться до города, то естественно было спросить жителей, не опоздалъ ли онъ прійти.

У Метафраста пропущенъ также эпизодъ, гдѣ св. Николай вламывается въ домъ правителя города и срамитъ его. Во всемъ остальномъ разсказъ въ нашей рукописи тождественъ съ Метафрастовскимъ.

Надо отмѣтить въ этомъ чудѣ еще то, что Миры оказываются станціей для Фригіи, преддверьемъ Фригіи съ южной стороны. Нѣсколько далѣе мы увидимъ, что эта географическая связь Ликіи съ Фригіей приведетъ насъ къ выводамъ и относительно ихъ культурной связи.

Второй разсказъ о чудесномъ увеличеніи количества хлѣба на корабляхъ, плывущихъ изъ Антіохіи въ Константинополь, сильно разнится отъ обыкновенныхъ версіи этого сказанія.

Всего чаще разсказывается, что святой явился въ голодный годъ купцамъ, торгующимъ хлѣбомъ, и они подъ вліяніемъ этого видѣнія привозятъ хлѣбъ въ Миры [1]). Нашъ разсказъ опять таки проще, потому что святой не является купцамъ, чтобы привлечь ихъ въ Миры, а просто пользуется тѣмъ, что они по дорогѣ останавливаются въ Мирахъ. Интересно что этотъ же разсказъ у Васа [2]) разсказанъ совершенно также, какъ и въ нашей рукописи. Тутъ также:

El tens de la graignor chertié
Qant graindre vente fut de blé,
Out saint Nicholas un message,
Car pres d'iloec a un rivage
Avoit plusors nés arivees
De blé e de forment comblees

У купцовъ также хлѣбъ оказывается свѣшанъ и они должны сдать его въ Константинополѣ, но послѣ нѣкоторыхъ колебаній они соглашаются дать хлѣбъ въ Миры. Когда они пріѣзжаютъ назадъ оказывается также, что весь хлѣбъ на лицо:

Apres s'en vont en lor pais,
Li forment livrent az bailliz,
Tutes lor mezures senz faille
Par conte ont rendu e par taille.

---

1) Migne, t. 116 l. c., Assemanus l. c. V, p. 415.
2) Maistre Wace's St. Nicholas herausg. v. dr. Delius. Bonn. 1850, 280—342.

Сказаніе о голодѣ само по себѣ весьма интересно, потому что оно, встрѣчаясь въ разныхъ типахъ житій, разсказывается однако совершенно различно. Я подробно разобралъ сказаніе о голодѣ, находящееся въ житіи, изданномъ арх. Леонидомъ, и постарался объяснить его, какъ отзвукъ стараго весенняго культа св. Георгія или Митры [1]). Разсказъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло теперь, не поведетъ насъ ни къ какимъ миѳологическимъ сближеніямъ, но стоитъ за то въ центрѣ цѣлаго ряда подобныхъ разсказовъ о морякахъ, пріѣзжающихъ въ Миры изъ Александріи, Антіохіи, Константинополя и даже Венеціи [2]). Что Миры были станціей на водномъ пути между Сиріей и Египтомъ съ одной стороны и Константинополемъ, Аѳинами и Италіей съ другой, можно считать не подлежащимъ сомнѣнію, какъ, мнѣ кажется, мнѣ и удалось показать [3]). Во всѣ времена по Средиземному морю велась между востокомъ и западомъ оживленная морская торговля; не только во время крестовыхъ походовъ, но и раньше Венеціанскіе и Генуэзскіе купцы содержали даже торговые конторы въ восточныхъ городахъ. Во время крестовыхъ походовъ эта торговля еще болѣе оживилась, и между Востокомъ и Западомъ завязывается даже правильное пассажирское сообщеніе [4]). Городъ Миры, какъ станцію, мы встрѣчаемъ между прочимъ и довольно поздно, когда мощи св. Николая уже были вывезены оттуда, — мы встрѣчаемъ ихъ въ путешествіи Фридриха II, т. е. въ XIII вѣкѣ [5]).

Но всѣ эти географическія подробности будутъ имѣть для насъ весьма важное значеніе, какъ фактическія данныя, на которыхъ можно установить болѣе поучительныя для историка литературы соображенія. Культурное значеніе Византіи, какъ великаго посредника между роскошной, хотя и дряхлѣвшей уже цивилизаціей Востока и столкнувшимися съ ней западными народами, достаточно показано: русская наука не мало сдѣлала уже въ этомъ отношеніи, не мало поспособствовала освѣщенію этихъ едва уловимыхъ во мракѣ прошлаго движеній мысли [6]).

Конечно, не одни только торговыя сношенія способствовали сближенію Востока съ Западомъ, не одни только торговые интересы привлекали и въ Миры. Въ двухъ чудесахъ есть упоминаніе о томъ, что люди торопились

---

1) См. мое изслѣдованіе: Микола Угодникъ и св. Николай, стр. 4 и слѣд.

2) Ibidem, стр. 7 и 21.

3) Ibid. 13 и слѣд.

4) См. Буркхардтъ. Культура Италіи. Спб. 1876 г., стр. 227, Heyd. Le commerce du Levant, t. I, Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge, 1883, книга 1, гл. III.

5) Приведено у Prutz'a l. c., p. 103.

6) Привожу самое послѣднее соч. А. Н. Веселовскаго. Боккаччьо, его среда и сверственники. Спб. 1893 г., стр. 20—29.

въ Миры на праздникъ св. Николая [1]). Трудно предположить, чтобы дѣло шло о зимнемъ праздникѣ нашего святого (6-го декабря). Очевидно, тутъ подразумѣвается какой нибудь лѣтній или весенній праздникъ. Извѣстія о такомъ праздникѣ мы дѣйствительно и находимъ въ житіи св. Николая — это праздникъ Руссалій (τῶν Ῥοσσαλίων). Къ сожалѣнію однако во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ житія этого типа то мѣсто, гдѣ говорится о Россаліяхъ или Руссаліяхъ, испорчено и оно носитъ какой-то странный характеръ: «Когда наступило время Руссалій *предка нашего святого* Николай пошелъ «въ митрополію на соборъ» [2]) т. е., также, какъ и при разсказѣ о голодѣ, въ житіи, изданномъ арх. Леонидомъ, самъ святой оказывается участвующимъ въ соблюденіи языческаго праздника [3]). Странно также это неожиданное появленіе второго, болѣе стараго св. Николая. Г. Томашекъ, основываясь на этомъ самомъ мѣстѣ изъ житія св. Николая, предположилъ существованіе христіанскаго обряда, носившаго это названіе. Я постараюсь однако показать, что это не совсѣмъ такъ: на основаніи приведенной выдержки мы должны предположить одно изъ двухъ: или къ старому языческому празднику былъ пріуроченъ святой и такимъ образомъ создалось это полуязыческое названіе. (Примѣры такого смѣшенія не трудно найти: довольно вспомнить, что къ языческому празднику Майи [въ началѣ мая] былъ пріуроченъ культъ Богородицы [4]) и къ старому празднику Ostara праздникъ Пасхи [5]), или списчикъ этого житія прибавилъ къ Россаліямъ слова «предка нашего святого» потому, что ему показалось страннымъ участіе святого на языческомъ праздникѣ, какъ было можетъ быть въ недошедшемъ до насъ болѣе старомъ спискѣ, и отсюда и произошло это появленіе двухъ св. Николаевъ въ одномъ городѣ.

Но такъ или иначе, мы на основаніи только этого одного мѣста не можемъ объяснять праздникъ Россалій, какъ христіанскій праздникъ, отличный отъ хорошо намъ извѣстнаго языческаго. Итакъ въ Мирахъ существовалъ старинный языческій праздникъ приблизительно около того же времени, когда празднуется весенній праздникъ св. Николая. Выяснить себѣ это совпаденіе, поможетъ намъ третій содержащійся въ нашемъ текстѣ разсказъ.

Какъ оба предыдущихъ чуда, это послѣднее излагается чрезвычайно

---

1) Посмертныя чудеса св. Николая, стр. 33.

2) См. текстъ, сообщенный г. А. А. въ Трудахъ Кіевск. Дух. Ак. 1873 г., XII; въ житіи, изд. арх. Леонидомъ, слово «Руссаліи» замѣнено сл. «Мирисаніе».

3) См. мое изслѣдованіе l. c., стр. 6.

4) Cortet. Essai sur les fêtes religieuses. Paris, 1867, p. 155.

5) E. Hermann. Die Walpurgisnacht. Manheimer Altertumsverein, 1888, Serie 2, p. 99.

просто и обстоятельно. Въ другихъ версіяхъ дѣло усложняется обыкновенно тѣмъ, что мореплавателямъ, взявшимъ масло, угрожаетъ на морѣ разыгравшаяся буря и тогда «пріиде скорый на помощь св. Никола, по морю хождаше яко по суху» [1]), такъ что не понятно, въ чемъ собственно чудо, въ укрощеніи бури или въ открытіи козней Артемиды. Оно относится также обыкновенно къ посмертнымъ чудесамъ св. Николая, и масло, данное Артемидой, предназначается для лампады у мощей святого. Въ нашемъ текстѣ дѣло идетъ о мести живому св. Николаю и волшебное масло должно сжечь церковь святого, т. е. очевидно храмъ св. Сіона, построенный св. Николаемъ. Итакъ и въ этомъ чудѣ, какъ и въ другихъ, изложеніе въ нашемъ текстѣ гораздо яснѣе и проще. У Васа разсказъ опять тождественъ съ сирійскимъ разсказомъ.

Наиболѣе интереснымъ и чрезвычайно важнымъ указаніемъ надо признать въ этомъ чудѣ отождествленіе Артемиды съ Матерью боговъ (Mater Deorum). Въ другихъ изложеніяхъ этого чуда мнѣ никогда не приходилось встрѣчать этого добавочнаго имени нашей Артемиды, и поэтому появленіе ея въ житіяхъ св. Николая навело меня на соображенія, которыя и не могли оказаться справедливыми [2]). Мѣсяцъ Артемиды есть весенній мѣсяцъ [3]) также, какъ и мѣсяцъ, когда празднуется св. Николай, но какіе аттрибуты были общи св. Николаю и Артемидѣ? Аттрибутовъ этихъ я не находилъ главнымъ образомъ оттого, что былъ сбитъ съ толку извѣстіемъ о пріуроченности культовъ Аполлона и Латоны къ Ликіи [4]). Это наводило меня на мысль, что встрѣчающаяся въ житіи Артемида есть греческая богиня Дѣвственница, а не Артемида Эфесская.

Но если только наша богиня названа Матерью боговъ, она очевидно Эфесская, а не греческая Артемида: Артемида Эфесская въ противоположность греческой считалась не дѣвственницей, а матерью, что особенно ясно «по ея изображенію съ большимъ количествомъ грудей» [5]). «Эфесская богиня есть богиня плодородія земли, какъ это показываютъ ея аттрибуты» [6]). Этимъ неожиданнымъ, казалось бы, свойствомъ Артемида роднится съ малоазійскими богинями Кюбелэ и Анаитисъ, сходными съ греческой Афродитой. Такъ въ Памфилійскомъ городѣ Перга чеканили монету съ изображеніемъ Артемиды Пергійской, похожимъ на малоазійскихъ богинь любви и

1) Печатная Четья Минея, Migne, t. 116 l. c.
2) См. мою книжку, стр. 12.
3) Oscar Seyffert. A Dictionary of class. Antiquities. London, 1891, p. 71.
4) Texier. L'Asie Mineure, p. 665.
5) O. Seyffert l. c. p. 72.
6) Maury. Histoire des religions de la Grèce etc, t. III, p. 155.

плодородія [1]). Стоя на рубежѣ восточныхъ и греческихъ культовъ, Эфесская Артемида должна была помирить ихъ противорѣчія: какъ лунныя божества, Анаитисъ и Кюбелэ смѣшивались съ лунной же богиней Артемидой [2]), получавшей отъ нихъ въ свою очередь чуждыя ей свойства.

Такимъ образомъ Эфесская богиня носила характеръ совершенно отличный отъ своей греческой тески. Но отдалившись и совершенно видоизмѣнившись, она осталась все-таки близка своему праобразу по ту сторону Геллеспонта: она была все-таки дочерью Латоны и сестрой Аполлона [3]). Въ Арменіи была даже богиня, прямо называвшаяся Артемида-Анаитисъ, и ея культъ носилъ характеръ вполнѣ гетерическій [4]). Отъ Кюбелэ и Анаитисъ близко и до Матери боговъ: Страбонъ даже не различалъ Матери боговъ и Кюбелэ [5]).

Культъ всѣхъ этихъ богинь сосредоточивался именно въ южной части Малой Азіи [6]). Матерь боговъ была божество Фригійскаго происхожденія. Кромѣ Пергійской Артемиды по всему южному побережью Малой Азіи было распространено поклоненіе «нѣсколькимъ другимъ Артемидамъ, напоминающимъ въ разной степени Эфесскую» [7]). Въ той же мѣстности осталось не мало воспоминаній и о Кюбелэ и Анаитисъ [8]).

Еще болѣе станетъ понятной близость этихъ богинь, если принять въ соображеніе отправленіе ихъ празднествъ. Въ праздникъ Артимиды Эфесской «носили изображеніе богини въ торжественныхъ шествіяхъ и пѣли ея гимны; нѣкоторые участники этихъ процессій наряжались и вооруженные толстыми палками предавались смѣшнымъ и неприличнымъ тѣлодвиженіямъ, которыя мы встрѣчаемъ позднѣе въ подобныхъ процессіяхъ въ средніе вѣка» [9]). Это описаніе слишкомъ напоминаетъ то, что извѣстно [10]) о процессіяхъ въ честь Матери боговъ: тѣ же оргіи, процессіи, пляски. Тотъ же вакхическій характеръ носили и Ѳракійскіе праздники въ честь Діониса, перешедшіе въ Праздникъ Розъ [11]) (Dies rosae, Rossaria, Rossalia).

1) Texier l. c., p. 599.
2) Maury, ibidem.
3) Guhl. Ephesiaca. Berlin, 1843, p. 119.
4) Maury l. c., p. 168.
5) Strabo X, 15 прив. у Maury l. c. 180.
6) Texier l. c. «Cybele erat summa Phrygum dea» (Strabo X, p. 469). Goehler, De Matris Magnae apud Romanos cultu. Lipsiae 1886, p. 3.
7) Maury l. c., p. 164.
8) Texier l. c.
9) Maury l. c., p. 158.
10) Réville. La religion à Rome etc. Paris, 1886, p. 63 etc.
11) Tomaschek. Brumalia und Russalia. *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Wiener Akademie.* Band 60, 1868, p. 352 и слѣд.

Цвѣты играли видную роль во всѣхъ этихъ праздникахъ: всюду гирлянды цвѣтовъ, путь усыпанный розами, украшеніе цвѣтами изображеній богинь [1]). Въ то же время цвѣты и преимущественно розы суть именно Фригійское украшеніе [2]): знаменитыя розы центифоліи, считавшіяся Ѳракійскими розами, привязываются къ миѳу о Мидасѣ, т. е. опять таки къ Фригіи.

Намъ удалось такимъ образомъ свести во едино всѣ три упоминаемые въ нашемъ житіи культа: Артемиды Эфесской, Матери боговъ и народный праздникъ Россалій, шумный и веселый, какъ и первые два. На всѣхъ этихъ трехъ праздникахъ разгульная и шумная толпа, усыпанная и пестрѣющая цвѣтами, носится въ вихрѣ плясокъ и шуточныхъ, мимическихъ забавъ подъ звуки флейтъ и пѣсней [3]).

Относительно календарной пріуроченности къ сожалѣнію нельзя прійти къ такимъ рѣшительнымъ выводамъ. Правда, Артемизій соотвѣтствуетъ концу апрѣля и началу мая [4]). Число можетъ конечно колебаться, и день праздника можетъ быть то въ концѣ, то въ началѣ мѣсяца, посвященнаго Артемидѣ. Это конечно еще подтверждаетъ нашу гипотезу о замѣнѣ языческаго праздника днемъ св. Николая. Праздники Руссалій и Матери боговъ колеблются [5]) однако еще гораздо больше. Можно утверждать только то, что оба эти праздника весенніе и приблизительно подходятъ къ тому времени, когда празднуется теперь св. Николай. Но отсутствіе положительныхъ данныхъ о томъ, сходились ли въ Ликіи эти праздники къ началу мая, не есть доказательство противнаго; насъ можетъ удовлетворить и возможность этого совпаденія, возможность, отрицать которую трудно.

Послѣ всего, что сказано, постепенность замѣны языческаго культа христіанскимъ можетъ считаться доказаннымъ, если только намъ удастся

---

1) Ibid., p. 355.

2) Ibid., p. 356.

3) Аристофанъ подсмѣялся надъ этими плясками дѣвушекъ, отличавшимися прыжками:

Οἷα παίζουσι φύλαι
Παρθένοι Λυδῶν κόραι
Κοῦφα πηδῶσαι κομῶσαι
Κανακρούουσαι χορείαν
Ἐφεσίαν παρ' Ἄρτεμιν
Κάλλιστα καὶ τοῖν ἰσχίοιν
Τὸ μὲν κάτω τὸ δ' αὖτ ἄνω
Ἐξαίρουσαι οἷα κίγκλος ἅλλεται.

(Nub. 599 sq.).

Это описаніе интересно, потому что можно указать полную аналогію съ плясками въ средніе вѣка, что свидѣтельствуетъ объ устойчивости обычая. См. Böhme. Geschichte des Tanzes in Deutschland. 1886, B. I, S. 40. См. также Cortet l. c.

4) O. Seyffert l. c., p. 71. Guhl l. c. § 11.

5) Goehler l. c., p. 10 и сл., 22 и сл. Tomaschek l. c., p. 376.

показать, какіе аттрибуты, какія свойства унаслѣдовалъ святой отъ своихъ дохристіанскихъ предшественниковъ. Въ моемъ изслѣдованіи о св. Николаѣ я уже искалъ источниковъ основнаго свойства этого святого—его дѣятельности, какъ спасителя на водахъ и укротителя бурь.

Въ этомъ основномъ характерѣ его дѣятельности мы увидимъ также наслѣдіе низвергнутой нашимъ святымъ Артемиды Эфесской. Артемида была сильна на морѣ и считалась даже водянымъ божествомъ [1]); на это указываетъ ея изображеніе съ рыбьимъ хвостомъ [2]). Какъ водяная богиня она носила названіе Potamia [3]) и въ этомъ отношеніи опять-таки приближалась къ Афродитѣ. Это сходство между морской дѣятельностью Артемиды и св. Николая заставляетъ измѣнить нѣкоторые выводы, сдѣланные мною въ моемъ изслѣдованіи объ этомъ святомъ. Несомнѣнно, что указанныя мною культурныя условія [4]) съиграли не малую роль въ установленіи новаго культа, но обосновать его они конечно не могли: необходима была длинная и сложная преемственность представленій, упрочившихся въ народной памяти.

То же самое можно сказать и о роли св. Николая, какъ покровителя лошадей: сельско-хозяйственное объясненіе [5]) есть опять-таки обстоятельство побочное, дающее жизненность миѳологическому представленію; объясненіе покровительства св. Николая лошадямъ вѣрнѣе искать въ странной на нашъ взглядъ особенности народной психики, заставляющей водяныхъ боговъ покровительствовать лошадямъ [6]). Эту общность моря и лошадей мы также находимъ у Артемиды Эфесской: «эта Артемида Потамія, какъ всѣ морскія божества, была также и лошадиное божество» [7]).

Въ заключеніе я обращу вниманіе еще на одно сближеніе, на которомъ однако не стану настаивать, хотя оно и просится подъ перо. У св. Николая есть одно чудо, гдѣ онъ оказываетъ покровительство дѣвушкамъ, которымъ предстоитъ участь продажныхъ женщинъ [8]). Быть можетъ и здѣсь можно видѣть отзвукъ тѣхъ празднествъ, которыя замѣнилъ день нашего святого? Ихъ гетерическій характеръ наводитъ на это сближеніе.

---

1) Guhl l. c. §§ 8 и 9.
2) Ibid.
3) Ibid., p. 125.
4) «Микола Угодникъ и св. Николай», стр. 13—16 и 18; см. также мою статью въ *Folk Lore*, June 1894, p. 108.
5) Ibid., стр. 40.
6) Guhl l. c., cp. Zingerle, S. Nicolaus. *Zeitschrift für Volkskunde*. B. II, Heft. 11.
7) Guhl l. c.
8) Печатная Четья Минея, Migne l. c., p. 323.

Е. Аничковъ.

Чудеса св. Николая, епископа города Миръ.

(Переводъ съ сирійскаго) [1]).

Поистинѣ дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, хранящихъ заповѣди Его и творящихъ волю Его знаменіями и чудесами и благими дѣлами, которыя Онъ содѣлываетъ чрезъ нихъ на помощь слабому роду людскому. Одинъ изъ нихъ—великій и святой епископъ Николай, который явился яркимъ свѣточемъ. Возсіялъ свѣтъ его въ городѣ Мирахъ, преимущественно же по всему міру повѣствуются подвиги и дивныя дѣла его: злыхъ духовъ онъ изгонялъ, идоловъ разрушалъ, клеветника посрамлялъ, ангеловъ радовалъ, ведомыхъ на несправедливое убіеніе избавлялъ, грозенъ и могучъ являлся притѣснителямъ, голодныхъ насыщалъ, мучающимся доставлялъ облегченіе, стѣсненныхъ утѣшалъ. А мы, несчастные, какъ не можемъ распредѣлять его божественныхъ добродѣтелей, то немногія чудеса, которыя сотворилъ Богъ святыми его руками, повторимъ на помощь слушателямъ, чтобы они выслушали и восхвалили Бога.

Въ царствованіе царя Константина случилось, что была война и возмущеніе въ мѣстности Фригіи. Вотъ, дошло это до слуха царя и онъ послалъ туда трехъ военачальниковъ съ большимъ войскомъ изъ конницы и пѣхоты, а имена этихъ военачальниковъ были: ’-бут-j-нось, Тур-сонъ и ’ри-л-jонъ [2]). Итакъ они, выступивъ изъ города Константинополя, пройдя по морю и по сушѣ и прибывъ къ Ликаоніи (ܠܘܩܢܝܐ; повидимому слѣд. чит. ܠܘܩܘܢܝܐ

1) См. выше, стр. 69, прим. 1.

2) Эти греч. имена (какъ и нѣкоторыя другія далѣе) искажены въ нашемъ сир. текстѣ; лучше сохранились они въ cod. №960 Wright'a, откуда и взята мною съ небольшимъ измѣненіемъ транскрипція послѣднихъ двухъ именъ. Въ греч. текстѣ имъ соотвѣтствуютъ: Νεπωτιανός, Οὖρσος и Ἑρπυλίων (знакомствомъ съ этими и другими именами греч. текста я обязанъ любезному сообщенію Е. В. Аничкова).

«Ликіи»), подвластной городу Мирамъ и бывшей вблизи и не отстоявшей далеко отъ него, (именно) около трехъ миль, вышли изъ своего судна на сушу въ томъ мѣстѣ, которое мы упомянули, чтобы ободриться (собств. «повеселиться», ܠܡܬܦܨܚܘ), такъ какъ море сильно поднялось противъ нихъ, и чтобы закупить себѣ съѣстныхъ припасовъ, годныхъ для ихъ путешествія. Такъ какъ они дерзко обходились съ людьми той мѣстности и несправедливо поступали съ ними въ куплѣ и продажѣ, то поднялось большое волненіе изъ за этого въ мѣстѣ, называемомъ παλάτιον (ܦܠܛܝܢ) [1]), такъ что крикъ ихъ былъ слышенъ въ городѣ Мирахъ. Когда услышалъ объ этомъ великій, святой Николай, епископъ церкви Божіей въ Мирахъ, то онъ вышелъ тотчасъ, не мѣшкая, къ тому мѣсту, чтобы видѣть причину того волненія. И было, когда увидѣли его всѣ люди тамошніе, то упали и поклонились ему; также и военачальники тѣ, узнавъ, что это епископъ мѣстности, тоже упали на лица свои и поклонились ему, встрѣтили его съ почтеніемъ и спросили объ его здоровьѣ. А онъ, святой Николай, спросилъ ихъ о причинѣ прихода ихъ. Они отвѣчали и сказали ему: «ради мира и усмиренія войны и возмущенія въ мѣстности Фригіи послалъ насъ царь». И онъ, святой, увѣщевалъ ихъ идти съ нимъ въ городъ, остановиться въ его домѣ и принять его благословеніе, прося ихъ приказать бывшимъ съ ними не притѣснять никого и не поступать ни съ кѣмъ несправедливо. Они немедленно поступили такъ, какъ онъ приказалъ имъ. И было, когда они разговаривали, вотъ пришли люди изъ города Миръ, поклонились ему и сказали: «почтенный господинъ нашъ! Если-бы святость твоя была въ городѣ, то, можетъ быть, правитель не посмѣлъ бы взять взятку и приказать несправедливо умертвить трехъ людей. Весь городъ чрезъ это полонъ большого волненія». И было, когда услышалъ это святой Николай, то увѣщевалъ тѣхъ военачальниковъ и они пошли съ нимъ въ городъ. И было, когда они пришли въ городъ, то онъ спросилъ о трехъ мужахъ тѣхъ, въ какомъ мѣстѣ приказано ихъ умертвить, и ему сказали, что въ мѣстѣ ’-j-л-j-нъ (ܐܠܝܢ) [2]), гдѣ умерщвляются злодѣи; и еще другіе сообщили и сказали ему: «вотъ чрезъ городскія ворота они выходятъ на казнь». Тогда святой побѣжалъ къ городскимъ воротамъ, но его увѣдомили, что они уже вышли. Онъ съ большимъ стараніемъ побѣжалъ, пока не догналъ ихъ, и онъ нашелъ въ томъ мѣстѣ много народа, собравшагося на зрѣлище, и палача (ܐܣܦܩܘܠܛܘܪ, σπεκουλάτωρ) съ мечемъ въ рукѣ, а мужей тѣхъ одѣтыми въ передники (ܦܪܝܙܘܡܐ, περίζωμα), со связанными руками и покрытыми лицами и шеями,

---

1) Въ греч. текстѣ: Πλακῶμα.
2) Въ греч. текстѣ: Λέων.

наклоненныхъ и ожидающихъ казни. Когда увидѣлъ это святой Николай, то воспылалъ Духомъ Святымъ, подбѣжалъ и вырвалъ мечъ у палача и бросилъ его на землю, (затѣмъ) приступилъ къ тѣмъ мужамъ, развязалъ узы ихъ, открылъ лица ихъ и повелъ ихъ, и пришелъ въ городъ къ дому правителя. И онъ, святой, нашелъ дверь запертою, сломалъ ее и вошелъ. Когда услышалъ правитель Евстаѳій [1]), что это святой Николай, то всталъ и бросился бѣгомъ на встрѣчу ему, и упалъ, и поклонился ему. Когда увидѣлъ его подвижникъ, то воспылалъ на него гнѣвомъ и сказалъ: «о, проливатель крови и грабитель святилищъ! Какъ дерзнулъ ты и не постыдился выйти ко мнѣ на встрѣчу, послѣ того какъ совершилъ такія злодѣйства? Ты долженъ знать теперь, что отнынѣ и впредь я не увижу болѣе твоего лица и еще напишу царю Константину и сообщу (ему) всѣ злодѣянія, содѣланныя тобою въ этомъ городѣ». Правитель, услышавъ это, упалъ къ ногамъ святого и умолялъ его съ большимъ плачемъ и сказалъ: «я прошу святость твою, господинъ мой, не гнѣвайся на меня, но выслушай раба твоего. Я, господинъ мой, не сдѣлалъ грѣха, но нѣкоторые изъ городскихъ сановниковъ, а это Евдоксіосъ и С-јун-н-досъ [2]), они побудили меня отдать это приказаніе». Святой же слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что около 200 литръ серебра взялъ правитель взятки за казнь этихъ мужей. Тогда тѣ военачальники стали увѣщевать святого помириться съ правителемъ и отпустить ему грѣхъ его. И они, военачальники эти, ѣли хлѣбъ съ блаженнымъ и просили его помириться съ правителемъ и помолиться о нихъ. Когда онъ помолился о нихъ, то вышелъ и проводилъ ихъ, и они тотчасъ взошли на свое судно и отправились моремъ, пока не достигли мѣстности Фригіи. Они вели тамъ войну, одержали побѣду и усмирили возмущеніе, и тогда вернулись съ радостью въ Константинополь. Царь и всѣ сановники его вышли на встрѣчу имъ и возрадовались, услыхавъ обо всемъ, что они сдѣлали въ той мѣстности, и они были постоянно во дворцѣ въ большомъ почетѣ. Тогда нѣкоторые изъ сановниковъ позавидовали имъ и условились умертвить ихъ. Они приступили тайно къ Б-л-біосу, царскому военачальнику, и просили его соблазнить царя къ умерщвленію этихъ трехъ военачальниковъ, прибывшихъ изъ Фригіи, и дали ему взятку изъ 700 золотыхъ и 1000 литръ серебра. Тогда онъ пошелъ къ царю и сказалъ ему: «господинъ мой, царь! Трое мужей этихъ, которыхъ посылало твое величество во Фригію, великое вѣроломство, слышалъ я, затѣваютъ противъ твоего царства. Я достовѣрно слышалъ о нихъ, что жители мѣст-

1) Это имя возстановлено по греч. тексту

2) Повидимому искажено изъ Σιμωνίδης греч. текста.

ности Фригіи заключили съ ними уговоръ возстать вмѣстѣ съ ними противъ твоего царства и вести съ нимъ войну. Услышавъ это, я не былъ споконенъ и вотъ сообщилъ твоему величеству, а теперь поступи, какъ угодно будетъ твоему величеству». Когда царь услышалъ это, то сильно разгнѣвался и отдалъ немедленно приказаніе и всѣ трое были брошены въ темницу. Послѣ того какъ они пробыли тамъ немного времени, пришли оклеветавшіе ихъ къ Б-л-біосу [1]) военачальнику и сказали ему: «зачѣмъ заключилъ ты этихъ мужей въ темницу, а не казнилъ ихъ? Вѣдь, пребывая въ темницѣ, они стараются о своемъ спасеніи втайнѣ». Услышавъ отъ нихъ это, онъ тотчасъ пошелъ къ царю и сказалъ ему: «господинъ мой, царь! Мужи эти, которыхъ ты повелѣлъ заключить, тайно замышляютъ, слышалъ я, вѣроломство». Царь отвѣчалъ ему и сказалъ: «вотъ они находятся въ темницѣ и все еще затѣваютъ вѣроломство противъ меня!» И онъ отдалъ приказаніе, чтобы они были выведены ночью и получили наказаніе. И было, когда услышалъ онъ это отъ царя, то призвалъ начальника надъ заключенными и сказалъ ему: «приготовь сегодня ночью трехъ мужей этихъ, такъ какъ царь приказалъ, чтобы они сегодня ночью получили наказаніе». Начальникъ надъ заключенными, услышавъ это, исполнился великой грусти и горько плакалъ. Онъ пошелъ въ темницу и сказалъ этимъ мужамъ, плача: «изумленъ я, дорогіе мои, съ какого величія вы низверглись и что вотъ я, несчастный, говорю съ вами. Завтра мы будемъ разлучены другъ съ другомъ, потому что царь повелѣлъ, чтобы вы получили сегодня ночью наказаніе. А теперь распорядитесь (слѣд. чит. ܦܩܘܕܘ?) [2]) о домахъ и имуществахъ вашихъ, прежде чѣмъ вы будете выхвачены изъ этого міра». Когда они услышали это отъ начальника надъ заключенными, то разорвали одежды свои и сбросили на землю волосы на головѣ своей, посыпали пепелъ на голову себѣ и стали молиться съ горькимъ плачемъ, говоря между собою: «что за грѣхъ и злодѣяніе мы сдѣлали, что вотъ скоро должны погибнуть?» И вспомнилъ тогда одинъ изъ нихъ, по имени Јаубут-ј-носъ, святого Николая и то, что онъ сдѣлалъ тѣмъ тремъ мужамъ, которыхъ спасъ отъ несправедливаго убіенія. Онъ возвысилъ въ сильномъ плачѣ голосъ свой и сказалъ: «Господи Боже! По молитвѣ святого Николая, раба Твоего, который именемъ Твоимъ избавилъ тѣхъ мужей отъ смерти, такъ же еще и насъ спаси, и помоги намъ въ этотъ часъ, и смилуйся надъ нами. И какъ ты спасъ, о святой Николай (ܢܝܩܘܠܐ), тѣхъ трехъ мужей отъ смерти, такъ же еще спаси и избави насъ, потому что, хотя ты и далекъ отъ насъ, но молитва твоя близка.

1) Въ греч. текстѣ: Ἀβλάβιος.

2) Въ текстѣ стоитъ ܦܩܕ = «онъ отдастъ приказаніе».

И тогда, когда мы спасемся по твоему ходатайству, то отправимся къ тебѣ, и придемъ и поклонимся твоей святости, и восхвалимъ Господа Бога, избавителя нашего». Когда Јаубут-ј-носъ сказалъ это, всѣ трое отвѣчали ему въ одинъ голосъ съ просьбою и мольбою и сказали: «Господи и Боже нашъ, по молитвѣ святого Николая помоги намъ въ этотъ часъ»! Въ ту же ночь явился царю во снѣ св. Николай и сказалъ ему: «Константинъ, пробудись, встань и выпусти трехъ мужей тѣхъ, которыхъ ты заключилъ въ темницу, потому что несправедливо они притѣсняются. Если же ты не захочешь слушаться моего голоса, то превеликія войны я наведу на тебя отъ враговъ твоихъ и отдамъ тѣло твое на съѣденіе птицамъ небеснымъ, и еще я буду твоимъ обвинителемъ предъ грознымъ трономъ царя Христа». И отвѣчалъ царь и сказалъ ему: «кто ты и какъ дерзнулъ ты войти въ этотъ часъ во дворецъ?» Святой отвѣчалъ и сказалъ ему: «я грѣшный Николай, епископъ Миръ и Ликіи». И, сказавъ это, онъ удалился отъ него. Онъ явился еще тотчасъ во снѣ къ Б-л-біосу, царскому военачальнику, и сказалъ ему: «пробудись, встань и выпусти этихъ трехъ мужей, которыхъ ты заключилъ въ темницу, и отпусти ихъ съ миромъ. Если же ты будешь противиться и не сдѣлаешь ничего изъ того, что я сказалъ тебѣ, то я ввергну тебя въ жестокую болѣзнь и черви съѣдятъ тѣло твое и всѣхъ твоихъ домочадцевъ, а въ будущемъ мірѣ я буду обвинять тебя предъ страшнымъ сѣдалищемъ великаго царя Христа, который придетъ судить живыхъ и мертвыхъ». И отвѣчалъ Б-л-біосъ, военачальникъ, и сказалъ: «кто ты, говорящій это?» Святой отвѣчалъ и сказалъ: «я рабъ Божій Николай, епископъ Миръ и Ликіи». И, сказавъ это, блаженный удалился отъ него. Тогда проснулся царь и позвалъ главнаго изъ служителей своихъ и разсказалъ ему, что онъ видѣлъ во снѣ своемъ, и приказалъ ему пойти къ Б-л-біосу, военачальнику своему, и сообщить ему это. Когда слуга этотъ пошелъ къ Б-л-біосу и разсказалъ ему видѣнный царемъ сонъ, тотъ отвѣчалъ и сказалъ ему: «и мнѣ также видѣлось (нѣчто) подобное этому сну». Онъ отдалъ тотчасъ приказаніе и вышли мужи тѣ изъ темницы, и привели ихъ предъ царя и сановниковъ его, и обратился (къ нимъ) царь и сказалъ: «сообщите мнѣ, какимъ чародѣйствомъ съумѣли вы показать намъ эти сны». Когда они услышали (это), то изумились и не могли сказать ему слова. И онъ еще снова сказалъ имъ то же самое. Тогда Јаубут-ј-носъ отвѣчалъ (ему) и сказалъ: «господинъ мой, царь вседержавный! Мы чародѣйства не знаемъ, а мы — христіане. И если мы замышляли вѣроломство и злодѣйство противъ твоего царства, то отдай приказаніе и мы умремъ горькой смертью». Тогда царь сказалъ имъ: «знаете ли вы человѣка, по имени Николая?» Услышавъ отъ царя о Николаѣ, они обратились всѣ трое съ мольбою громкимъ голосомъ и сказали:

«Боже святого Николая, смилуйся надъ нами! И подобно тому какъ ты спасъ въ Ликіи тѣхъ трехъ мужей, которыхъ приказано было несправедливо умертвить, такъ же точно и насъ спаси отъ этого несчастія, въ которое мы ввергнуты, потому что несправедливо мы осуждены»! Когда царь услышалъ отъ нихъ это, то онъ сказалъ имъ: «кто этотъ Николай?» И отвѣчалъ тотчасъ 'наубут-j-носъ, и сообщилъ, и разсказалъ ему все, что сдѣлалъ блаженный и какъ онъ избавилъ трехъ мужей тѣхъ, которыхъ велѣно было несправедливо умертвить. Тогда обратился (къ нимъ) царь и сказалъ имъ: «знайте, что не я даровалъ вамъ жизнь, но святой Николай, которому вы молились. Теперь ступайте къ нему и обрѣйте волосы на головахъ вашихъ у него, какъ вы обѣщали». И царь далъ имъ блюдо и чаши золотыя и два золотыхъ канделябра и послалъ ихъ въ Ликію, которая въ мѣстности города Миръ[1]). Они отправились и пришли къ святому Николаю, и обрили волосы свои у него, и роздали обильные подарки бѣднымъ. И они пребывали, поступая такъ, многіе годы, восхваляя и прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, избавившаго и спасшаго ихъ отъ несправедливой смерти по молитвѣ святого Николая.

Еще во времена этого святого и великаго Николая сильный голодъ былъ въ мѣстности Ликаоніи (ܠܘܩܘܢܝܐ; повидимому, опять слѣд. читать ܠܘܩܝܐ = «Ликіи»). Одинъ разъ пришли изъ Александріи нагруженныя пшеницею суда, шедшія въ Константинополь, и, прибывъ къ городу святого, вошли въ тамошнюю гавань. Святой, узнавъ, что они нагружены пшеницею, вышелъ въ гавань и сказалъ морякамъ: «отпустите изъ этой пшеницы, чтобы мы купили у васъ и не погибли отъ голода». Моряки отвѣчали и сказали ему: «пшеница эта принадлежитъ государству и мы не можемъ ничего изъ нея вамъ продать». И сказалъ имъ подвижникъ: «ну чтожъ, дайте мнѣ каждое судно по 100 мѣръ (ܡܕ̈ܝܐ, μόδιοι), а когда вы прибудете въ Константинополь, то все, что будетъ недоставать вамъ, я тамъ отдамъ вамъ». Они отпустили и дали ему съ вѣрою сто мѣръ отъ каждаго судна. Тогда сталъ имъ пріятный вѣтеръ и они шли, пока не прибыли въ Константинополь. Когда они смѣрили пшеницу, то она нисколько не уменьшилась, а какъ (была) при выходѣ ихъ изъ Александріи, такою и нашли ее. Увидѣвъ чудо это, они восхвалили Бога, исполняющаго желаніе любящихъ Его. А святой взялъ эту пшеницу и снесъ ее нуждающимся, и они ѣли ее весь тотъ годъ и осталось отъ нея у нихъ на посѣвъ, и всѣ они восхвалили Бога и прославили святого Николая.

---

1) Здѣсь лучше читать: ܠܡܘܪܘܢ ܡܕܝܢܬܐ ܕܒܐܬܪܐ ܕܠܘܩܝܐ, т. е. «въ городъ Миры, который въ мѣстности Ликіи».

Еще же святой Николай изгналъ и выслалъ изъ Ликаоніи (ܠܘܩܢܝܐ; опять слѣд. чит. ܠܘܩܝܐ «Ликіи») именемъ Господа нашего Іисуса Христа Артемису (ܐܪܛܡܝܣ, Ἄρτεμις), которую язычники называютъ матерью боговъ. И было, когда она была изгнана святымъ, то пошла и изготовила чародѣйное масло, чтобы сжечь городъ Миры и церковь его. Она уподобилась женщинѣ христіанкѣ и нашла людей на морѣ, хотѣвшихъ отправиться въ Миры и поклониться святому Николаю, и сказала имъ: «прошу васъ взять это масло съ собою и помазать имъ святую церковь въ Мирахъ, и вспомянуть меня тамъ». Они взяли отъ нея это масло въ ея сосудѣ, не зная коварства, которое въ немъ. И когда они шли моремъ, явился имъ святой Николай въ небольшомъ суднѣ (ܩܪܒܐ, καράβιον) и сказалъ имъ: «братья мои, что, что сказала вамъ та женщина обманщица?» Они сообщили и показали ему сосудъ, въ которомъ было то масло. И онъ сказалъ имъ: «не слушайтесь голоса ея, такъ какъ это Артемиса обманщица, которая сбиваетъ людей съ истины. А теперь бросьте сосудъ, въ которомъ (находится) масло, въ море и посмотрите, что съ нимъ будетъ». Когда они бросили его, то сдѣлался жестокій огонь и побѣжалъ по поверхности воды на 15 миль пути. Увидѣвъ (это), они изумились и восхвалили Бога. И было, когда они прибыли въ городъ Миры, то пошли къ святому Николаю и получили отъ него благословеніе, и сказали ему: «поистинѣ это ты явился въ морѣ, о блаженный отецъ нашъ, и сотворилъ великое чудо». И они разсказали ему все, что было. И помолился о нихъ подвижникъ и благословилъ ихъ, и они пошли отъ него, восхваляя Бога [1]).

---

[1]) ܬܘܒ ܕܝܢ ܩܕܝܫܐ ܢܝܩܘܠܐܘܣ ܛܪܕ ܘܐܦܩ ܠܐܪܛܡܝܣ ܗܝ ܕܚ̈ܢܦܐ ܩܪܝܢ ܠܗ̇ ܐܡܐ ܕܐܠܗ̈ܐ ܡܢ ܠܘܩܢܝܐ ܒܫܡܗ ܕܡܪܢ ܝܫܘܥ ܡܫܝܚܐ. ܘܗܘܐ ܕܟܕ ܐܬܛܪܕܬ ܡܢ ܩܕܝܫܐ ܐܙܠܬ ܘܥܒܕܬ ܡܫܚܐ ܚܪܫܘܬܐ ܐܝܟܢܐ ܕܬܘܩܕ ܠܡܘܪܐ ܡܕܝܢܬܐ ܘܠܥܕܬܗ ܘܐܬܕܡܝܬ ܠܐܢܬܬܐ ܟܪܣܛܝܢܝܬܐ ܘܐܫܟܚܬ ܐ̈ܢܫܐ ܒܝܡܐ ܕܒܥܝܢ ܕܢܐܙܠܘܢ ܠܡܘܪܐ ܘܢܣܓܕܘܢ ܠܩܕܝܫܐ ܢܝܩܘܠܐܘܣ. ܘܐܡܪܬ ܠܗܘܢ ܒܒܥܘ ܐܢܐ ܡܢܟܘܢ ܕܬܣܒܘܢ ܡܫܚܐ ܗܢܐ ܥܡܟܘܢ ܘܬܡܫܚܘܢ ܒܗ ܥܕܬܐ ܩܕܝܫܬܐ ܕܒܡܘܪܐ ܘܬܬܕܟܪܘܢܢܝ ܬܡܢ. ܘܢܣܒܘ ܡܢܗ̇ ܡܫܚܐ ܗܘ ܒܡܐܢܗ̇ ܟܕ ܠܐ ܝܕܥܝܢ ܠܢܟܠܐ ܕܒܗ. ܘܟܕ ܪܕܘ ܒܝܡܐ ܐܬܚܙܝ ܠܗܘܢ ܩܕܝܫܐ ܢܝܩܘܠܐܘܣ ܒܩܪܒܐ ܙܥܘܪܐ ܘܐܡܪ ܠܗܘܢ. ܐܘ ܐܚ̈ܝ ܡܢܐ ܡܢܐ ܐܡܪܬ ܠܟܘܢ ܐܢܬܬܐ ܗܝ ܡܛܥܝܢܝܬܐ. ܐܘܕܥܘܗܝ ܘܚܘܝܘܗܝ ܠܗ ܠܡܐܢܐ ܕܐܝܬ ܒܗ ܡܫܚܐ ܗܘ. ܘܐܡܪ ܠܗܘܢ ܠܐ ܬܫܡܥܘܢ ܒܩܠܗ̇ ܡܛܠ ܕܐܪܛܡܝܣ ܡܛܥܝܢܝܬܐ ܐܝܬܝܗ̇ ܗܝ ܕܡܛܥܝܐ ܠܒܢ̈ܝܢܫܐ. ܗܫܐ ܕܝܢ ܫܕܘ ܠܡܐܢܐ ܕܒܗ ܡܫܚܐ ܒܝܡܐ ܘܚܙܘ ܡܢܐ ܗܘܐ ܒܗ. ܘܟܕ ܫܕܐܘܗܝ ܗܘܐ ܢܘܪܐ ܥܫܝܢܬܐ ܘܪܗܛܬ ܥܠ ܐܦ̈ܝ ܡܝܐ ܐܝܟ ܚܡܫܥܣܪ ܡܝܠܝܢ ܒܐܘܪܚܐ. ܘܟܕ ܚܙܘ ܘܐܬܕܡܪܘ ܘܫܒܚܘ

Эти чудеса сотворилъ Господь чрезъ раба Своего, святого Николая, когда онъ былъ въ жизни тлѣнной, что же до тѣхъ, которыя случились послѣ его смерти, то нѣтъ человѣка, который исчерпалъ бы ихъ: бѣсовъ онъ изгонялъ, больныхъ излечивалъ, терпящимъ зло даровалъ здоровье, былъ непрестанно великимъ убѣжищемъ для тѣхъ, которые въ несчастіи и притѣсненіи, освободителемъ и спасителемъ ввергнутыхъ въ темницу и избавителемъ пораженныхъ морскими бурями, являлся явно бывшимъ въ нуждѣ и непрестанно молился за весь міръ и за грѣшниковъ предъ Господомъ нашимъ и Богомъ, Спасителемъ, Іисусомъ Христомъ, Которому (да будетъ) слава и восхваленіе, и славословіе, и прославленіе (вмѣстѣ) со всеблагимъ Отцомъ Его и Живымъ и Святымъ Духомъ Его во вѣки вѣковъ. Аминь.

Окончился разсказъ о чудесахъ, совершенныхъ Богомъ чрезъ великаго и славнаго святого, Николая.

ܠܐܠܗܐ . ܗܘܐ ܕܝܢ ܡܢܟܐ ܠܥܠܡܝܢ ܡܫܝܚܐ ܟܠܗ ܠܗܘ ܩܕܝܫܐ ܢܝܩܘܠܐܘܣ
ܘܐܬܒܪܟܘ ܡܢܗ ܘܐܬܚܪܘ ܒܗ . ܘܬܪܐܬܐ ܕܐܬܠ ܗܘ ܐܬܝܗܒܬ ܟܠܒܝܐ ܐܘ ܐܝܟ ܨܠܘܬܗ
ܥܕܡܐ ܠܡܠܟܘܬܐ ܫܡܝܐ . ܘܬܫܒܘܚܬܐ ܒܟܠܗܘܢ ܕܗܘܐ ܘܠܟܠ ܠܟܠܗܘܢ ܚܝܐ
ܡܢ ܐܝܟ ܘܐܪܟܐ ܥܡ ܠܗܘܢ ܒ ܡܫܝܚܝܢ ܠܐܠܗܐ .:.

Перевелъ **П. Коковцовъ.**

Пѣсня-сатира „Викторъ-бай".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1891 года я былъ въ городѣ Кокандѣ и, познакомившись съ мѣстнымъ казіемъ, переѣхалъ съ почтовой станціи къ нему въ домъ. Гостепріимный хозяинъ, въ видѣ особаго вниманія къ своему гостю, пригласилъ вечеромъ одного пѣвца-бачу съ двумя другими припѣвалами. Эти три пѣвца пропѣли нѣсколько пѣсенъ и между прочимъ, пѣсню о Худояръ-ханѣ (напечат. въ Записк. Вост. Отд. И. Р. А. О. за 1887 г., т. II, стр. 189—194) и пѣсню-сатиру «*Викторъ-бай*». Обѣ эти пѣсни были исполнены, подъ аккомпаниментъ двухъ мѣдныхъ круглыхъ подносовъ, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, которое передавалось и собравшейся на улицѣ большой толпѣ туземцевъ. На другой день мнѣ удалось достать текстъ пѣсни «Викторъ-бай», который и печатается здѣсь вмѣстѣ съ переводомъ. Эта пѣсня имѣетъ то особенное значеніе, что ясно говоритъ объ отзывчивости сартовъ къ современнымъ дѣламъ и лицамъ.

Герой пѣсни «Викторъ-бай» (Викторъ Дмитріевъ Ахматовъ) былъ главнымъ управляющимъ Кокандской конторы брат. Каменскихъ и имѣлъ съ ферганскими туземцами, а также съ бухарскими евреями и авганцами торговыя сношенія на сотни тысячъ рублей: онъ принималъ отъ нихъ хлопокъ на коммиссію и для транспортированія и доставлялъ имъ европейскіе товары. Въ Кокандѣ онъ былъ извѣстенъ еще до покоренія Ферганы и пользовался большимъ довѣріемъ ферганскихъ туземцевъ, которые нерѣдко ввѣряли ему на храненіе большія суммы. Сдѣлавшись потомъ главнымъ управляющимъ конторы бр. Каменскихъ, онъ, съ разрѣшенія своихъ хозяевъ, велъ не только торговыя операціи своихъ довѣрителей, но и свою личную торговлю, получая отъ конторы въ кредитъ до 30 т. рублей. Но когда, въ 1889 г,, присланный брат. Каменскими довѣренный Сѣр-

ковъ обревизовалъ дѣла Кокандской конторы и обнаружилъ въ кассѣ недочетъ въ 16 тысячъ руб., тогда Ахматовъ, по совѣту одного своего пріятеля—ходатая по дѣламъ, рѣшилъ увеличить растрату до 300 тыс. рублей, такъ какъ, по словамъ этого пріятеля, по закону, отвѣтственность за растрату въ обоихъ случаяхъ одинакова.

Ахматовъ сталъ собирать деньги по счетамъ конторы, но часть денегъ оставлялъ у себя, а свое имущество (дома) перевелъ на другое лицо. Такимъ образомъ недочетъ по конторѣ довѣрителей въ октябрѣ 1889 г. возросъ до 207 тыс. руб., и противъ Ахматова возбужденъ былъ формальный искъ. Тогда же предъявили къ Ахматову свои требованія туземцы и особенно авганцы, изъ которыхъ одинъ грозилъ даже зарѣзать Ахматова, если онъ не уплатитъ ему долга. Ахматовъ перевелъ свои долговыя обязательства на контору Каменскихъ, а самъ выѣхалъ подъ чужимъ паспортомъ въ Тифлисъ, въ надеждѣ, что въ его отсутствіе его ходатай уладитъ дѣла. Но когда ходатай Ахматова былъ арестованъ, тогда вернулся въ Кокандъ и Ахматовъ и тоже былъ арестованъ. Въ августѣ 1892 г. дѣло это было разсмотрѣно въ Ферганскомъ Областномъ Судѣ и Ахматовъ за растраты и подлоги былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ арестантское отдѣленіе на полтора года. (См. Моск. Вѣд. отъ 29-го сентября 1892 г. № 270, стр. 4—5).

Но туземный поэтъ, кокандецъ Мадаминъ-Ходжа (онъ же Мукыми) еще раньше произнесъ свой судъ надъ Викторъ-баемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Текстъ[1]).

هجو بیکتور بای

I

قصّه بازی دفترکا آلغان ایکان بیکتور بای
بایلار بای[2]) بایلارکا کاردان ایکان بیکتور بای
معلوم مشهور خوقندغه شیطان ایکان بیکتور بای
گنْتورالار ایچنده یمان ایکان بیکتور بای
تیمور صندوق دیکانی یلغان ایکان بیکتور بای

1) [Н. П. Остроумовъ прислалъ текстъ въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ названъ «копіей». При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось между ними мѣстами разница. «Копія» иногда даетъ лучшее чтеніе. Въ примѣчаніяхъ мы отмѣтимъ всѣ разночтенія «копіи». В. Р.].

2) Въ копіи بایی, что мнѣ кажется лучше.

٢

خِسَّتْ حارص[1] دونـان‌لار خـوشـامـدكــو نیجه‌سی
مـشـورت نی بابنده[2] بــاردور[3] ایـردی کیجه‌سی
مـالْ متاع وهمت[4] لـیـك سنكا بـیـردی اخجه‌سی[5]
مـن دـانـهٔ بُخته دیـب آلـدیـنـك جهان اخجه‌سی
سنكا بـیـركان آدم‌لار نـادان ایـكان بـیـكـتـور بـــای

٣

شیكوه[6] قـیـلـسـام جـایـز دور زمانه‌لار نــــه بولدی
بـاطـل مـذهـب مروّج مسلمان‌لار خــــار[7] بولدی
بیكتور تـوتـكان ایشیكا[8] یـوراك بغریم قـان بولدی
كیمكه سنكا پـــل بیردی كوب بخشی دیب قول قویدی
بیر عُمرانی[9] ایـشـلاری ارمـان ایـكان بـیـكـتـور بای

٤

مــــن مُنعم دیـــب یـوركان‌لار دور دوران سوركان‌لار
فراست نی یولینه[10] عـاقـل مــــن دیـــب یوركان‌لار
مینك لَكْ صومنی[11] بیركان‌لار یغلاب كیلیب یوركان‌لار
. . . . [13]
اندیجان لیك بـــی چـاره مهمان ایـكان بـیـكـتـور بای

---

1) Въ копіи دریص.
2) Копія بابیده.
3) Въ копіи بارور, что мнѣ кажется лучше.
4) Оба списка وهمك, что кажется мнѣ совершенно невозможнымъ.
5) Копія اقچه‌سی.
6) Въ копіи правильнѣе شكوه. Это — арабск. شكوة.
7) Въ копіи правильнѣе خوار.
8) Въ копіи توتغان ایشیغه.
9) Въ копіи بر عمر الار.
10) Въ копіи یولیده.
11) Въ копіи سوم نی.
12) Въ обоихъ спискахъ одна строка пропущена.

٥

بولماس دعا اجابت بی تقوی [1]) بی طاعت
کورماس جنّت یوزینی هرکیمکا [2]) یوق دیانت
مؤمن قللار قیلمایدور امانتکه [3]) خیانت
ارزان ایماس بی علّت قیمت ایماس بی حکمت
نا انصاف بی توفیق آلکان ایکان بیکتور بای

٦

بیلماسلارنی بیلدوردینک سوت [4]) خور کونکلین تیندوردینک
مکر حیله ایشلاتیب قوناق قیلیب قوندوردینک
کوب بایلارنی سیندوردینک سوت [4]) خور کونکلین تیندوردینک
یوق جایلارنی [5]) اوندوروب صندوق [6]) پلاکا تولدوردینک
بیر کوراشکا یقینکان پالوان [7]) ایکان بیکتور بای

ПЕРЕВОДЪ.

1.

Разсказчикъ занесъ въ тетрадь — Викторъ-бай!

Что среди самыхъ богатыхъ богачей былъ дѣльцомъ — Викторъ-бай.

(Но) Коканду было извѣстно-переизвѣстно, что шайтанъ былъ — Викторъ-бай,

Что въ дѣлахъ конторы (Каменскихъ) былъ дурнымъ человѣкомъ — Викторъ-бай,

Что такъ называемый желѣзный сундукъ его оказался ненадежнымъ, — Викторъ-бай!

---

1) = بی تقوی و.

2) Въ копіи کیم ده.

3) Въ копіи امانتکا.

4) Въ копіи правильнѣе سود.

5) Въ копіи جایلار دین.

6) Въ копіи صندوغینک противъ размѣра.

7) Въ копіи برکوراش ده یقینقان پهلوان.

2.

Нѣсколько скупыхъ, жадныхъ, низкихъ льстецовъ ночью сходились для совѣщаній.

Скряги (боящіеся за свои богатства) дали тебѣ свои деньги.

Ты выбралъ у всѣхъ людей деньги, говоря:

«Я надежный крѣпкій домъ» (т. е. за мной не пропадетъ)

Дававшіе тебѣ деньги были глупцы — Викторъ-бай!

3.

Мнѣ можно жаловаться: что за время настало!

Ложное ученіе возымѣло успѣхъ, а мусульмане сдѣлались обиженными;

Сердце мое обливается кровью отъ дѣлъ Викторъ-бая....

Кто давалъ тебѣ деньги, тотъ расписывался, говоря: «очень хорошо»! (т. е. считалъ обезпеченнымъ себя)

Они всю жизнь будутъ раскаиваться, Викторъ-бай!

4.

Тѣ, которые считали себя щедрыми, которые наслаждались временемъ,

Тѣ, которые считали себя на пути мудрости, разсудительными,

Которые дали тысячи сотенъ тысячъ руб., теперь ходятъ плачущими.

. . . .

Это были — Андижанскіе скряги-гости, — Викторъ-бай!

5.

Молитва не будетъ принята безъ благочестія, безъ покорности;

У кого нѣтъ чести, тотъ не увидитъ лица рая...

Вѣрные рабы не дѣлаютъ злоупотребленій по отношенію къ своимъ довѣрителямъ;

«Дешевое не будетъ такимъ безъ причины, дорогимъ не будетъ безъ мудрости» (пословица)

Безчестно, безбожно обобралъ (деньги) — Викторъ-бай!

6.

Ты проучилъ несвѣдущихъ, сердца ростовщиковъ ты успокоилъ (такъ какъ имъ нечего будетъ давать въ ростъ)

Дѣйствуя обманомъ и хитростью, ты оказывалъ гостепріимство (тѣмъ, у кого хотѣлъ взять денегъ),

Многихъ богачей ты обанкротилъ и сердца ростовщиковъ успокоилъ.

Забирая даже у бѣдныхъ деньги, ты пополнялъ свой сундукъ.

Съ одной схватки валялъ на землю противника богатырь Викторъ-бай! (т. е. сразу дѣлалъ банкротами тѣхъ, кто входилъ съ нимъ въ денежныя сдѣлки).

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ, 2-го января 1893 года.

Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ Минской династіи.

[По поводу книги Д. Покотилова: «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ 1368—1634 гг. (По китайскимъ источникамъ). Спб. 1893].

Успѣшная разработка историческихъ вопросовъ по китайскимъ источникамъ обусловливается въ значительной степени выборомъ пособій, упрощающихъ работу. При необъятности количественной, китайская литература ставитъ едва-ли не бóльшія затрудненія научной разработкѣ своими качественными особенностями. Разбросанные по многимъ томамъ и подавляющіе своею детальностью сырые историческіе матеріалы требуютъ огромной предварительной затраты полумеханическаго труда, пока они придутъ въ годный для обработки видъ. Своды ихъ по мѣстностямъ и годамъ, сопоставленіе мелкихъ данныхъ, относящихся къ одному и тому же факту, анализъ текстовъ, трактующихъ объ одномъ и томъ же въ различныхъ выраженіяхъ, все это необходимо сдѣлать раньше, чѣмъ приступить къ строго научной работѣ, а это утомляетъ и отнимаетъ время и силы. Между тѣмъ въ китайской литературѣ имѣются сочиненія, представляющія собою своды лѣтописныхъ, или взятыхъ у различныхъ авторовъ, данныхъ въ дословныхъ выпискахъ, написанныя часто лучшими китайскими учеными съ большимъ знаніемъ дѣла и литературы; въ этихъ-то произведеніяхъ оказывается уже выполненною совершенно или отчасти та полумеханическая работа, которая такъ трудно дается европейцамъ. Примѣръ: одними изъ важнѣйшихъ первоисточниковъ для исторіи монголовъ при настоящей династіи въ Китаѣ являются «Біографіи вановъ и гуновъ вассальныхъ монгольскихъ и туркестанскихъ аймаковъ», издаваемыя особымъ комитетомъ въ Пекинѣ 欽定外藩蒙古回部王公表傳. Совершенно сырой біографическій матеріалъ этихъ послужныхъ списковъ сведенъ по хронологическому прин-

ципу въ сочиненіи Хуанъ-чао-фань-бу-яо-лё 皇朝藩部要略. Здѣсь годъ за годомъ дословно выписываются изъ различныхъ біографій всѣ данныя, относящіяся къ одному времени по всей Монголіи. Ни субъективнаго освѣщенія историческихъ явленій, ни оцѣнки лицъ, ни новыхъ противъ біографій свѣдѣній Фань-бу-яо-лё не знаетъ, но тѣмъ не менѣе оно представляетъ собою весьма полезное пособіе при изученіи первоисточниковъ и спасаетъ отъ многихъ часовъ лишней работы. Такихъ сводовъ сырыхъ матеріаловъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ въ китайской литературѣ множество, и ихъ болѣе чѣмъ необходимо имѣть подъ руками при научныхъ работахъ. Нельзя довѣряться имъ съ безусловностью, потому что даже въ самомъ тщательномъ изданіи первоисточниковъ могутъ оказаться разности и недочеты въ отношеніи къ оригиналу, но провѣрять ихъ показанія, сличая ихъ съ первоисточникомъ, уже несомнѣнно легче, чѣмъ производить самому всю или часть выполненной другими работы.

На это замѣчаніе вызываетъ насъ недавно появившаяся въ русской исторической литературѣ книга г. Покотилова. Авторъ ея положилъ въ основаніе своихъ изслѣдованій Минскую исторію 明史 въ ея первоначальномъ видѣ и употребилъ много труда и дарованій на то, чтобы изъ разбросанныхъ историческихъ матеріаловъ составить связное цѣлое. Работа выполнена имъ прекрасно и принятый имъ методъ изслѣдованія — строго наученъ и совершенно правиленъ, но г. Покотиловъ выбралъ труднѣйшій изъ всѣхъ путей къ достиженію своей цѣли, взявъ лично на себя всѣ упомянутыя подготовительныя работы, и при этомъ во 1-хъ огромная затрата труда оказалась непроизводительной, во 2-хъ въ сочиненіи замѣчается неполнота изслѣдованія и промахи; избѣжать и того и другаго не представляло особаго затрудненія, если бы авторъ воспользовался облегчающими работу пособіями. Безспорно лучшимъ, самымъ полнымъ и удобнѣе другихъ расположеннымъ дословнымъ сводомъ матеріаловъ для исторіи различныхъ инородцевъ китайской имперіи является знаменитая энциклопедія имп. Канси Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ 古今圖書集成. Она помѣщаетъ данныя о монголахъ при Минской династіи 蒙古部 во второй своей части 方輿彙編 въ отдѣлѣ о пограничныхъ земляхъ 邊裔典. Въ основу свода, построеннаго въ строго хронологическомъ порядкѣ, положены здѣсь главы объ ойратахъ и монголахъ изъ лѣ-чжуань 列傳 въ Минъ-ши, но кромѣ нихъ приводятся выдержки изъ другихъ сочиненій. Таковы:

а) Цанъ-ся-цао-бэй-лу-као 蒼霞草北虜考. Изслѣдованіе Цанъ-ся-цао о сѣверныхъ варварахъ;

б) Минъ-хуй-дянь 明會典. Сводъ законовъ Минской династіи;

в) Минъ-да-чжэнъ-цзи 明大政記. Записки о великомъ Минскомъ правленіи;

г) Минъ-ши-цзи-ши-бэнь-мо 明史紀事本末. Систематическій сводъ данныхъ Минъ-ши;

д) Минъ-и-тунъ-чжи 明一統志. Географія Минской династіи.

Главная масса фактовъ, собранная въ Минъ-ши, повторяется, комментируется и варіируется въ этихъ сочиненіяхъ на разные лады, и Ту-шу-цзи-чэнъ приводитъ эти разсказы дословно годъ за годомъ, одинъ послѣ другаго, давая полную возможность желающему сличать и разбираться въ ихъ варіантахъ. Нельзя однако сказать, чтобы изложенія различныхъ авторовъ были лишь пустою перефразировкою Минъ-ши; часто попадаются здѣсь и новыя данныя, и новыя сопоставленія, и новыя лица, и хронологическія разности, и варіанты въ собственныхъ именахъ. Были ли у авторовъ подъ руками другіе источники, или всѣ эти данныя разбросаны по одиночкѣ въ разныхъ частяхъ той же Минъ-ши, доселѣ неизвѣстно. Но если даже вѣрно послѣднее, то въ династіонныхъ анналахъ и отыскать и разобраться въ матеріалахъ неимовѣрно трудно; здѣсь же они всѣ подъ рукою, удобно-собранные и расположенные. Для фактическаго указанія всѣхъ выгодъ подобнаго свода требуется детальный пересмотръ всей работы г. Покотилова, что не можетъ быть допущено размѣрами нашей замѣтки. Но чтобы не быть голословными, мы очертимъ вкратцѣ роль каждаго изъ названныхъ сочиненій въ отдѣлѣ о монголахъ въ энциклопедіи.

«Бэй-лу», пишетъ Цанъ-ся-цао въ своемъ изслѣдованіи, «на востокъ простираются до Урянхайцевъ, на западъ до Ойратовъ. Вся эта земля вмѣстѣ съ Урянхайцами послѣ подданства Китаю образовала территорію подвластныхъ (Срединной Имперіи) варваровъ. Убѣжавъ, они овладѣли пустынею Шамо и явились бѣдствіемъ Китая. То распадаясь, то соединяясь, то возвышаясь, то упадая, они производили постоянные набѣги и были отражаемы. Такъ было послѣ Юаньской династіи»[1]). Мы имѣемъ дѣло слѣдовательно со спеціальнымъ сочиненіемъ о монголахъ Минскаго времени, но не о центральныхъ только, какъ можно было бы заключить по опредѣленіи территоріи Бэй-лу; авторъ въ изложеніи даетъ все то, что содержатъ главы объ ойратахъ и монголахъ и еще пополняетъ ихъ данными, взятыми, нужно думать, изъ біографій выдающихся лицъ Минскаго времени. Въ силу этого такія событія какъ Ту-мусская катастрофа[2]) или исторія Ань-да[3])

---

1) Т. Ш. Ц. Ч. Бянь-и-дянь цз. 136. Мэнъ-гу-бу-хуй-као-и, л. 2.
2) Ib. Хуй-као-эр, л. 6—9.
3) Ib. Хуй-као-сань, л. 13 и слѣд.

изложены здѣсь гораздо подробнѣе, нежели въ «Да-дань-чжуань» и «Ва-ла-чжуань» Минъ-ши. Часто мы находимъ здѣсь цѣлые діалоги и диспуты, которые г. Покотиловъ собиралъ по біографіямъ. Но не полнотѣ даже придать необходимо важнѣйшее значеніе здѣсь, а тому, что въ Ту-шу-цзи-чэнъ все сочиненіе разложено и сопоставлено по годамъ съ Минскою исторіей. Это даетъ возможность пользоваться имъ, какъ комментаріями. «При послѣднихъ императорахъ Юаньской династіи», пишетъ г. Покотиловъ, «ойраты находились подъ властью одного сильнаго главаря Мэнкэ-тэмура»[1]). Цанъ-ся-цао легко даетъ возможность видѣть здѣсь ошибку. Онъ пишетъ: 當洪武時强臣猛可帖木兒據其地, т. е. во времена Хунъ-ву въ этой землѣ утвердился сильный начальникъ Мэнкэ-тэмуръ[2]). Становится понятнымъ, что и выраженіе Ва-ла-чжуань 元亡, употребленное въ данномъ случаѣ, значитъ не «при концѣ Юаньской династіи», а «по паденіи Юаней[3])».

Подъ 1434 годомъ Цанъ-ся-цао сообщаетъ о походахъ Цзань-бу 昝卜, старшины Алутаевыхъ племенъ, на Ганьсу. Здѣсь же отчетливо говорится, что аймакъ Ха-ла-чжэнь 哈喇嗔 покорился Алутаю въ 1434 году, и что жилъ этотъ аймакъ въ это время на сѣверѣ степи[4]). Послѣднее показаніе имѣетъ для насъ значительную цѣнность, потому что доселѣ ничего не было извѣстно о перекочевкѣ Харациновъ съ сѣвера степи на самый юго-востокъ Монголіи къ Великой стѣнѣ, гдѣ мы видимъ его теперь, и даже Мэнъ-гу-ю-му-цзи не говоритъ ни о чемъ подобномъ. Здѣсь же упоминается о сынѣ А-лу-тая А-бу-чжи-ань 阿卜只俺, а До-эр-чжи-бо называется сыномъ А-тая, и посему его выдающаяся роль въ странѣ по преемству отъ отца становится понятною[5]).

Такихъ пополненій изъ сочиненія Цань-ся-цао можно внести множество. Къ сожалѣнію библіографическихъ данныхъ о немъ намъ не удалось отыскать въ китайскихъ каталогахъ, а потому вопроса объ его компетентности и достовѣрности мы касаться здѣсь не можемъ. Источниковъ своихъ оно не указываетъ, и цитатъ въ его текстѣ ни одной не встрѣчается. Считаемъ нужнымъ прибавить, что имѣющееся въ нашей Университетской библіотекѣ сочиненіе Хуанъ-минъ-бэй-лу-као 皇明北虜考, Изслѣдованіе о монголахъ при Минской династіи, совершенно особый трудъ отъ цитуемаго въ

---

1) Стр. 32.
2) Т. Ш. Ц. Ч. Ib. Хуй-као-и, л. 8.
3) Ib. л. 8 об.
4) Ib. л. 15.
5) Ibidem.

Ту-шу-цзи-чэнъ, гораздо болѣе короткій и вовсе не имѣющій такой цѣнности.

О сочиненіи Минъ-хуй-дянь китайская библіографія пишетъ слѣдующее: Составлено оно въ 1477 г. Сюй-бо 徐溥 и другими, а позднѣе въ 1509 г. исправлено Ли-дунъ-ян'омъ 李東陽. Въ 180 цзюаняхъ содержатся главнымъ образомъ законы для 6 министерствъ, а точнѣе 1-ая цзюань — уложеніе для Цзунъ-жэнь-фу 宗人府, 2—163 уложеніе для министерствъ, 164—178 для ученыхъ и двѣ послѣднія—для военныхъ должностей [1]). Такимъ образомъ Минъ-хуй-дянь является прямымъ источникомъ для временъ Минской династіи. Правда, судя по выдержкамъ въ Ту-шу-цзи-чэнъ, ея содержаніе для нашего предмета захватываетъ самое ограниченное число вопросовъ, стоящихъ въ связи съ юридическими отношеніями монголовъ къ Минскому двору, но это совершенно новая точка зрѣнія сравнительно съ Минъ-ши, и потому она можетъ быть плодотворной. Приведемъ нѣсколько выдержекъ:

Подъ 1426, 1427, 1428 и 1431 гг. Минъ-хуй-дянь разсказываетъ о представленіи монголами ко двору дани, Минъ-ши же эти годы проходитъ вовсе молчаніемъ. Подъ 1426 г. записано: «Ойратскій Тай-пинъ 太平 умеръ, сынъ его Нѣ-лѣ-ху 捏烈忽 преемственно награжденъ званіемъ сянь-и-вана 賢義王. Тогонъ, сынъ Махаму, получилъ званіе шунь-нинъ-вана 順寧王. За каждое представленіе дани ко двору шунь-нинъ-вана и пословъ отдаривали за каждый сортъ дани особыми вещами, а именно: за каждую лошадь средняго разряда — цвѣтнымъ атласомъ на двѣ пары платья, а сверхъ того деньгами уплачивали стоимость двухъ кусковъ тафты; за лошадь низшаго разряда отдаривали пеньковой матеріи однимъ кускомъ и изъ 8 кусковъ тафты за одинъ кусокъ деньгами; за лошадь самаго низшаго разряда — 6 кусками тафты и за одинъ кусокъ деньгами. За каждаго верблюда—цвѣтнымъ атласомъ на три пары платья и сверхъ того деньгами за 10 кусковъ тафты. За оставленныхъ и павшихъ въ дорогѣ лошадей или за родившихся жеребятъ, за каждую голову — 3 кусками тафты и сверхъ того за полъ-куска тафты деньгами; за родившагося же на дорогѣ верблюженка — 6 кусками тафты и за 1 кусокъ деньгами. За кречетовъ — одной парой платья; за 200 горностаевыхъ шкурокъ — 12 парами платья, за двѣ шкурки соболей — одной парой платья, за 10 бѣличьихъ шкурокъ — однимъ кускомъ тафты; за одну рысь — $7^1/_2$ куск. тафты» [2]).

---

1) Сы-ку-цюань-шу-цзянь-му-лу 四庫全書簡目錄 Цз. 8. л. 10.
2) Т. Ш. Ц. Ч. Ib. Хуй-као-и, л. 15.

Показанія Минъ-хуй-дянь, не богатыя съ фактической стороны, тѣмъ особенно и цѣнны, что они показываютъ намъ сорты дани и отплату за нихъ со стороны китайцевъ. Отсюда мы можемъ заключить о естественныхъ произведеніяхъ Монголіи въ данный періодъ, сравнительно съ настоящимъ временемъ.

Подъ 1437, 1438, 1439, 1440, 1441, 1443, 1444 и 1445 годами въ Минъ-хуй-дянь опять помѣщены данныя о посольствахъ изъ разныхъ мѣстъ Монголіи. Минъ-ши умалчиваетъ о нихъ вовсе [1]).

Подъ 1477 г. пишется: «Мань-лу-ду 滿 魯 都 (sic) и Цзя-цзя-сылань отправили ко двору посольство въ 4000 человѣкъ во главѣ съ Тунъ-ха-а-ху-ла 桶 哈 阿 忽 剌 съ данью изъ верблюдовъ и лошадей въ 5000 головъ. Разрѣшено было войти въ предѣлы Китая только 1700 лицамъ. Послѣ этого среди монголовъ начались междоусобія и власть Мань-лу-ду упала» [2]). Этимъ показаніемъ вносится отсрочка для смерти Цзя-цзя-сы-лан'а, котораго Да-дань-чжуань хоронитъ еще въ 1473 году.

Подъ слѣдующимъ годомъ Минъ-хуй-дянь помѣщаетъ интересный сводъ цифръ: изъ сколькихъ лицъ монголы отправляли отъ себя посольства и сколькихъ пропускали.

Въ 1488 г.	пришло	болѣе	6000	чел.,	пропущено	1500
» 1490 »	»	»	3500	»	»	1500
» 1491 »	»	»	5000	»	»	1700
» 1496 »	»	»	3000	»	»	1000
» 1497 »	»	»	6000	»	»	2000

Въ столицу изъ нихъ проникали около 500 человѣкъ, остальные на пути оставались въ Да-тунъ-фу на работахъ [3]).

О сочиненіи Минъ-да-чжэнъ-цзи въ библіографіяхъ не сообщается ничего и въ Ту-шу-цзи-чэнъ оно цитуется одинъ разъ въ вопросѣ о Тумуской катастрофѣ [4]).

О Минъ-ши-цзи-ши-бэнь-мо въ библіографіи значится слѣдующее: «составлено при настоящей династіи Гу-инъ-тай'емъ 谷 應 泰. Вслѣдъ затѣмъ Чжанъ-дай-ши 張 岱 石 обработалъ его и раздѣлилъ на 80 главъ. Каждая глава говоритъ отдѣльно о всемъ вопросѣ, подобно какъ въ Цзинь-шу 晉 書. Предметы же расположены въ системѣ, т. е. сходные соединены, различные — порознь. Слогъ — изящный. Хотя и попадаются непра-

1) Ibidem. Као-эр, л. 2—3.
2) Ib. Као-сань, л. 4.
3) Ib. л. 5.
4) Ib. Као-эр, л. 4—6.

вильные взгляды, но вообще должно сказать, это стройное, гармоническое произведеніе»[1]). Для исторіи монголовъ оно примѣнено одинъ разъ, именно при описаніи похода ойратовъ и плѣненія ими императора Чжэнъ-туна. Всѣ обстоятельства этого дѣла изложены здѣсь на 19 страницахъ текста, гдѣ собраны не только всѣ данныя о походѣ и его послѣдствіяхъ, но также длиннѣйшіе монологи императора и чиновниковъ о мѣрахъ, которыя предпринимали и думали предпринимать противъ Эсэня. Они взяты изъ лѣчжуань Минъ-ши [2]).

Изъ Минъ-и-тунъ-чжи сдѣлана также только одна выдержка подъ 1392 г., гдѣ сообщается, что тогда былъ командированъ съ войскомъ цзянъ-цзюнь Чжоу-синъ 周興 наказать кочевниковъ за ихъ преступленія; онъ преслѣдовалъ ихъ до горъ Чэ-чэ-р-шань и нанесъ имъ жестокое пораженіе. Съ этого времени кочевники въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ не осмѣливались приближаться къ границѣ» [3]). Это показаніе нѣсколько расходится съ изложеніемъ г. Покотилова и, перенося битву у горъ Чэчэр-шань на 4 года раньше, указываетъ положительную причину наступившаго затишья.

Одною изъ важнѣйшихъ заслугъ г. Покотилова является уясненіе имъ отношеній и связи монголовъ съ государствами притяньшанскими. Ту-шу-цзи-чэнъ группируетъ матеріалы для исторіи этихъ государствъ главнымъ образомъ въ двухъ отдѣлахъ: о Турфани 土魯番部考[4]) и Хами 哈密部考[5]). Здѣсь сведены въ системѣ всѣ данныя изъ Минъ-ши, а кромѣ того въ главѣ о Турфани подъ 1430 г. приводятся выдержки изъ неизвѣстнаго доселѣ, кажется, сочиненія 四譯館考, Сы-и-гуань-као, Изслѣдованія о переводческой палатѣ, содержащаго весьма интересныя новости о внутренней жизни страны [6]).

Говоря о Турфани, нельзя опустить подмѣченную нами въ одномъ случаѣ ошибку г. Покотилова. На стр. 186 онъ сообщаетъ о походѣ Аньда на Турфань. Между тѣмъ Ту-шу-цзи-чэнъ пишетъ 俺答方西掠土番 о набѣгѣ Аньда на Туфаней, т. е. тибетцевъ или тангутовъ, обитавшихъ можетъ быть въ Ганьсу [7]).

Обратившись въ той же энциклопедіи къ отдѣлу Ту-фань-бу-као 土番部考, дѣйствительно подъ годами Лунъ-цинъ находимъ свѣдѣнія объ

---

1) Сы-ку-цюань-шу-цзянь-му-лу Цз. 5, л. 32.
2) Т. Ш. Ц. Ч. Ib. Као-эр, л. 9—19.
3) Ib. Као-и, л. 7.
4) Op. cit. Бянь-и-дянь цз., 85
5) Цз. 72.
6) Ib. Цз. 85. Ту-лу-фань-као, л. 1—2.
7) Ib. Цз. 138. Као-сы, л. 6.

отношеніяхъ Ань-да къ тангутамъ за это время. Здѣсь мы получаемъ нѣкоторыя данныя о сношеніяхъ его съ хутухтою изъ У-сы-цзан'а 烏斯藏, т. е. Тибета, о роли двухъ сыновей Ань-да Бинъ-ту 丙兎 и Бинь-ту 賓兎 въ Ганьсу и ихъ отношеніяхъ къ буддизму и имѣемъ возможность воспользоваться показаніями неизвѣстнаго еще сочиненія Ѣ-сянъ-гао-цань-ся-цао, 葉向高蒼霞草 [1].

Отдѣлъ о Хами изложенъ въ Ту-шу-цзи-чэнъ еще болѣе подробно, и сочиненіе Ѣ-сянъ-гао-цань-ся-цао играетъ въ немъ весьма видную роль [2].

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ въ книгѣ г. Покотилова обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе.

Личность Ань-да или Алтанъ-хана имѣетъ несомнѣнно первенствующую роль по культурному значенію во всемъ періодѣ; какъ распространитель буддизма онъ явился подготовителемъ и первою жертвою той новой политики Китая съ кочевниками, которая въ настоящее время доведена до своего апогея. Вотъ что писалъ по этому поводу Вэй-юань 魏源, знаменитый авторъ Шэнъ-ву-цзи 聖武記: «Слабость монголовъ составляетъ силу Китая. Обуздывать монголовъ посредствомъ желтой религіи оказывается лучшею политикою Срединной имперіи. И конечно, даже съ точки зрѣнія монгольскихъ интересовъ, для нихъ гораздо лучше жить покойно, рости и множиться, не имѣя другой заботы какъ о водѣ и пастбищахъ, чѣмъ налетать на границы, подобно Гуннамъ и Туркамъ, держать Китай постоянно подъ ружьемъ и заливать равнины человѣческой кровью. Эта политика можетъ быть названа обуздывающею звѣрство посредствомъ ученія о наградахъ и наказаніяхъ. Дѣйствительно и Китай и внѣшнія земли глубоко обязаны Цзонхавѣ. Должно прибавить, что привязанность монголовъ къ желтой вѣрѣ началась съ князя Ань-да, а личная приверженность послѣдняго къ буддизму имѣетъ свой источникъ въ его женѣ Сань-нянъ-цзы. Три знаменитыхъ государственныхъ человѣка Минской династіи держали бразды правленія въ этомъ отношеніи очень искусно, затягивая или отпуская ихъ, смотря по надобности. И по сему не только Минская династія въ продолженіи 50 лѣтъ чувствовала себя свободною отъ пограничныхъ войнъ, но и Маньчжурское правительство пользуется 200-лѣтнимъ періодомъ мира, и такимъ образомъ доброе дѣло одного любвеобильнаго человѣка остается удѣломъ нашего народа до сего дня [3]).

---

1) Ту-шу-цзи-чэнъ Бянь-и-дянь, цз. 72. Ту-фань-бу-хуй-као-сы, л. 10 и сл.

2) Ib. Бянь-и-дянь. Цз. 72.

3) Wei-Jüan on the Mongols. Journ. of the China Branch of the R. As. Soc., vol. XXII, p. 101—102.

Вопросъ поставленъ Вэй-юанемъ очень широко, но къ сожалѣнію въ краткой замѣткѣ не сообщается ничего о томъ, на основаніи какихъ данныхъ онъ самъ выработалъ себѣ такой взглядъ на личность Алтанъ-хана. О подобной дипломатической игрѣ съ религіей въ Монголіи г. Покотиловъ не сообщаетъ намъ ничего, за исключеніемъ краткаго упоминанія о докладѣ Ванъ-чунъ-гу, и по его исторіи нельзя даже догадаться, какихъ это трехъ государственныхъ людей называетъ Вэй-юань родоначальниками умиротворяющей политики Китая. О религіозной роли Сань-нянъ-цзы мы не знаемъ также ничего. Нужно однако думать, что если не для времени Ань-да, то для общей исторіи буддизма въ Средней Азіи при Минской династіи можетъ быть полезенъ изъ Ту-шу-цзи-чэнъ отдѣлъ объ Тангутскихъ буддистахъ 番 僧 部. Объ Ань-да мы также находимъ здѣсь нѣсколько упоминаній [1]).

На стр. 168—169 г. Покотиловъ сообщаетъ, что во времена Ань-да китайскіе перебѣжчики среди монголовъ «исповѣдывали какую-то особенную вѣру Бо-лянь 白 蓮 и знали много фокусовъ, которые выдавали монголамъ за чудеса». Едва-ли не первое извѣстіе объ этомъ фактѣ сообщено въ европейской литературѣ въ VI т. нашихъ «Записокъ». «Осѣдлостью своею Анда обязанъ былъ бѣжавшимъ изъ Китая послѣдователямъ политическаго тайнаго общества Бѣлаго Ненюфара; преслѣдуемые китайскими войсками, они перешли изъ Шань-си подъ покровительство Анды и старались распространить между монголами навыкъ къ осѣдлой жизни, земледѣлію и китайской кухнѣ» [2]). Такимъ образомъ Бо-лянь, или какъ обыкновенно называютъ Бай-лянь-цзяо 白 蓮 教, есть ученіе Бѣлаго Ненюфара, приверженцы котораго доставляли такъ много хлопотъ и Минскому и Дайцинскому правительствамъ въ Китаѣ. Вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ монголамъ является совершенною новостью въ исторіи и ожидаетъ своего выясненія.

На стр. 209 г. Покотиловъ пишетъ: «Въ 1595 г. главарь Сун'скаго 松 племени (сунниты?) произвелъ нападеніе на пограничныя области провинціи Шэнь-си». Предположеніе о распространеніи магометанства въ юго-восточной Монголіи при Минской династіи намъ кажется довольно рискованнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ Сунъ 松 разумѣется здѣсь Сунъ-мо 松 漠, древнее названіе мѣстности къ сѣверу отъ Си-фынь-коу. Гора

---

1) Ib. Цзюань 84. Фань-сэнъ-бу, л. 16.

2) См. Замѣтки Арх. Палладія о путешествіи въ Китай казака Петлина. Зап. В. Отд. И. Р. Арх. Общ. Т. VI, стр. 306. Замѣтки эти дышатъ огромною эрудиціею покойнаго синолога и нужно глубоко сожалѣть объ отсутствіи при нихъ цитатъ, при которыхъ онѣ были бы гораздо плодотворнѣе.

Сунъ-шань 松山 (стр. 210) лежала въ бассейнѣ рѣки Да-линъ-хэ. Существуетъ сочиненіе Сунъ-мо-цзи-вэнь 松漠紀聞, написанное Хунъ-хао 洪皓, сунскимъ 宋 посломъ къ Цзинь'цамъ 金. Цзинь'цы жили тогда у горы Лэнъ-шань 冷山, находившейся въ области верхней столицы 上都. Департаментъ Хуй-нинъ-фу 會寧府 былъ переименованъ изъ Танскаго округа Сунъ-мо-ду-ду-фу. Отсюда и названіе книги [1]).

Въ заключеніе своей замѣтки мы считаемъ долгомъ сказать, что ею нисколько не уменьшается значеніе работы г. Покотилова. Въ Ту-шу-цзи-чэнъ далеко не вошли всѣ матеріалы, бывшіе въ распоряженіи у нашего автора, и если у послѣдняго оказывается неполнота и промахи въ одномъ отношеніи, то пользованіе первоисточниками въ подлинникѣ помогло ему избѣгнуть многихъ подводныхъ камней, съ которыми всегда встрѣчается работающій по даннымъ изъ вторыхъ рукъ. Напр. имя Маньдагулъ-хана транскрибируется въ Ту-шу-цзи-чэнъ всюду Мань-лу-ду 滿魯都 [2]), что труднѣе отожествить съ оригинальнымъ именемъ. Что всего страннѣе,— и Минъ-ши пишетъ всюду Мань-лу-ду, за исключеніемъ не вошедшаго въ Ту-шу-цзи-чэнъ отдѣла о До-янь, гдѣ значится Мань-ду-лу. Благодаря только всестороннему изученію первоисточника, г. Покотиловъ нашелъ наиболѣе вѣрную китайскую транскрипцію. Точно также онъ указываетъ 1408 г. какъ годъ смерти Гуй-ли-чи (стр. 33), цитуя Бэнь-цзи; въ энциклопедіи же по Да-дань-чжуань и Бэй-лу-као неправильно говорится, что Гуй-ли-чи умеръ въ 1405 г. [3]). Впрочемъ здѣсь и не было рѣчи о безусловномъ довѣріи къ Ту-шу-цзи-чэнъ; мы утверждаемъ только, что это отличное пособіе для исторіи инородцевъ, на которое къ сожалѣнію синологи доселѣ мало обращаютъ вниманія.

---

1) Сы-ку-цюань-шу-цзянь-му-лу. Цз. 5, л. 44.
2) Т. III. Ц. Ч. Мэнъ-гу-бу-хуй-као-сань, л. 3.
3) Ib. Као-и, л. 8.

Димитрій Позднѣевъ.

Основы арабскаго стихосложенія[1].

VII.

Въ связи съ разборомъ ритмовъ въ Книгѣ о Композиціи находится вопросъ о совпаденіи музыкальнаго ритма со стихотворнымъ. Къ нимъ примѣняются одни и тѣ-же названія: правда, безразсудно было бы вывести заключеніе изъ двойственнаго употребленія سريع и خفيف, — понятіе о быстротѣ и легкости черезчуръ уже общее мѣсто, — однако, не слѣдуетъ имъ пренебрегать въ виду повторенія этого явленія по поводу менѣе избитыхъ терминовъ هزج и رمل.

Алій Испаганскій[2]) сообщаетъ, что ابن محرز, самъ родомъ изъ Персіи, объѣздивъ, подобно многимъ другимъ, Иранъ и Румъ въ поискахъ за мелодіями, فاسقط من ذلك ما لا يستحسن من نغم الفريقين واخذ محاسنها فمزج بعضها ببعض وألف منها الاغانى التى صنعها فى اشعار العرب فاتى بما لم يسمع مثله وكان يقال له صناج العرب «выкинулъ всѣ неподходящіе тоны обѣихъ системъ, присвоилъ себѣ ихъ красоты и преимущества, сочеталъ ихъ вмѣстѣ и сочинилъ по нимъ вполнѣ оригинальные мотивы къ арабскимъ поэзіямъ, — его и прозвали арабскимъ арфистомъ». Надо себѣ представить работу въ родѣ той, благодаря которой маститому Verdi удалось впитывать въ себя ученія Rossini и Wagner'а, оставаясь совершенно самобытнымъ музыкантомъ и не кормя итальянцевъ неудобоваримою нѣмецкою музыкою будущаго. Со словъ Исхака, Алій прибавляетъ, что اول من غنى الرمل ابن محرز — «Ибнъ Мохризъ первый пѣлъ въ *ремелъ*», каковой,

---

1) См. Зап. В. О. т. VII, стр. 83 и сл.

2) Агâни I ١٥٠—١٥١.

будто бы съ его легкой руки [1]), персы пріурочили къ своимъ пѣснямъ уже во время Гаруна ар-Решида. Въ другомъ мѣстѣ [2]), Алій Испаганскій утверждаетъ про пресловутаго mignon طويس [3]) что: وهو اول من صنع الهزج والرمل فى الاسلام [4]) وكان يقال احسن الناس غناء فى الثقيل ابن محرز وفى الرمل ابن سريج وفى الهزج طويس وكان الناس يضربون به المثل فيقال اهزج من طويس. Алій и не думаетъ согласовать одно свѣдѣніе съ другимъ; значитъ, или трудно было разобраться въ этой путаницѣ, или не стоило терять время на развязываніе гордіева узла; въ данномъ случаѣ придется послѣдовать примѣру Александра Великаго и просто разсѣчь его. По-моему, ни ابن محرز'у ни طويس'у не принадлежитъ честь изобрѣтенія *ремеля.*

Взвѣсимъ хорошенько слова: «Онъ первый сочинилъ *hезеджъ* и *ремелъ* въ исламѣ»; ясно, что до ислама или же у не-мусульманъ существовало нѣчто подобное. Дѣйствительно ли персы научились у арабовъ *ремелю* въ Багдадѣ и тутъ же сразу превзошли своихъ наставниковъ وأوّل من غنّى الرمل بالفارسية سلمك فى ايام الرشيد استحسن لحنا من الحان ابن محرز [5])? Дѣйствительно ли هزج и رمل, едва вызванные къ жизни, распространились повсюду въ Аравіи съ быстротою молніи, достались сейчасъ въ добычу ابن سريج'у, الغريض'у и столькимъ другимъ современникамъ طويس'а [6])? Да какъ согласовать извѣстное, никѣмъ не оспариваемое, музыкальное вышколиваніе арабовъ персами съ поразительнымъ фактомъ позаимствованія у арабовъ со стороны персовъ же, въ самую пору ученія, — двухъ, если позволено такъ выразиться, важнѣйшихъ струнъ ихъ лютни, изобрѣтеніе которыхъ совпало какъ разъ съ первымъ прислушиваніемъ арабовъ къ иранскому пѣнію? Гдѣ остается многознаменательное утвержденіе эль-Фарабія [7]) وكثيرا ايضا ما يجتمع هاتان الهيئتان فى واحد بعينه مثل ما كان فى اكثر المتقدّمين من العرب من اهل تهامة والحجاز مثل ابن سريج والغريض وجميلة ومعبد وامثالهم وكذلك فى كثير ممّن كان قبلهم فى الفرس مثل فلهيد الذى كان فى زمان

---

1) Ибнъ Мохризъ жилъ въ Меккѣ и Мединѣ.

2) Агâни IV ٣٨.

3) Онъ былъ, какъ Ибнъ Мохризъ, тоже مولى بنى مخزوم. Онъ родился въ день смерти Пророка.

4) Въ изданіи опечатка: فى السلام.

5) Агâни I ١٥١.

6) Агâни II ١٣٩.

7) F° 4ᵇ, ap. Kos. 201.

كسرى ابرويز بن هرمز ملك فارس, — которое піонеровъ арабскаго пѣнія превращаетъ въ послѣдователей персидскихъ пѣвцовъ конца шестаго вѣка по Р. Х.?

Мнѣ кажется, что отнесеніе всѣхъ музыкальныхъ открытій къ первымъ годамъ послѣ смерти Мохаммеда и пріурочиваніе ихъ къ обоимъ священнымъ городамъ предназначены были служить отводомъ глазъ для суровыхъ почитателей закона, которые не терпѣли бы ни нововведенія, перенятаго у покоренныхъ народовъ, ни наслажденія, унаслѣдованнаго отъ временъ الجاهليّة. Весь центръ тяжести лежитъ въ словахъ وهو أوّل من صنع في الاسلام: الهزج والرمل في الاسلام, а изложеніе хода событій должно, въ устахъ Исхака, или скорѣе его сына, считаться извиненіемъ и оправданіемъ; вѣдь мы изъ Агâни[1]) знаемъ, что занятія музыкою причинили Исхаку не мало непріятностей и испортили ему служебную карьеру. Требовалось покрыть искусство легкимъ слоемъ религіозно-народнаго лака. Намекъ на время Гаруна ар-Решида соотвѣтствуетъ истинѣ въ томъ отношеніи, что при немъ персидское вліяніе сказывалось открыто, и впервые персидская рѣчь гордо заявила свои права на господство; забавы, въ которыхъ раньше господствовалъ арабскій языкъ, приняли иранскій оттѣнокъ, и дворъ отдалъ сразу предпочтеніе персидскимъ пѣвцамъ. Исхакъ былъ, впрочемъ, по матери, иранскаго происхожденія: وأمّ اسحق امرأة من أهل الرى يقال لها شاهك وذكر قوم انها ذوشار التى كانت تغنّى بالدفّ فهويها ابراهيم وتزوّجها وهذا خطأ تلك لم تلد من ابراهيم إلّا بنتا واسحق وساير ولد ابراهيم من شاهك هذه[2]); примѣры въ родительскомъ домѣ подѣйствовали видимо на его воображеніе и наложили на его судьбу неизгладимую печать. Онъ зналъ хорошо положеніе вещей и, въ сущности, не скрылъ правды, а только не напиралъ на зависимость арабовъ отъ персовъ, которая составляла настоящую злобу дня. Онъ разсказывалъ, какъ музыка проложила себѣ путь въ мусульманскій міръ, и подчеркивалъ тотъ фактъ, что, при первомъ знакомствѣ съ персидскимъ неподдѣльнымъ искусствомъ, завоеватели не поколебались присудить ему пальму первенства.

Ученый ابو القاسم الحسن بن بشر بن يحيى الآمدى († 371) будетъ намъ

---

1) V ٥٢, ٥٤.

2) Агâни, II ٥٣—٥٤.

порукою, что превосходство персовъ не было тайною ни для кого; онъ говоритъ объ Абу Теммâмѣ [1]):

وقال يصف مغنّية تغنّى بالفارسيّة

ولم افهم معانيها ولكن   شجت كبدى فلم اجهل شجاها

اخذه من قول الحسين بن الضحاك على ما فى قول الخليع من المناقضة

وما افهم ما يعنى   مغنّينا اذا غنّى
سوى أنّى من حبّى   له استحسن المعنى

لأنّه قال ما افهم ما يعنى ثمّ قال استحسن المعنى وانّما اراد بالمعنى اللحن لا معنى القول وأجود من ذلك كلّه قول حميد بن ثور يصف الحمامة

ولم ار مثلى شاقه صوت مثلها   ولا عربيّا شاقه صوت اعجما

Хомейдъ б. Ѳауръ былъ младшимъ современникомъ великаго Нâбиги, а въ его дни записными пѣвцами были именно персы, какъ онъ самъ недвусмысленно заявляетъ въ приведенномъ стихѣ. Кельбій-же (отъ него, черезъ Медâинія, Вâкыдія, Джомахія, преданіе перешло къ Алію Испаганскому) [2]) говорилъ: اوّل من غنّى بالعربىّ بالمدينة طويس — и тотчасъ ехидно прибавлялъ: وهو اوّل من القى الخنث بها.

Вся новизна содержалась въ примѣненіи *hезеджа* и *ремеля* къ арабскимъ словамъ и въ прилаживаніи мелодій къ арабскому слуху; обновленные такимъ образомъ, они могли впослѣдствіи воздѣйствовать до нѣкоторой степени на персидское искусство.

Ихъ происхожденіе теперь ясно; остается однако докопаться до источника смѣшенія или отождествленія музыкальныхъ ритмовъ съ двумя стихотворными размѣрами, носящими одно съ ними наименованіе. Прежде всего поражаетъ присвоеніе هزج и رمل стихамъ طويل'я [3]), появленіе термина هزج طويل [4]), напѣваніе стиховъ размѣра رمل на ладъ هزج [5]) и т. п. Затѣмъ надо обратить вни-

1) Въ своемъ замѣчательномъ كتاب الموازنة بين ابى تمام والبحترى, стр. ٣٥ по Константиновскому изд. 1287 г., которое, къ сожалѣнію, кишитъ ошибками вслѣдствіе недостаточнаго критическаго чутья у издателей.

2) Агâни II ١٧٠.

3) Агâни I ٥—٩, II ٩.

4) Агâни II ٩.

5) Агâни II ١٧, вовсе не вслѣдствіе расширенія области лада или вторженія его въ чужія владѣнія; первое примѣненіе هزج (وأوّل غناء غنّاه وهزج به) относилось къ стихамъ:

كيف ياتى من بعيد   وهو يخفيه القريب

маніе на возможность переложенія одного стихотворенія какъ на هزج, такъ и на رمل, какъ явствуетъ изъ сравненія разсказа въ Агâни, I ٥—٩ съ разсказомъ тамъ-же, стр. ١٢٩ объ Ибнъ-Мохризѣ. Въ довершеніе бѣды, мы читаемъ въ 5-ой книгѣ Агâни[1]) удивительный разсказъ отъ имени Исхака, сына Ибрагима Мосульскаго. Выше, (Записки В. О., VII, стр. 140—141) читатели ознакомились съ безпощаднымъ глумленіемъ артиста Исхака надъ дилеттантомъ Ибрагимомъ; онъ ему ни въ чемъ спуску не давалъ, — онъ и въ данномъ случаѣ его ловко доконалъ, что не удивительно; но обстоятельства, сопровождавшія продѣлку Исхака, — на этотъ разъ совершенно иного свойства, — наводятъ на цѣлый рядъ размышленій. Вотъ что тамъ разсказываетъ Исхакъ. دخلت على المامون يوما وعقيد يغنّيه ارتجالا وغيره يضرب عليه فقال يا اسحق كيف تسمع مغنّينا هذا فقلت هل سأل امير المؤمنين عن هذا غيرى قال نعم سألت عمى ابراهيم فوصفه وقرظه واستحسنه فقلت له يا امير المؤمنين ادام الله سرورك واطاب عيشك انّ الناس قد اكثروا فى امرى حتى نسبتنى فرقة الى التزيّد فى علمى فقال لى فلا يمنعك ذلك من قول الحق اذا لزمك فقلت لعقيد اردد هذا الصوت الذى غنيته آنفا وتحفظ فيه وضرب ضاربه عليه فقلت لابراهيم بن المهدى كيف رأيته فقال ما رأيت شيئًا يكره ولا سمعته فأقبلت على عقيد فقلت له حين استوفاه فى اىّ طريقة هذا الصوت الذى غنيته قال فى الرمل فقلت للضارب فى اىّ طريقة ضربت انت قال فى الهزج الثقيل فقلت يا امير المؤمنين ما عسيت ان اقول فى صوت يغنّى مغنّيه رملا ويضرب ضاربه هزجا وليس هو صحيحا فى ايقاعه الذى ضرب عليه قال وتفهمه ابراهيم بن المهدى بعدى فقال صدق يا امير المؤمنين الامر فيه الآن بيّن فغاظنى فقلت له بأىّ شىء بان الآن ما لم يكن بيّنا قبل اتوهم انّك استنبطت معرفة هذا وانما قلته لما علمته من جهتى كما يقوله الغلمان العجم وسائر من حضر اتباعا لى واقتداء بقولى فقال له المامون صدق فامسك وجعل يتعجّب من ذهاب ذلك على كلّ من حضر وكنانى فى ذلك اليوم مرّتين.
Не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ, что никто, ни привыкшій къ художественному исполненію музыки халифъ Мамунъ, ни тонкій знатокъ-любитель Ибрагимъ, ни музыкантъ-аккомпаніаторъ, ни импровизирующій пѣвецъ, — не замѣтилъ, что голосовая партія шла въ رمل'ѣ а инструментальная велась по هزج'у? Разладъ, правда, рѣзалъ ухо Исхаку Мосульскому, но чѣмъ же объяснить чудовищную нечувствительность всѣхъ прочихъ лицъ? Книга о Композиціи учитъ насъ[2]), что ثقيل الهزج развивается въ музыкальной фразѣ

1) V ٥٩.

2) См. выше, Зап. В. О. VII, 161.

تننن تننن تننن تننن, въ которой каждая нота длится въ четыре раза дольше единицы, иными словами — музыкантъ бренчитъ по струнѣ и даетъ слуховымъ волнамъ развиваться въ теченіе времени нужнаго для того, чтобы пропѣть تننن = فَعِلن. *Ремель,* съ своей стороны [1]), выражается черезъ:

تن تن تننن تننن

гдѣ تن = удвоенной, а تننن = учетверенной единицѣ времени; слѣдовательно, сочетаніе двухъ нотъ تن تن равняется по времени одной нотѣ تننن, и, въ случаѣ синкопы (‌), когда второй звукъ تن является лишь продленіемъ перваго и колебаніе струны продолжается 4 доли времени, *ремель* переходитъ въ *һезеджъ.* Въ выноскѣ, (Зап. В. О. VII, 144—45) мы указали на несостоятельность безпрерывно повторяющихся синкопъ; аккомпанировать въ тяжеломъ *һезеджъ* голосу, поющему *ремелемъ*, равносильно избранію мелопеи *реджеза* для стихотворенія размѣра كامل подъ предлогомъ встрѣчающейся замѣны متفاعلن черезъ مستفعلن. Совпаденіе могло состояться еще инымъ образомъ: وبالجملة كلّ ما توالت نقراته نقرة نقرة وكانت الأزمنة التى بينها متساوية كلّها فنحن نسميه الهزج, пишетъ Эль-Фарабій [2]), и онъ присовокупляетъ немного дальше [3]): والذى يتوالى نقراته ثلاثا ثلاثا وكان بين الاول والثالثة نقرة اصلا وصنفاه الباقيان اللّذان يقابلان صنفى الّذى يقدّم منه الأصغر على الأعظم فإنّها كلها تستعمل والجمهور من العرب يسمّونها الرمل. Значитъ, هزج есть чередованіе звуковъ равной длины, а رمل отличается неравномѣрнымъ поступленіемъ ритма, о чемъ сличи выдержку изъ Книги о Композиціи. Эль-Фарабій, перебирая [4]) разновидности هزج'а, говоритъ весьма мѣтко: غير انّهم اذا استعملوه شيّعوه بزيادات يصير بها هذا الموصّل ذا فواصل فيتغيّر بها ممّا عليه مبناه فى الاصل فمن ذلك ان تقرّ النقرة الاولى على حالها وتزاد على الثانية نقرة وتقرّ الثالثة على حالها ثمّ يعود الدور مثل تن تتن تن تن والخ.

Тяжелый هزج разложить можно проще: تن تن تننن تننن = تننن تننن تننن تننن но въ такомъ случаѣ онъ подпадаетъ подъ опредѣленіе رمل'я, что и даетъ поводъ думать, что здѣсь кроется недоразумѣніе, не ускользнувшее отъ чуткаго Исхака.

---

1) См. Зап. В. О. VII, 164.
2) F° 47^b, ap. Kos. 131.
3) F° 49^a, ap. Kos. 140.
4) Ap. Kos. 164—166.

На практикѣ, какъ мы видимъ, непрерывное чередованіе звуковъ равной длины избѣгалось, одна нота выдерживалась дольше сосѣднихъ въ простой схемѣ, т. е. вмѣсто فَعُلُ употреблялось فَعُولُ. Эль-Фарабій [1]) предупреждаетъ насъ, что онъ не дастъ всѣхъ разновидностей: فإنّ الهزج اذا شيّع بهذا او باشباهه صار احلى مسموعا والذّ غير انّه ليس لنا ان نستوفى جميع انحاء التغييرات التى تلحقه بحيث تكاد تكون غير محدودة.

Въ стихѣ هزج всѣ слоги основной стопы равны между собою за исключеніемъ перваго, укороченнаго противъ другихъ, чѣмъ избѣгается безконечное однообразіе, немыслимое въ древней арабской рѣчи: оно возстановилось со временемъ при извѣстныхъ условіяхъ преобразованія языка, на которыя мы натолкнемся впослѣдствіи. Однако, хотя и подогнанный къ рамкѣ арабской рѣчи, искусственно составленный размѣръ не привился къ поэзіи, — هزج остается, по прежнему, собственно *напѣвомъ*. Тѣмъ не менѣе, не будемъ терять изъ виду, что ритмъ — основа стиха и основа музыки; на ритмъ стиха нанизываются звуки-слова́, на ритмъ музыки нанизываются звуки-тоны; тамъ образуется поэзія, здѣсь мелодія. У эллиновъ слагать стихи называлось ποιεῖν, у арабовъ صنع означаетъ сочиненіе аріи: такъ близки оба понятія! Отношеніе между музыкальнымъ ритмомъ هزج и стихотворнымъ размѣромъ هزج выражается какъ нельзя лучше словами Аристида Квинтиліана [2]): ταύτῃ τοι ῥυθμὸν μὲν συνίστασθαι καὶ διὰ τῶν ὁμοίων συλλαβῶν καὶ διὰ τῶν ἀντιθέτων ποδῶν, μέτρον δὲ διὰ μὲν τῶν πάσας ὁμοίας ἐχόντων μηδεπώποτε, διὰ δὲ τῶν ἀντιθέτων ὀλιγάκις [3]).

Насколько هزج остался въ пренебреженіи у поэтовъ можно судить по слѣдующей поразительной подробности: среди тысячъ цитатъ у эль-Амидія я нашелъ одинъ هزج, принадлежащій вдобавокъ перу Абу Теммама [4]), который никогда не слылъ за безъискусственнаго поэта, — онъ былъ, по общему мнѣнію صاحب صنعة [5]). Онъ самъ утверждаетъ въ Хамасѣ [6]), что Финдъ Земаній дважды сочинилъ на полѣ брани короткое стихотвореніе въ размѣрѣ هزج; Алій Испаганскій принимаетъ на вѣру это же самое преданіе [7]); Nöldeke помѣстилъ оба отрывка въ своемъ Delectus Veterum Car-

---

1) Ар. Kos. 165—166.

2) L. I, c. 23. Ed. Meibomii, p. 49—50 (ed. Jahn, p. 32).

3) Ernst Graf (Privatdoc. a. d. Univ. Marburg), въ своей брошюрѣ Rythmus und Metrum, Marburg 1891, подвергаетъ эти слова подробному разбору на стр. 40—41.

4) كتاب الموازنة ١٤٢.

5) Ib. ٢, послѣдняя строка.

6) Стран. 9, 254, 270.

7) Агâни, XX ١٤٣—١٤٤.

minum Arabicorum [1]). Они очень характерны, но ритмъ ихъ довольно странный, что и говоритъ въ пользу ихъ подлинности, хотя я долженъ оговориться: я думаю, что они могли быть сочинены во время Басусовой войны, однако мнѣ не вѣрится, чтобы они вылились изъ устъ воина на самомъ побоищѣ. Мнѣ скажутъ, что رجز служилъ часто для непосредственнаго выраженія вырывающагося изъ души крика восторга или боли, негодованія или радости, а между тѣмъ رجز отличается отъ هزج лишь выборомъ исходной точки. Но это именно создаетъ между ними цѣлую пропасть! Одинъ открывается полновѣснымъ, но не отягченнымъ подъ давленіемъ ударенія, слогомъ, за которымъ слѣдуетъ главное удареніе, затѣмъ уже голосъ легко перебрасывается черезъ третій слогъ, чтобы вновь падать на четвертый, — и ритмъ уже вполнѣ обрисованъ, когда сталкиваются три долгихъ; رجز не считается изящнымъ орудіемъ, онъ только удобенъ по своей незатѣйливости, — а هزج, представляя собою ту же неизящность, смущаетъ невольно безконечнымъ рядомъ долгихъ, изъ-за которыхъ легкій слогъ вступленія исчезаетъ, какъ-бы попавши сюда контрабандою въ роли маленькой ноты. Когда голосъ, перебирая вторую стопу, встрѣчаетъ вновь короткую, открытую гласную, ухо уже не ожидаетъ ея, и ритмъ перестаетъ ласкать неподготовленный къ нему слухъ. Вообще هزج напоминаетъ собою недодѣланный وافر или недоведенный до совершенства طويل; онъ не могъ ихъ замѣнить. По-моему онъ возникъ, какъ попытка перенести въ стихотворные размѣры музыкальный ладъ, т. е. въ пору развитія музыкальнаго вкуса. Онъ получилъ свое названіе отъ лада, которому онъ долженъ былъ подражать, и съ которымъ онъ имѣлъ безспорное сходство, особенно если сопоставить съ нимъ полный жизни, гибкій, ковкій طويل.

رمل имѣетъ другой характеръ. Ему посвященъ f° 106 эль-Фарабія [2]); но короче и яснѣе опредѣленіе на f° 48ª [3]): ومنها ما يتوالى نقرتين نقرتين يمكن بين كلّ اثنتين منها نقرة وهذا اسمّيه خفيف المفصّل الاول ومنها ما يمكن بين كلّ نقرتين نقرتين منها نقرتان واسمّيه خفيف ثقيل المفصّل الاوّل ومنها ما يمكن بين كلّ نقرتين منها ثلث نقرات وهذا اسميه ثقيل المفصّل الاوّل وفاصلة حثيثه يمكن ان يكون مثلى ما يكتنفانه ويمكن ان يكون اكثر غير ان الاجود ان يجعل فاصلة الحثيث مثلى كل واحد من المكتنفين له ....واهل زماننا هذا يسمون هذين جميعا خفيف الرمل. Своимъ названіемъ онъ обязанъ неровному, урывчатому ходу, — онъ сыплется неравномѣрно, какъ песокъ, охваченный бурею, срывается и скатывается по косогорью,

1) P. 45—47.
2) Ар. Ков. 167—168.
3) Ib. 136.

но ждетъ новаго порыва вѣтра, чтобъ окончательно отторгнуться отъ роднаго пласта. Wellsted [1]) отлично описалъ какъ песокъ катится по склону Djebel Narkous, — Колокольной Горы, — на Синайскомъ полуостровѣ; впечатлѣніе, вызванное его словами, напоминаетъ собою чувство, возбуждаемое *ремелемъ*. Настоящій, безъискусственный арабскій языкъ понималъ даже подъ رمل всякое неуклюже, неудачно построенное стихотвореніе, въ смыслѣ зыбкаго, шаткаго, неровнаго, неустойчиваго [2]). Нервный, порывистый размѣръ естественно принялъ имя رمل; онъ нравился больше هزج'а, такъ какъ бодрое начало располагало въ его пользу. Онъ имѣетъ самобытный характеръ: онъ сходится исключительно съ лишеннымъ почти всякой прелести и неупотребительнымъ изъ-за свойствъ языка *медидомъ*, который является какъ бы атрофированнымъ رمل съ обязательнымъ, скучнымъ повтореніемъ синкопы или молчанія вмѣсто развитія темы فاعلاتن. Поэтому رمل не могла постичь участь هزج'а, задушеннаго *тавилемъ* и *вафиромъ*; но онъ самъ не выдержалъ борьбы съ нерасположеніемъ арабовъ къ размѣрамъ, сразу начинающимся съ ударяемаго слога, которое явно сказалось въ пренебрежительномъ смыслѣ, приданномъ слову رمل. Они любили прелюдію и не отступали отъ ἀνάκρουσις, пока перевѣсъ музыкальной части не ввелъ въ моду богатый переливами и допускающій разныя тонкости въ исполненіи خفيف, на сравнительно позднее происхожденіе котораго внѣ сферы народной поэзіи было нами достаточно указано. Благодаря такой перемѣнѣ обстоятельствъ, *ремель* продолжаетъ жить понынѣ; но принципъ остается нетронутымъ, и я былъ пріятно пораженъ, когда прочелъ въ Allgemeine Metrik d. indogerm. u. sem. Völker, появившейся въ 1893 г. въ Берлинѣ [3]), гдѣ арабское стихосложеніе вообще представлено въ ложномъ свѣтѣ, вѣрную характеристику араба [4]): Auch bei ihm sehen wir jene Eigenthümlichkeit des Veda-Inders, dass bloss die mit der Anakrusis anhebenden Rhythmen dem Charakter seines Volkes zusagen. Какъ во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, такъ и здѣсь опасно очертать народный харак-

---

1) Travels in Arabia, II. 24—25.

2) См. تاج العروس s. v. — Смыслъ *ткани* прямо происходитъ отъ естественнаго уподобленія, напр., паутины узору, образованному песчинками; не менѣе образное значеніе *брызгать*, *запятнать* какъ напр. въ стихѣ ولا تردوا الا فضول نسائكم * اذا ارتملت اعقابهن من الدم (Хамâса, изд. Фрейтага ١٠٧) — тѣсно связано съ непосредственнымъ значеніемъ رمل — *песокъ*.

3) Покойнаго Westphal'я.

4) p. 479.

теръ слишкомъ рѣзкими штрихами: великолѣпное ночное напоминаніе о молитвѣ (التذكير) дѣлается въ Меккѣ размѣромъ رمل [1]).

Послѣдняя цитата изъ эль-Фарабія поможетъ намъ опредѣлить смыслъ наименованія خفيف; съ нею слѣдуетъ сличить напечатанныя у насъ Зап. В. О. VII, 160, строки 19 — 21, вспомнивъ, что خفيف есть повтореніе ряда: فاعلن فاعلن فعولن فعولن.

Что касается سريع'а, то слова эль-Фарабія والمفصّل الاول منه ما ازمنته التى بين نقرتين نقرتين منها ازمنة لا تنقسم وهى التى تتوالى نقرتين نقرتين لا يمكن بينهما نقرة وبيّن ان زمان فاصلته اطول من كلّ واحد من الزمانين الذين يكتنفانه وهذا اسمّيه سريع المفصّل الاوّل вполнѣ сходятся съ ученіемъ Книги [2]) Композиціи (l. c. 160 и 161) и изъ ихъ сопоставленія мы можемъ вынести убѣжденіе, что سريع слагали на ровный, быстрый ладъ, который отличался отъ رجز'а усиленною стремительностью: короткіе слоги почти исчезали и спѣшный темпъ не давалъ развиваться долгимъ слогамъ, чему и надо приписать замѣну одного изъ нихъ передышкою, необходимою для порядочнаго заканчиванія полустишія, — а то голосъ разбился бы. И здѣсь мы видимъ зарожденіе размѣра подъ вліяніемъ музыки.

Всѣ эти плохо принявшіяся на арабской почвѣ нѣжныя растенія, взлелѣянныя персидскою культурою, мы найдемъ роскошно развившимися на родной, персидской землѣ.

VIII.

Другую опору для своего метода Guyard справедливо находитъ въ риѳмѣ. Извѣстна первостепенная роль, которую она играетъ въ арабскомъ стихѣ. По сему поводу невольно приходятъ на умъ слова поэта Théodore de Banville въ его Petit Traité de Poésie Française: Le Vers est la parole humaine rhythmée[3]) de façon à pouvoir être chantée, et, à proprement parler, il n'y a pas de poésie et de vers en dehors du chant (p. 3)... On n'entend dans un vers que le mot qui est à la rime (p. 48)... C'est donc le mot placé à la

1) Snouck-Hurgronje, Mekka, II, 85.—Я позволю себѣ замѣтить, что 5-й стихъ невѣренъ. Не составляютъ ли, въ: اشربوا وعجّلوا فقل قرب الصباح, слова فقل قرب простое толкованіе, глоссему, къ настоящему призыву: اشربوا وعجّلوا قرْب الصباح? При пересказѣ безъ мелодіи подобныя отступленія довольно часты. والله اعلم!

2) F° 48ª, ар. Kos. 136.

3) Мы читаемъ тамъ-же: Lorsque nous chantons,... notre langage est réglé par le rhythme d'un dessin net, régulier et facilement appréciable, afin de pouvoir s'unir à la musique, dont le rhythme est également précis et simple.

rime, le dernier mot du vers qui doit, comme un magicien subtil, faire apparaître devant nos yeux tout ce qu'a voulu le poëte (p. 49). И кому не памятно прелестное обращеніе S-te Beuve къ риѳмѣ?

Rime, qui donnes leurs sons
Aux chansons,
Rime, l'unique harmonie
Du vers qui, sans tes accents
Frémissants,
Serait muet au génie и т. д.?

Но ему нужно было бы замѣнить, въ куплетѣ

Ou plutôt fée au léger
Voltiger,
Habile, agile courrière
Qui mènes le char des vers
Dans les airs, —

послѣдній стихъ:

Par deux sillons de lumière —

словами: Dans tes rayons de lumière, еслибъ онъ захотѣлъ характеризовать арабскую риѳму, эту чудную, разматывающуюся до безконечности нить, на которую нанизываются жемчужины поэзіи. Она же находится въ полной зависимости отъ составныхъ элементовъ языка.

1) Если она оканчивается на двѣ покоящіяся буквы (لَوْنَيْنْ), *непрерывное чередованіе* согласныхъ съ гласными даетъ ей названіе مترادف. Только привычка опускать надежныя и другія окончанія распространила впослѣдствіи употребленіе этой — въ древнее время рѣдкой — риѳмы.

2) Если одна движимая буква находится между двумя покоящимися (بلادِى) [1]), получается متواتر, риѳма *съ перерывомъ*.

---

1) Или احرارْ, гдѣ послѣдній слогъ вновь принимаетъ прежнюю долготу. Метрики прямо смотрятъ на رْ какъ на движимую, за которою слѣдуетъ покоящаяся буква, и Freytag примыкаетъ къ нимъ (р.305–306). Это казалось бы прихотью, еслибы не лучезарное ученіе Guyard'a, изъ котораго вытекаетъ, что فعولْ замѣняетъ فعولن, и مفاعيلْ — مفاعيلن, когда لْ, вслѣдствіе своего первоначальнаго значенія (لوا) или своего положенія (فعولْ مفاعيلن), имѣетъ право на такую замѣну. Отсюда риѳмы въ родѣ: لازبِ — مذاهبى у Эн-Набиги (Div. I v. 28 и 29), и множество другихъ.

3) Если конецъ стиха образуетъ وتد (هَيْكَلِ,قد ظَلَمْ), причемъ обыкновенно повторяется[1]) только послѣдній سبب خفيف (يزورها), риѳма становится متدارك, потому что одна движимая буква *погоняетъ* другую.

4) При فاصلة صغرى (مكروهةٍ صَدَقَا), она принимаетъ названіе متراكب вслѣдствіе *нагроможденія* движимыхъ буквъ. Она можетъ имѣть мѣсто исключительно въ كامل'ѣ и وافر'ѣ (متفاعلن مفاعلتن); во всѣхъ прочихъ размѣрахъ صَدَقَا = فَعِلُن = فاعلن, и риѳма просто متدارك.

5) Въ случаѣ فاصلة كبرى (الآلاءُ فَجَبَرْ) она называется متكاوس—*густою*. Но Эль-Ферра̂ правъ, когда онъ заявляетъ (ap. Fr., p. 303), что она — представительница типа فَعَلَتُن [=مُتَعِلْن] = مستفعلن и отвѣчаетъ просто кличкѣ متدارك.

Распредѣленіе риѳмъ сдѣлано по чисто внѣшнимъ признакамъ, и, разумѣется, متكاوس будетъ отлично дружиться съ متدارك, которому онъ служитъ разновидностью. Наше замѣчаніе къ 4) даетъ ключъ къ объясненію легкаго перехода متراكب'а въ متدارك, чему мы видимъ примѣръ въ الحماسة ١٧٣—١٧٤ [2]):

كَالزُّلَمْ — قِ حَطَمْ — ظَهْرِ وَضَمْ,

при указаніи коментатора, что явленіе это — вполнѣ законно[3]).

Изящный поэтъ بها الدين زهير (изд. Palmer) себѣ позволяетъ ту же вольность на каждомъ шагу (ib.). Можно прибавить примѣры изъ طرفة (Divans of the 6 anc. Poets, p. ٥٤) عَهْدِ أَبَدْ — غيرَ السَّرَدْ — السَّيْلُ عَدَدْ — جَأْبٍ مُكَدْ; или (ib. p. ٥٥): وَتَرَتُدِي — لَهُ نَدِي. Слѣдовательно, Freytag плохо выбралъ для нагляднаго примѣра متراكب'а стихъ изъ Хамасы:

وفارس فى غمار الموت منغمس　　　اذا تألّى على مكروهةٍ صَدَقَا

Принадлежа по внѣшнимъ признакамъ къ разряду متراكب, صدقا здѣсь = فَعِلُن вм. فاعلن и соотвѣтствуетъ въ сущности متدارك'у, который могъ бы естественно чередоваться съ помянутымъ типомъ, хотя, разумѣется, молчаніе, оттѣняющее значеніе (صدقا), уступило бы тогда мѣсто протяжному звуку. Разъ мы стоимъ на твердой почвѣ теоріи Guyard'а, всѣ мнимыя исключенія становятся подтвержденіемъ правила, правило само вытекаетъ

1) Но не рѣдко и весь وتد, напр. въ حلبة الكميت (Каиръ, 1276 г.), стр. ٢٥٨: انفاسها — راسها, стр. ٢٤٤: بوصالها — بخيالها, и т. п.

2) Ap. Guyard, Note sur la Métr., p. 13—14.

3) يجتمع فى قوافيها المتراكب والمتدارك والمتراكب داخل على المتدارك.

изъ закона, законъ же опирается на незыблемыя основанія арабскаго языка и ритма человѣческой рѣчи. Удареніе назначаетъ всѣмъ слогамъ ихъ мѣсто, и внѣшнія явленія освѣщаются раціональною причиною, которая ихъ породила.

Здѣсь мы успѣли оправдать нѣсколько поэтовъ и составителя Хамасы, и мы поймемъ сразу одно возраженіе Эль-Ферра̂. Эль-Ферра̂, вообще, имѣлъ тонкое чутье; напр. Freytag передастъ, что въ مقتضب онъ допускалъ خبن[1]) (زحاف, вслѣдствіе котораго вторая буква стопы отпадаетъ), т. е. فَعَلاتُ вм. مفعولاتُ; дѣло становится понятнымъ, когда, замѣнивъ ни съ чѣмъ несообразный مفعولاتُ черезъ فاعلاتن, мы получаемъ сперва فاعلاتُ, въ которомъ пауза ⁹| способна восполнять пробѣлъ въ легкой части такта, и уже естественнымъ образомъ فَعَلاتْ. Мы уже, въ теченіе нашего разсужденія, не разъ попадали на различныя мнѣнія, выраженныя нѣкоторыми метриками, и мы постигаемъ въ чемъ состояло остановившее ихъ затрудненіе, между тѣмъ какъ у Freytag'а всѣ ихъ споры остаются непонятными[2]).

IX

Мы теперь, держась за свою руководную нить, пустимся въ лабиринтъ einiger Eigenheiten der Dichtersprache (Fr., p. 466—517), но еще на порогѣ заявимъ съ Th. de Banville: *Licences Poétiques*: Il n'y en a pas (Petit Traité, p. 63--64).

Freytag говоритъ о нихъ еще въ другомъ мѣстѣ своей книги подъ заглавіемъ: «Von den Veränderungen, welche das Zeitmaas der Sylben im Verse erleiden kann» (p. 53—61). Не мѣшаетъ читать страницы, которыя авторитетный S. de Sacy посвятилъ предмету (Gr. Ar. 2-e éd., p. 493-508 и 616-617), и тѣ, въ которыхъ Wright изобразилъ систематично все касающееся «The Forms of the Words in Pause and in Rhyme» (Ar. Gr. II p. 398—403) и Poetic Licences (ib., p. 403—422).

Отбросивъ дурацкіе, нарочно придуманные, стихи лейденской рукописи[3]), которые Freytag далъ себѣ трудъ изслѣдовать (481, 482, 483, 484, 515—516), мы сперва защитимъ память Мотенеббія отъ изобрѣтенія безсмысленнаго حشانا (Fr. 498): изд. Dieterici, ٣٧٣, знаетъ только حشيانا съ разночтеніемъ خشيانا, и ничего такого ужаснаго нѣтъ въ обоихъ реченіяхъ. Fr. (502) упрекаетъ его еще въ употребленіи أسودُ въ сравнительной сте-

1) У Fr. 276 опечатка: خبل.

2) Нужно на этомъ настаивать. Не дальше какъ въ 1890 г., Nöldeke издалъ для Porta L. Or. Петерманна «Delectus Veterum Carminum Arabicorum» и въ немъ (p. 234—237) изложилъ механизмъ арабскихъ стиховъ по системѣ Freytag'а или, скорѣе, согласно распредѣленію Ewald'а, съ произвольными замѣнами короткихъ долгими и наоборотъ.

3) Эти стихи только доказываютъ, что можно глупости писать ритмованнымъ языкомъ.

пени: لا انت اسودُ فى عينى من الظُلَم; положимъ, что Мотенеббій выразился такъ: لأنت اسودُ فى عينى من الظُلَم (Diet. ٥٢), и что есть толкованія у Вахидія (тамъ-же ٥٣) и у Харирія (درّة الغوّاص, ed. Thorbecke, ٣١), которыя его очищаютъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія. Но, во всякомъ случаѣ, вольность ни причемъ: Мотенеббій ругаетъ сѣдину шутя, унижается до каламбура (بياضا لا بياض له) и небрежно говоритъ простымъ, фамильярнымъ языкомъ; доказательствомъ того, что народъ себѣ позволялъ употреблять اسود въ качествѣ сравнительной степени, служитъ допущеніе куфійскими грамматиками исключенія въ этомъ смыслѣ для чернаго и бѣлаго цвѣтовъ: وهو من التفضيل الشاذّ الذى اجازه الكوفيّون فانهم يجيزون التفضيل من السواد والبياض لانّهما أصل الالوان, говоритъ Бистамій въ محيط المحيط. Если это поставить въ счетъ поэтическихъ вольностей, то надобно и Виргилія попрекнуть за вставленное въ уста стараго хрыча Drances (Aen. XI, 124) обращеніе. O fama ingens, *ingentior* armis. Я не скрою, что Мотенеббій, въ сознаніи своего таланта, позволялъ себѣ вольности, какъ Victor Hugo, но отнюдь не подъ давленіемъ ритма. На ритмъ грѣшно пенять: V. Hugo писалъ прозою ничуть не иначе,—геніальному писателю досталось таки отъ критиковъ и отъ насмѣшниковъ! Мотенеббій подвергся той же участи: отголосокъ нападокъ на него звучитъ еще въ درّة الغوّاص Харирія [1]) и въ «Введеніи» Ибнъ Халдуна [2]).

Конечно, въ арабскихъ стихотвореніяхъ встрѣчается многое, не имѣющее мѣста въ прозѣ, по очень простой причинѣ: проза въ арабской письменности посвящена толкованіямъ Корана, богословскимъ, философскимъ, научнымъ, грамматическимъ сочиненіямъ, комментаріямъ къ поэтамъ, путешествіямъ и лѣтописямъ; тутъ, главное — ясность изложенія, и авторы непремѣнно стараются показать, что они прошли черезъ строгую школу грамматиковъ, борящихся за сохраненіе чистоты языка; для многихъ этотъ самый языкъ даже и не родной, для большинства онъ уже не живой—подъ ихъ перомъ омертвѣли устарѣлыя формы и закоснѣли употребляемые ими обороты. Получился общій литературный слогъ съ твердыми, неизмѣнными правилами; тамъ, гдѣ они не соблюдены, читатели кричатъ: «невѣжество»! и немедленно поправляютъ. Рядомъ съ этою искусственною письменностью развивается народная словесность — сказки; переложенныя на бумагу, онѣ все же сохраняютъ слѣды народнаго говора и, по временамъ, въ вѣрномъ

1) Стр. ٢١, ٣١, ٩٨, ١١٠, ١٢٩, ١٩٠ изд. Thorbecke.

2) См. Sacy, Anthol. Gramm., p. 75, 431; въ Бейрутскомъ изд. 1879 г., стр. ٥٢٥: كانوا يعيبون شعر المتنبّى والمعرّى بعدم النسج على الاساليب العربية كما مرّ فكان شعرهما كلاما منظوما نازلا عن طبقة الشعر والحاكم بذلك هو الذوق.

преданіи отражаются обломки прошедшаго. Но съ гораздо большею силою оба стремленія прорываются наружу въ стихотвореніяхъ, предназначенныхъ для изліянія чувствъ поэта передъ своими покровителями, союзниками, врагами или любимою дѣвушкою; ритмъ предохраняетъ ихъ отъ порчи, придаетъ видъ величія новшеству и сглаживаетъ морщины старины; установившееся преданіе освящаетъ употребленіе обветшалыхъ словъ и образовъ, обращеніе же къ слушателямъ обновляетъ языкъ. Впослѣдствіи поэзія дѣлается искусствомъ, она становится мишурною и жеманною, она изъ себя развиваетъ риѳмованную прозу, и тутъ-то поднимаютъ голову педанты, которые мнятъ узаконить свои привычки и не могутъ представить себѣ ничего выше слѣпаго подражанія образцамъ [1]). Сама поэзія неповинна въ такихъ смѣшныхъ притязаніяхъ, и разборъ мнимыхъ поэтическихъ вольностей будетъ лучшею имъ отповѣдью.

Многое вовсе не существуетъ изъ того, что грамматики вложили въ изслѣдованные ими стихи: въ стихѣ (Fr. 506)

فلو وَلَدَتْ فقيرةٌ جِرْوَ كَلْبِ   لِسُبَّ بِذَلِكَ الجِرْوِ الكِلابا,

слѣдуетъ отнести на счетъ опечатокъ كَلْبِ вм. كَلْبٍ, لِسُبَّ, вм. لَسُبَّ, а самое раздѣленіе словъ بِذَلِكَ и لِسُبَّ можно подарить педанту, который не пожелалъ читать لَسُبَّ ذَلِكَ الجِرْوُ и предпочелъ выдумать цѣлую рацею по поводу вполнѣ яснаго стиха.

Правила 897, 906 и 911 у Sacy — остатки старины; нестягиваніе обоихъ ل въ عَلَلٍ вм. عَلّ, الأجلل вм. الأجل и т. д. не есть прихоть; такія формы совпадаютъ съ еврейскими סְבָבוּנִי, אֶפְפוּ, какъ уже замѣтилъ Wright (p. 409), и непремѣнно существовали въ былыя времена.

«Ils terminent par un *medda* les mots qui se terminent par un *élif* bref», утверждаетъ Sacy (§ 909), опираясь на своихъ предшественниковъ; Исхакъ ихъ назвалъ бы варварами [2]) не безъ доли справедливости. Джериръ ничуть не нарушилъ правилъ употребленія словъ, когда онъ писалъ وَالحَيُّ فِي الدَّارِ آهِلُ (Fr. 505-506: وَالحَيِّ — опечатка); آهِلٌ, какъ имя качества, означаетъ *населенный*, а, какъ причастіе, можетъ

1) Читай весьма поучительныя мѣста у Амидія, كتاب الموازنة ١١, ٥٧, ٥٩, ١٠٠—١٠٤, и passim.

2) Sacy тоже пишетъ: أَلَمْ يَاتِيكَ وَالأَنبَاءُ تَنمِي (§ 920) и полагаетъ, что les poëtes conjuguent le verbe irrégulier comme s'il était régulier. Стихъ написанъ وافر'омъ, ритмъ ничуть не нарушается возстановленіемъ правильной формы يَاتِكَ, такъ какъ تِ по своему положенію получаетъ подобающее удареніе. Какой нибудь самозванный ученый вообразилъ, что, разъ удареніе лежитъ на немъ, онъ удлиняется до первоначальнаго своего размѣра تِي, и построилъ на этомъ свое правило.

быть взятымъ въ смыслѣ *обитающій*. لَاكِ (Fr. 501) вм. لا انتَ недопустимо у настоящаго поэта, и Fr. не приводитъ ни одного примѣра. Въ لَمَّا أَتَى خَبَرُ ٱلزُّبَيْرِ تَوَاضَعَتْ سُورُ ٱلْمَدِينَةِ وَٱلْجِبَالُ ٱلْخُشَّعُ (Sacy 907), سُورُ остается мужескаго рода, но تواضعت относится къ нему и къ الجبال вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ Sacy читаетъ (907), съ полнымъ разрушеніемъ متقارب'а وَلَاأَرْضَ أَبقل أَبْقَالَهَا, Freytag (p. 507) читаетъ: ولا ارض; еслибъ стихъ не былъ сочиненъ нарочно, чтобы доказать вольность поэтовъ, мы бы читали: وَلَمْ تُبْقِل ٱلْأَرْضُ أَبْقَالَهَا. Если врагъ Ахталя восклицаетъ:

لَقَدْ وَلَدَ ٱلْأُخَيْطِلَ أُمُّ سُوءٍ * عَلَى بَابِ ٱسْتِهَا صُلُبٌ وشامُ

(Fr. 507), онъ не злоупотребляетъ своимъ качествомъ стихотворца, чтобы объявить أُمّ муж. рода: онъ нарочно оставляетъ слушателя въ невѣдѣніи (وَلَدَ), что за чудовище выпустило на свѣтъ божій «Ахталку» (الاخيطل). Тотъ, который въ отчаяніи будто шепталъ: فإمّا ترى لِمّتى بدلت * فإنّ الحوادث اوْدَى بها (ib. 507), не былъ настолько огорченъ, что онъ полагалъ возможнымъ видѣть въ الحوادث ед. ч. муж. р.; стихъ вовсе не измѣняется, если мы возстановимъ нужное أَوْدَتْ; должно думать, что писецъ, пріученный къ соединенію أَوْدَى съ اَلْمَوْتُ, ошибся, и какой нибудь умный грамотѣй обрадовался этому случаю. Мотенеббій не изобрѣлъ множественнаго رُكبان для *колѣнъ*, въ чемъ Fr. 508 его обвиняетъ даромъ, и употребилъ обыденный رُكبات, какъ то можно видѣть въ изд. Dieterici, стр. ٧٣٢: وتكرّمت رُكباتها عن مبركٍ * تقعان فيه وليس مسكا اذفرا; стѣсненный множ. ч. имени, онъ обязанъ былъ писать وتكرّمت, но онъ имѣлъ въ виду переднія колѣна верблюдицы и онъ естественно выразилъ это дальше двойственнымъ числомъ.

Fr. 509 [1]) упрекаетъ его въ употребленіи جبرين вм. جبريل. Замѣтьте, что бедуины въ концѣ слова до того неясно произносятъ ل и ن, что обѣ буквы безразлично смѣняютъ другъ друга въ риѳмѣ; часто слышится у нихъ اسمعين вм. اسمعيل (ZDMG VI 204). Вахидій (въ коммент. къ Мотенеббію, изд. Dieterici, стран. ٢٣٠), говоритъ: جبرين لغة فى جبريل بكسر الجيم وحذف الهمزة وتبدّل اللام نونا وكذالك يقال اسماعيل واسمعين واسرائيل واسرئين. Отваживаясь на кощунственную шутку, Мотенеббій говоритъ нарочно гру-

1) Стихъ у него (509-510) переведенъ крайне неудачно.

бымъ, бедуинскимъ говоромъ и присвоиваетъ себѣ вѣроятно извѣстное тогда выраженіе непочтительныхъ своихъ собратьевъ [1]).

Нечего обвинять Эн-Набигу въ искалѣченіи имени Соломона (ونسج سليم, Div. XX 25; Fr. 510), когда вовсе неизвѣстно, думалъ ли онъ вообще о еврейскомъ преданіи [2]), И отчего Fr. (510) увѣряетъ, что, говоря تشبيهي بما, وكأنّه, поэтъ выражался неточно? ما служитъ для сравненій отрицательныхъ. Стихотворецъ, который ради игры словъ превратилъ أَبْلِل въ أَبْلِ (Fr. 502): أَبِلْ كُوزْ تَشْرَبْ قَهْوَةً بَابِلِيَّةً, согрѣшилъ противъ языка во имя каламбура, а не вслѣдствіе поэтической вольности.

Отчего не говорить: وَنَعَمْ إِن قُلْتُمَا نَعَمَا (Fr. 497), когда можно сказать un oui? Грамматики запрещаютъ слагать نَعَمْ и بَجَلْ (ib. 496); они правы, пока не употребляютъ его въ видѣ настоящаго существительнаго. Они возстаютъ противъ (Fr. 497)

فَرَجُّوا غَيْبَنَا حَتَّى تَرَوْنَا. كَحِينِ يَقِيلُ فِى الصَّيْفِ الحَمَامُ

но прежде всего никакой нѣтъ необходимости дѣлить годъ на четыре времени (Библія знаетъ קַיִץ וָחֹרֶף, которые чередуются), и не обязательно

---

1) См. напр., въ كتاب المستطاب المسمّى بتاريخ الدول الاسلاميّة, соч. احمد بن زينى دحلان, литогр. въ Каирѣ въ 1306 г. Г., на стр. ٣٩, удивительныя выходки окейлійскаго вождя حسام الدولة قرواش, властителя Мосуля отъ 391 до 442 г.

2) И, если даже онъ имѣлъ его въ виду, онъ могъ думать о Давидѣ, и тогда سليم былъ бы здѣсь равносильнымъ שלם, т. е. Іерусалиму. Ср. все же الحماسة ٢٨٤ и Schwarzlose, كتاب السلاح, Leipzig 1886, p. 332-333, хотя нельзя признать убѣдительности за приведенными и тамъ и здѣсь разсужденіями. Эль-Хотайя (у Fr. 510; въ مختارات شعراء العرب литогр. въ Каирѣ въ 1306 г., нѣтъ касиды Хотайи на م; ни во II-й ни въ XVI-й кн. Агâни этого стиха я не нашелъ; въ изданіи Goldziher, ZDMG, XLVI, 472, съ коммент.: وانما اراد داوود!) говоритъ о نَسْجِ سلّام; ابن برى вѣритъ въ тождественность سلّام и سليم съ царемъ Соломономъ فغيّروه ضرورة, и لسان العرب XV, ١٩٢—١٩٣, приводитъ еще одинъ стихъ съ سليم и другой съ داود ابى سلّام; но достаточно раскрыть تاج العروس (VIII, ٣٣٩), чтобы видѣть, насколько оба имени были распространены среди арабовъ, начиная съ извѣстнаго кайситскаго племени и кончая пятнадцатью современниками Пророка. Наконецъ, интересно встрѣтить въ Агâни при дворѣ Гаруна эр-Решида, سليم بن سلّام (VI ١٢—١٥). Присутствіе имени Давида и воспоминаніе о سلّام بن مشكم (L. A. ib. ١٩٢, но مخفّف!) могутъ навести на мысль, что кольчуги выдѣлывали евреи — вотъ и все.

находить излишество въ كحين; это значитъ: около эпохи, ср. כַּחֲצֹת הלילה (Исх. XI 4). أَلْكَمْ (Fr. 497) не болѣе поэтическая вольность чѣмъ *le combien* или *das Wie*[1]).

Другія вольности суть только отпечатокъ народнаго говора, и, чѣмъ на нихъ смотрѣть какъ на прихотливыя затѣи поэтовъ, лучше прослѣдить ихъ, этихъ живыхъ свидѣтелей преобразованія языка, въ ихъ историческомъ развитіи: спряженіе شَقّ какъ شقى (Fr. 503), и §§ 895, 899, 901[2]), 916, 917, 918, 919, 923 у Sacy весьма интересны въ этомъ смыслѣ[3]). Sacy подозрѣваетъ иногда дѣйствительность, но онъ невѣрно ее толкуетъ, полагая, что исключеніе a même passé dans le langage ordinaire; слѣдовало сказать: y a passé du langage ordinaire (§ 919); рѣчь идетъ о بَلْقَين вм. بنو القَيْن, لَاهِ вм. لله, لَانَ вм. الآنَ, أَيْهُمَا вм. أَيُّهُمَا — происходятъ явно отъ обыденной рѣчи. فُلْ вм. فُلَانُ (Fr. 477, Livre de Sibaweihi, éd. Derenbourg, I ٢٩٠ и II ١٢٢), الحِمَى вм. الحِمَام, النا вм. النازل (S. § 917, W. p. 412-413), особенно رَاءِ вм. رَحِم (W. p. 413) могли найдти мѣсто въ поэзіи только послѣ освященія ихъ въ народныхъ устахъ; ср. Délass. Com. вм. Délassements Comiques у Banville, Odes Funambulesques, éd. Charpentier, p. 99, *photo*, *bus* и множество другихъ въ англійскомъ языкѣ[4]). Что

---

1) Sacy излагаетъ свой § 921 и самъ же въ примѣч. доказываетъ его несостоятельность.

2) Il semble même que l'usage n'en soit pas limité à la poésie (Sacy, p. 496).

3) اليَمَانِي у طرفة IV 32 (по Divans of the six Poets; Moall. Arnold'a, v. 27) согласуется съ замѣчаніемъ Wallin'a (ZDMG. VI 375) о произношеніи бедуиновъ Джоуфа и Хаурана: Die Adjectiva welche auf ein ىّ ausgehen, الاسماء المنسوبة, werden von den jetzigen Beduinen gewöhnlich wie الاسماء المنقوصة mit Tanwin ausgesprochen, z. B: بلوىّ belawin, هازمىّ hâzimin, u. s. w. Удлиненіе ا въ الشَآمِي соотвѣтствуетъ удлиненію фетха въ اليمانى (ср. Sacy p. 494 note 2); оба являются не у одного Тарафы (ср. Nöldeke, Delectus carminum arabicorum, p. 74 etc.); трудно допустить, чтобы поэты ихъ изобрѣли помимо своихъ соотчичей.

4) Самый поразительный примѣръ — أَجْنِي (S. § 933), въ диванѣ Годзейлитовъ, который комментаторы объясняютъ какъ сокращеніе من أجل أنّي (Fr. 469 приводитъ еще أجنّك); но и здѣсь мы видимъ особенность народнаго говора въ такія отдаленныя времена. Wallin, Proben Neuar. Wüstengesänge (ZDMG. VI 218) пишетъ, что «werden die Gaumen-Buchstaben ق und ك von den Negd-Beduinen in *ts*, *tsch*, *ks*, *ksch* aufgelöst, und da folglich, wenn ein Wort mit einem von diesen Buchstaben beginnt, zwei Consonanten im An-

касается собственныхъ именъ, то именно благодаря поэтамъ до насъ уцѣлѣли ихъ уменьшительныя (حار يا говорилось фамильярно въ бесѣдѣ, въ العقد I 19, строка 16), то ласкательныя, то презрительныя (حار вм. حارث, مَالِ вм. مَالِكُ ap. W. p. 412) [1]). Исчезновеніе *гамзы* (Fr. 502) — начало теперешняго произношенія (ср. Spitta-Bey, Gramm. d. ar. Vulgärd. v. Aeg. § 3, p. 15-16); укороченіе относительнаго мѣстоименія (S. § 930)—прелюдіи появленія الّى вм. الّذى ; الا и الألى (Fr. 496) воскрешаютъ то время, когда необязательно было прибавлять непремѣнно обращеніе къ второму лицу اولئك [2]). Сліяніе предлога съ именемъ مِلْ, عَلْ и пр. (عَلَى آلنّبِى, مِلْمَالِ, مِن آلرزْقِ, ср. W. p.411; مل اشياءِ, Hamâsa оҁк, Arâни VII 83 ult.), навѣрное, имѣетъ свой источникъ въ естественномъ развитіи такъ называемыхъ семитическихъ языковъ (ср. по-евр.: עַל הַנָּבִיא, עַל הָעִיר, עָלֶיךָ, עָלַי, מֵעָלַי, מִמְּקוֹמְךָ

---

fange zu stehen kämen, wird zur Erleichterung der Aussprache gewöhnlich ein Hülfs-Hamz vorgesetzt; so lautet z. B. dieses Wort beinahe immer aksinnah oder atsinnah (كأنّه) oder so ungefähr; denn im Allgemeinen ist der zusammengesetzte Laut, in welchen diese Buchstaben und ع aufgelöst werden, so fein und dunkel, wird auch zum Theil von verschiedenen Organen so verschiedenartig nüancirt,¨ dass es einem fremden Ohre ungemein schwer fällt, ihn zu erfassen und festzuhalten. Я убѣжденъ, что поэтъ употребилъ слово въ томъ видѣ, въ которомъ онъ услыхалъ его около себя; оно настолько далеко отъ обще-арабскаго произношенія كأنّ, что онъ могъ въ томъ же стихѣ говорить كأنّه; Sachau (Volksl. aus Mes., p. 14), замѣтилъ, что разложеніе звука не проводится послѣдовательно (ср. тамъ же, p. 62).

1) Когда تأبّط شرّا, въ Mufaddalijât ed. Thorbecke p. ٣ u. ٥, говоритъ: ابن برّاق, а Марзукій (ib. p. 3) объясняетъ: رخّمه فى غير النداء بحذف الهاء من آخره وللشاعر ان يفعل كذلك, мы вольны замѣтить, что поэтъ выражается фамильярно, какъ еслибы онъ сказалъ: Сашинъ сынъ, вм. Александровичъ. Отсюда тоже опусканіе тенвина въ концѣ собственныхъ именъ: عمرو (W. 419, и то не безъ сомнѣнія); مرداس (Fr. 480); я не хорошо понимаю, чего Fr. хочетъ отъ فَانّ فتاتنا يا عمرو اعيت, — و здѣсь простой орѳографическій знакъ; عمرو بن كلثوم'у нечего было соображаться съ нимъ, онъ и не подозрѣвалъ, вѣроятно, его существованія.

2) Или начать слово черезъ восклицаніе هَاؤُلَاءِ; ср. האלה, אלו, אלה. Оттого, въ يَا ابْنَ آلْأُولَى (Fr. 57), — أُو соотвѣтствуетъ легкому слогу [مستفْ]ع[لن], — слово неминуемо должно писаться آلأُلَى.

= عل آلنّبى [1]). Небрежное обращеніе съ предлогами вообще — повтореніе того, что случается внѣ грамматическихъ упражненій; точно также распространеніе энергическаго способа выраженія (نّ ـ) на причастіе должно было встрѣчаться во вседневномъ разговорѣ, который не боится аналогіи. Тутъ лежитъ и объясненіе صوْتَ الْحِمَارِ الْيُجَدَّعُ у Джерира (Fr. 496; ср. евр. הַיְעֲבֵר); هيلّلوا вм. هلّلوا (Fr. 501), замѣны, вовсе не нужной для ритма; اتبصلت вм. اتصلت (Fr. 502; ср. евр. אֶתְיַמַּר [2]); أجلْ كَمِثْل (Fr. 493), гдѣ изношенный и безсознательно повторяемый مثل, лишившись своего прозрачнаго смысла, требуетъ непремѣннаго присутствія كَ (ср. франц. aujourd'hui = au jour d'ho(c) die; dont = d'unde); عن كالبرد (ib.) — كَ явился для *возстановленія* образа, сравненія сверкающихъ бѣлизною зубовъ съ градомъ и т. д.; ألاّ أيّها ذا اللائمى أحضرَ الوَغَى или كادت النفس تزهق съ опущеніемъ أنْ (Fr. 492), какъ по-нѣмецки *dass* и т. д. Мы не можемъ знать, не слѣуетъ ли отнести на счетъ какого нибудь нарѣчія ابنمْ вм. ابنْ (слѣдъ сабейскаго языка), أنْظُورُ вм. أنْظُرْ (арабскіе филологи сами это говорятъ безъ обиняковъ, см. TA. III ονο, но Fr. 53-54 свое твердитъ: So muss ich es doch... bei Dichtern für eine dichterische Licenz halten), ينباع вм. ينبع (Antara, Div. XXI 39, — 33 въ изд. Mo'allaḳât Arnold'a,—гдѣ стихъ [كامل] вовсе не требуетъ удлиненія: يَنْبَعُ مِن ذِفْرَى, такъ какъ ب, благодаря своему положенію, снабжено удареніемъ; عنترة не произнесъ бы плохо, прямо какъ бы въ угоду насмѣшникамъ, которые уже и такъ преслѣдовали

---

1) Правописаніе въ Меккѣ (Snouck Hurgronje, Mekka, I, 202): على ما = علما, على موجب = علوجب, и *народныя* египетскія пѣсни у Lane'a Modern Egyptians: عاْخلّ (II, p. 81), см. ниже; ср. еще Spitta-Bey, Gramm. p. 33; все это существовало еще во время Имрулькайса, ибо عبيد بن الابرص говорилъ: مِلْ عبقرىّ, (مختارات p. ٩٩), къ чему ритмъ его не принуждалъ вовсе; онъ былъ дитя природы и пѣлъ по внутреннему побужденію (тамъ-же ٨٣-٨٤), но какой-то взыскательный راوى замѣнилъ مِلْ عبقرىّ черезъ للعبقرىّ (тамъ-же ٩٩, прим. ٣) безъ всякаго ущерба для стиха, quod erat demonstrandum.

2) Я бы еще прибавилъ сюда تقوا вм. اتّقوا, W. p. 411, ср. евр. תִּקְוָה.

его за негритянскую кровь), قطاما вм. قطام (Fr. 471-472; нѣтъ ли здѣсь арамейскаго вліянія?), наконецъ, مِدْفار вм. مدفر, у Fr. 471 [1]).

Мы остановимся на послѣднемъ, какъ на поучительномъ примѣрѣ созданія грамматиками поэтическихъ вольностей. Въ доступной намъ арабской письменности мы только въ одномъ мѣстѣ находимъ упоминаніе о той мѣстности, которая смутила Fr.'а; всѣ свѣдѣнія объ ней сосредоточиваются около стиха المعترض بن الحبوآء الظفريّ, переданнаго потомству благодаря الاصمعى. Въ Див. Годзейлитовъ, по лейденской рукописи отъ 539 г. (см. Dozy, Cat. Codic. Or. Bibl. Ac. Lugd. Bat. II, 8—11), цитуется какъ послѣдній авторитетъ الجحى (ум. 305, по Фихристу, ١١٤); и нашъ стихъ, въ этомъ экземплярѣ, переписанномъ извѣстнымъ محمّد بن علىّ العتّابى'омъ въ 529-539 гг. со списка السمْسمىّ, при сличеніи со списками الحميْدىّ и ابن الجواليقى, что и придаетъ большую цѣну сохранившейся здѣсь редакціи, читается такъ:

لهامهمِ بمدفارٍ صباحٌ يدعّى بالشراب بنى تميم

Толкованіе къ дивану принадлежитъ въ окончательномъ своемъ видѣ ابو الحسن على بن عيسى بن على الرّمّانى (ум. 384) [2]), и онъ говоритъ (Cod. Lugd. f. 120b):

ومدفارٌ بلدٌ لبنى عامرٍ وإنّما هو مِدْفَرٌ فمدّه فقال مِدْفارٌ;

но въ заголовкѣ, который во всякомъ случаѣ восходитъ къ ابو بكر احمد بن محمّد بن عاصم الحلوانى, ученику знаменитаго السكّرى (ум. 270, 275 или 290), прямо сказано: يوم القَدوم وهى ليلة مدفار.

Для Якута никакого مدفر не существовало никогда; онъ записалъ (IV, 449) مدفار موضع فى بلاد بنى سليم او هذيل; очевидно, эта замѣтка основана на разбираемомъ нами стихѣ, но онъ не придавалъ ей ровно никакого значенія. Мы читаемъ дальше (IV, 471):

مِدْفار بالكسر ثم السكون والفاء واخره راء وهو منقول من الذَفَر وهو حدّة الرائحة طيّبة كانت او خبيثة وليس باسم المكان منه ولو كان كذلك لكان مَذْفَر بالفتح فهو مثل المقراض من القرض كانّ شيئًا من الالة المنقولة سمّى به ثم نقل الى هذا المكان وهو اسم موضع فى قول الهذلى * لهامهم بمذفارٍ и т. д.

---

1) Первое полустишіе кончается послѣ صباح, يدعّى принадлежитъ второму,— у Fr. 471 нѣтъ раздѣленія.

2) Тамъ-же у Dozy; ср. Koseg., The Huds. Poems, London 1854, p. III.

Чтобы доказать еще лучше, что форма مذفر (مدفر) есть изобрѣтеніе грамматика и съ географіею ничего общаго не имѣетъ, пробѣжимъ съ читателемъ статью посвященную мѣстности المَخِيم у Бекрія (изд. Wüstenfeld ٥١٥):

المخيم بفتح اوله..... وكان اوقع ببنى واثلة من هذيل بَيَّتهم ليلا وهم بالقدوم فهى ليلةُ مذفرٍ فقال * فإمّا..... لهامهم بِمِذْفار..... قال ابو الفتح المخيم الخ ومِذْفَرٌ بلد لبنى تميم فاشبع الفتحة وآثر الضرورَة على زحاف الجزْءِ وان كان جائزا لأنّه لو كان بمِذْفَر لَرجعَ مفاعيلن على مفاعلن وليس هذا مذهب الجفاة من الفصحا. Бекрій ссылается здѣсь на ابو الفتح, который очевидно списываетъ какого нибудь метрика. Въ виду молчанія TA и LA, дверь остается открытою всякимъ догадкамъ, изъ которыхъ первая относится къ замѣнѣ د черезъ ذ, вызванной вѣроятно неправильностью письма, но поощренной желаніемъ найдти подходящую этимологію для рѣдкаго имени. Всѣ, видно, знаютъ объ этой мѣстности исключительно изъ стиха المعترض, и, если Бекрій рѣшается выставить (٥١٨) статью مِذْفر, онъ въ ней просто отсылаетъ فى رسم المخيم قبيل هذا, гдѣ мы никакихъ географическихъ свѣдѣній не встрѣчали. Якутъ понялъ въ чемъ дѣло съ مدفر и далъ у себя мѣсто обоимъ разночтеніямъ, مدفار и مذفار, настаивая на томъ, что безполезно здѣсь искать грамматической формы извѣстной породы и произвольно коверкать имя мѣстности. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что, если مفعال не употребляется для образованія подобныхъ именъ въ большинствѣ случаевъ, оно все же служитъ иногда для этой цѣли, какъ показываетъ Wright, Ar. Gramm. I, p. 146, § 226; по-эѳіопски это общее правило, см. Praetorius Aeth. Gramm., p. 93, § 106; по-евр. это бываетъ, ср. מִשְׁעוֹל. Тутъ можетъ быть слѣдъ областнаго говора, но поэтической вольности никакой нѣтъ.

الدَّوِّيّة вм. الدويّة (Fr. 55) не есть исключеніе (см. LA, XVIII, ٣٠٤), слово какъ будто иностраннаго происхожденія и находится въ связи съ *диванами*. — Fr. (55) разсуждаетъ о صِنَّبْر, должно быть по словарю; сыръ-боръ загорѣлся изъ-за заявленія الفرّاء (LA, VI, 140), между тѣмъ какъ ثعلب (тамъ-же) признаетъ просто существованіе كسر الباء, а, что касается удвоенія ر, то оно не нужно для стиха; слѣдовательно, либо люди такъ произносили, либо الفرّاء зналъ невѣрную передачу стиха; первое, впрочемъ, правдоподобнѣе. — Отъ الجوهرى Fr. (472) перенялъ свое возраженіе противъ كَلْكَل; онъ могъ бы дополнить его ссылкою на كلكال (TA, s. v. كلّ, VIII,

١٠٣; LA, XIV, ١١٧ и العقد الفريد, III, ١٢٢, по изд. 1305 г.). Но كلال — правильное образованіе = قلقال, زلزال (ср. Wr., p. 134); а ككل есть народная форма, соотвѣтствующая новоарабскому حَدّ = أَحد, *одинъ* (Sp. p. 158), — можно ли сюда прицѣпить مِنَّك, отъ тебя, عَنِّى, отъ меня (ib., p. 156)? Во всякомъ случаѣ, бедуины Месопотаміи произносятъ هَلِّى вм. أَهْلِى, согласно выраженію Sachau, Ar. Volkslieder aus Mesopotamien, Berlin (Sonderabdruck) 1890, p. 93, XXVII, ср. p. 54. كلال и ككل требуютъ, разумѣется, ударенія на второмъ слогѣ; но не знаемъ ли мы двойнаго произношенія: дѣви̂ца и дѣ̂вица, му̂зыка и музы̂ка, звони̂тъ и зво̂нитъ, молодѐжь и мо̀лодежь? не говорятъ ли въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ польскаго языка, товари̂щество? При отпаденіи окончаній, бедуины удареніе перенесли на второй كل, вслѣдствіе чего гласный звукъ расширился (كلال) или ударился сильнѣе въ согласный шумъ (ككّل); возстановленіе правильнаго إعراب должно было считаться съ совершившимся фактомъ. Другими словами, я склоненъ думать, что منظور بن مرثد الأسدى засталъ уже окончанія въ процессѣ разложенія и воспользовался имъ, сознательно или нѣтъ; читая внимательно страницу ٨ كتاب سيبويه (éd. Derenbourg), непредубѣжденный человѣкъ усмотритъ, что отецъ арабской грамматики не выражается иначе чѣмъ я: ومن العرب من يثقّل الكلمةَ اذا وقف عليها ولا يثقّلها فى الوصل فاذا كان فى الشعر فهم يُجرونه فى الوصل على حاله فى الوقف نحو سَبْسَبًّا وكَلْكَلًّا لانهم قد يثقّلونه فى الوقف فاثبتوه فى الوصل كما اثبتوا الحذف فى قوله لنفسه مقنعا وانما حذفه فى الوقف قال رؤبة ضَخْمٌ يُحِبُّ الخُلُقَ الأَضْخَمَّا يروى بكسر الهمزة وفتحها وقال بعضهم الضِخَمَّا بكسر الضاد. У Sacy (§ 896) мы находимъ этотъ же самый стихъ; неужели какой нибудь стихотворецъ, если у него была хоть тѣнь вдохновенія, нарочно исковеркалъ бы слово, чтобы получить مفعولن вм. مستفعلن, — право, игра свѣчъ не стоитъ! — صحاريّا (Fr. 55; Sacy, § 896), есть ни больше ни-меньше какъ архаизмъ, если вѣрить пространному и хорошо обоснованному разсужденію LA, VI, ١١٣. — الطولّ (Fr. 54), который Freytag взялъ изъ схолій къ Харирію (Les séances de Hariri, éd. Sacy, 1822, p. ٢٩٨), принадлежитъ уже знакомому намъ منظور بن مرثد الاسدى (LA, XIII, ٤٣٩) и составляетъ часть того стихотворенія, въ которомъ мы встрѣтили ككّل; высказанные нами доводы получаютъ здѣсь новое подкрѣпленіе. Для Sacy и Fr. (кстати: они пропускаютъ стихъ تعرّضا لم تأل

الطَوَلّ (عَنْ قَتْلِي) — хорошее окончаніе سريع'а; для LA и для насъ, какъ и для Джаугарія (ср. Fr. 253), стихъ принадлежитъ размѣру رجز, именно вслѣдствіе своего окончанія, которое, правда, плохо исполняетъ роль مفعولن, но не надо забывать, что здѣсь مفعولن = مُسْتَفْعِي, т. е. удареніе остается на تَفْ, и مُسْ можетъ быть облегченнымъ отъ одной согласной, ибо مَفاعلن есть законное видоизмѣненіе مستفعلن и ритмъ обоихъ совпадаетъ (см. Зап. В. О. VII 108-109).

Нѣтъ ли, въ وَاخْفضي تَبَيَّضِّي (Fr 472, LA IX ٥), подражанія дѣтскому произношенію? Сравни Spitta-Bey, Gramm., p. 122. ضُحَيّا (Fr. 472) есть просто на просто уменьшительное, въ родѣ: вечеркомъ, ноченька, зоренька, зорюшка и т. д. Въ رَجُلَة, = *женщина* (Fr. 497 - 498. ср. Хамасу ١٠٩), я отмѣчаю лишь легкую иронію. Въ كَتَن вм. كتّان — (Fr. 478) въ стихѣ

هُوَ ٱلْوَاهِبُ ٱلْمُسْمِعَاتِ ٱلشُّرُو   بَ بَيْنَ ٱلْحَرِيرِ وَبَيْنَ ٱلْكَتَنْ

проглядываетъ желаніе уколоть помощью игры словъ: كتّان означаетъ *ленъ*, а كَتَن — *грязь*; впрочемъ, ابو حنيفة (LA, XVII, ٢٣٥) говоритъ: زعم بعض الرواة أنّها لغة.

Во всякомъ случаѣ, уподобленіе двухпадежныхъ именъ трехпадежнымъ, отбрасываніе конечнаго ن (ايديهن вм. ايديهنّ, يجدونى вм. يجدوننى; ср. евр. и арам. яз.), небрежность въ соблюденіи падежныхъ окончаній существительныхъ отъ слабыхъ корней, (أيهما вм. أيّهما, هو вм. هُوَ и мн. др.), — все это слѣды вторженія разговорнаго языка въ поэзію, которая изъ него же и вышла.

Отстранивъ такимъ образомъ большую часть *поэтическихъ вольностей*, мы удержимъ лишь такіе примѣры какъ وَلَا أَبْلُغْ, гдѣ слабая гамза подъ натискомъ ударенія таетъ между двумя словами, — въ областномъ говорѣ произносятъ مَحْسَنَكْ вм. مَا أَحْسَنَكْ, Spitta p. 310; — вѣдь ритмъ стиха связываетъ всѣ слова въ одно цѣлое и продолжаетъ надъ ними дѣйствіе начальнаго ритма языка; отсюда مَطْلَى вм. مَطِى, إِقْط вм. أَقَط (Fr. 482 - 483) [1]). Въ رَيْتَ вм. رَأَيْتَ мы видимъ дальнѣйшее распространеніе

1) Эти вопросы объ удареніи столь важны и такъ мало разработаны, что меня извинятъ, если я дополню свѣдѣнія о مَطْلَى и إِقْط. — Первый находится въ одномъ стихѣ касиды, сочиненной أميّة بن أبى عائذ, мусульманскимъ поэтомъ племени Годзейлитовъ на стр.

процесса, породившаго تَرَى и رَ; и удареніе, и аналогія, и частое употребленіе, — все способствовало упрощенію: въ Египтѣ говорятъ: jâ-tára

---

بِهَا مَحْصُ غَيْرَ جَافِي ٱلْقُوَى اِذَا مُطْىَ حَنَّ بِوِرْكٍ حُدَالِ ١٩٣ изд. Kosegarten

у Fr. вкралась опечатка (مُحض). Самый стихъ передѣланъ изъ другого, принадлежащаго عمرو ذو الكلب (Huds. Poems p. ٢٣٥). الحلوانى не нашелъ ничего поразительнаго въ произношеніи: مُطْىَ مُلَّ, объясняетъ онъ и переходитъ къ حَنَّ. Дѣйствительно مُطْىَ не представляетъ аномаліи противъ نِعْمَ и بِئْسَ, и TA, s. v. حدل, заноситъ стихъ Омейи безъ замѣчанія; но LA XIII ١٥٩ не знаетъ اذا مطى и читаетъ مِنَ ٱلتَّوْرِ, къ чему онъ и присоединяетъ пространное толкованіе. Сравнить же способъ произношенія مُطْىَ съ теперешнимъ говоромъ нѣтъ возможности въ виду полнаго исчезновенія страдательнаго залога такой формы. Можно только указать на fât'hah = فاتحة, hâdh'rât = حاضرات, ghâb'rah = غابرة въ теперешнемъ говорѣ жителей Хиджаза, у Snouck Hurgronje, Mekka, II, 180, 184, 185 и passim. Но я нечаянно встрѣчаю у Nöldeke, WZfdKdM VI p. 348, который забылъ про مُطْىَ, стихъ ابو النجم (изъ Сибавейги ٢٧٨, 2: عَصْرَ), и 8 примѣровъ изъ Ахталя فَعْلَ вм. فَعَلَ, «Einwirkung seiner Mundart».

Что касается إقط, то القاموس сохранилъ намъ 7 способовъ выговаривать его; если поэтъ позволилъ себѣ употреблять ту форму, къ которой онъ привыкъ съ дѣтства, то нечего бросать въ него камень.

Самый на видъ поразительный примѣръ فى تسكين المتحرّك — въ сущности самый безобидный. ابن عبد ربه (III ١٢٣—١٥٥ по изд. 1293 г.) сообщаетъ:

عجب الناس وقالوا شعر وضّاح اليمانى
انما شعرى قيد قد خلط بجلجلان

прибавляетъ отъ себя: وقد استشهد به سيبويه فى كتابه (я не нашелъ этого примѣра въ изд.), и поясняетъ: ولو حرك خلط اجتمع خمس حركات. Къ счастью для славы безсмертнаго мученика любви, онъ не пѣлъ такъ безсмысленно: вотъ его защита по LA XIII ١٣٠:

ضحك الناس وقالوا شعر وضّاح لكبانى
إنما شعرىَ ملح قد خُلْطَ بجُلْجُلان

Въ рукописи ابو الفضل ابن منظور стоитъ такъ لكبانى, но издатель LA справедливо узналъ въ очертаніи буквъ الكبان بضم الكاف طعام من الذرة لليمنيين; но это —малоизвѣстное слово (приготовленіе этого блюда см. на полѣ стр. ٢٣٣ XVII LA); другіе же читали الكنانى, а, такъ какъ وضّاح назывался іеменитомъ (ср. الفهرست, изд. Flügel, p. ٣٠٩), то пришлось исправить въ اليمانى. Мы читаемъ съ LA.: وضاح [ال]كبانى. Не

=باترى), hantára (=هَلْتَرَى)[1]), настолько слабо сознаніе значенія слабой коренной корня ارأى!

Sacy (§ 929) считаетъ вольностью укороченіе слога نا въ словѣ أنا я. Оба слога коротки вслѣдствіе энклитическаго положенія мѣстоименія[2]); отсюда слѣдуетъ, что положеніе (أنَا عيْنٌ[3]), ماانا والخمر[4])) можетъ дать первому слогу мѣсто ْ въ فَعَلانٌ. Когда же вся тяжесть фразы падаетъ на أنا, то послѣдній слогъ принимаетъ вновь свое значеніе,—عمرو بن معدى كرب сказалъ:

ما قَطَّرَ الفارسَ إلّا أنا

ap. Sibaw., éd. Der. I, ٣٣١.

Тутъ во всей своей силѣ выдвигается принципъ ударенія. Всѣ же явленія, изложенныя Wright'омъ подъ заглавіемъ The forms of the words in pause and in rhyme, частью уже нами объяснены (زيْدْ, رجُلْ, بِهْ; مَحَلْ вм. محلٍ; الضَرَبَا вм. الضَرَبْ, — изъ-за протяжности финала въ пѣніи; كَتَبَبَا вм. كَتَبَبًا[5]); حَمْزَهْ вм. حَمْزَةْ[6]); البنَاتْ,—причемъ, у بنو طىّء, اتْ — переходилъ еще въ اهْ—(Wr. 399); أمامَهْ вм. أمامَهْ[7]); فَتَى вм. فَتًى; مَعانْ и معانِى

ясно ли, что поэтъ говоритъ здѣсь «кухоннымъ» языкомъ и подражаетъ безъискусственному слогу женщинъ своего племени? Одно вѣрное заключеніе вытекаетъ изъ разбора подлежащаго примѣра: во время жизни وضّاح'а, обыденный говоръ началъ уже сильно стирать окончанія, и, бесѣдуя между собою за-просто, арабы произносятъ خلْطَ, оставляя خَلَطَ для важныхъ и выспреннихъ рѣчей.

1) Vollers, p. 130.
2) Мотенеббій, ٩٠, ٤٢٣, ٤٣٥.
3) Ib. ٨٥.
4) Ib. ٣٥٥.

5) Или, какъ произносили بنو تميم, والعتَابَنْ вм. والعِتابّا въ концѣ стиха, ap. Wr. 399.

6) Преобразованіе فالحلّة въ فالحلّت (W. 399) — дѣло рукъ грамотѣевъ ради удовольствія глазъ, — становится долгимъ по высказанной нами раньше причинѣ.

7) Въ لَيهْ вм. لِى выступаетъ наружу желаніе укоротить, оборвать звукъ какъ можно рѣзче; то-же самое относительно كَيفَهْ вм. كَيفْ, رَهْ вм. رَ, يغزُهْ вм. يغزْ. Cp. Wr. 402 и Sibaw. II ٣٠٢—٣٠٣. Это не предположеніе, это фактъ; въ Aгâни I ٤٢ мы читаемъ لقد ارسلت جاريتى * وقلت لها خذى حذرك (الى تمامها) غنى فيه ابن سريج ..... وفى

вм. معانى; الكَلَا вм. اَلْكَلَأُ [1]); أفر вм. أفرّ), частью же легко объяснимы:

- مَا теряетъ часто акцентъ, который передается слѣдующему слову или, какъ въ Египтѣ, предшествующему предлогу لِ, на которомъ сосредоточивается вниманіе (см. разсужденіе Lane; ср. לָמָה, בַּמֶּה), لِمَ; значительная слабость مَا, способнаго перейти въ مَ [2]), порождаетъ مَه, عَمَّهْ, بِمَهْ и даже لِمْ [3]) (Wr. 407); потеря послѣднею согласною гласнаго звука بَكْرِ вм. بَكْرٌ можетъ вновь оживлять, въ паузѣ, безцвѣтный слогъ كْ, имѣвшій первоначально свой гласный звукъ, который выжали изъ него его сосѣди بَ съ удареніемъ, رِ съ долгою; понятно, не появится уже этотъ давно испарившійся, позабытый звукъ, а كِ вступитъ въ права оттѣсненнаго теперь رُ, и мы получимъ بَكِرْ, النَّكُرْ, الدَّلُو и т. д. Sacy прибавляетъ (§ 901, note 1): Il semble même que l'usage n'en soit pas limité à la poésie. И въ самомъ дѣлѣ, Wallin, въ дополненіе къ наблюденіямъ Niebuhr'a и Smith'a, говоритъ (ZDMG. V, p. 10): Alṣidḳ (الصدق) wird von den Beduinen Negd's gewöhnlich aṣṣuduts ausgesprochen. Die Buchstaben ق und ك lauten namentlich bei ihnen immer etwa wie ts oder ds, zuweilen wie tsch oder das englische ch.

هذا الشعر الحان كثيرة والشعر فيها على غير هذه القافية لانّ هذه الابيات لعمر من قصيدة رائية مردفة الرآات (или лучше موصولة الرآات) بالف الّا انّ المغنّين غيروا هذه الابيات فى هذين اللحنين فجعلوا مكان الالف كافا وانّما هى * لقد ارسلت جاريتى وقلت لها خذى حذرك. Очевидно, пѣвцу нужно было укоротить послѣдній звукъ, огородить его согласною; если онъ не выбралъ ه, какъ обыкновенно, т. е. если онъ не удовлетворился оборвать просто звукъ, то причина лежитъ въ томъ, что передача мѣстоименія сообщала пьескѣ извѣстный колоритъ игривости, и что ك звучитъ полнѣе, чѣмъ легкое придыханіе ه; но لِمَهْ и حَذَرَكْ — порождены одною потребностью, однимъ стремленіемъ.

1) بَنِ вм. بَنِى (Wr. 401) и т. п.—дѣло рукъ писцовъ. Во многихъ стихотвореніяхъ эль-Асмаій и эс-Суккарій оставили رِى въ риѳмѣ рядомъ съ رِ. Впрочемъ, это касается орѳографіи и не имѣетъ отношенія къ ритму.

2) Т. е. лишиться собственнаго ударенія (сличи מֶה — מַה־בּוֹ).

3) Что ничуть не удивительнѣе чѣмъ превращеніе كَمَا въ общеупотребительный كَمْ (Spitta, p. 80), который нынѣ въ Египтѣ звучитъ уже kâm, и لَمَّا въ неменѣе старинный لَمْ.

Wo ferner 2 schwerer auszusprechende Consonanten zusammentreffen, von welchen in der alten Sprache nur der erste einen Vocal hat, wie in baḥr بحر, geben die jetzigen Beduinen auch dem 2-ten Consonanten einen passenden Vocal und sagen z. B. baḥar. Въ Меккѣ, по свидѣтельству Snouck-Hurgronje (Mekka, II, 75), произносятъ часто rákib вм رَكْب, akil вм. اَكْل, raṭil вм. رَطْل.

Мы остановились такъ долго на этой главѣ, потому что она служитъ доказательствомъ: 1) первенствующей роли ударенія; 2) вѣрности нашихъ воззрѣній на возникновеніе арабскихъ словъ; 3) *отсутствія произвола* въ поэтическихъ пріемахъ [1]). Методъ Guyard'a оправдался и здѣсь.

Что говоритъ практика?

Depuis la publication de ma théorie de la métrique arabe, сообщаетъ G. въ Note sur la Métrique Arabe (J. As. 1877), il m'a été donné de vérifier de plusieurs manières les principes que j'y ai formulés. Deux lettrés de Syrie, MM. Dallâl et Marrasch, et un docteur en droit du Kaire, M. Mohammed Mounib, avec lesquels j'ai eu l'avantage d'entrer en relations, ont bien voulu déclamer en ma présence de vers arabes de tous les genres, et j'ai pu constater *de auditu* que leur façon de réciter concorde dans les moindres détails avec ma notation. Потомъ онъ переходитъ къ изученію конечныхъ стопъ и поднимаетъ вновь споръ, затѣянный между школою Халиля, которая преподавала ихъ подъ видомъ مفاعى, مفاعل, متفاعى, مستفعى

---

1) Если جرير поетъ (Fr. 506): مَن كان يمرض قلبه من ريبة ٍ * خافوا عقابك وانتهى اهل النُّها, то множественное число во *второмъ полустишіи* ничуть не есть уступка ритму, котораго خاف не нарушилъ бы, а объясняется логичностью мысли; это уже другая область. Я бы предложилъ видѣть намекъ вообще на всю партію супостатовъ въ بهم вм. بهما во 2-мъ стихѣ у S. § 908; ритмическая фраза — цѣлый замкнутый въ себѣ міръ. Соблюденіе такихъ правилъ грамматики, которыя затвердѣли подъ перомъ персіянина سيبويه и др., не можетъ быть обязательнымъ для людей, которые говорили по чутью (S. § 922, 923, 924) и прибѣгали, какъ вообще, народъ, къ аналогіи (S. § 911), какъ Сибавейги (II ٣٠٢) самъ справедливо замѣчаетъ: لانّ من كلامهم ما يشبّهوا الشىء بالشىء وان لم يكن مثله فى جميع ما هو فيه. Зато, вопреки Тебризію, совершенно правильно رجالِكِ въ стихѣ: ولست بسائل جارات بيتى * أَغيّاب رجالكِ أمْ شهود (S. § 914; тамъ опечатка أَمَّ; у Fr. 476, الحماسة ١٩٧); каждая сосѣдка опрашивается *особо*; поэтъ говоритъ какъ онъ обращается къ каждой и объявляетъ, что онъ свой вопросъ ставитъ не одной — جارات. Въ прекрасныхъ стихахъ الا يا حمامات الاراك تحمّلى (S. § 380) мы имѣемъ дѣло съ обращеніемъ къ *цѣлой стаѣ* голубокъ, взятой въ совокупности.

и فاعى (или مستفع متفاع и فاع съ удлиненіемъ ‿), и ея противниками, которые превращали

مفاعيلن ⏑ | ⊥ - ⏑ ^ | въ مفالن ⏑ | ⊥‿ ⏑ ^ |
مفاعلتن ⏑ | ⊥⏑⏑ ⏑ ^ | مفاتن ⏑ | ⊥‿ ⏑ ^ |
متفاعلن ⏑⏑ | ⏑ ⏑ ⏑ ^ | متفالن ⏑⏑ | ⊥‿ ⏑ ^ |
مستفعلن - | ⏑ ⏑ ⏑ ^ | مستفلن - | ⏑ ^ ⏑ ^ |
فاعلن | ⏑ ⏑ ⏑ ^ | فالن | ⊥‿ ⏑ ⏑ |,

(гдѣ - = долгой нотѣ, ⏑ = краткой, ⏑ = ирраціонально долгой [съ точкою], ‿ = двумъ долгимъ, ı = сильной части главнаго такта, ' = подъ-ударенію, ^ = паузѣ), т. е. предполагали существованіе не то молчанія, не то удлиненія слога передъ لن и تن вслѣдствіе исчезновенія ع и عى. Халиль какъ бы отказывается отъ своей мысли, говоря, что مفاعى и مفاعل = فعولن, فاعى = فالن (или فعلن), въ которыхъ находится по два ударенія. En réalité, присовокупляетъ G., ces pieds apocopés existent. MM. Dallâl. Marrasch et Mohammed Mounîb les emploient avec la mesure indiquée plus haut [1]), et cela dans la majorité des cas, surtout quand ils *récitent* les vers; mais quand ils *chantent* sur certaines mélopées traditionnelles des vers contenant les pieds finals susdits, aux lieu d'apocoper ces pieds ils les prononcent avec deux ictus

---

1) مفاعى / مفاعل — или практичнѣе — (Въ своемъ изложеніи я по возможности избѣгъ тріолета)

متفاعى

مستفعى

فاعى

et en leur attribuant la mesure notée p. 5 (т. е. согласно таблицѣ, выше, стр. 131), mesure que j'avais adoptée dans le § 7 du livre I de ma Métrique. Ainsi se réconcilient les doctrines de Khalîl et celles de l'école opposée relativement à ces pieds finals... Je m'étais attaché à démontrer qu'à l'intérieur du vers: 1⁰ tous les pieds arabes ont deux ictus; 2⁰ que toute syllabe frappée de l'ictus vaut une longue; 3⁰ que toute syllabe faible, c'est-à-dire non frappée de l'ictus, vaut $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ ou $\frac{1}{4}$ de longue suivant que le temps faible dont elle fait partie contient deux, trois ou quatre syllabes; 4⁰ que toute syllabe quiescente supprimée d'un pied dit primitif[1]) se fait remplacer par un silence de durée équivalente; 5⁰ que, conséquemmeut, toutes les modifications des pieds, à l'intérieur du vers, n'altèrent en rien leur rhythme ni leur mesure, qui restent toujours les mêmes pour l'oreille.

Sur tous ces points, la récitation de MM. Dallâl, Marrasch et Mounîb me donne pleinement raison: comme je le disais en tête de ces lignes, elle concorde dans les moindres détails avec mon système. J'ai pu noter directement, d'après la scansion de M. Dallâl, un mètre dont je n'avais pas encore traité, parcequ'il est de création relativement récente, le *Silsilah* ou *Robâ'î*. En voici la mesure rigoureuse par hémistiche:

La mesure simplifiée par la suppression des triolets est comme suit:

Ce mètre diffère des primitifs par l'emploi du pied مستفعلاتن, compromis entre مستفعلن et مفاعلتن que ne connurent point les anciens poëtes[2]). Son

1) Ихъ 8; см. Зап. В. О., VII, стр. 128 (46 отд. оттиска).

2) Cp. Freytag, Darstellung, p. 441. Freytag appelle ce mètre ذو بيت et le croit emprunté aux Persans; il réserve le nom de سلسلة à un autre mètre dont il parle p. 446. M. Dallâl réunit ces deux genres sous le même nom de سلسلة, et j'ajoute que dans le *diwân* de Behâ ed-dîn Zohaïr, publié par M. Palmer, on trouve des exemples du ذو بيت de Freytag avec la suscription من بحر السلسلة. On lit même, p. 156: وقال من بحر السلسلة وهو المسمّى عند الفرس دو بيت. — Je me réserve d'étudier en détail le سلسلة dans un autre mémoire. Мучительная болѣзнь, послѣдствіе упорной работы, повела G.'a къ преждевременной погибели, и обѣщанная записка не была составлена.

second pied subit toutes les modifications usuelles de مستفعلن, et son dernier pied, dans le second hémistiche, se comporte comme le مستفعلن final du Sarîʿ.... L'existence des silences compensateurs qui viennent se substituer à toute quiescente supprimée, comme il se produit entre le فَ et le عْ de فعلن en remplacement du ا tombé de فاعلن, ou dans مستعلن, en remplacement du ف de مستفعلن, cette existence, dis-je, est attestée par plusieurs observations. Ayant remarqué la netteté avec laquelle M. Marrasch indiquait ces silences, et sachant d'autre part qu'il n'est nullement musicien, j'eus la curiosité de provoquer de sa part une explication à ce sujet. Je demandai à M. Marrasch quelle différence il établissait dans la prononciation entre مستفعلن et مستعلن. Il me répondit textuellement: «Je prononce مستعلن exactement comme مستفعلن, mais je fais sentir que le ف sâkinah (quiescent) a été supprimé.» Ce qui signifie, traduit en langage métrique: «Je remplace par un silence la syllabe quiescente disparue».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ G. опять возвратился къ излюбленному занятію, и на столбцахъ J. As. за 1878 г. появилась Note sur une particularité de la métrique arabe moderne:.... Je viens aujourd'hui signaler une particularité nouvelle qu'il m'a été donné d'observer dans le mode de récitation de M. Hodji, ancien élève du collége de Galata-Seraï, particularité qui, à ce que m'assure M. Clément Huart [1]), se retrouve également chez les Arabes de Damas et des environs. Les Arabes de Damas, et, en général, de la Syrie, s'appliquent, lorsqu'ils récitent des vers, à en fondre autant que possible les éléments, et font en sorte d'atténuer les mouvements un peu saccadés qui résultent de la succession d'une longue et demie et d'une brève (ˈ⏑ ⏑; ⏑ ⏑; ˈ⌒ ⏑; ⌒ ⏑). Ils y parviennent en prolongeant d'un demi temps ou à peu près la valeur de la dernière brève des groupes ⏑ ⏑, ⌒ ⏑, quantité qu'ils empruntent à la longue et demie précédente, exprimée par les signes ⏑, ⌒. La mesure n'en est par là nullement altérée, car les successions ainsi produites, ⊥ –, ⊥ –, sont visiblement équivalentes aux successions ˈ⌒ ⏑, ⏑ ⏑, etc.; mais on obtient par ce procédé un mouvement plus égal et plus uniforme.

Cette substitution de – – à ⏑ ⏑ et ⌒ ⏑ n'est pas inconnue à l'ancienne métrique arabe; bien au contraire, c'en est un des principes fondamentaux. On se souvient que le pied مفاعلن, par exemple, dont la mesure est ⏑|ˈ⏑ ⌒ ⏑ ⌒ ˈ, peut toujours être remplacé par son équivalent مفاعيلن ⏑ | ⊥ – ⏑ ⌒ | [2]), et que,

---

1) Онъ жилъ въ Сиріи, будучи на дипломатической службѣ французскаго правительства.

2) Въ подлинникѣ опечатка: ⏑ ⏑.

semblablement, au pied فاعلاتن | ⏑́ ⏑ –́ – | , il est permis de substituer la variante | –́⏑ –́ – | . Ici, nous trouvons un principe généralisé et étendu non-seulement à tous les pieds, mais même à toutes les séries de pieds qui, par leur rencontre, engendrent la succession ⏑́ ⏑, ⌒ ⏑.

Donnons quelques exemples des modifications ainsi introduites. L'hémistiche de basîṭ: اذًا لقام بنصري معشرٌ خشنٌ, qui a pour mesure rigoureuse ⏑ | ⏑́ ⏑ –́⏑ | ⌒́ ⏑ – – | ⏑́ ⏑⏑́ ⌒ | ⌒́ ⏑⏑́ ⌒ | , devient:
⏑ | –́ – –́⏑ | –́ – –́ – | –́ – ⏑́ ⌒ | –́ – ⏑́ ⌒ | .

L'hémistiche suivant de ṭawîl: ⏑ | –́⏑ ⏑́ ⌒ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | –́⏑ ⏑́ ⏑ | –́ – ⏑́ ⌒ | [1]),
devient: ⏑ | –́⏑ –́ – | –́ – –́ – | –́ – –́ – | –́ – ⏑́ ⌒ | .

Enfin, l'hémistiche de ramal: اينما تميلها الريحُ تَمِل
⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ –́ – | ⌒́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ,
devient: –́ – –́ – | –́ – –́ – | –́ – ⏑́ ⌒ | .

Des spécimens fournis, il résulte, pour citer un dernier exemple, qu'au milieu des vers les quatre variantes: مستفعلن – | ⏑́ ⏑⏑́ ⌒ |, مستعلن – | ⌒́ ⏑⏑́ ⌒ |, متفعلن ⏑ | ⏑́ ⏑⏑́ ⌒ | , متعلن ⏑ | ⌒́ ⏑⏑́ ⌒ | se prononcent uniformément – | –́ – ⏑́ ⌒ | [2]). Ce qui revient à dire, comme je l'avais établi d'ailleurs, que ces quatre variantes s'équivalent rigoureusement pour la mesure. Cette particularité remarquable nous permet de vérifier une fois de plus l'exactitude de mon système; car il est manifeste que l'ancienne transcription des 4 variantes précitées, transcription qui serait: – – ⏑ –, – ⏑ ⏑ –, ⏑ – ⏑ –, ⏑ ⏑ ⏑ –, n'expliquerait jamais comment des brèves ont pu devenir des longues. Dans mon système, au contraire, il est facile de s'en rendre compte: la transformation de la brève en longue repose sur le principe de l'équivalence de deux brèves à une longue, équivalence en vertu de laquelle il est permis de changer à sa fantaisie ⏑́ ⏑ et ⌒ ⏑ en — —.

Мы дословно привели эти мѣста изъ J. As., съ одной стороны, потому что они не вошли въ составъ тома посвященнаго метрикѣ и содержатъ въ себѣ весьма знаменательныя поясненія, рядомъ съ развитіемъ первоначальныхъ воззрѣній Guyard; а съ другой, потому что рѣчь идетъ о показаніяхъ свидѣтелей, и тутъ важно знать, какъ они были даны. Изъ европей-

---

1) Напр. كليني لِهَمٍّ يا أُمَيْمَةَ ناصِبِ.

2) En effet, en ce qui concerne les deux dernières variantes, la brève initiale est forcément précédée dans le vers d'une longue et demie; conséquemment, d'après la règle énoncée ci-dessus, cette brève devient longue et réduit à une longue la longue et demie précédente.

скихъ ученыхъ я доподлинно знаю, что Barbier de Meynard убѣжденъ въ правотѣ Guyard'а; но, если безпристрастно разсматривать тѣ свѣдѣнія, которыя европейскіе путешественники завезли къ намъ съ Востока, мы должны будемъ утѣшить себя мыслію, что одна только рутина мѣшаетъ установленію метода G.'а и признанію его непогрѣшимости европейскими университетами. Страннѣе всего то, что на Лейденскомъ съѣздѣ, гдѣ поднятъ былъ вопросъ объ арабскихъ стихахъ и сообщены были нѣкоторые факты, которые вполнѣ согласуются съ его теоріей, его имя не было произнесено и, вслѣдствіе игнорированія его трудовъ, эти факты не были поставлены въ надлежащій свѣтъ и не получили подобающаго имъ значенія. Они касаются теперешняго способа произношенія стиховъ у сирійскихъ бедуиновъ; раньше, чѣмъ перейдемъ къ нимъ, не лишне будетъ замѣтить, что дамасское чтеніе арабскихъ стиховъ, о которомъ G. имѣлъ свѣдѣнія черезъ Huart и Hodji, согласуется въ основныхъ чертахъ съ древнимъ пѣніемъ и съ египетскимъ способомъ скандовки, но, какъ выродокъ, идетъ прямо въ разрѣзъ съ приведенными нами словами Эль-Фарабія о неравенствѣ между собою частей просодическаго ритма.

X.

Достовѣрность метода моего наставника подтверждается, какъ мы сказали, свидѣтельствомъ Palmer'а, который самъ писалъ превосходные арабскіе стихи. На Лейденскомъ съѣздѣ гр. Ландбергъ выразился такъ [1]) (Actes du 6° Congrès des Orientalistes, Leide 1884, I, p. 73—74): Pour l'arabe on ne doit jamais séparer le chant de la poésie. Celle-ci n'est pas théorétiquement explicable sans la connaissance pratique de celui-là.... J'ai observé que chez eux (les Bédouins) les paroles s'accommodent, se subordonnent, à la mélodie [2]) ou plutôt (on comprendra tout de suite cette expression) au mètre. Je vais m'expliquer par un exemple. Dans la respectable collection de poésies bédouines que j'ai réunie je choisis deux *bêt* au hazard. Ils sont tirés d'une qaṣîda šammarite qui me fut *récitée* par un grand joueur de *rabâba*:

Wàbṛî álè'h el-bî'ḍ yùltùmèn [3]) el-kfû'f
Èyḍâ [4]) wa lâ yâ'tî 'alâ ṣâff el-eqdâ'm...

---

1) Французскій языкъ сильно хромаетъ подъ его перомъ, но я не хотѣлъ мѣнять ни іоты.

2) Вѣрнѣе: au rhythme.

3) Le mot porte, selon la prononciation bédouine, l'accent sur les deux syllabes.—Прим. Landberg'а.

4) Pour أيضا. — Прим. Landberg'а.

*

C'est ainsi qu'il récita sans chanter. On s'évertuera en vain à y découvrir un mètre reçu, et l'on ne sera pas plus heureux en y mettant les voyelles d'après la grammaire. Selon mon habitude, je priai après cela le barde de chanter la qaṣîda en s'accompagnant de sa rabâba. Voici comment il prononça alors:

وَآبْغى عَلَيْهِ آلْبِيْض[1] يِلْ   طِمْسَن[1] لْكَفُوفْ
اَيْضَاْ وَلَاْ يَاْتِى عَلَى   صَفْفِ لْقَدَامْ

On voit à présent le mètre, très commun dans la poésie bédouine: مستفعلن. مستفعلن. فاعلاتون. C'est que le mètre était, pour ainsi dire, dans la mélodie[2]), à laquelle les paroles durent se plier pour y être enchâssées. J'ai souvent observé que, lorsqu'un Bédouin chante une mélodie sans paroles, un mètre y est parfaitement reconnaissable. C'est le plus souvent le ṭawîl, qui est fort goûté; le wâfir est aussi très en vogue. L'emploi de ces mélodies-mètres varie selon les pays; ainsi un Hégâzien ne se délecte pas à la musique égyptienne, qui entraîne irrésistiblemant un auditoire syrien. En me basant sur des observations répétées de cette nature, je soutiens que les mètres arabes ne sont primitivement que des mélodies. Nous savons qu'el-Ḫalîl prêtait l'oreille, non pas à la récitation, mais au chant, lorsqu'il voulut systématiser les mètres. On dira que tant de poètes avant el-Ḫalîl nous ont donné d'admirables qaṣîda, où les mots conservent leur aspect ordinaire, et que, par conséquent, il y avait des mètres reçus et employés par ceux qui savaient manier toutes les richesses de la langue. Une telle objection n'est pas sérieuse: la force du poète, la perfection de son talent, consistaient précisément à ne pas défigurer le mot en donnant à chaque syllabe la longueur de mesure qu' elle devait ou pouvait recevoir. Dans un petit chef-d'oeuvre de dispute littéraire qu'el-Qâlî composa pendant son séjour à Tolède, ce grand philologue dit: قد اخذت الاوزان من الانغام. On ne doit jamais oublier que la poésie arabe est faite pour être chantée. Une récitation, telle que nous la comprenons, est d'invention relativement moderne chez les Arabes.

Непосредственное наблюденіе нравовъ и обычаевъ бедуиновъ повело Ландберга къ заключенію, что арабскіе стихи тѣсно связаны съ мело-

---

1) La voyelle de ces deux lettres n'est pas un a net et clair, mais un son vocal indécis, nécessaire pour éviter le frottement des consonnes et formant en même temps la note-pied. — Прим. Landberg'a.

2) Т. е. ритму мелодіи.

діею, которая ихъ сопровождаетъ; но онъ не съумѣлъ различать между мелодіею и ритмомъ. Внимательное чтеніе كتاب الاغانى учитъ насъ, что одно и то же стихотвореніе не только было разными музыкантами переложено на различныя аріи, но и пѣлось не всегда въ томъ же движеніи (то القدر الاوسط من الثقيل الاوّل, то خفيف ثقيل اوّل и خفيف رمل, то ثقيل اوّل и خفيف ثقيل اوّل, то خفيف ثقيل и ثقيل اوّل и т. д.); стихи составлялись иногда за много лѣтъ до присочиненія къ нимъ особой мелодіи, и эти мелодіи такъ разнились другъ отъ друга въ примѣненіи къ одному размѣру и даже къ одному стихотворенію, что можно было сказать о мелодіяхъ, нарочно изобрѣтенныхъ Ибрагимомъ и Ибнъ-Мохризомъ для трехъ пѣсенъ, изъ которыхъ двѣ сказаны были въ طويل'ѣ (третья въ وافر'ѣ), أنّ هذه الثلاثة الاصوات على هذه الطرائق لا تبقى نغمة فى الغناء إلّا وهى فيها (Aгâни I ٩ вверху и ١٢٩ 7). Но рядомъ съ этими мелодіями и раньше ихъ всегда существовала извѣстная мелопея для каждаго размѣра, безъискусственное пѣніе въ родѣ той литаніи, которая служитъ евреямъ при чтеніи Библіи [1]) или еще при чтеніи Талмуда, или даже при чтеніи молитвъ, что не мѣшаетъ преобразовать ее въ великолѣпное пѣніе, Что у Арабовъ дѣло происходило не иначе, тому свидѣтель Алій Испаганскій [2]); онъ разсказываетъ, что ابن سريج, изъ зависти къ своему ученику الغريض, не захотѣлъ больше ему давать уроковъ пѣнія وشكاه الى مولياته وهنّ كنّ دفعنه اليه ليعلمه الغناء وجعل يتجنّى عليه ثمّ طرده فشكا ذلك الى مولياته وعرفهنّ غرض ابن سريج فى تنحيته إيّاه عن نفسه وأنّه حسده على تقدّمه فقلن له هل لك فى ان تسمع نوحنا على قتلانا فتأخذه فتغنّى عليه قال نعم فأفعلن فأسمعنه المراثى فاحتذاها وخرّج غناء عليها كالمراثى وكان ينوح مع ذلك. Плачъ совершался по установленной преданіемъ нормѣ; его мелопея была неизмѣнною; но госпожи эль-Герида пожелали слышать отъ него настоящее пѣніе, которое оказалось бы развитіемъ темы традиціонной литаніи; онѣ ему пропсальмодировали свой плачъ, и онъ запѣлъ въ его родѣ (فتغنّى عليه); его пѣніе оставалось тѣмъ же плачемъ: غناء عليها كالمراثى وكان ينوح مع ذلك. Это не выдумка Алія Испаганскаго, онъ услы-

---

1) Литанія для Пятикнижія не та, что̀ употребляется для Пророковъ; при чтеніи псалмовъ прибѣгаютъ еще къ другой. Въ различныхъ странахъ встрѣчаются у евреевъ разновидности этихъ литаній, какъ, среди Арабовъ, Landberg нашелъ въ сирійской пустынѣ другіе напѣвы чѣмъ въ Египтѣ.

2) Аг̂ани II ١٢٩.

шалъ разсказъ съ трехъ сторонъ, и сообщенныя его собесѣдниками свѣдѣнія объ эль-Герпдѣ дополняли другъ друга безъ противорѣчій: وقد جمعت رواياتهم فى قصّة الغريض [1]).

Знаменитый اسحق повѣствуетъ тоже самое, но приписываетъ урокъ двумъ извѣстнымъ меккійскимъ плакальщицамъ لحق بحوراء وبغوم جاريتين نائحتين كانتا فى شعب ابن عامر بمكة ولم يكن قبلهما ولا بعدهما مثلهما. Слѣдовательно, суть не столько въ мелодіи, сколько въ ритмѣ; самый же ритмъ, конечно, немыслимъ безъ музыкальныхъ звуковъ (*ребаба*); мелопея могла стать мелодіею и часто подвергалась счастливому преобразованію, если голосъ поэта прекрасно звучалъ. Какъ бы то ни было, слова, размѣръ и аккомпаниментъ стихотворенія составляли троякій видъ одного ритма. Guyard говоритъ весьма разумно (Théorie nouvelle, p. 166—167): En réalité, il n'y a ni pieds primitifs, ni pieds dérivés. Cette distinction imaginée par les théoriciens arabes a sans doute sa commodité, mais c'est une pure invention. Les anciens poëtes arabes, lorsqu'ils composaient, se laissaient guider par l'oreille; la théorie de leurs mètres leur était parfaitement inconnue. Ils employaient l'une pour l'autre toutes les successions rhythmiques qui leur semblaient produire le même effet, sans soupçonner qu'on pût envisager l'une d'elles comme le type d'où toutes les autres dérivaient. Rien ne prouve que le premier qui composa un Radjaz se soit servi du pied

---

1) Вотъ троякій اسناد (1-й и 2-й иснады сходятся въ лицѣ Джаугарія, за то 3-й развѣтвляется черезъ Мохаммеда и черезъ Хосейна) على الاصبهانى.

I	II	III
عن احمد بن عبد العزيز الجوهرى عن محمد بن نصر الضبعى عن عبد الكريم بن ابى معاوية العلابى عن هشام بن ابى الكلبى عن ابيه مسكين	عن احمد بن عبد العزيز الجوهرى عن عمر بن شبّة عن ابى غسان محمد بن يحيى	عن الحسين بن يحيى ومحمد بن ابى الازهر عن حماد بن ابى اسحق عن ابيه عن الزبيرى والمدائنى ومحمد بن سلام

مستفعلن, dit fondamental ou primitif, plutôt que des pieds similaires et équivalents مفاعلن, مستعلن ou متعلن... L'existence même de tant de variétés pour chaque type rhythmique vient à l'appui de ce que j'avance... Les variétés rhythmiques ont existé sur un pied d'égalité longtemps avant que la réflexion vînt choisir l'une d'elles pour en faire le modèle dont les autres seraient des déviations. Reconnaissons d'ailleurs que Khalîl a généralement fait preuve d'intelligence dans le choix de ces types. Il a adopté comme type de chaque variété la forme graphiquement la plus complète.

Мы уже стоимъ на пути къ отысканію происхожденія стихотворныхъ формъ арабской поэзіи. Но нужно раньше прослѣдить позднѣйшее ея развитіе, чтобы узнать насколько къ нему примѣняется теорія Guyard'a: постараемся объяснить возникшія при перерожденіи языка явленія, которыя вызвали ту или другую особенность въ стихотворствѣ, и показать, какъ ритмъ рѣчи продолжаетъ быть въ единеніи съ ритмомъ поэзіи; но мы отнюдь не имѣемъ притязанія на полноту, которая не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія.

Sachau, услышавъ сообщеніе гр. Landberg'a въ засѣданіи Лейденскаго съѣзда, прибавилъ отъ себя, по поводу чисто арабской музыки, которая, по мнѣнію Landberg'a, существуетъ не въ книгахъ и не въ городскихъ пѣсняхъ, а у бедуиновъ: Die Araber fangen in unserer Zeit an, ihre Lieder in Europäischer Notenschrift zu fixiren und herauszugeben; eine Sammlung dieser Art ist in Beirût erschienen. Indessen ist unsere Notenschrift nicht geeignet die jenen Liedern zu Grunde liegenden Tonleitern im Einzelnen zu erkennen; das Studium dieser letzteren wird auch dadurch erschwert, dass die meisten Lieder, welche ein Reisender auf seinen Wanderungen zu hören Gelegenheit hat, nur aus sehr wenigen, oft nur aus 2—3 stets sich wiederholenden Tönen bestehen.

Сахау, познакомившись въ Пальмирѣ съ бедуиномъ, который ему продекламировалъ стихи Нимр-Адвана и собственныя сочиненія, сообщилъ Съѣзду нѣчто о поэзіи колѣна Śammar въ Месопотаміи:... Die in der Wüste am häufigsten gesungenen Lieder sind kleine Vierzeiler, genannt 'Atâbât [1]), deren letzte Sylbe stets auf die Sylbe *bâ* auslautet. Ein Beispiel

---

1) Вѣроятно оттого, что онѣ особенно въ началѣ сочинялись, когда любовникъ съ милою *поздорили*, какъ и указываетъ Sachau въ Arabische Volkslieder aus Mesopotamien, 1890, p. 17. Wetzstein, впрочемъ (ap. Snouck-Hurgronje, Мекка II [1889], p. 169), ставитъ имя въ тѣсную связь со словами عتابا بين عتابا, которыми должно бы начинаться каждое стихотвореніе.

Latla' liĝebel Sinĝâr wargâ	Ich steige auf den Sinĝâr-Berg hinauf
Waduss lak ma' nesîm eṣṣoboḥ wargâ	Und schicke dir auf dem Morgenhauch einen Brief.
Win čân min eṣṣamagh jinčetib wargâ[1])	Wenn man erst auf Wachs Briefe schreibt,
Hâdhâk eljôm[2]) jilfûn elḥabâbâ.	Alsdann verden die Freunde kommen (d. h. *niemals*).

Самъ Sachau, въ изданномъ имъ впослѣдствіи сборникѣ Ar. Volksl. aus Mesopot., стран. 23, передаетъ ихъ такъ:

لاطلع لجبل سنجار وآرقى وآدس لك مع نسيم الصبح ورقا

وآن چان من الصمغ يچتب ورقا هداك اليوم يلفون الحبابا

Зато транскрипція другая (стран. 26):

La'atla' liĝebel Sinĝâra wargâ
wadus lak ma' nesîm eśsubḥi wargâ
win ĝân miś-śamghi jinĝetib wargâ
hâdâk eljóme jilfûn-elḥabâbâ.

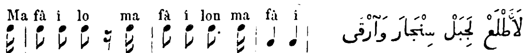
И понятно! первое чтеніе соотвѣтствуетъ вседневному произношенію и не укладывается въ стихотворный размѣръ. Но и здѣсь неладно: in V. 3 ist das Metrum gestört (p. 41). Sachau видитъ въ своихъ *amâbâm*'ахъ укороченный реджезъ: – – ᴗ – – – ᴗ – ᴗ – – (p. 19), т. е. по-нашему

مفاعي
مستفعلن مستفعلن فعولن =
فآلن

1) Относительно произношенія ك какъ ч (č) отсылаю къ сказанному выше по поводу أجنّي.

2) Этотъ стихъ противорѣчитъ правилу Wallin'a (ZDMG. VI, 202): هاك und ذاك werden ohne Unterschied von den Beduinen als Demonstrativ-Pronomina gebraucht und, durch alle Genera und Numeri unverändert, dem zu bestimmenden Begriffe immer vorgesetzt. Dagegen werden die übrigen Demonstrative, هذه هذول هذا und هذوليك هذيك هذاك, in der neueren Sprache immer wie andere Adjective dem Hauptworte nachgeseszt und scheinen gewöhnlich von einem Gegenstande oder einer Person gebraucht zu werden, die, sey sie näher oder entfernter, doch gegenwärtig ist, wogegen هاك und ذاك, dem Substantive vorgesetzt, eine nur dem innern Sinne oder dem Gedächtnisse vorschwebende Person oder Sache bezeichnen. Правда, сирійское нарѣчіе не отступаетъ ни отъ древняго обычая, ни отъ стихотворной практики настоящаго времени.

Вспомнивъ установившееся нынѣ равновѣсіе между частями стиха, мы не будемъ искать точнаго выполненія مستفعلن, но столкновеніе на каждомъ шагу съ مفاعيلن и (при непремѣнномъ удаленіи отъ долгаго слога помощью короткаго), مفاعِل которое до извѣстной степени смущаетъ Sachau (p. 18—19), возбудитъ въ насъ сильныя сомнѣнія. Въ разборѣ составныхъ элементовъ языка и ритма мы ознакомились съ основами подобныхъ отступленій отъ первоначальнаго типа; доведеніе ихъ до крайнихъ предѣловъ, нагроможденіе ихъ и безпрестанное ихъ употребленіе — естественный плодъ сглаженія неравенства между слогами — со временемъ будутъ все больше выдвигать удареніе, и арабскій стихъ будетъ мало по малу поддаваться его обаянію; когда напѣвъ исчезнетъ, получится остовъ стиха, который неминуемо превратится въ тоническій или силлабическій, на подобіе французскаго либо русскаго, согласно внутреннему построенію различныхъ видовъ. У феллаховъ мы натолкнемся на такія явленія; языкъ бедуиновъ наврядъ ли имъ позволяетъ эти вольности, развѣ въ видѣ зародыша.



Въ لِجْبَل ل способенъ получать второстепенное удареніе, какъ вслѣдствіе своего положенія на разстояніи одного слога (جِ) отъ главнаго ударенія (بَل), такъ и вслѣдствіе своего значенія въ качествѣ приставки, которая, правда, часто теряетъ свою особенность, но можетъ, при желаніи, удержать ее. Ради наглядности мы придали каждому слогу его настоящую ритмическую длину, которая нынѣ, при ровномъ пѣніи, существуетъ лишь теоретически; и, къ удивленію, رجز вылился въ هزج! Конечно, главнымъ мотивомъ для отнесенія стихотворенія къ тому или другому размѣру долженъ быть напѣвъ; лишенные этого важнаго подспорья, мы должны ограничиваться самымъ составомъ стихотворенія. Упорство, съ которымъ иракійцы оканчиваютъ каждый стихъ на فعولن (= مفاعي) и въ видѣ исключенія, на فالن (или فَعْلن), избѣгая مفعولن [1]), есть вѣрный признакъ того,

1) Sachau говоритъ (p. 19): Die vorherschende Form ist ⏑ – –. Die daneben mögliche Form – ⏑́ – scheint nicht vorzukommen, dagegen findet sich einzeln eine lange und eine überlange Silbe – —..... Diese letztere Form macht aber durch ihre Seltenheit den Eindruck eines Verstosses gegen die Regel. Ich kenne keine 'Atâbe, in der alle vier Verse auf – — ausgehen; wenn dies daher gelegentlich bei einem einzigen Verse der Fall ist, so ist es ein schlechter Vers.

что они основною стопою считаютъ مفاعيلن, что и выступаетъ ярко въ первомъ стихѣ изслѣдуемой нами *атâбы*. Мы обязательно причислимъ ее къ размѣру هزج.

Ma fâ i lon ma | fâ i lon ma | fâ i   وَادْشْ لَكْ مَعْ نَسِيمِ الصْبحِ وَرْقَا

Я рѣшился приравнить او къ *ma*, потому что гамза исчезла и ея гласная перенеслась на союзъ; элифъ продленія не имѣетъ здѣсь мѣста; можно, если угодно, сказать, что безсодержательный союзъ слился съ гласною, характеристикою 1-го лица.

Mos taf i lon ma fâ î lo maf oû lon   = وِانْ كَانْ مِن الصَّمْغْ [1] يَنْكَتِبْ وَرْقَا

Это немыслимо! Sachau (p. 30) толкуетъ окончательно: Wenn einmal auf Harz Briefe geschrieben werden, согласно переводу его пріятеля-сотрудника Іереміи Шамира (p. 41): ܘܐܢܗܘ ܡܢ ܙܦܬܐ ܐܓܪ̈ܬܐ ܡܬܟܬܒܢ; но и вторая сообщенная имъ транскрипція не удовлетворяетъ его, какъ неритмическая, и онъ хотѣлъ бы читать: win ğâue jinğetib miśśamghi wargâ. Не желательно переставлять слова имъ слышанныя, такъ какъ извѣстная добросовѣстность Sachau'a служитъ лучшимъ залогомъ безошибочности его передачи; но позволено сомнѣваться въ непогрѣшимости произношенія, такъ какъ пѣсни были часто продекламируемы безъ мелопеи и требовалось фиксировать ихъ видъ въ письмѣ (p. 14), что не обходится безъ уклоненій отъ преданія, когда заставляютъ это продѣлать необразованныхъ людей (ср. также p. 39 по поводу стих. XIII). Я предложилъ бы читать:

Ma fâ i lon ma | fâ i lon ma | fâ i | وَإِنْ كَانْ مِن الصَّمْغْ نَكَتْبْ بِوَرْقَا (или إِذَا)

Стихъ правиленъ; предложеніе построено по простонародному обычаю (Vollers, 151: iza kân [in-kân] teḥaṣṣalnî); cf. Fleischer. Ges. Schr., III, 409 выноска 4, въ египетск. стихотв.; смыслъ отличный—тѣмъ болѣе, что риома уже не является безцѣльнымъ отголоскомъ 2-го стиха, а конечное слово связывается съ остальными словами стиха: «Если бы писать смолою на листьяхъ». Sachau не разслышалъ بِ, который слился съ نكتب, а ى

1) Исчезновеніе члена относится къ разряду тѣхъ особенностей народнаго говора, въ которыхъ ученые хотѣли видѣть поэтическія вольности.

въ ينكتب обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ недоумѣнію передъ согласованіемъ كان съ نكتب.

Мнѣ сдается, что hâ(dâk) до того стушевался вслѣдствіе перевѣса dâk, что можно свободно считать его короткимъ слогомъ.

Руководною нитью служилъ намъ тактъ, отыскиваемый посредствомъ ударенія: одинъ, кажется, методъ Guyard'a способенъ навести на отысканіе ритма помимо грамматическихъ правилъ и непосредственнаго слушанія. Какъ въ этомъ примѣрѣ, такъ и въ предыдущемъ у Ландберга мы видимъ, что нынѣшніе поэты идутъ по стопамъ своихъ геніальныхъ предшественниковъ, связывая былое съ настоящимъ и связывая народный говоръ и древнія формы настолько умѣло, что ихъ пѣсня является не мертвою, непонятною буквою, а живымъ родникомъ [1]). Для нашей теоріи важно сознанное Ландбергомъ обстоятельство, что ритмъ вызываетъ къ жизни омертвѣлыя формы, и стушевавшіеся въ ежедневномъ треніи подъ насиліемъ ударенія слоги появляются вновь во всей свѣжести, лишь только слова произносятся въ прежнемъ ритмѣ. И всѣ послѣдствія размѣра совпадаютъ съ явленіями языка подъ вліяніемъ основныхъ законовъ ритма, будь то возвращеніе къ старому или же созданіе новаго : יֵשׁ קַנְקַן חָדָשׁ מָלֵא יָשָׁן — «новый сосудъ порою полонъ стараго вина», говорили Отцы Синагоги.

Тѣмъ болѣе жаль, что Socin не раздѣлилъ тактовъ въ тѣхъ немногихъ мелодическихъ фразахъ, которыя онъ собралъ въ Хауранѣ (гдѣ языкъ тотъ же, что у бедуиновъ: ils ont les mênes chansons, donc tout porte à croire qu'ils les chantent sur les mêmes airs); ce sont des chansons de cavalier, dont la mélodie se répète à chaque ligne:

يا ما احلى يا ما احلى
يا ما احلى حبّ البنات

Такъ пишетъ Socin (Actes, l. c. p. 76), не знаю почему; очевидно, мы имѣемъ

1) Сахау понялъ это превосходно (p. 13—14).

передъ собою مستفعلن, да и транскрипція указываетъ, что нужно писать يا ما حلا, какъ поступилъ Wallin еще въ 1852 г.: يا ما حلا (ZDMG VI, 370) Ausruf und Bewunderungsformel statt des alten ما احلى [1]).

Распредѣляя мѣста по удареніямъ, мы получимъ:

(ah! qu'il est doux de baiser les filles! [2]).

Дальше: امّى عجوز لا تجيب

Окончаніе слова عجوز ـِ вм. ـُ обычное явленіе; оно находитъ свое оправданіе въ примѣрѣ еврейскаго языка и въ общемъ ходѣ арабскаго языка, который пожертвовалъ رفع'омъ въ пользу جرّ; переходъ въ *ü* и въ *i* совершается съ тѣмъ большею легкостію, что двѣ сосѣднія формы совпадаютъ тогда; подобное превращеніе вообще очень распространено (مِنّ вм. مُنّ и т. д.), до того судьбы арабскаго языка совпадаютъ съ судьбами еврейскаго!

я долженъ былъ прибавить точку къ первой черной (si) и полагаю, что она выпала въ печати.

---

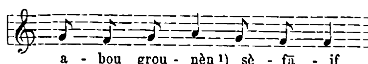
1) Wallin, впрочемъ, самъ въ одномъ мѣстѣ посланія Секрана (стихъ 13) пишетъ احلى, по ритму правиленъ только если читать حلا (cf. محلا = ما احلى apud Sachau, p. 32). Выпаденіе гамзы уничтожило форму сравнительной степени; если же около خير развилась новая форма اُخْيَر, то причина, по моему, лежитъ въ вѣжливомъ употребленіи خير вм. *нѣтъ* или *какъ? что?* во внутренней Аравіи (сирійцы и египтяне говорятъ نعم, Wallin ZDMG V, 9), которое распространилось на татарскія нарѣчія до предѣловъ Кавказа (объ اُخْيَر въ Египтѣ, см. у Fleischer Ges. Schr. III, 411).

2) Ср. Wallin, ZdDMG. VI, 376: حبّ ist bei allen Beduinen der gewöhnliche Ausdruck für Kuss, so wie des Verbum حبّ für küssen; Fleischer отъ себя прибавляетъ сравненіе съ φιλεῖν, φίλημα.

Еще:

ابو قرون سفايف

(ô toi, à la large chevelure)



Первые два примѣра относились къ رجز'у: mostafilon mostafilon. Теперь мы имѣемъ передъ собою هزج: mafâilon mafâi. Мы должны допустить, или что Socin не задался цѣлью записать точную нотацію и удовлетворился указаніемъ перелива тоновъ и различной ихъ длины, или что онъ услышалъ отрывокъ изъ устъ неопытнаго пѣвца. Иначе нельзя себѣ объяснить, какъ нота *la* занимаетъ собою всего одну черную безъ удлиненія ея посредствомъ точки, или, пожалуй обрыванія ея на паузѣ; предпослѣдній *fa* наводитъ на тѣ же размышленія.

Наконецъ:

لقيت نجمك بالسماء

(j'ai trouvé ton étoile au ciel)

т. е. lághet nídjmák bíssemā́ = مفاعيلن فاعلان, что соотвѣтствовало бы مضارع'у въ его подражаніи بسيط'у, при опущеніи характернаго послѣдняго слога и употребленіи не попадающагося никогда مفاعيلن! Нельзя мириться съ подобнымъ предположеніемъ; очевидно ♫ соотвѣтствуетъ двумъ слогамъ, и нужно для возстановленія ритма, произносить: laghétu; мы имѣемъ передъ собою простой رجز.

---

1) Accent grave—ороографическій знакъ, чтобы произносить *e* открыто.

2) Accent aigu — такой же ороографическій знакъ, чтобы дать *e* значеніе *é fermé*.

Нотація Socin'a даетъ понятіе о мелодіи (хотя г. Land, Actes du Congrès I, p. 77, предлагаетъ замѣнить начальный *sol* 4-й пьесы черезъ *la*), но оставляетъ въ сторонѣ ритмъ, какъ будто первая мыслима безъ втораго. Однако и этого достаточно, чтобы узнать, что теорія Guyard'a остается въ силѣ; вдобавокъ, мы можемъ провѣрить то, что онъ выпыталъ у Hodji и Huart касательно уравненія длины тоновъ въ Сиріи.

Бар. **Д. Гинцбургъ.**

Замѣтки о древностяхъ Кашгара.

[Шесть лѣтъ тому назадъ нашъ, нынѣ покойный, сочленъ И. П. Минаевъ заканчивалъ свое обозрѣніе четвертаго путешествія Пржевальскаго слѣдующими словами: «.....вся страна отъ Лобъ-нора до Хотана ждетъ спеціальныхъ разысканій въ историко-археологическомъ отношеніи. Станемъ надѣяться, что почнпъ въ этомъ дѣлѣ выпадетъ на долю русскихъ путешественниковъ и оріенталистовъ» [1]).

Надежды эти оправдались — русскому изслѣдователю Н. Ѳ. Петровскому принадлежитъ честь открытія цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ памятниковъ древнихъ культуръ въ Кашгарѣ. Памятники эти описываются различными спеціалистами и описанія ихъ печатаются на страницахъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія» и въ другихъ изданіяхъ. Здѣсь же въ «Запискахъ» подъ заглавіемъ «Замѣтки о древностяхъ Кашгара» редакція будетъ печатать статьи и замѣтки самого Н. Ѳ. Петровскаго. Ред.].

I.

Ханъ-Уй.

Современный городъ Кашгаръ состоитъ изъ двухъ поселеній: «Стараго Города» (Куне-шааръ) и лежащаго въ восьмиверстномъ отъ него разстояніи «Новаго Города» (Янги-шааръ). Новый Городъ, служащій крѣпостью для китайскихъ войскъ съ небольшимъ въ ней базаромъ, основанъ сравнительно недавно — лѣтъ 50—70 тому назадъ. Старый Городъ, въ которомъ помѣщается туземное населеніе, перенесенъ на свое теперешнее мѣсто, на правый берегъ р. Туменя, притока Кызыль-Су, при Мирза-Абу-Бекрѣ, значитъ въ концѣ XIV вѣка [2]). До Мирза-Абу-Бекра городъ Каш-

1) Забытый путь въ Китай. Ж. М. Н. П. CCLXIV, 189.

2) Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ, переводъ В. В. Григорьева. I, 127 и 401.

гаръ лежалъ на лѣвомъ берегу этой рѣчки, на возвышенности противъ теперешняго города, тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ пригородный кишлакъ (селеніе) Курганъ и находится громадное пространство старыхъ и новыхъ кладбищъ съ десятками тысячъ могилъ, окружающее обширный мазаръ (т. е. священныя зданія) съ гробницею мусульманскаго святаго Хазретъ Аппакъ Ходжи (это его прозвище; настоящее его имя: Хидаятъ-Улла), покровителя кашгарскихъ ходжей и Кашгара. Рѣчка Тумень течетъ съ востока на западъ, отдѣляя, какъ сказано выше, теперешній Кашгаръ отъ его прежняго (но, можетъ быть, не первоначальнаго) мѣстоположенія. За старыми мѣстами, къ сѣверу отъ нихъ верстахъ въ 20-ти, тянутся, въ сѣверо-западномъ направленіи, возвышенности, окаймляющія текущую съ перевала Туругартъ (русская граница) рѣчку Туюнъ, вода которой, въ нижнемъ ея теченіи, верстахъ въ 25-ти отъ Кашгара, разбирается на орошеніе полей окрестныхъ селеній Бишъ-Карамъ'а, Абадъ'а и др. За возвышенностями лежатъ два селенія: Верхній (Устунъ) Артышъ, верстахъ въ 30-ти къ сѣверо-западу отъ Кашгара, и Нижній (Астынъ) Артышъ, въ 40 верстахъ отъ него къ сѣверо-востоку. Одинъ изъ «кентовъ», т. е. поселковъ, составляющихъ это селеніе [1]), называется «Бурганъ» (بورکان). Довольно схожее съ этимъ словомъ начертаніе برسخان араскихъ географовъ читается «Бирсганъ» [2]). Это названіе и начертаніе даетъ поводъ къ догадкѣ: не есть-ли теперешній Нижній Артышъ и его кентъ «Бурганъ» древній «Бирсганъ», отъ котораго шла дорога въ столицу хана Тугузгуровъ—Баласагунъ, и не находился-ли этотъ городъ въ той мѣстности, которая лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Артыша, дняхъ въ четырехъ пути отъ него, и называется нынѣ Сугунъ? [3]).

Мѣстность «Сугунъ», что значитъ по тюркски *сурокъ*, носитъ теперь три названія: «башъ-сугунъ», т. е. голова сугуна, начало долины, «аягъ-сугунъ», т. е. нога сугуна, конецъ долины, и «сугунъ-караулъ» (китайскій постъ); въ долинѣ, сказывали мнѣ, находятся развалины. Во всякомъ случаѣ указанная мѣстность, если и не скрываетъ въ себѣ древняго Баласа-

---

1) Селенія Восточнаго Туркестана состоятъ обыкновенно изъ отдѣльныхъ поселковъ (кентовъ), носящихъ, каждый, особое названіе; кенты нерѣдко отдѣляются другъ отъ друга полями и пашнями и всегда связываются въ общемъ базарѣ, бывающемъ, разъ въ недѣлю, въ одномъ изъ кентовъ.

2) См. Отвѣтъ консула въ Кашгарѣ Н. Ѳ. Петровскаго на заявленіе С. Ф. Ольденбурга. З. В. О. VII, 295. Прим. 1.

3) Sprenger, Post-und Reiserouten des Orients, стр. 26. Мѣсто Баласагуна неизвѣстно. Бретшнейдеръ думаетъ, что городъ этотъ находился гдѣ нибудь на р. Чу. (Notices of the mediaeval Geography and History of Central and Western Asia, London 1876, стр. 35—36, примѣчаніе) = Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London 1888. I, 18 и 226.

гуна, все-таки должна быть тѣмъ самымъ «Сагуномъ», надъ которымъ, вмѣстѣ съ Кашгаромъ, властвовалъ, по словамъ Ибнъ-Эсира и Ибнъ-Хальдуна [1]), Богра-ханъ. Разрѣшеніе этой догадки весьма важно: оно помогло-бы, хотя нѣсколько, распутать весьма смутную еще историческую географію Восточнаго Туркестана [2]).

Въ возвышенностяхъ, тянущихся, какъ сказано выше, на сѣверѣ отъ Кашгара мимо селеній Верхній Артышъ и Нижній Артышъ, находится та пещера съ тремя отверстіями и изображеніемъ Будды, которая описана въ замѣткѣ моей: «Буддійскій памятникъ близь Кашгара» [3]). На возвышенностяхъ, по направленію къ Нижнему Артышу, почти противъ пещеры и далѣе, встрѣчаются развалины древнихъ сооруженій, а мѣстность у подошвы горъ, къ сторонѣ Кашгара и верстахъ въ 25-ти отъ него, тамъ, гдѣ отъ Кашгара, черезъ селеніе Бишъ-Карамъ, проходятъ дороги въ Нижній Артышъ, къ мазару Биби-Маріамъ (на картахъ: Бу-Миргамъ) и на Кальта-Айлякъ и далѣе на вышеупомянутый Сугунъ, называется Ханъ-Уй, т. е. мѣстожительство хана, и заключаетъ въ себѣ большое количество разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ развалинъ стѣнъ и жилищъ громаднаго, бывшаго здѣсь нѣкогда, города, — развалинъ въ высшей степени интересныхъ по своей формѣ и еще болѣе — по тѣмъ находкамъ, которыя мнѣ удалось добыть на этой мѣстности.

Обращаясь къ помянутымъ древнимъ развалинамъ и находкамъ, близь нихъ добытымъ, необходимо возвратиться къ мѣстности, гдѣ, какъ указано выше, находился древній, до Абу-Бекровскій, Кашгаръ. Въ письмѣ моемъ къ управляющему Восточнымъ Отдѣленіемъ Общества о нѣкоторыхъ древностяхъ Кашгара [4]) было, между прочимъ, упомянуто о большомъ холмѣ, въ которомъ я усматривалъ «ступу», находящемся на этой мѣстности, противъ теперешняго города. Догадка эта, какъ будетъ видно ниже, находитъ себѣ весьма основательное подтвержденіе. Все пространство лёсовой почвы, отъ этого холма до мазара Аппакъ-Ходжи съ его кладбищами и далѣе къ сѣверо-востоку въ направленіи къ «Ханъ-Уй», занято частію жилищами и садами пригородныхъ селеній, частію обработывается подъ посѣвъ и частію остается въ прежнемъ своемъ видѣ, нетронутымъ обработкой, но изрытымъ снѣжною водою, просачивающеюся въ рыхлую почву лёса, въ

---

1) Землевѣдѣніе Риттера. Восточн. Турк., II, 217.

2) Ср. З. В. О. VIII, 354 и 357—358.

3) З. В. О. VII, 298—301 (со снимкомъ и планомъ) и Ивановскій, А. Еще о буддійской пещерѣ около Кашгара. Ib., стр. 322.

4) Отвѣтъ консула въ Кашгарѣ Н. Ѳ. Петровскаго на заявленіе С. Ф. Ольденбурга. З. В. О. VII, 294—295.

почти вертикальныя трещины и глубокія причудливыя ямы и пещеры. Въ обвалахъ и промоинахъ указанной мѣстности, близь самаго холма и далѣе на пространствѣ до кладбищъ мазара Хазретъ-Аппакъ-Ходжи, были найдены разныя мелкія вещи и масса обломковъ однообразнаго вида стекла, въ потребностяхъ обыденной жизни не употребляемаго и по многимъ обломкамъ своимъ дающаго полную увѣренность сказать, что они составляли части цвѣтка лотоса или разныхъ сосудовъ буддійскаго культа. Въ осыпяхъ лёсовой почвы, на глубинѣ около пяти и болѣе аршинъ отъ поверхности, усмотрѣны были, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, зарытыми стоймя, большіе, почти въ половину роста человѣка, горшки формы нынѣ существующихъ «хумовъ», т. е. обожженныхъ глиняныхъ удлиненной формы сосудовъ безъ крышки съ толстымъ ободкомъ у отверстія и небольшими, въ верхней части, ручками. Сосуды эти употребляются теперь для храненія воды и у красильщиковъ — для раствора красокъ. Найденные въ землѣ сосуды были наполнены темнаго цвѣта землей (въ родѣ растительной земли; лёсовая земля — желтая) и угольями. Совершенно такіе же предметы, которые, кромѣ горшковъ, были найдены мною на мѣстѣ древняго Кашгара, были добыты и на мѣстности «Ханъ-Уй». Иначе говоря, мѣстности древняго Кашгара и «Ханъ-Уй», и далѣе къ Маралъ-Баши [1]), судя, главнымъ образомъ, по находкамъ въ нихъ остатковъ такого, для религіозной цѣли приготовлявшагося стекла, очевидно были населены однимъ и тѣмъ же племенемъ или одинаковою религіозною общиною, подобно тому, какъ это видимъ мы въ городахъ Монголіи, находящихся при буддійскихъ монастыряхъ. Кромѣ указанныхъ находокъ, въ одномъ изъ сосѣднихъ съ мазаромъ Аппакъ-Ходжи домѣ былъ найденъ въ землѣ, подъ стѣною, и мною пріобрѣтенъ кладъ, состоящій изъ 96 монетъ въ формѣ обрубковъ мѣдной проволоки съ выбитыми на нихъ тамгами и знаками. Осмотрѣнныя мною развалины и добытыя, на мѣстности ихъ нахожденія, находки, а также монеты клада, найденнаго близь мазара Аппакъ-Ходжи, изображены на прилагаемыхъ при семъ фотографическихъ снимкахъ. Вещи и монеты я старался расположить, при съёмкѣ съ нихъ фотографій, по возможности въ такомъ порядкѣ, чтобы по обломкамъ вещей и знакамъ на монетахъ легче было попытаться возстановить эти вещи въ цѣломъ ихъ видѣ, а на монетахъ — дешифрировать ихъ знаки.

Изъ развалинъ первое мѣсто долженъ занимать тотъ курганъ, изображенный на таблицѣ VI, 1, который въ вышеупомянутомъ письмѣ моемъ о

1) Гдѣ и доселѣ, на картѣ, значится *монастырь* — очевидно развалины монастыря буддійскаго.

кашгарскихъ древностяхъ былъ названъ «ступою» и на основаніи догадки покойнаго В. В. Григорьева[1]) пріуроченъ къ «Птоломеевой Башни» (т. е. къ каменной башни, упоминаемой Птолемеемъ)[2]). Краткое описаніе этого холма дано было мною въ помянутомъ письмѣ. Въ настоящее время мнѣ необходимо лишь исправить одну ошибку, вкравшуюся при описаніи холма, именно: болѣе внимательный осмотръ его показалъ, что холмъ сложенъ не отъ глубины окружающаго его рва, а отъ поверхности земли. Точно такой же холмъ подъ теперешнимъ туземнымъ названіемъ своимъ (какъ и холмъ кашгарскій) «Тимъ» (تيم), т. е. круглой формы постройки со сводами[3]) находится и на мѣстности «Ханъ-Уй». До этого «Тимъ'» по краткости времени и по крайне вязкой почвѣ отъ разлившагося арыка (оросительнаго канала) я не могъ доѣхать, чтобы его осмотрѣть; но туземцы на «Ханъ-Уй'ѣ» сказывали мнѣ, что «Тимъ» сложенъ изъ жженаго кирпича, а не изъ воздушнаго, какъ холмъ кашгарскій. Осмотрѣть «Тимъ» я предполагаю весною будущаго года.

Послѣ «Тимъ'а» наиболѣе интересными на «Ханъ-Уй'ѣ» развалинами являются «каптаръ-хана» (كفتار خانه), т. е. голубятни, какъ называютъ ихъ туземцы. «Каптаръ-хана» — двѣ: одна, хорошо сохранившаяся, находится въ сѣверо-восточномъ, отдаленнѣйшемъ отъ Кашгара углѣ мѣстности «Ханъ-Уй»; другая значительно поврежденная, — на другомъ концѣ этой мѣстности въ разстояніи около полуверсты отъ дороги въ селеніе Бишъ-Карамъ и на такомъ же разстояніи отъ мазара Биби-Маріамъ. Вдоль дороги на «Ханъ-Уй» и отъ мазара Биби-Маріамъ тянутся остатки древней стѣны. Двумя этими «каптаръ-хана» должны быть опредѣлены, кажется мнѣ, углы стѣнъ бывшаго здѣсь нѣкогда города. Самое зданіе «каптаръ-хана», какъ видно изъ таблицы VI, 2, — четыреугольное въ основаніи съ небольшимъ уклономъ внутрь своихъ стѣнъ; сложено оно изъ сыраго кирпича, крыши нѣтъ; высота въ настоящее время — 10 саженъ. Внутри зданія, на каждой изъ четырехъ его стѣнъ, находится по шести рядовъ маленькихъ нишъ; высота ниши 6, ширина 5 вершковъ, глубина 4 вершка. Эти ниши, можетъ быть, и послужили для туземцевъ поводомъ назвать зданіе голубятнею, а можетъ быть и то, что «каптаръ-хана» есть буквальный переводъ словъ

---

1) О скиѳскомъ народѣ сакахъ, С.-Петербургъ 1871 г., стр. 36. Догадка о башнѣ еще остается догадкою, но что касается до ступы, то въ тожествѣ ея съ этимъ холмомъ нынѣ уже не можетъ быть сомнѣнія.

2) l. c. стр. 294—295.

3) По словарю Zenker'а (стр. 334) «тимъ'омъ» называется grande hôtellerie, caravansérail, halle pour le commerce; но самые отличительные признаки «тимъ'а» отъ другихъ, подобнаго рода, зданій, именно—круглая форма и своды—въ объясненіи этого слова не даны.

περιστερεων [1]) (т. е. голубятня) или columbarium и columbaria, т. е. голубятня въ смыслѣ переносномъ для названія зданія и нишъ для урнъ (ollae) съ прахомъ мертвыхъ. Замѣчательно, что обѣ «каптаръ-хана», при самомъ тщательномъ ихъ осмотрѣ, не показали никакихъ слѣдовъ дверей или отверстій, черезъ которыя въ нихъ входили; теперешнее отверстіе въ одной изъ стѣнъ зданія пробито недавно — вѣроятно для осмотра его внутренности. Въ одной «каптаръ-хана» нашелъ я, въ сѣверномъ углѣ, зарытыя человѣческія кости безъ черепа, вполнѣ сохранившіяся, а въ окружности зданія, на большомъ пространствѣ, были найдены массы очень мелкихъ костей — въ половину мизинца и менѣе, разсѣянныхъ по этому пространству. Кости, найденныя внутри зданія, положены туда — полагаю я — недавно, по обычной набожности мусульманъ не оставлять непогребенными находимые на поверхности земли человѣческіе черепа и кости. Мелкія же кости, полагаю я, есть остатки сожженныхъ у «каптаръ-хана» труповъ, временемъ отъ своей черноты выбѣленные.

Кромѣ «Тимъ'а» и «каптаръ-хана» на мѣстности «Ханъ-Уй» находятся развалины, носящія у туземцевъ названія: «Сакалъ-Тамъ», «Мури» и «Гиссаръ-Тамъ». «Сакалъ-Тамъ, т. е. развалины стѣнъ Сакала (что, замѣтимъ въ скобкахъ, напоминаетъ названіе извѣстнаго Сакскаго города Сакала) [2]), находится на самомъ дальнемъ, отъ Кашгара, концѣ этой мѣстности. «Мури», т. е. башня, стоитъ на возвышенности, которая отдѣляетъ Нижній Артышъ отъ мѣстности «Ханъ-Уй». Обѣихъ этихъ развалинъ я не могъ видѣть по той же причинѣ, по которой не видѣлъ «Тимъ'а» [3]). «Гиссаръ-

---

1) О почитаніи голубей въ Азіи и исторію голубя см. въ сочиненіи Victor Hehn'a, Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien, Berlin 1883, стр. 273—285.

2) Названіе «Сакала» носитъ одинъ изъ оросительныхъ каналовъ близь Пекента (древній Байкентъ), недалеко отъ Ташкента. Слогъ «сакъ» встрѣчается во многихъ названіяхъ кашгарскихъ мѣстностей, напримѣръ, Куне-сакъ. Я думаю, что и названія селеній Тукузакъ, Сузакъ и др. съ окончаніемъ «закъ», должны, какъ и Куне-сакъ, оканчиваться на этотъ слогъ. Даже въ названіяхъ двухъ переваловъ «Икезякъ» (по дорогѣ изъ Оша въ Кашгаръ) слышится «сакъ». Понятнымъ словомъ «икезякъ», т. е. близнецами, ихъ окрестили киргизы, всегда переиначивающіе древнее, непонятное для нихъ названіе, на схожее, по звукамъ, слово своего языка. Кстати замѣтить здѣсь, что въ селеніи Тукузакъ находится и чествуется туземцами «каменный мулла» (ташъ-мулла) — большой продолговатый, вертикально поставленный на высокій пьедесталъ, камень съ лежащимъ на его вершинѣ, горизонтально, меньшимъ камнемъ, въ общемъ напоминающимъ молящагося мусульманина. При камнѣ имѣется мечеть и мѣсто для совершенія поклоненія. Исламъ, воспрещающій поклоненіе всякимъ изображеніямъ, не допускающій даже молитвы въ мѣстахъ, гдѣ есть какія нибудь изображенія, очевидно уступилъ здѣсь какому-то древнему обычаю. Подобнаго же вида камень находится въ долинѣ Алая.

3) [Въ письмѣ отъ 15-го сентября 1893 г., на имя Управляющаго Восточн. Отдѣленіемъ, Н. Ѳ. Петровскій пишетъ: «На дняхъ, пользуясь случаемъ поѣздки нашего торговаго старшины въ Артышъ, я далъ ему маленькую камеру, поручилъ проѣхать черезъ Ханъ-Уй

Тамъ» я посѣтилъ. Это—остатокъ небольшой крѣпостцы со слѣдами рвовъ, почти совершенно разрушенной. Внутри крѣпостцы уже обработывали землю, а потому никакихъ слѣдовъ древнихъ развалинъ въ ней не сохранилось; найдена была, однакоже, сильно потертая монета съ куфическою на ней надписью.

Мѣстность отъ «Гиссаръ-Тамъ» и далѣе за нимъ по направленію къ хутору (курганча) кашгарскаго жителя Дургабека и отъ этого хутора вдоль дороги въ Кашгаръ покрыта рядомъ довольно однообразнаго вида холмовъ, пологихъ съ одной и крутыхъ съ другой, вѣроятно съ завѣтренной, стороны. Холмы эти на первый взглядъ напоминаютъ собою могилы, но при осмотрѣ одного изъ нихъ, а затѣмъ и многихъ другихъ, оказалось, что холмы не могилы, а остатки большой стѣны или нѣсколькихъ стѣнъ города. Сложены стѣны изъ большихъ земляныхъ кирпичей, залитыхъ прекрасною, твердою какъ камень, известью. Въ углу остатковъ двухъ такихъ стѣнъ находится вышеуказанный мазаръ Биби-Маріамъ, выстроенный на прежнихъ развалинахъ бывшимъ владѣтелемъ Кашгаріи Якубъ-Бекомъ, которому было доложено, что на этомъ мѣстѣ покоится прахъ внучки Сатукъ-Богра-Хана—перваго изъ кашгарскихъ хановъ, принявшаго исламъ. Преданіе о Св. Богородицѣ, которое, вѣроятно, было связано съ этимъ мѣстомъ, перенесено было, такимъ образомъ, на мусульманскую угодницу Бога.

Вотъ что далъ весьма короткій и поверхностный осмотръ мѣстностей древняго Кашгара и «Ханъ-Уй».

Обращаясь къ находкамъ, добытымъ на означенныхъ мѣстностяхъ и изображенныхъ на фотографическихъ съ нихъ снимкахъ, необходимо нѣкоторыя изъ нихъ пояснить описаніемъ.

Изъ всѣхъ этихъ находокъ особенное вниманіе обращаетъ на себя гвоздеобразной формы стекло, которое было найдено на этихъ мѣстностяхъ въ огромномъ, сравнительно со временемъ поисковъ, количествѣ. Къ сожалѣнію, ни одна изъ вещей, части которыхъ составляли эти гвозди, не была найдена ни въ цѣломъ, ни въ сколько нибудь удовлетворительномъ видѣ для безошибочнаго представленія себѣ ея формъ. Несомнѣнно, однакоже, что гвозди эти есть стебли стеклянныхъ цвѣтковъ лотоса и что на верхнемъ, утолщенномъ концѣ ихъ, находились лепестки этихъ цвѣтковъ. На снимкѣ

и снять «Мури» и «Сакалъ-Тамъ». Порученіе это онъ исполнилъ, какъ видите изъ прилагаемыхъ фотографій, весьма удовлетворительно [см. теперь табл. VII, 1 и 2]. Что-же составляетъ «Мури»? Ступу, несомнѣнно ступу [ср. Wilson H. H. Ariana antiqua pl. IX]. Сакалъ-Тамъ тоже ступа, ибо въ немъ, какъ въ «Мури» никакого внутренняго помѣщенія не имѣется: все, какъ и въ кашгарскомъ холмѣ (тоже ступа) заложено сполна кирпичами»].

VIII, 1 подъ №№ 4-мъ и 9-мъ довольно ясно видны остатки лепестковъ на оконечностяхъ стеблей, а на таблицѣ VIII, 2 подъ № 6-мъ—обломанные лепестки, въ центрѣ которыхъ находился, очевидно, стебель. Такой формы цвѣтки лотоса можно видѣть, между прочимъ, на найденномъ Кеннингэмомъ близь Бенареса весьма древнемъ рельефномъ изображеніи четырехъ главныхъ моментовъ изъ жизни Будды. Рисунокъ этого изображенія помѣщенъ въ книгѣ Monier-Williams'a [1]). Можно предполагать также, что кромѣ указанной формы цвѣтка, были и другія формы, въ которыхъ цвѣтки имѣли видъ кувшинки, а въ цѣломъ, со стеблемъ, напоминали рюмку безъ нижняго кружка ея ножки, или же — видъ зонтика или гриба съ опущенною внизъ шляпкою. (См. для перваго табл. VIII, 1 подъ №№ 4-мъ и 9-мъ). Эти же стебли съ значительно утолщеннымъ концомъ, похожимъ на плоскій бутонъ цвѣтка, иногда съ точкой въ его центрѣ, изображались выпукло на какихъ-то сосудахъ, имѣвшихъ форму небольшихъ вазъ (табл. VIII, 1, №№ 16-й и 17-й). Гвоздикъ, изображенный на табл. VIII, 1 подъ № 8-мъ, какъ будто предназначался быть налѣпленнымъ на бокъ такого сосуда. Относительно другихъ сосудовъ, изображенныхъ на таблицѣ VIII, 1, трудно сказать что нибудь опредѣленное, но необходимо замѣтить, что почти всѣ ободки этихъ сосудовъ образованы загибомъ наружу краевъ сосуда и притомъ такъ, что между плотно загнутою частію и тѣломъ сосуда оставлено небольшое, весьма тонкое, пустое пространство (табл. VIII, 1, № 18-й). Цвѣтъ стекла найденныхъ вещей — различный: бѣлый, черный, синій и зеленый; нѣкоторыя изъ стеклянныхъ вещей были покрыты краскою или мастикой перламутроваго цвѣта. Изъ настоящаго перламутра былъ найденъ осколокъ маленькаго блюдца. Трудно представить, чтобы такая масса весьма тонкаго и хрупкаго стекла привезена была или привозилась въ Кашгарію откуда нибудь изъ далека; вѣроятнѣе допустить, что стекло это приготовлялось на мѣстѣ. Окалины отъ плавильныхъ (кажется) печей, которыя встрѣчались на указанныхъ мѣстностяхъ, какъ будто подтверждаютъ эту догадку [2]).

Изъ другихъ находокъ на «Ханъ-Уй» обращаетъ на себя вниманіе громадное количество костей (табл. VIII, 2, №№ 1-й, 2-й и 3-й), измельчен-

---

1) Buddhism in its connexion with Brahmanism and Hinduism, London 1889, p. 477.

2) Стеклянные «гвозди», подобно изображеннымъ на табл. VIII, 1, были находимы и въ Индіи. См. J. A. S. B. LXI pt. 1 къ статьѣ: Hoey W. Sahet-Mahet. pll. XXVII и XXIX—XXX. На находки битаго стекла въ Кашгаріи, гдѣ въ настоящее время оно не выдѣлывается, было указано покойнымъ И. П. Минаевымъ въ вышеупомянутой статьѣ «Забытый путь въ Китай» (стр. 175) по статьѣ Sir T. D. Forsyth. On the Buried Cities in the Shifting Sands of the Great Desert of Gobi. J. R. G. S. XLVII, 1—17 (1877). О производствѣ стекла въ Средней Азіи см. статью Н. И. Веселовскаго. Замѣтка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи. З. В. О. VIII, 137—138.

ныхъ не временемъ, ибо кости бѣлы, не гнилы и не хрупки, а можетъ быть, какъ замѣчено выше, составляющихъ остатки отъ сожженныхъ труповъ, снѣгомъ и вѣтрами отъ черноты своей выбѣленныхъ. — Мелкія вещи, изображенныя на таблицѣ VIII, 2, состоятъ преимущественно изъ разнаго вида бусъ и подвѣсокъ, изготовленныхъ изъ какой-то массы (№№ 8, 9, 10, 11, 12, 14, 18 и 19-й), стекла (№№ 13, 15, 16 и 17-й), камня (№№ 20, 24, 28-й — сердоликъ и 29-й—нефритъ), кости (№ 21, 22 и 23-й) [1]). Замѣчательно, что рисунокъ на бусахъ подъ №№ 8-мъ и 12-мъ встрѣчается и въ настоящее время на каймахъ платковъ, которые вышиваютъ яркендскія женщины. Раковинки съ проколотыми дырочками (№№ 26 и 27) тоже играли роль бусъ или подвѣсокъ. Изъ остальныхъ вещей на таблицѣ VIII, 2 слѣдуетъ отмѣтить: пластинку (№ 25-й), кажется, изъ обожженной глины съ какими-то на ней знаками, и кольцо (№ 30-й) серебряное съ позолотой, на которомъ вырѣзана какая-то надпись.

На таблицѣ VIII, 3 и 4 изображены монеты того, вышеупомянутаго клада, который былъ найденъ подъ стѣною въ домѣ близъ мазара Хазретъ-Аппакъ-Ходжи [2]). Для снимковъ были выбраны только такія монеты, на которыхъ находились знаки или признаки знаковъ. На снимкахъ изображены обѣ стороны монетъ, имѣющихъ на нихъ знаки. Позволяю себѣ высказать, по поводу этихъ монетъ, догадку: судя по формѣ, монеты изготовлялись изъ мѣдныхъ прутьевъ; на нихъ выбивались разные знаки достоинства монеты; концы прутьевъ ущемлялись какимъ-то инструментомъ въ родѣ того, который употребляется теперь для таможенныхъ и другихъ пломбъ; затѣмъ прутья рубились на части. Такъ представляются мнѣ всѣ эти монеты, кромѣ одной (первой на табл. VIII, 3), выдѣлка которой, очевидно, не можетъ быть объяснена вышеизложеннымъ образомъ.

Разрѣшеніе всѣхъ этихъ предположеній и догадокъ, а также и вопроса: какой народъ проживалъ на осмотрѣнной мною мѣстности и оставилъ эти интересные памятники своего бытія — будетъ зависѣть отъ лицъ, болѣе меня свѣдущихъ въ исторіи Востока.

---

1) Съ годъ тому назадъ мнѣ были доставлены изъ разныхъ развалинъ близъ Аксу и Куча бусы, совершенно схожія съ нѣкоторыми изъ этихъ бусъ.

2) См. Протоколъ Засѣданія Вост. Отд. 6-го мая 1893 г. З. В. О. VIII, стр. IV.

Н. Петровскій.

Буддійскія легенды и буддизмъ.

Религіозная проповѣдь обращается къ двоякаго рода слушателямъ: однимъ нужно религіозно-философское выраженіе для смутныхъ бродящихъ въ ихъ душахъ обрывковъ міровоззрѣнія — для нихъ стройная система догматовъ и каноны церкви; другимъ нуженъ простой непосредственный отвѣтъ зачѣмъ жить, что̀ дѣлать для того чтобы сподобиться того блаженства, котораго жаждетъ ихъ душа среди тяготъ и горестей жизни—для нихъ благочестивое житіе, трогательная легенда. До извѣстной конечно степени и то и другое теченіе сливаются и соприкасаются, но все же въ общемъ они должны быть противопоставлены другъ другу и легенда, даже внесенная въ канонъ, выражаетъ своею повѣствовательною формою жизненнаго наблюденія противовѣсъ догматическому утвержденію. И легенды такимъ образомъ для историка религіи получаютъ особое значеніе: онъ видитъ въ нихъ не просто памятники повѣствовательной литературы, а памятники литературы духовной, въ которыхъ выразились религіозные, мистическіе и этическіе идеалы народа, произведенія, въ которыя онъ внесъ свои объясненія и толкованія религіозныхъ догматовъ и предписаній церкви, — въ нихъ масса вѣрующихъ, простыхъ, нищихъ духомъ, выразила свою религію.

За шестьсотъ приблизительно лѣтъ до Р. Хр. Индія представляетъ намъ картину оживленной, интенсивной религіозной жизни. Ведическій періодъ въ своихъ главныхъ чертахъ законченъ, ведическіе гимны и обширныя старинныя толкованія на нихъ уже доступны пониманію тѣхъ только, кто изучаетъ ихъ подъ руководствомъ учителей, хранящихъ древнее преданіе, потому что и языкъ и мысли этихъ священныхъ книгъ непонятны новымъ поколѣніямъ. Натуралистическая религія первыхъ арійскихъ при-

шельцевъ уже давно видоизмѣнилась, касты сложились въ прочную организацію, брахманы, эти земные боги, какъ они сами себя называли, опутали всю жизнь сложною обрядностью, которая старалась задушить всякое проявленіе философской или религіозной мысли.

Но мысль эта пробивалась всюду, на каждомъ шагу разумъ боролся съ слѣпою вѣрою. По всей Индіи стали ходить проповѣдники самыхъ разнообразныхъ ученій, пренебрегавшіе обрядами и брахманской ученостью; они подняли борьбу противъ брахманства, того жречества, которое стало между богами и людьми. Въ этой борьбѣ кромѣ доводовъ разсудка они могли опираться на цѣлую литературу старыхъ преданій, такъ называемыхъ *итихаса* и *пурана*, повѣствованія которыхъ о старинныхъ отшельникахъ и святыхъ часто рѣзко расходились съ тѣмъ, что проповѣдывали брахманы. Въ этихъ старинныхъ повѣстяхъ слушатель могъ найти разсказы про людей, передъ могучей волей которыхъ трепетали и брахманы и даже боги; они конечно не разъ слышали пѣсни про царя отшельника, который покорилъ волѣ своей боговъ — они не хотѣли снизойти къ его жертвоприношеніямъ и онъ воскликнулъ, что создастъ новое небо и новыхъ боговъ, если старые не вонмутъ ему и — боги преклонились передъ волей человѣка. Личность человѣческая, это *я*, воля котораго можетъ творить чудеса, выступаетъ впередъ все ярче и опредѣленнѣе. Въ отдѣльныхъ, избранныхъ умахъ, безсмертные памятники дѣятельности которыхъ сохранили намъ *упанишады*, эта мысль объ отдѣльномъ человѣческомъ *я* связалась съ вопросомъ о міровомъ *я*. Для нихъ боги, съ ихъ жертвами и жрецами, потеряли смыслъ, всѣ основные вопросы свелись къ вопросу объ отношеніи единичнаго *я* къ міровому.

Среди этихъ новыхъ теченій, въ корень переродившихъ старую ведическую религію, явился буддизмъ, которому суждено было слить въ себѣ всѣ эти разнообразныя теченія, дать имъ яркое выраженіе, распространить индійскія идеи далеко за предѣлами Индіи, стать въ ряды міровыхъ религій, имѣть внѣ своего отечества сотни милліоновъ послѣдователей и медленно угаснуть на своей родинѣ, незамѣтно растворившись въ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ — въ брахманствѣ.

Буддійскія легенды, при постоянномъ сравненіи ихъ съ буддійскими догматами, ясно покажутъ намъ, какъ буддизмъ, попытавшись выступить въ борьбу противъ брахманской церковности и обрядности, весьма быстро перешелъ къ тому, противъ чего онъ боролся—онъ создалъ церковь, которая неминуемо связала его съ обрядностью. Эта организація конечно на время упрочила его положеніе и дала ему возможность быстро распространиться, такъ какъ буддизмъ вполнѣ обладалъ тою необходимою для прозелитизма

опредѣленностью, которой не было въ брахманствѣ. Эта опредѣленность въ догматахъ, выведшая его далеко за предѣлы Индіи и была причиной его гибели на родинѣ. Индіецъ, въ дѣлѣ вѣры неустанно ищущій новыхъ и лучшихъ формъ, долженъ былъ неминуемо отвернуться отъ религіи, которая, усвоивъ себѣ всю, давившую міръянъ своимъ авторитетомъ, церковную организацію брахманства, въ области вѣры ставила его тоже въ строго опредѣленныя рамки, въ то время какъ брахманство съ удивительной широтою взгляда принимало на лоно свое всякую вѣру, лишь бы она соглашалась признать нѣкоторыя, въ сущности дорогія сердцу всякаго индійца, общественныя установленія въ родѣ касты.

Для того, чтобы вкратцѣ разсмотрѣть всю совокупность буддизма и убѣдиться въ томъ, что легенды открываютъ въ немъ стороны совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя мы знаемъ изъ его догматовъ, мы представимъ въ послѣдовательной связи три части буддійской троицы: будду, законъ и общину сперва такъ, какъ ихъ знаетъ догматика, а затѣмъ такъ, какъ рисуютъ ихъ намъ легенды.

Что-же такое будда въ догматикѣ? Это человѣкъ, который въ длинномъ рядѣ перерожденій постоянно увеличивалъ количество своихъ добрыхъ дѣлъ, принявъ рѣшеніе спасти людей изъ мрака грѣха и невѣдѣнія. Въ послѣдней земной жизни онъ достигаетъ пониманія высшей истины и проповѣдуетъ міру истинную вѣру — истинный законъ. Давъ міру вѣру, онъ умираетъ и вступаетъ въ нирвану. Число буддъ неограничено, такъ какъ черезъ извѣстные промежутки времени истинная вѣра забывается и міръ пребываетъ во тьмѣ невѣдѣнія и нуженъ новый будда, чтобы вновь внести въ міръ вѣру.

Этотъ величавый, но вмѣстѣ съ тѣмъ блѣдный и холодный образъ міроваго наставника не могъ конечно удовлетворить сердца людей, которые вѣрили въ могучаго Индру, побѣдителя Асуровъ, въ бога-воина Кришну, владѣтеля волшебнаго города Дваравати, во весь сложный и красивый пантеонъ брахманскихъ боговъ. Неужели же тотъ, кому они подчинили всѣхъ этихъ могучихъ боговъ, просто странствующій монахъ, хотя бы и *кшатрій?*

Нѣтъ, онъ будетъ царскій сынъ, которому предстоитъ міродержавная власть, онъ родится чудеснымъ образомъ, онъ будутъ ходить и говорить тотчасъ послѣ рожденія, за каждымъ шагомъ его будутъ слѣдить боги и служить ему. И онъ, которому будетъ предоставлено все, чего можетъ пожелать человѣкъ на землѣ, презритъ всѣ блага земныя; онъ покинетъ царскіе чертоги, покинетъ любимую жену, малютку сына и уйдетъ въ пустыню нищимъ бродягою — чтобы найти истину, чтобы спасти людей отъ безконечности бытія. И въ пустынѣ ему предстанетъ злой духъ и будетъ иску-

шать и соблазнять его всѣмъ, что составляетъ счастіе людское, онъ будетъ устрашать его всяческими ужасами, но напрасно; царевичъ отвѣтитъ ему: «лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ жить побѣжденнымъ» и искуситель исчезнетъ. И при ликованіи всей вселенной царевичъ станетъ всесовершеннымъ Буддою; тотъ кто не захотѣлъ быть царемъ міродержцемъ, сталъ выше всѣхъ царей, выше всѣхъ боговъ — онъ сталъ спасителемъ міра. И долгую земную жизнь онъ посвятитъ на проповѣдь истины, обращая людей на путь, создавая общину, которая станетъ общиною четырехъ странъ свѣта и объединитъ одною вѣрою и индійца, и грека, и китайца, и перса. Онъ умретъ, и земля и небо содрогнутся, вселенная будетъ полна скорби о немъ и всюду гдѣ только найдутся вѣрующіе въ ученіе Вѣщаго — Будды воздвигнутся величавыя ступы, напоминающія о всѣхъ событіяхъ изъ жизни учителя.

Но въ то время, какъ ревнители ученія будутъ обращать всѣ свои помыслы на ученіе Будды и будутъ свято чтить память отошедшаго въ нирвану учителя, вѣрующіе изъ толпы станутъ охладѣвать къ нему — нирвана имъ мало понятна, и учитель, о которомъ его ученики еще спорятъ, существуетъ ли онъ или нѣтъ послѣ нирваны, мало говоритъ ихъ уму и сердцу — имъ нуженъ нѣкто болѣе близкій, болѣе живой. Будда Шакіямуни, окруженный ореоломъ святости и величія долженъ уступить мѣсто новому буддѣ, который на небесахъ готовится къ послѣднему своему перерожденію на землѣ, буддѣ Майтреѣ; рядомъ съ нимъ возникаютъ на почвѣ старой брахманской миѳологіи новые спасители, почти боги: одиннадцатиликій, тысячерукій Авалокитешвара, сладкогласный, премудрый Манджушри, владыка западнаго рая Амитабха. Къ нимъ обращаются восторженныя молитвенныя пѣснопѣнія вѣрующихъ; они уже не учители, а чудотворцы, слово ихъ не слово поученія, которое долженъ воспринять и усвоить пытливый умъ, а слово милосердія и любви, которое въ сердцахъ людей поднимаетъ вѣру, горячую, безусловную.

Послушайте, что говоритъ гимнъ Авалокитешварѣ: «Если человѣкъ упадетъ въ огонь, пусть онъ вспомнитъ объ Авалокитешварѣ и огонь потухнетъ. Если человѣкъ въ оковахъ, пусть онъ вспомнитъ объ Авалокитешварѣ и оковы спадутъ. Если человѣкъ окруженъ врагами, которые уже подъяли мечи свои, чтобы сразить его, пусть онъ вспомнитъ объ Авалокитешварѣ и враги эти тотчасъ станутъ ему друзьями.... въ часъ смерти, въ часъ бѣды онъ вѣрный покровитель, вѣрное прибѣжище».

Амитабха каждый день напоминаетъ вѣрующимъ о своемъ раѣ: когда вечеромъ, при закатѣ солнца, небо на западѣ покрывается золотистымъ блескомъ, вы видите передъ собою златыя врата рая Амитабхи, который

носитъ названіе «Блаженный» (Сукхавати). И этотъ «Блаженный» рай открытъ для того, кто увѣровалъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ.

Какая пропасть между этими вѣрованіями и простымъ представленіемъ объ учителѣ — Буддѣ! Между тѣмъ несомнѣнно, что когда въ однихъ кругахъ безусловно не шли дальше простаго, только что указаннаго догматическаго представленія о Буддѣ и только ставили вопросъ о томъ, считать ли Будду существующимъ или несуществующимъ послѣ нирваны, въ другихъ кругахъ создавался цѣлый пантеонъ буддъ и бодисатвъ, которые должны были замѣнить собою утраченныхъ боговъ, отъ которыхъ большинство вѣрующихъ отказаться не могло.

Такая огромная разница вполнѣ понятна: одни искали въ Буддѣ только учителя, указавшаго имъ путь, по которому идти для достиженія освобожденія отъ узъ бытія; они чтутъ благоговѣйно память умершаго учителя, но къ этимъ воспоминаніямъ лишь въ весьма слабой мѣрѣ примѣшиваются представленія о необходимости культа, который въ ихъ глазахъ играетъ совершенно подчиненную роль; другіе искали себѣ съ сущности новыхъ боговъ, разочаровавшись въ старыхъ; со смертью своею, которая признавалась всѣми, Будда терялъ для нихъ въ значительной мѣрѣ свое значеніе и они поспѣшили перенести свое поклоненіе на другихъ лицъ, позаботившись окружить ихъ ореоломъ старыхъ боговъ.

Послѣ будды въ буддійской троицѣ слѣдуетъ непосредственно законъ, т. е. ученіе будды. Мы не можемъ конечно остановиться здѣсь на всемъ ученіи въ полномъ его развитіи, но мы возьмемъ изъ него то, что намъ кажется самымъ характернымъ; такимъ выраженіемъ сущности буддійскаго ученія слѣдуетъ конечно считать четыре святыя истины, предметъ первой проповѣди Будды въ священномъ городѣ Бенаресѣ. Четыре святыя истины гласятъ такъ: 1. существованіе есть страданіе, 2. источникъ существованія — жажда жизни, 3. уничтоженіемъ жажды жизни уничтожается и существованіе, 4. жажда жизни уничтожается выступленіемъ на *путь*, который состоитъ изъ восьми частей: истинной вѣры, истинныхъ стремленій, правдивой рѣчи, добраго поведенія, честнаго способа добыванія средствъ къ жизни, истиннаго старанія, вѣрной памяти, истиннаго размышленія. Въ связи съ вопросомъ бытія и постоянныхъ перерожденій стоялъ вопросъ о человѣческомъ *я*, о томъ, что же собственно переходитъ изъ одной жизни въ другую? Буддизмъ не могъ признать существованія души какъ того начала, которое сохранялось при перерожденіяхъ, потому что это значило бы признать въ человѣкѣ нѣчто вѣчное, т. е. не подлежащее уничтоженію, а тогда прекращалась возможность уничтоженія бытія, которое было основнымъ источникомъ скорби. Но, отрицая душу, буддизмъ долженъ былъ на ея мѣсто

поставить нѣчто, что бы объединяло тѣ аггрегаты, изъ которыхъ составлялся человѣкъ и которые уничтожались съ каждою смертью, которые измѣнялись даже каждое мгновеніе жизни человѣка; буддизмъ такимъ объединительнымъ началомъ сдѣлалъ *карма*, т. е. результатъ поведенія человѣка, въ зависимости отъ котораго во всякой новой жизни человѣкъ являлся составленнымъ изъ тѣхъ или другихъ аггрегатовъ. Это *кaрма* не могло быть вѣчнымъ, потому что зависѣло отъ тяготѣнія человѣка къ бытію; при уничтоженіи этого тяготѣнія и *карма* не могло болѣе существовать и для человѣка являлась возможность избавленія. Наряду съ вопросомъ о душѣ въ догматикѣ виднѣйшія мѣста еще занимали вопросъ о святомъ, т. е. о человѣкѣ, достигшемъ до той ступени отрѣшенія отъ міра, которая дѣлала ему доступнымъ избавленіе, вопросъ о буддѣ и его существованіи послѣ нирваны, вопросъ о промежуточномъ состояніи, т. е. о томъ, есть ли промежуточное состояніе между одною жизнью и другою, чтобы назвать только важнѣйшіе. Вопросы этическіе, связанные съ вопросомъ о пути, котораго долженъ держаться вѣрующій буддистъ, играютъ въ догматикѣ какъ-то подчиненную роль. Выставляются пять заповѣдей: не убивай, не кради, не лги, не пей, не прелюбодѣйствуй, вырабатываются разныя правила жизни, главнымъ образомъ для монаховъ, но чувствуется, что подобные вопросы играютъ подчиненную роль: на первомъ планѣ, какъ мы уже указали, вопросы о сущности бытія и отношенія человѣка къ нему.

Совсѣмъ иное находимъ мы въ той вѣрѣ массы, которую рисуютъ намъ легенды. Вопросовъ о душѣ, объ аггрегатахъ, о буддѣ, о святомъ, мы здѣсь не находимъ: скорбь бытія признана и признано, что есть избавленіе, признано и то, что путь къ этому избавленію лежитъ въ значительной мѣрѣ въ нравственномъ совершенствованіи человѣка, на эту почву главнымъ образомъ и переносится все. Скорбь бытія и стремленіе отрѣшиться отъ любви къ жизни мотивъ постоянно повторяющійся въ легендахъ; мы позволимъ себѣ привести одинъ короткій отрывокъ, который ярко отражаетъ это настроеніе.

«Крестьянинъ и его сынъ пахали вмѣстѣ на полѣ; змѣя укусила юношу и онъ умеръ — отецъ не обратилъ вниманія на смерть сына и продолжалъ работать. Мимо проходилъ брахманъ и спросилъ, «чей это юноша»? «Мой сынъ», отвѣтилъ крестьянинъ. «Какъ же ты не оплакиваешь его»? «Человѣкъ, рождаясь уже дѣлаетъ первый шагъ къ смерти... скорбь и слезы не помогутъ умершимъ», такъ отвѣтилъ отецъ и никто изъ семьи не оплакалъ умершаго: мать сказала: «жизнь — гостинница, сегодня пришелъ человѣкъ, завтра уйдетъ»; сестра сказала: «люди подобны бревнамъ плота, плывущаго по морю — пришла буря, разбила плотъ, разогнала по морю бревна, и имъ

уже никогда не встрѣтиться — на мгновеніе люди сходятся, разстаются навсегда»; жена сказала: «двѣ птички летали вмѣстѣ цѣлый день и на вечеръ сѣли отдохнуть на ту же вѣтку, утромъ онѣ вспорхнули, можетъ быть онѣ опять встрѣтятся, а можетъ быть и нѣтъ».

Подобныхъ легендъ можно привести не мало; въ нихъ всѣхъ отразилась та постоянная боязнь страданія, которая заставляетъ буддиста уходить отъ всего, что есть жизнь, такъ какъ все, что связано съ жизнью, связано со страданіемъ, а это страданіе для него не есть страданіе одной жизни, отъ котораго смерть есть избавленіе, это вѣчное, безконечное страданіе, изъ котораго нѣтъ иного выхода, какъ полный разрывъ съ привязанностью ко всяческому существованію. Несмотря однако на такое глубоко пессимистическое отношеніе къ жизни легенды охотно останавливаются на картинахъ житейскаго счастія, и награды за добрыя дѣла и наказанія за дурныя носятъ обыкновенно чисто матеріальный характеръ.

Въ то время, такимъ образомъ, когда догматы почти исключительно обращаются къ вопросу о спасеніи, вѣрованія массы обходятъ конечные вопросы и касаются главнымъ образомъ этической, непосредственной стороны дѣла; мы уже раньше видѣли, что и относительно Будды, масса остановилась главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ его, которыя позволили сперва создать образъ міроваго спасителя, затѣмъ цѣлый рядъ такихъ же спасителей и, при посредствѣ одного изъ нихъ, даже создать рай. Съ этими стремленіями конечно ближе всего связывались вопросы этическіе, стоявшіе въ тѣсной связи съ вопросами о возмездіи. На этой почвѣ вѣрующимъ пришлось столкнуться съ третьимъ лицомъ буддійской троицы, съ общиной.

Не менѣе рѣзко, чѣмъ при буддѣ и его ученіи выступаетъ и здѣсь разница между церковнымъ ученіемъ и благочестивою легендою, когда мы обратимся къ этой послѣдней части буддійской троицы. По церковному ученію община есть хранительница закона, наставница и руководительница на трудномъ жизненномъ пути. Для нея существуетъ обширный кодексъ правилъ, гдѣ малѣйшіе проступки предвидѣны, гдѣ вся жизнь общины систематически разбита по рубрикамъ, и община эта есть община нищихъ. Таковою она является въ первые времена буддизма, затѣмъ постепенно, при помощи разныхъ условныхъ толкованій первоначальныхъ правилъ, община получаетъ право принимать всякіе дары и этимъ быстро мѣняется ея положеніе, она становится, говоря словами буддійскаго писанія, полемъ, на которомъ сѣются приношенія, приношенія эти засчитываются вѣрующимъ за добрыя дѣла и благодаря имъ они послѣ смерти щедро награж-

даются перерожденіями въ мірахъ боговъ или новыми счастливыми жизнями на землѣ.

Этой идеальной общины, о которой говоритъ ученіе и которую оно ставитъ на равнѣ съ буддою и его закономъ, какъ предметъ почитанія вѣрующихъ, мы почти не находимъ въ легендахъ. Вмѣсто нищаго мудреца, всѣ помыслы отдающаго на совершенствованіе себя и на помощь ближнимъ, какимъ, по слову закона, долженъ быть монахъ, мы встрѣчаемъ прежняго жреца, который только служитъ не богамъ какъ прежде, а самому себѣ, своей братіи, своему монастырю. Еще рѣзче, еще грубѣе, чѣмъ старые жрецы, монахи ставятъ себя въ исключительное положеніе раздавателей милостей и наказаній. Вглядѣвшись въ эти сотни легендъ, изъ которыхъ многія приняты въ канонъ, мы увидимъ, какъ онѣ всѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль учителя избавить народъ отъ жреческихъ узъ и поставить его самостоятельнѣе въ дѣлѣ вѣры, была въ корень искажена. Все почти свелось къ простой формулѣ: «давайте монахамъ и вы получите блаженство, а будете скупиться на дары общинѣ, васъ ждутъ адскія мученія». Я позволю себѣ привести здѣсь одну краткую легенду, которая иллюстрируетъ мои слова.

1. «Днемъ къ монаху, вышедшему изъ монастыря и сидѣвшему на берегу Ганги, подошла уродливая, страшная на видъ петі.
2. Волосы ея, чрезмѣрно длинные, свѣсились до земли, волосами покрытая она сказала монаху:
3. «Пятьдесятъ шесть лѣтъ какъ я умерла и не знаю ни пищи, ни питья, ни воды, дай мнѣ о почтенный, воды, жажда воды у меня».
4. «Вотъ стекаетъ съ Гималая Ганга съ студеной водою, пей, взявъ оттуда; отчего ты у меня просишь воды»?
5. «Если я, почтенный, сама возьму воды въ Гангѣ, въ кровь для меня она обратится, оттого я прошу воды».
6. «Какой же грѣхъ содѣланъ тобою тѣломъ, рѣчью, помышленіемъ, въ возмездіе за какое дѣло Ганга для тебя становится кровью»?
7. «Былъ у меня, почтенный, сынъ Уттара, вѣрующій мірянинъ, онъ противъ моей воли монахамъ давалъ платье, пищу, содержаніе, сѣдалище и ложе.
8. Его я бранила скупостью одолѣваемая: то, что противъ моей воли даешь монахамъ,
9. платье, пищу, содержаніе, ложе и сѣдалище—это пусть для тебя въ другомъ мірѣ, Уттара, кровью сдѣлается; въ возмездіе за это дѣло Ганга для меня становится кровью».

Исходъ изъ этого положенія одинъ: дайте дары монахамъ и несчастное существо, столь жестоко страдающее въ мытарствахъ, не только получитъ успокоеніе, но даже сподобится небеснаго блаженства.

Сила, которую такимъ образомъ получила община, была однако вмѣстѣ съ тѣмъ причиною ея гибели: старой кастовой организаціи община противоставила свою, основанную на принадлежности къ одной вѣрѣ, но при этомъ она впала въ ошибку, гибельную для всякой религіи въ Индіи, въ нетерпимость, признавъ себя единымъ путемъ, ведущимъ къ спасенію. Между тѣмъ религіозная терпимость была всегда основнымъ элементомъ индійской жизни.

Буддійская церковь, измѣнившая своему принципу быть наставницей, руководительницей народа и пожелавшая замѣнить собою его жрецовъ, неминуемо должна была уступить тѣмъ, кто за тысячелѣтіе до нея уже были жрецами индійскаго народа — брахманамъ. И отъ буддизма въ Индіи остались лишь развалины нѣкогда вѣликолѣпныхъ храмовъ, и лики его учителей и святыхъ, принимаемые за брахманскихъ боговъ, служатъ нынѣ предметомъ поклоненія толпы, никогда и не слышавшей священнаго имени Будды.

С. Ольденбургъ.

Хотанскія древности изъ собранія Н. Ѳ. Петровскаго.

Издаваемые здѣсь предметы принадлежатъ Н. Ѳ. Петровскому, нашему генеральному консулу въ Кашгарѣ, давшему любезное согласіе на изданіе ихъ въ «Запискахъ В. О.». Въ письмахъ отъ 17-го сентября и 4-го ноября на имя Управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ Николай Ѳедоровичъ сообщаетъ, что эти древности пріобрѣтены были для него въ Хотанѣ. Въ Хотанъ онѣ были привезены для продажи изъ обильной развалинами песчаной степи Такла-Маканъ и изъ селенія Буразанъ, около Хотана. («Древнія вещи и монеты этой коллекціи пріобрѣтались для меня въ Хотанѣ, а туда онѣ привозились для продажи изъ песковъ Такла-Маканъ, богатыхъ развалинами, и селенія Буразанъ, близь Хотана» — письмо отъ 17-го сентября 1893 г.).

Въ письмѣ отъ 4-го ноября 1893 г. сообщаются болѣе точныя свѣдѣнія относительно Буразана, именно, что тамъ: «обваливается уступъ, и въ обвалахъ земли находятъ эти вещи» [1]).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какіе предметы были найдены въ пескахъ Такла-Макана, какіе въ Буразанѣ; найдены ли бронзы, которыя, по

1) О Буразанѣ приводимъ еще выписку изъ письма Н. Ѳ. Петровскаго къ барону В. Р. Розену (отъ 5 марта 1894 г.)... «мѣстность, гдѣ встрѣчаются находки разныхъ вещей, называется Буразанъ и лежитъ около Хотана въ 16 верстахъ къ западу. Теперь на этой мѣстности расположено большое селеніе, около 1050 домовъ и до 7000 жителей. Вся мѣстность подъ пашнями; никакихъ слѣдовъ древнихъ зданій не осталось. Во время Ніязъ-Хакимъ Бека мѣстность была прорыта канавой въ 8000 аршинъ длины и глубиною отъ 8 — 12 аршинъ. При обвалахъ канавы и при смытіи близко къ ней находящейся земли попадаются тѣ вещи, которыя я Вамъ (т. е. Н. Ѳ. Петровскому) высылаю. Нѣкоторые дома селенія стоятъ въ связи одинъ съ другимъ, другіе—разсѣянно; между домами въ землѣ также попадаются древнія вещи» (донесеніе агента), см. ниже «Буразанъ, донесеніе хотанскаго торговаго старшины Абду Сатара Н. Ѳ. Петровскому».

характеру своему, являются болѣе поздними, въ одномъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, а терракотты въ другомъ; или и тѣ и другія встрѣчаются въ обоихъ мѣстахъ, причемъ бронзы, быть можетъ, происходятъ изъ верхнихъ слоевъ земли, а терракотты изъ нижнихъ. На эти существенно важные вопросы мы не имѣемъ никакого отвѣта. По обстоятельствамъ, сопровождавшимъ пріобрѣтеніе нашихъ предметовъ, такой отвѣтъ врядъ ли и возможенъ. Дѣло въ томъ, что Н. Ѳ. Петровскій, живущій въ Кашгарѣ, пріобрѣталъ эти вещи въ Хотанѣ при помощи своихъ агентовъ, и лишенъ былъ, въ силу этого, всякой возможности провѣрить на мѣстѣ сообщенія этихъ послѣднихъ. И показанія европейскихъ продавцевъ древностей, зачастую, бываютъ прямо таки невѣроятны; съ ихъ восточными собратьями приходится еще болѣе быть на сторожѣ, зная, какую роль у нихъ играетъ фантазія и какъ часто бываютъ при этомъ самообманы.

Мы должны, на основаніи самихъ предметовъ, попытаться составить себѣ о нихъ то или другое представленіе. Задача эта не изъ легкихъ, если обратить вниманіе на то, что предметы происходятъ изъ страны, исторія которой въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена, еще покрыта мракомъ неизвѣстности, и затѣмъ, что самые предметы, происходящіе оттуда, являются первыми въ своемъ родѣ[1]). Въ силу этихъ обстоятельствъ не знаемъ, удастся ли намъ пролить на нихъ какой-нибудь свѣтъ. Имѣя въ виду разнообразіе предметовъ, мы представляемъ описаніе и посильное изслѣдованіе каждаго предмета; результатъ же этихъ изслѣдованій сопоставляемъ вкратцѣ во введеніи; что касается деталей, то я прошу читателя придерживаться предлагаемаго ниже каталога.

Остановимся прежде всего на терракоттахъ (фиг. 1—23), а изъ нихъ на тѣхъ, которыя представляютъ человѣческія изображенія, какъ на могущихъ служить исходнымъ пунктомъ. На основаніи представленнаго на нихъ человѣческаго типа, мы легче всего можемъ пріурочить искусство къ опредѣленному мѣсту. Обратимъ вниманіе на головки, издаваемыя нами, какъ наиболѣе характерныя на первомъ мѣстѣ (фиг. 1, 2, 3 и 4); онѣ, какъ это мы пытаемся выяснить ниже въ отдѣльномъ изслѣдованіи, очевидно,

---

1) Говорю первыми, такъ какъ упоминаемые сэромъ Дугласомъ Форсайтомъ статуетка будды и фигура обезьяны (онъ называетъ ее clay figure of Hunooman, the monkey-god, но позднѣйшія находки Н. Ѳ. Петровскаго заставляютъ предполагать, что это было просто изображеніе обезьяны, а не Ханумана), насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не были ни изображены, ни описаны. Статуетка по сообщенію Форсайта была отнесена (by competent authorities) къ X вѣку. См. Sir T. Douglas Forsyth. On the Buried Cities in the Shifting Sands of the great Desert of Gobi. J. R. G. S. XLVII, p. 12 (1877). Объ упоминаемыхъ въ письмѣ Shaw находкахъ въ Хотанѣ въ литературѣ также повидимому ничего не извѣстно. См. Shaw Rev. R. B. Letter on Yarkand antiquities. P. A. S. B. 1875, 91—92.

представляютъ собою передне-индійскій, индусскій типъ. На переднюю Индію указываютъ намъ также изображенія обезьянъ (фиг. 16—22), такъ какъ въ нихъ мы можемъ признать породу, свойственную именно передней Индіи. На фиг. 14 и 15 мы видимъ изображенія двугорбаго верблюда, который водился въ Бактріи и, еще въ древности, рѣдко встрѣчался за предѣлами этой области, между тѣмъ какъ еще тогда одногорбаго верблюда, въ силу его преимущества сравнительно съ бактрійскимъ, старались акклиматизировать повсюду. Бактрія же граничитъ съ передней Индіей. Благодаря этому обстоятельству мы должны перенести центръ распространенія этой художественной промышленности нѣсколько болѣе къ сѣверо-западу, къ Инду. На первыхъ порахъ мы должны ограничиться этимъ: мѣсто или исходный пунктъ этого искусства найденъ. Попытаемся теперь, на основаніи нашихъ предметовъ, опредѣлить время ихъ происхожденія.

Нѣкоторыя данныя относительно этого представляютъ намъ два изображенія грифоновъ (фиг. 12 и 13) и голова Издубара (Gilgames) (фиг. 8). Грифоны — орлино-головые, слѣдовательно греческіе. Къ тому же самому заключенію приводитъ насъ и голова Издубара: если она и является типомъ ассирійско-персидской миѳологіи, то, во всякомъ случаѣ, трактовка этого типа чисто греческая. Такимъ образомъ предъ нами, повидимому, предметы греко-индійскаго искусства, того искусства, которое намъ стало извѣстнымъ, благодаря продолжительнымъ раскопкамъ сэра Александра Кеннингэма (результаты этихъ раскопокъ изложены имъ въ прекрасныхъ отчетахъ въ Archeological Survey of India, voll. I—XXIII). На важное значеніе этого искусства, еще 20 лѣтъ тому назадъ, указалъ Е. Курціусъ [1]). Курціусъ, на основаніи имѣвшагося у него тогда матеріала, отнесъ начало проникновенія греческаго вліянія въ индійское искусство къ III в. до Р. Х. и поставилъ его въ связь съ завоевательными походами Александра Великаго, результатомъ которыхъ было основаніе эллинистическихъ царствъ на границахъ Индіи. Въ недавнее время Винсентъ Смитъ [2]) и вслѣдъ за нимъ А. Грюнведель [3]) установили различные періоды индійскаго искусства: до царствованія Ашоки (III в. до Р. Х.) персидско-индійскій стиль, въ которомъ, однако, замѣчаютъ и греческія вліянія; за тѣмъ остатки индоэллинской школы; наконецъ, искусство гандхарскихъ монастырей около Пешауера, отъ Р. Х. до IV в. по Р. Х.; это искусство, по *формѣ*, является

1) Archaeol. Zeitung 1875, XXXIII, 90—95.

2) Vincent Smith. Graeco-Roman Influence on the Civilization of Ancient India, J. A. S. B. voll. LVIII, 1 (1889), p. 107—184.

3) A. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin. 1893.

лишь продолженіемъ античнаго греческаго искусства, по содержанію же, оно чисто индійское.

Такое подраздѣленіе мнѣ кажется нѣсколько преждевременнымъ: слишкомъ недостаточны еще имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи прочно установленныя данныя; къ тому же это подраздѣленіе скорѣе сбиваетъ съ толку, чѣмъ выясняетъ дѣло: книга г. Грюнведеля служитъ убѣдительнымъ тому примѣромъ. Для того, чтобы стать на истинный путь, не правильнѣе ли было бы исходить изъ извѣстнаго, т. е. изъ греческаго искусства, единственнаго, гдѣ въ вопросахъ, касающихся развитія стиля и отдѣльныхъ типовъ мы стоимъ на твердой почвѣ? Основными положеніями, которыя мы здѣсь находимъ, мы можемъ воспользоваться для опредѣленія времени индійскихъ скульптуръ, разъ у насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ надписей, и для установленія того, когда началось греческое вліяніе на индійскую скульптуру. Пояснимъ это на примѣрѣ. Когда, напр., индусы впервые познакомились съ греческимъ искусствомъ? Индологи не даютъ намъ на это никакого отвѣта, разъ мы не удовлетворяемся временемъ Александра Великаго, на которое при этомъ постоянно указываютъ. У Бхархутской ступы найдены были каменные столбы съ рельефными изображеніями женщинъ, относящіеся по всей вѣроятности къ III в. до Р. Х. [1]). У этихъ женщинъ свѣшивается спереди одежда, въ родѣ передника, собранная въ параллельныя складки, съ зигзагами по краямъ, принимающими на нѣкоторыхъ мѣстахъ странныя формы. Ясное дѣло, что здѣсь художникъ имѣлъ дѣло съ чуждымъ для него предметомъ, смысла котораго онъ не понималъ (ср. l. c. pl. XX, XXI, XXII, XXIII, XXXII, 1). Такую стилизацію одежды мы встрѣчаемъ только на памятникахъ греческаго искусства VI—V вв. до Р. Х. Очевидно, индійскіе художники уже тогда знали ее и удержали ее, какъ это часто случается съ формами заимствуемыми изъ иноземнаго искусства, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ (въ данномъ случаѣ до III в. до Р. Х.). Походъ Александра Великаго и царства его преемниковъ очевидно могли перенести въ Индію лишь искусство ихъ времени, т. е. III в., а не художественныя формы, бывшія въ употребленіи три вѣка тому назадъ. Можно довольно прямо установить, какимъ образомъ индусы познакомились съ этою древне-греческою трактовкою одеждъ,— очевидно, черезъ Персію, гдѣ жили при дворѣ «великаго царя» греческіе художники изъ Іоніи въ V в., частію добровольно, какъ напр. Телефанъ, частью переселены были въ Персію, въ видѣ нака-

1) Alex. Cunningham, the Stûpa of Bharhut: a Buddhist Monument ornamented with numerous Sculptures illustrative of Buddhist Legend and History in the third century B. C. London, 1879.

занія, вмѣстѣ съ другими жителями іоническихъ городовъ, возмутившимися въ началѣ V в. противъ владычества персидскаго царя. Благодаря этимъ художникамъ и само персидское искусство подверглось греческому вліянію, а затѣмъ оказало воздѣйствіе на жившіе въ Индіи и подвластные Дарію и Ксерксу народы Hindhu и Gandharivi. Напротивъ, изображенія, напримѣръ, Кентавровъ въ индійскомъ искусствѣ указываютъ намъ, что знакомство съ ними индусовъ идетъ лишь изъ эпохи свободнаго искусства, т. е. IV и III вв. до Р. Х., потому что Кентавры изображаются съ лошадинымъ тѣломъ и человѣческою верхнею частью корпуса; между тѣмъ архаическій греческій (VI—V вв.) типъ Кентавровъ, представляющій намъ человѣческую фигуру съ приставленнымъ къ ней сзади лошадинымъ туловищемъ, повидимому не встрѣчается въ Индіи.

Мнѣ думается поэтому, что начало греко-индійскаго искусства относится уже къ V в. до Р. Х. Что это искусство не ограничивалось только страною Инда и буддійскою скульптурою, это мы видимъ изъ вышеуказаннаго сочиненія Кеннингема и изъ недавно появившейся статьи проф. Бюлера[1]), гдѣ изданы скульптурные памятники джайновъ, послѣдователей религіи, соперничавшей съ буддизмомъ и относящіеся къ III и I вв. до Р. Х. Эти скульптуры, представляющія собою почти исключительно греческіе типы, заимствовали изъ греческаго искусства сверхъ типовъ и симметричное расположеніе въ группировкѣ.

Грифоны (фиг. 12 и 13), послужившіе поводомъ къ приведенному разсужденію, могли появиться въ индійскомъ искусствѣ не позже V в., по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой они представлены—съ горбомъ на головѣ: въ то время греческіе грифоны имѣли на головѣ еще шишку, которая на позднѣйшихъ изображеніяхъ не встрѣчается.

Итакъ мы въ правѣ отнести наши предметы къ греко-индійскому искусству, которое распространилось изъ Пешауера повидимому повсюду. Что это искусство достигло и до Хотана, это мы узнаемъ теперь благодаря издаваемымъ здѣсь предметамъ. Дать точное опредѣленіе времени ихъ происхожденія я не могу, въ виду недостатка матеріала, а главнымъ образомъ въ виду отсутствія типовъ, ведущихъ начало отъ эллинистическаго искусства. Между греческими типами (сюда вѣроятно принадлежитъ и Garuḍa, фиг. 28) мы имѣемъ лишь типы древняго времени, относительно которыхъ мы не знаемъ, какъ долго держались они въ индійской художественной промыш-

---

1) Bühler G. Specimens of Jaina sculptures from Mathurá. Ep. Ind. II, 311—323 (1894). См. теперь также Bühler G. On the Origin of the Brāhma Alphabet S. W. A. H. Ph. Cl. Bd. CXXXII, V. p. 26 п. На эти статьи намъ указалъ С. Ѳ. Ольденбургъ.

ленности. Однако же, мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что наши терракотты[1]) гораздо древнѣе бронзъ (рис. 24—27, 31—35), которыя представляютъ чисто индійскіе типы и могутъ относиться уже къ IV или V в. по Р. Х., когда греческое вліяніе всецѣло было поглощено туземнымъ искусствомъ.

Круглыя фигуры изъ *терракотты* состояли, подобно такимъ же фигурамъ греческимъ и передне-азіатскимъ, изъ отдѣльныхъ половинъ — передней и задней. Это ясно видно изъ сохранившихся головъ. Мягкая, съ небольшими листиками слюды, глина, послужившая матеріаломъ для разсматриваемыхъ фигуръ, — тщательно обработана. Что касается процесса обжиганія, то у отдѣльныхъ фигуръ онъ далеко не одинаковъ: однѣ изъ фигуръ обожжены только до блѣдно-красноватаго, другія — до совершенно краснаго цвѣта.

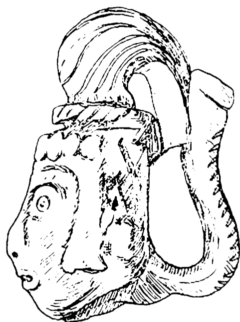
Наибольшій интересъ представляютъ четыре женскихъ головки, принадлежавшія статуеткамъ. По этимъ головкамъ мы знакомимся съ типомъ того народа, которому мы можемъ приписать самое производство этихъ статуетокъ. Лучше всего сохранилась голова, издаваемая нами подъ № 1 а, en face; затѣмъ, наряду съ нею, надо поставить другую голову, фиг. 1 b, въ профиль, гдѣ наиболѣе ясно видно устройство прически.

Фиг. 1 а.

Фиг. 1-я. Широкое, круглое лицо, съ остро-выдающимся, на базисѣ довольно широкимъ, сгорбленнымъ носомъ, съ тонко-очерченнымъ ртомъ, съ тонкими губами и съ небольшимъ вдающимся подбородкомъ; миндалевидные, на выкатѣ, глаза, посаженные горизонтально, съ обозначенными зрачками. Въ выдѣлкѣ лица нельзя не признать нѣкотораго стремленія къ тому тектоническому расположенію линій лица, которое намъ такъ хорошо извѣстно изъ античнаго искусства: брови приподняты и сходятся у переносицы. Этому общему очертанію лица соотвѣтствуетъ также способъ прически. Только узенькая полоса лба остается не покрытою волосами, которые, спускаясь къ бровямъ короткими прядями, ниспадаютъ на щеки

1) Замѣтимъ однако здѣсь, что въ письмѣ къ барону В. Р. Розену отъ 5 марта 1894 г. Н. Ѳ. Петровскій по поводу терракоттовыхъ фигуръ животныхъ (верблюда и т. п.) говоритъ.... «и теперь въ Вѣрномъ (какъ мнѣ говорили) калмыки дѣлаютъ такія штуки».

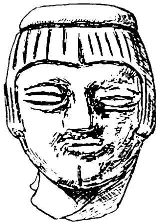
передъ не въ мѣру удлиненными ушами. Главная масса волосъ собрана на головѣ въ пучекъ, который по низу перетянутъ шнуркомъ съ большими бусинами. Сзади этотъ пучекъ волосъ соединяется со вторымъ пучкомъ, образованнымъ изъ нижней части волосъ и поднятымъ вверхъ посредствомъ крестообразно связанной повязки; подобною же повязкою собранъ этотъ пучекъ внизу, въ его основаніи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ способѣ прически мы видимъ нѣкоторыя различія, поскольку можно судить объ этомъ на основаніи трехъ другихъ сохранившихся головъ, поврежденныхъ какъ разъ на этомъ мѣстѣ; такъ напр., у той головы, которая издана нами въ профиль (фиг. 1 b), мы встрѣчаемъ въ видѣ украшенія вѣнецъ изъ жемчуга, а верхній пучекъ волосъ внизу туго перевязанъ шнуркомъ; сзади нѣтъ обозначенія способа прикрѣпленія обоихъ пучковъ. То же самое можно сказать и относительно третьей головки. У четвертой головки, ближе всего напоминающей первую, нѣтъ вѣнца изъ жемчуга, но верхній пучекъ волосъ, повидимому, былъ собранъ посредствомъ необозначенной повязки, которая спереди украшена драгоцѣннымъ камнемъ въ оправѣ; сзади оба пучка собраны вмѣстѣ только посредствомъ широкой повязки, концы которой спускаются внизъ. У головокъ второй и третьей сильно выдѣланы брови. У всѣхъ головокъ уши чрезмѣрно удлинены. Высота четырехъ головокъ, начиная съ двухъ здѣсь издаваемыхъ: 0,06; 0,06; 0,065; 0,067 m.



Фиг. 1 b.

Въ издаваемыхъ головкахъ нельзя не признать индусскаго типа: миндалевидные глаза, орлиный носъ, вдающійся подбородокъ, нѣжная форма щекъ — все говоритъ за это, равно какъ и искусственно удлиненныя уши, которыя мы въ такомъ же точно видѣ встрѣчаемъ въ изображеніяхъ женщинъ на рельефѣ каменной ограды ступы Amarāvatī, теперь хранящемся въ Лондонѣ (Fergusson, Tree and Serpent Worship etc., pl. LXII). Способъ связыванія волосъ у нѣкоторыхъ женщинъ этого рельефа также соотвѣтствуетъ способу связыванія волосъ на нашихъ головкахъ. Рельефы Amarāvatī, относящіеся къ концу II в. по Р. Х., принадлежатъ по общепринятому теперь мнѣнію, къ индійскому искусству Ашоки, т. е. къ тому индійскому искусству, которое развилось подъ персидскимъ вліяніемъ и начало процвѣтанія котораго относится ко времени около 300 г. до Р. Х. Фергюссонъ однако (l. l.) указалъ, что эти рельефы не представляютъ собою

уже совершенно чистыхъ произведеній искусства Ашоки, но что они подверглись значительному измѣненію, особенно относительно стиля одежды и типа нѣжныхъ, полныхъ лицъ и тѣлъ. Это измѣненіе совершилось подъ вліяніемъ греко-буддійскаго гандхарскаго искусства. Начало же процвѣтанія этого искусства въ Кашмирѣ и Пенджабѣ должно, по его мнѣнію, относиться ко времени до Р. Х., послѣ того какъ сюда проникло, благодаря преемникамъ Александра Великаго, греческое искусство. Но что изслѣдуемые здѣсь памятники принадлежатъ къ произведеніямъ греко-индійскаго искусства, и что полныя, нѣжныя формы являются характернымъ признакомъ греко-іоническаго искусства—это несомнѣнно мы и можемъ заключить на основаніи орлевидныхъ грифоновъ, уже чисто греческаго, а не персидскаго характера.



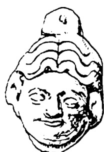
Фиг. 2.

Фиг. 3.

Терракоттовая головка (фиг. 2) отъ статуетки женщины, подвергшаяся незначительному обжиганію. Она совершенно напоминаетъ предыдущія, только болѣе стерта и повреждена сравнительно съ ними: нѣтъ, напр., ушей и пучковъ волосъ. Длинный разрѣзъ миндалевидныхъ глазъ. Высота 0,043.

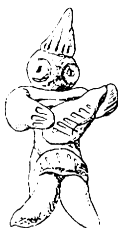
Головка отъ мужской статуетки (фиг. 3); сохранилось только лицо. Что задняя часть головы здѣсь пропала, это мы заключаемъ на основаніи выемчатыхъ краевъ, которые служили для поддержки задней стороны. Лицо не такъ нѣжно, какъ у предыдущихъ терракоттъ, хотя и здѣсь и тамъ можно прослѣдить общее сходство типа: тотъ же низкій лобъ, тотъ же сгорбленный, на базисѣ толстый и широкій, носъ, такіе же на выкатѣ глаза, съ сильно выдѣланными притомъ радужной оболочкой, зрачкомъ и густыми бровями; за то вѣки не обозначены; подбородокъ (отбитый), повидимому, былъ также вдающіійся, какъ и на предыдущихъ фигурахъ. Изъ подъ густыхъ усовъ виденъ верхній рядъ зубовъ; на краю челюсти видны слѣды коротко-остриженной бороды. Волосы, по срединѣ расчесанные, ниспадаютъ на обѣ стороны гладкими прядями (эти гладкіе волосы являются характерною чертою, отличающею нашу голову отъ головъ Будды-Апол-

лона); за ушами волосы приглажены и спускаются болѣе широкими прядями къ подбородку, какъ и у женскихъ головокъ. Уши небольшія, мочки у ушей пробуравлены. Высота: 0,035. Подобные типы встрѣчаются на гандхарскомъ рельефѣ въ Берлинскомъ музеѣ (Grünwedel, p. 107), происходящемъ изъ области Swât; также Gautama изображенъ съ усами на прекрасномъ рельефѣ въ Лагорскомъ музеѣ, гдѣ представленъ его выходъ изъ своего дворца (Grünwedel, p. 83). Впрочемъ, слѣдовъ бороды на этихъ предметахъ не замѣтно.


Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг. 6.


Фиг. 7.

Маска *головки*, изображающая Будду (фиг. 4). Тѣ же нѣжныя формы, что̀ и у женскихъ головокъ. Высота: 0,028. Расчесанные по срединѣ волосы ниспадаютъ волнами на обѣ стороны и образуютъ на макушкѣ хохолъ, который мы встрѣчаемъ на всѣхъ изображеніяхъ Будды въ гандхарскомъ искусствѣ. Прототипомъ для такихъ изображеній Будды могъ послужить греко-римскій Аполлонъ съ его волосянымъ узломъ на макушкѣ. Ср. подобныя же изображенія Будды у Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien, S. 110 u. 124 ff.

Небольшая статуетка мужчины, стоящаго на колѣняхъ (фиг. 5) въ одеждѣ, плотно облегающей тѣло и покрывающей его до верхней части бедръ. Протянутыя дугообразно руки онъ сжимаетъ на груди, насколько можно объ этомъ судить по грубой работѣ статуетки; впрочемъ, быть можетъ, онъ игралъ на лютнѣ. Голова статуетки отломана. Высота: 0,01.

Статуетка (фиг. 6), сохранившаяся по талью; отломаны руки и большая часть нимба. Высота: 0,042. Одежда плотно облегаетъ тѣло и стянута толстымъ поясомъ. Сильно потертое лицо статуетки того же типа, что̀ и у фиг. 1-й. Очень характернымъ и доселѣ неизвѣстнымъ является головной уборъ, лучеобразно поднимающійся надъ лбомъ; онъ образованъ какъ бы изъ собраннаго въ складки куска матеріи. На основаніи нимба мы можемъ заключить, что эта статуетка представляетъ какое-нибудь божество, можетъ быть, одного изъ бодисатвъ.

Небольшая статуетка мужчины (фиг. 7, см. стр. 175), играющаго на лютнѣ; одежда, такъ же, какъ и на предыдущей фигурѣ, плотно облегаетъ тѣло и доходитъ до верхней части бедръ. Остроконечная шапка покрываетъ птицеобразную голову, напоминающую голову полишинеля; работа очень грубая. Высота: 0,044.

Фиг. 8.

Обломокъ брюшка сосуда (фиг. 8), съ придѣланнымъ изображеніемъ баснословнаго существа, которому я затрудняюсь дать индійское имя, хотя происхожденіе этого изображенія очевидно. Передъ нами удивительно живо моделированное изображеніе мужскаго лица, окруженнаго спиралями, которыми оканчиваются ниспадающія пряди волосъ и борода; между ними кругловатыя звѣриныя уши, помѣщенныя на одной высотѣ съ глазами. Поднятые углы рта придаютъ лицу смѣющееся выраженіе; горбатый, съ широкимъ базисомъ, носъ выступаетъ надъ сильно выдающимися скулами; глаза (съ радужной оболочкой и зрачкомъ) посажены вкось и сильно выступаютъ впередъ; мускулы на лбу образуютъ большія поперечныя складки; замѣтныя на лбу продольныя складки скорѣе—пряди волосъ, которыя развиваются на обѣихъ сторонахъ и на верху также обрамляли голову локонами, что можно ясно прослѣдить по сохранившимся слѣдамъ. Высота: 0,07; ширина: 0,08.

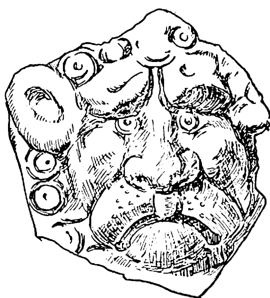
При первомъ взглядѣ на эту голову, я думалъ признать въ ней аравійско-египетскаго Беса (Bes); однако издаваемая голова не имѣетъ того головнаго украшенія, которое является характернымъ въ изображеніяхъ Беса; далѣе и способъ прически, и борода у ней — иные. Почти полное сходство съ нашимъ изображеніемъ представляютъ типы вавилонскаго Издубара, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наше изображеніе дѣйствительно Издубаръ. Странно встрѣтить это полное жизни изображеніе вавилонскаго національнаго героя, далеко отъ Вавилона, родины миѳа объ Издубарѣ; тѣмъ удивительнѣе это, что у насъ не было до сихъ поръ никакого свидѣтельства о существованіи типа Издубара въ позднѣйшемъ искусствѣ, хотя бы ради декоративныхъ цѣлей, причемъ Издубару могло быть усвояемо предохранительное значеніе. Сказаніе объ Издубарѣ восходитъ до 3-го тысячелѣтія до Р. Х.; записано же оно было впервые, насколько намъ извѣстно, при Асурбанипалѣ (668—626 до Р. Хр.); къ этому-же времени относятся и изображенія Издубара, нашего библейскаго Немврода и прототипа Геракла, на рельефахъ и цилиндрахъ [1]). Присутствіе этого изображенія на нашей терракоттѣ является своего рода откровеніемъ для насъ; оно свидѣтельствуетъ о жизненности прекраснаго миѳа до времени Арсакидовъ, до того періода въ исторіи искусства Персіи, который представляетъ для насъ пока еще своего рода «чистую страницу», гдѣ это изображеніе, быть можетъ, является первымъ, достовѣрно засвидѣтельствованнымъ художественнымъ предметомъ. Изображеніе лица, полное жизни, и самое совершенство всей работы позволяютъ приписать этотъ памятникъ греческому художнику, который, по моему мнѣнію, жилъ не позже III в. д. Р. Х.

Между терракоттами особенно значительное мѣсто занимаютъ издѣлія, изображающія животныхъ. Впрочемъ, за исключеніемъ львиныхъ головъ и головъ грифоновъ, эти животныя, въ *стилистическомъ* отношеніи, не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ трактованы они въ чисто натуралистическомъ духѣ и этимъ отличаются отъ остальныхъ предметовъ. Возможно, что эти натуралистически трактованныя животныя происходятъ совершенно изъ другого мѣста и въ силу этого не могутъ быть сопоставляемы съ вышеописанными, стилистически выработанными предметами. Такъ какъ они не имѣютъ какихъ-либо отличительныхъ признаковъ, позволяющихъ пріурочить ихъ къ опредѣленному времени, то мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться краткимъ ихъ описаніемъ.

---

1) Изображенія Издубара см. у G. Smith, Chaldaeische Genesis, übers. von Fr. Delitzsch и у J. Menant, Cylindres de l'Assyrie, Paris 1886. Объ эпосѣ объ Издубарѣ см. Haupt in Delitzsch und Haupt, Assyriol. Biblioth. Bd. 3 и Alfr. Jeremias, Izdubar-Nimrod, eine altbabyl. Heldensage, Lpzg. 1887; Jensen, Kosmologie, 365, ff.

Львиная голова (фиг. 9). Перекладины и вогнутость на задней сторонѣ указываютъ на то, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою предметъ, служившій для украшенія сосуда. Моделировка головы отличная; особенно обращаютъ на себя вниманіе сходящіяся брови и выступающая между ними складка на лбу, щеки и носъ; это вполнѣ антропоморфизированная львиная голова, и это художникомъ достигнуто благодаря тому, что онъ выдвинулъ впередъ носъ и отодвинулъ вкось остальныя части лица. Глаза отмѣчены только рельефными кругами; точно также отмѣчены волоса гривы, окружающіе голову. Незначительная стилизировка, замѣтная только въ выдѣлкѣ волосъ и верхней губы, ни чисто персидская, ни чисто греческая, но такъ какъ она имѣетъ нѣкоторое сходство съ стилизировкой головы Издубара, то мы въ правѣ, по крайней мѣрѣ, предположить, что эта голова происходитъ изъ того же времени и принадлежитъ къ смѣшанному искусству Индіи; въ пользу этого послѣдняго утвержденія свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, антропоморфизированіе лица животнаго, столь сильно замѣтное въ чисто индійскихъ художественныхъ произведеніяхъ. Высота: 0,055.

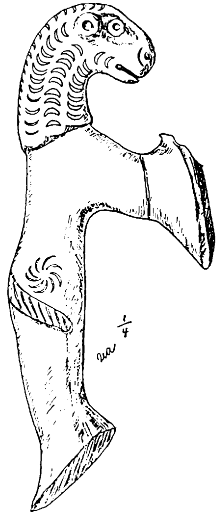


Фиг. 9.

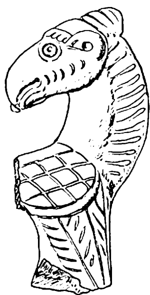
Фиг. 10.

Львиная голова (фиг. 10), подобная предыдущей, вѣроятно также составлявшая предметъ украшенія сосуда. Предыдущая голова по сравненію съ этой, кажется, болѣе натуралистичной; между тѣмъ какъ въ разбираемой теперь головѣ проведена уже въ полной мѣрѣ стилизировка; сравни особенно носъ, уши, которыя, ради кружковъ гривы на головѣ, сдѣланы маленькими, и рѣзко очерченныя линіи, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга отдѣльныя части лица. Такъ какъ должно было пройти значительное время, пока художники могли перейти отъ натуралистической трактовки къ стилизирующей, то изслѣдуемую головку мы должны считать, по времени, болѣе поздней сравнительно съ предыдущею; точно опредѣлить время этого произведенія, само собою разумѣется, невозможно. Высота: 0,05.

Ручка сосуда (фиг.11) съ узкой шейкой и широкимъ брюшкомъ, въ формѣ *льва*, заднія и переднія лапы котораго не отдѣлены другъ отъ друга, но цилиндрически пристаютъ къ сосуду: заднія лапы стоятъ на плечѣ сосуда, переднія прикрѣплены подъ бортомъ. Какъ ноги, такъ и туловище животнаго цилиндрической формы и немного приподняты у начала задней части бедра; съ обѣихъ сторонъ бедръ небольшой завитокъ волосъ. Хвостъ животнаго лежитъ вокругъ задняго бедра и стилизированъ совершенно особымъ образомъ въ формѣ веревки. Выдѣланы только шея и голова льва, которая выдавалась надъ бортомъ сосуда. Нельзя, однако, не признать того, что стилизированіе этой львиной головы не походитъ на стилизированіе вышеописанныхъ головъ, но совершенно отступаетъ отъ него, напоминая скорѣе стилизированіе нижеслѣдующихъ головъ грифоновъ. Голова трактована какъ бы въ родѣ клюва, какъ будто художникъ привыкъ изображать преимущественно головы грифоновъ, такъ что, изображая львиную голову, онъ слѣдовалъ своему обычному способу; это становится совершенно яснымъ, если сравнить съ нашею головою нижеслѣдующую голову грифона. Нужно исключить только конецъ клюва у этой головы грифона, и предъ нами окажется голова совершенно похожая на разбираемую львиную голову. Подобно слѣдующимъ и эта ручка лѣплена изъ двухъ половинъ, вылитыхъ въ одной формѣ. Фигуры животныхъ въ качествѣ ручекъ сосудовъ встрѣчаются повсемѣстно въ древнемъ культурномъ мірѣ, такъ что на основаніи этого нельзя еще дѣлать никакихъ заключеній; но, принимая въ соображеніе то, что тонкая ручка могла служить только для небольшой узкой руки, мы въ правѣ приписать сосуду индійское происхожденіе, такъ какъ индусы отличаются до настоящаго времени своими узкими, маленькими руками; рукоятки ихъ мечей, напримѣръ, далеко не по рукѣ западныхъ народовъ. Время, къ которому относится разбираемая ручка, можетъ быть опредѣлено только приблизительно, по сравненію съ нижеслѣдующей головою грифона. Сосудъ имѣлъ вѣроятно форму греческой амфоры, что̀ заставляетъ предполагать существованіе еще второй ручки, подобной сохранившейся. Длина всей ручки 0,13 м., самой рукоятки —0,05.


Фиг. 11.

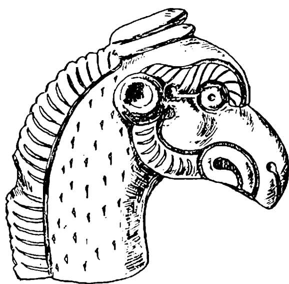
Точно такая же *ручка* въ формѣ орлеобразнаго грифона (фиг. 12); но здѣсь переднія лапы и задняя половина туловища отломаны. Способъ изображенія грифона представляетъ нѣкоторыя особенности, чуждыя греческимъ и греко-ассирійскимъ грифонамъ. Такъ разбираемый грифонъ имѣетъ вмѣсто иглистой гривы выстриженную волосяную гриву, вмѣсто шишки на головѣ у него небольшой, остроконечный горбъ; точно также уши у него кругловатыя, а не остроконечныя. Не смотря на все это, важное значеніе этого типа среди нашихъ терракоттъ бросается въ глаза, потому что грифоны съ орлиными головами принадлежатъ греческому искусству, и поэтому вездѣ, гдѣ они встрѣчаются въ иноземномъ искусствѣ указываютъ на греческое вліяніе. Такъ какъ большая часть разсматриваемыхъ предметовъ несомнѣнно индійскаго происхожденія, то и этого грифона мы не можемъ не отнести къ произведеніямъ гандхарскаго искусства; особенности, отличающія его отъ чисто греческихъ грифоновъ, мы можемъ отнести на счетъ индусскаго художника. Но и при всемъ этомъ сколько нибудь точно опредѣлить время происхожденія этихъ предметовъ, не представляется возможнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обращаю особенное вниманіе на крылья, представляющія поразительную особенность въ исполненіи, отступающемъ отъ обычнаго ихъ исполненія въ античномъ искусствѣ: у нашихъ грифоновъ крылья состоятъ изъ двухъ различно характеризированныхъ частей — плечевая часть ихъ раздѣлена на ромбы, и только нижняя часть крыльевъ состоитъ изъ перьевъ. Такой способъ обработки ведетъ свое начало съ востока; на западѣ онъ появился только около Р. Хр., оставаясь въ употребленіи долго въ теченіе среднихъ вѣковъ. Уже въ VI в. до Р. Х. на одной золотой пластинкѣ, происходящей изъ Кубанской области (Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи, 1876, табл. IV, 4) изображена пантера съ совершенно подобнымъ же образомъ представленными крыльями; пластинка эта принадлежитъ іоническому производству. Отсюда для датированія нашего грифона, мы можемъ заключать только то, что не существуетъ никакой необходимости относить его ко времени послѣ Р. Х. Высота: 0,075.



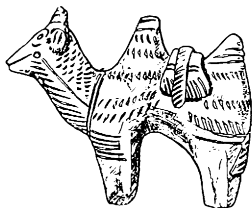
Фиг. 12.

Обломокъ совершенно подобной же *ручки* (фиг. 13), только бóльшихъ размѣровъ, лучшей работы и болѣе выдѣланной стилизировки. Голова грифона представляетъ тѣже самыя особенности, что и вышеописанная, только онѣ оттѣнены еще сильнѣе; особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ

отношенія брови и волоса на челюсти, встрѣчающіеся въ такомъ же видѣ на древнеперсидскихъ предметахъ. На головѣ здѣсь мы также видимъ горбъ. Особенностью является также то, что кожа обозначена точками. Выполненіе настолько энергичное и мастерское, настолько видна рука опытнаго мастера, что мы не ошибемся, признавъ здѣсь въ мастерѣ прямо греческаго художника, хотя бы III в. до Р. Х. Высота: 0,063.



Фиг. 13.



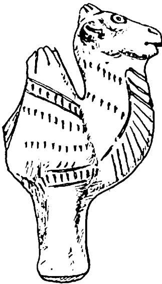
Фиг. 14.

Навьюченный двугорбый *верблюдъ* (фиг. 14) довольно посредственной работы. Типъ и постановка головы неудачны; задній горбъ слишкомъ близко помѣщенъ къ хвосту. Переднія и заднія ноги соединены также и здѣсь въ два столба; веревка, поддерживающая вьюкъ между горбами, не подведена подъ животъ. Представленный здѣсь верблюдъ — бактрійскій, на что указываетъ присутствіе двухъ горбовъ. Это служитъ доказательствомъ того, что происхожденіе описываемыхъ вещей мы должны искать по близости къ Бактріи. Одна особенность позволяетъ намъ сблизить эту терракотту съ предыдущими фигурами грифоновъ: это небольшой остроконечный горбъ на головѣ, встрѣчающійся какъ у описываемаго верблюда, такъ и у тѣхъ грифоновъ. Эта черта заставляетъ насъ относить и этотъ предметъ къ одному времени съ вышеописанными и видѣть въ немъ произведеніе той же художественной промышленности. Высота: 0,049.

Обломокъ совершенно подобнаго же, только лучше выполненнаго *верблюда* (фиг. 15, см. стр. 182); сохранилась лишь передняя половина туловища и голова. Горбъ на головѣ трактованъ здѣсь болѣе натурально, именно какъ пучекъ волосъ. Высота: 0,07.

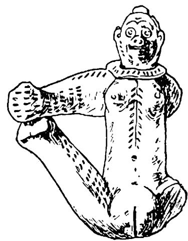
Въ заключеніе слѣдуетъ рядъ изображеній обезьянъ, такой же работы, какъ и описанные выше предметы, но не представляющихъ ни малѣйшаго признака стилизировки. Обезьяны представлены вполнѣ натуралистически

и, благодаря этому, не даютъ никакихъ указаній относительно времени и мѣста ихъ происхожденія. Можно утверждать одно, что эти обезьяны, какъ и головы львовъ, слишкомъ антропоморфизованы даже во второстепенныхъ деталяхъ. Породу этихъ обезьянъ опредѣлить не легко также и потому еще, что художники, при сходствѣ въ типѣ головъ всѣхъ этихъ обезьянъ, иногда даже позволяли себѣ не изображать хвоста. Впрочемъ, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ данномъ случаѣ предъ нами представлена та порода обезьянъ, (Macacus rhesus) которая очень распространена въ передней Индіи до Гималайскихъ горъ [1]).



Фиг. 15.

Фиг. 16.



Фиг. 17.

Обезьяна (фиг. 16) на корточкахъ; правая рука приложена къ груди, лѣвая держитъ огромный, выдающійся членъ; безъ хвоста. Высота: 0,06. Исполненіе грубое, но полное жизни; оно обнаруживаетъ весьма опытную руку.

Сидящая *обезьяна* (фиг. 17) — самка; съ хвостомъ; лѣвая рука и лѣвая нога, равно какъ нижняя часть правой руки и нижняя часть бедра отломаны. Чрезмѣрно развиты половые органы. Вокругъ шеи — повязка; съ головы на спину спускается длинная коса. Повидимому, она сидѣла, растопыривъ ноги. Высота: 0,06.

Фиг. 18а.

Фиг. 18b.

Небольшая *обезьяна* (фиг. 18 а 18 b); руки и нижняя часть туловища не сохранились. Характерными чертами ея являются большія уши и коса. Высота: 0,031.

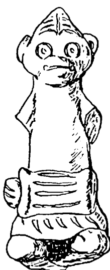
---

1) Ср. Бремъ. Жизнь животныхъ. Переводъ, съ 3-го изд. подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. С.-Петербургъ 1893. I, 161 слл.

Небольшая *обезьяна* (фиг. 19), стоящая на колѣняхъ; поднятыя руки сложены какъ бы на молитву. Большая часть ногъ отломана. Безъ хвоста. Высота: 0,032.

Обезьяна (фиг. 20), стоящая на колѣняхъ; повидимому на ней надѣтъ передникъ; въ рукахъ держитъ она передъ собою плодъ тыквы, въ формѣ барабана. Руки отломаны. На головѣ коса. Безъ хвоста. Высота: 0,048.

Фиг. 19.



Фиг. 20.

Фиг. 21.

Обезьяна (фиг. 21), держащая предъ собою тыкву обѣими руками. Нижняя часть туловища отломана. Высота: 0,035.

Пара *обезьянъ* (фиг. 22), съ хвостами. Крѣпко обнявшись, онѣ цѣлуются. Головы чрезмѣрно удлинены вверхъ. У одной изъ обезьянъ не хватаетъ нижней части бедръ. Высота: 0,028.

Фиг. 22.

Фиг. 23.

Небольшой *сосудъ* (фиг. 23), съ одною ручкою, съ высокимъ горлышкомъ, расширяющимся къ верху. Плечо сосуда отдѣлено отъ брюшка двумя нацарапанными линіями и украшено геометрическимъ орнаментомъ. Ручка сосуда напоминаетъ тѣ ручки, какія встрѣчаются обыкновенно на греческихъ σκύφοι. Высота: 0,02.

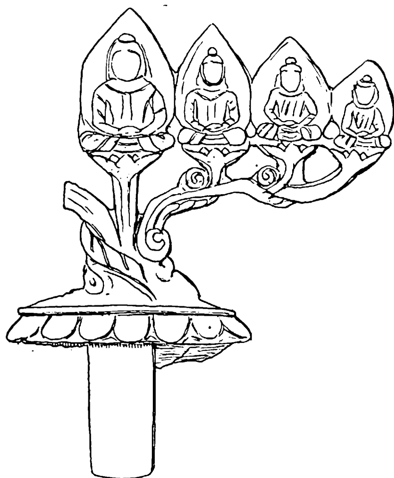
Бронзы.

Статуетка Будды (фиг. 24), литая; задняя сторона гладкая. Узкая, украшенная листьями, база имѣла внизу теперь утраченную втулку, посредствомъ которой она была прикрѣплена къ другой базѣ, болѣе значительнаго размѣра. Будда представленъ въ полномъ одѣяніи; онъ сидитъ, поджавъ ноги; красиво вогнутыя ступни обращены вверхъ; въ сложенныхъ рукахъ онъ, повидимому, держалъ чашу, насколько объ этомъ мы можемъ судить, принимая во вниманіе, что какъ разъ на этомъ мѣстѣ статуетка сильно пострадала; недостаетъ здѣсь также лодыжки правой ноги.

Фиг. 24.

Лицо представляетъ индійскій типъ съ полными, гладкими щеками и глазами на выкатѣ; на лбу въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются волоса, впадина, гдѣ вѣроятно находился камень, обозначавшій *урну* (ūrṇā). Это заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ виду того, что *урна* обыкновенно помѣщается между бровями. Волосы, равно какъ и кробилъ на головѣ, покрывающій шишку познанія мудрости, трактованы просто въ видѣ гладкихъ вальковъ. Фигура Будды выступаетъ изъ большаго нимба, въ центрѣ котораго на-

ходится колесо съ согнутыми спицами, играющее столь важную роль въ буддизмѣ; отъ обода колеса идетъ вѣнецъ изъ стилизированныхъ цвѣтовъ. Высота: 0,093.



Фиг. 25.

Предметъ изъ бронзы (фиг. 25), литой. На базѣ, украшенной листьями и снабженной внизу плоской втулкой, поднимаются изъ вьющихся лозъ три стебля лотоса; средній стебель, съ цвѣткомъ лотоса, тянется прямо вверхъ; два боковыхъ стебля симметрично изгибаются; оба съ тремя цвѣтками лотоса, другъ подлѣ друга. На каждомъ цвѣткѣ помѣщена фигура, такой же формы, какъ и предыдущая статуетка Будды; такимъ образомъ нашъ предметъ представляетъ Будду и шесть бодисатвъ, окруженныхъ нимбомъ въ формѣ яйца. Такъ какъ обыкновенно встрѣчаются семь бодисатвъ, то весьма возможно, что въ данномъ случаѣ въ средней фигурѣ и не слѣдуетъ разумѣть самого Будду; къ сожалѣнію утверждать это съ полною опредѣленностью мы не можемъ, въ виду того, что необходимый для рѣшенія этого вопроса матеріалъ еще не обработанъ и намъ въ данномъ случаѣ не доступенъ. Лѣвая вѣтвь, къ сожалѣнію обломана и не сохранилась. Высота: 0,091. — Будда на поверхности изъ листьевъ лотоса встрѣчается также на рельефѣ Amarāvatī (Fergusson, Tree and Serpent Worship, pl. LIX); въ болѣе позднихъ изображеніяхъ встрѣчаются Будда и бодисатвы, стоящіе на цвѣткахъ лотоса.

Танцовщица (фиг. 26), литая изъ бронзы, въ развѣвающейся одеждѣ. Правою ногою она балансируетъ на правой рукѣ мужчины, который поднялъ руки вверхъ. Отъ мужской фигуры сохранилась только верхняя ея часть. Задняя сторона вылита плоскою. Повязка, которая окружаетъ волосы танцовщицы была позолочена. Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ деталей различить нельзя, такъ какъ отливка очень плоха и кромѣ того фигура вся оксидировалась. Высота: 0,053. Подобное изображеніе, левъ балансирующій на рукахъ мужчины и на слонѣ, на Наландскомъ престолѣ, у Grünwedel, Buddhist. Kunst in Indien, 51.

Фиг. 26.

Фиг. 27.

Литая бронзовая *статуэтка* (фиг. 27), представляющая бога или царя; къ сожалѣнію, она настолько подверглась окисленію, что нѣкоторыя детали ея неясны. Какъ и предыдущія бронзы, она вылита рельефно и внизу имѣетъ втулку. Богъ, съ зубчатою короною на головѣ, представленъ стоящимъ, съ прижатыми другъ къ другу ногами; на немъ длинная, развѣвающаяся одежда, у лѣвой кисти запястье. Въ правой рукѣ онъ держитъ по направленію къ плечу цвѣтокъ лотоса; въ спущенной книзу лѣвой рукѣ онъ держитъ за волосы человѣческую голову, что различается довольно ясно. Что въ данномъ случаѣ представленъ богъ или царь, видно также по нимбу, по краямъ котораго идутъ украшенія въ видѣ зубцовъ. Высота: 0,07. Эта фигура представляетъ, повидимому, *Майтрею*, будущаго Будды, несомнѣнное существованіе котораго въ гандхарскомъ искусствѣ указано Грюнведелемъ (l. c. 140). Предъ нами, можетъ быть, одна изъ формъ этого бодисатвы, которая, стоя въ серединѣ между древнѣйшими формами, имѣющими лишь

цвѣтокъ лотоса въ правой рукѣ и позднѣйшими, съ бутылочкою для мази въ опущенной книзу лѣвой рукѣ, представляетъ оба эти аттрибута соединенными вмѣстѣ. Нѣкоторое затрудненіе представляетъ здѣсь въ нашей статуеткѣ человѣческая голова въ лѣвой рукѣ, вмѣсто которой мы ожидали бы встрѣтить выпуклую бутылочку для мази; остается только сожалѣть, что оригиналъ, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, недостаточно ясенъ, въ силу чего мы и вынуждены оставить вопросъ подъ сомнѣніемъ. О дѣйствительной человѣческой головѣ врядъ ли здѣсь можно думать, и найти аналогію для подобнаго рода изображеній не легко; московскій золотой щитъ, найденный въ Кубанской области (изданный въ Gazette archéologique, 1887, pl. 22) мало помогаетъ въ данномъ случаѣ, потому что на немъ изображена отрубленная человѣческая голова, лежащая подъ скачущимъ Діонисомъ. Правда, *форма* бутылочки для мази, которую обыкновенно носитъ Майтрея, въ послѣалександрійскомъ греческомъ искусствѣ часто изображается въ видѣ человѣческой головы (въ Импер. Эрмитажѣ имѣется нѣсколько подобныхъ предметовъ какъ стеклянныхъ, такъ и глиняныхъ, происходящихъ изъ греческихъ могилъ, и они далеко не рѣдкость); ничто не противорѣчитъ тому, что бутылочки подобной формы доходили и до Индіи и замѣняли иногда гладкія греческія bombylia, которыя Майтрея держитъ въ рукѣ. Я не хочу утверждать того же самаго относительно нашей бронзы; лучше подождать объясненія въ будущихъ находкахъ. Корона, украшающая голову, напоминаетъ короны изъ ступъ, которыя находятся иногда на изображеніяхъ Майтреи [1]).

Изображеніе *Garuḍa* (фиг. 28), высѣченное изъ сѣро-фіолетоваго камня. Подъ именемъ Garuḍa разумѣются крылатыя животныя, употреблявшіяся для ѣзды различными богами; они играютъ въ индійскомъ искусствѣ важную роль и нѣтъ сомнѣнія, что толчекъ къ созданію этихъ крылатыхъ фигуръ данъ былъ переднеазіатско-греческимъ искусствомъ, въ которомъ грифоны и другія крылатыя существа занимаютъ выдающееся мѣсто. Предъ нами сидящая большая птица съ женскою головою, о чемъ свидѣтельствуетъ прическа, которая болѣе чѣмъ напоминаетъ такъ называемую прическу на манеръ дыни (Melonenfrisur) на мало-азійскихъ терракоттахъ IV и III вв. Надо обратить вниманіе на рѣзкій, точный рисунокъ, который, если бы мы здѣсь имѣли дѣло съ предметами греческаго производства, позволялъ бы намъ говорить о строгомъ искусствѣ. И даже въ

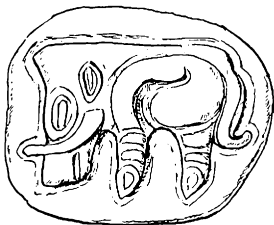
Фиг. 28.

1) Ср. Grünwedel, Buddhistische Kunst. 142, f.

этомъ смѣшанномъ искусствѣ мы не можемъ вполнѣ отвергнуть такое предположеніе. Уже въ древнѣйшемъ греческомъ искусствѣ встрѣчаются птицы съ женскими головами и птицы съ туловищами женщинъ; оба эти типа проникли въ греко-индійское искусство и удержались въ немъ до поздняго времени. Первый типъ встрѣчается на индійскихъ золотыхъ и мѣдныхъ монетахъ древнѣйшей династіи Gupta [1]). Любезной предупредительности С. Ѳ. Ольденбурга я обязанъ указаніемъ на подобное же изображеніе Garuḍa, на одной мѣдной печати Kumāra Gupta II, с. 414—452 [2]).

Второй типъ, птица съ женскимъ туловищемъ, встрѣчается уже на рельефахъ Бхархутской ступы [3]) и еще гораздо позже: миніатюра въ рукописи XI в. въ Кэмбриджѣ, съ подобною же фигурою, была указана мнѣ С. Ѳ. Ольденбургомъ, по фотографіи, снятой имъ съ этой рукописи. Предоставляю индологамъ рѣшить, должно ли присвоивать обоимъ этимъ типамъ имя Garuḍa.

Наше изображеніе Garuḍa, судя по его строгому характеру, не можетъ быть сопоставляемо съ этими поздними Garuḍa и должно быть отнесено къ началу вліянія греческаго искусства на Индію; точнаго опредѣленія времени и этому предмету, какъ и почти всѣмъ остальнымъ выше разобраннымъ, дать невозможно. На первыхъ порахъ мы вынуждены ограничиться непривычными для классическаго археолога, неопредѣленными и потому мало утѣшительными періодами времени.



Фиг. 29.

Фиг. 30.

Неправильно образованная круглая литая *бронзовая пластинка* (фиг. 29) съ рельефнымъ, при вдавленныхъ контурахъ, изображеніемъ кабана, обращеннаго влѣво. Отдѣлка изображенія животнаго стоитъ еще на очень

1) Cp. Smith, coinage of the early Gupta Dynasty, Journ. of the Royal Asiatic Society, 1889, p. 24, Fleet, ibid. vol III, p. 14, note 3. Rapson, Numismatic Chronicle XI, Pl. 2, nn. 13—15, p. 48 sqq. (изъ эпохи Candra Gupta II ок. 395—415 по Р. Хр.) Wilson, Antiquities and Coins of Afghanistan, pl. XVIII, 15.

Послѣднія два сочиненія любезно указаны мнѣ А. К. Марковымъ.

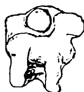
2) J. A. S. B., vol. LVIII, 1, n. 2, p. 1 ff. (1889).

3) Cp. Cunningham, the Stûpa of Bharhut, pl. XXXII, 5, 6.

низкой степени развитія: такъ клыкъ у него выходитъ снаружи изъ челюсти; надо обратить также вниманіе на дѣтское еще изображеніе копытъ животнаго; глаза и уши трактованы совершенно одинаково. Предъ нами вѣроятно одна изъ раннихъ самостоятельныхъ попытокъ передать въ рельефѣ изображеніе этого животнаго. Длина: 0,052; ширина 0,042.

Собака (фиг. 30 см. стр. 188) изъ бронзы, сидящая на заднихъ лапахъ. Рисунокъ, хотя и намѣченъ общими чертами, однако довольно живой. Довольно своеобразенъ способъ отливки фигуры: каждая половина собаки вылита отдѣльно, причемъ, форма одной половины представляетъ довольно тучное животное, тогда какъ другая половина изображаетъ то-же самое животное болѣе худощавымъ; эти обѣ половины, неодинаково выдѣланныя, затѣмъ были спаяны вмѣстѣ. Высота 0,034.

Фиг. 31.



Фиг. 32.

Фиг. 33.

Небольшая вылитая изъ мѣди *привѣска* (фиг. 31) отъ ожерелья, въ формѣ двугорбаго верблюда; позади передняго горба, который для того, чтобы фигуру можно было привѣсить, пробуравленъ, на каждой сторонѣ животнаго два багажныхъ мѣшка. Переднія и заднія ноги сведены, каждая пара въ одинъ кусокъ. Передача изображенія животнаго довольно живая и характерная, хотя и безъ всякихъ деталей. Высота: 0,02.

Такого же рода *привѣска* (фиг. 32), литая изъ мѣди, очень грубаго характера; опредѣлить точно, какое животное она представляетъ, невозможно. Съ достовѣрностью можно сказать, что это—*четвероногое хищное животное.* Уши и хвостъ соприкасаются и составляютъ петлю для привѣшиванія. Ноги, какъ и у предыдущей фигуры, были отлиты вмѣстѣ, но затѣмъ по нимъ прошлись острымъ инструментомъ, которымъ онѣ и раздѣлены были на четыре части. Высота: 0,017.

Небольшой *сосудъ* (фиг. 33), съ одною ручкою, вылитый изъ бронзы, съ горлышкомъ на плечѣ; на верху сосудъ закрытъ крышкою. Высота: 0,023. С. Ѳ. Ольденбургъ любезно указалъ мнѣ на то, что этотъ сосудъ можетъ быть стоитъ въ связи съ статуями Майтреи или Авалокитешвары. Это совершенно справедливо, потому что въ ламаизмѣ мы встрѣчаемъ вмѣсто греческой бутылочки для мази такую *клювообразную* форму сосуда.

Небольшой *сосудъ* (фиг. 34), съ одною ручкою, вылитый изъ олова, съ горлышкомъ, напоминающимъ дятлообразныя горлышки коринѳскихъ *ойнохой;* послѣднія же напоминаетъ также стройная форма этого сосуда.

Фиг. 34.

Фиг. 35.

Грубое литое изъ бронзы изображеніе обнаженнаго, стоящаго *мальчика* (фиг. 35); руки его сложены какъ бы на молитву, при чемъ онѣ отступаютъ отъ корпуса въ видѣ колецъ. Вѣроятно, вотивное приношеніе. Очень грубая работа. Высота: 0,017.

Г. Кизерицкій.

Спб. Май 1895.

Мнимое географическое названіе ърʻотастак, въ Исторіи Агаѳангела.

Переводчиковъ и толкователей армянскаго текста «Обращенія Арменіи въ христіанство» немало смущало выставленное въ заглавіи нашей статьи слово. Греческій переводчикъ (Lagarde, Agath., p. 77, 58—59), сокращавшій армянскій текстъ, не удержалъ этого «собственнаго имени». Что это слово—собственное имя, названіе какой-то мѣстности, въ этомъ единогласно сходились всѣ, интересовавшіеся подлежащимъ мѣстомъ въ Исторіи Агаѳангела (Вен. 1862, p. 626 = Тифл., 1883, § 120, p. 484). Очень близокъ былъ къ разрѣшенію задачи одинъ только о. Алишанъ (Այրարատ, p. 204), сопоставившій его съ «персидскимъ رستاق». Но онъ знакомъ былъ съ رستاق лишь изъ географа Якута, который толкуетъ его въ смыслѣ «воздѣланной земли, съ небольшими селами и городами». Основываясь на этомъ толкованіи о. Алишанъ въ «ърʻотастак»ѣ Агаѳангела признавалъ не то эпитетъ, не то названіе города Вагʻаршапата.

Мы приведемъ отрывокъ Агаѳангела по переводу Langlois (Coll., I, p. 179), слѣдовавшаго по своему обыкновенію и въ данномъ случаѣ за итальянцемъ Tommaseo (Storia di Agatangelo etc., Venezia 1845, p. 176 и пр. 2), т. е. собственно за венеціанскими мехитаристами, переводъ которыхъ Tommaseo исправилъ въ отношеніи слога:

Grégoire arriva d'abord dans son domaine de Rodandag[1]) [ърʻотастак] dans la province d'Ararat, dans la ville de Vagharschabad, là où avaient

1) Это вульгарное чтеніе вмѣсто классическаго Rotantak; у Langlois собственно звучитъ слово Rodangag, но это—опечатка.

commencé les châtiments divins, où il avait eu la vision et où il avait ensuite élevé le signe de la sainte croix; c'était là aussi qu'avaient été ensevelies les saintes de Dieu, que leurs chapelles furent édifiées etc.

Французскій текстъ Langlois представляетъ точный переводъ съ оригинала итальянскаго, но въ немъ мы имѣемъ традиціонное толкованіе. Повторяя примѣчаніе мехитаристовъ изъ итальянскаго перевода къ слову «Rodandag», Ланглуа замѣчаетъ, что оно «искажено во всѣхъ рукописяхъ, почему нельзя пріурочить это имя къ какой-либо мѣстности». Переписчики, дѣйствительно, исказили это слово, но чтеніе его въ различныхъ рукописяхъ сводится къ двумъ главнымъ разновидностямъ: одна *ըռոտստակ* ър̉отстак (рк. Аз. Муз. 1690 г., Ms. Arm. Marr № 4, о. Л. Алишанъ, l. c., въ искаженіи *ըռոտոտակ* у о. В. Саргисяна, *Ագաթանգեղոս և իւր բազմադարեան գաղտնիքն*, Вен. 1890, p. 222, пр. 2), другая — *ըռոտանտակ* ър̉отантак (изд. Вен., l. c. = изд. Тифл., l. c., а также о. Л. Алишанъ, *Այրարատ*, l. c.). Если мы представимъ себѣ текстъ, написанный иниціальнымъ армянскимъ письмомъ, въ которомъ легко смѣшиваются буквы Ս и Ն, то въ послѣдней разновидности мы и будемъ имѣть болѣе полную, первоначальную форму слова *ըռոտաստակ* ър̉отастак.

Въ толкованіи же самаго мѣста мы въ существенномъ соглашаемся съ мнѣніемъ о. В. Саргисяна (l. c., p. 222—223, прим. 2); онъ въ этомъ словѣ видитъ названіе того именно сада, о которомъ, какъ о благоустроенномъ, упоминается еще раньше у Агаѳангела (Вен., p. 570 = Тифл., § 100, p. 422), но безъ имени, и гдѣ находилась историческая давильня (*հնձան*) и жилище (*ութևան*) св. Григорія до рукоположенія его во епископы. Точный переводъ занимающаго насъ мѣста ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ этомъ именно виноградникѣ, но мѣстоположеніе виноградника текстъ указываетъ не въ окрестностяхъ Ваг̉аршапата, а въ самомъ городѣ, и въ словѣ «ър̉отастак» мы не видимъ собственнаго имени, и тутъ-то мы расходимся съ ученымъ мехитаристомъ.

Путеводную нить для уразумѣнія первоначальной формы и происхожденія спорнаго слова даетъ намъ грузинскій текстъ Обращенія Грузіи въ христіанство, изданный впервые Еѳиміемъ Такайшвили по рук. X вѣка. Мѣсто въ Обращеніи Грузіи, на которое мы ссылаемся, также не понято, но зато оно не искажено и читается такъ:

ხოლო სარკინესა ქალაქსა ებრძოდა ათერთმეტ თთუე და დადგა სარკინესა დასავლით კერძო და დასცა [1]) ვენაკი და რომ გამოიღო ქსნით და დასხნა კაცნი

1) Въ изданіи Ѳ. Жорданіа, p. 12, столб. 2, слово დასცა опущено, но въ оригиналѣ оно имѣется, какъ я вижу и изъ своего собственнаго списка.

შერუვენი და სტაგითა[1]) რუისათა დაჭრქვიან ადგილსა მას ნასტაგისი (Е. Такайшвили, l. c., стр. 3).

Что̀ въ переводѣ гласитъ:

«А съ городомъ Саркине (Александръ Македонскій) воевалъ одиннадцать мѣсяцевъ: онъ расположился съ западной стороны Саркине, насадилъ виноградъ, отвелъ оросительный каналъ (ро) изъ (рѣки) Ксанъ и поставилъ людей смотрѣть за каналомъ, и вслѣдствіе этого «стаг + ро» назвали ту мѣстность «настагис-і», т. е. мѣсто, гдѣ раньше былъ «стаг».

Но что̀ значитъ «стаг»? Оно входитъ въ составъ выраженія სტაგი როისა «стаг»-и «ро»-иса, которое представляетъ образчикъ грузинскаго сложнаго слова, составленнаго посредствомъ родительнаго падежа, и отъ него, какъ главной части этого сложнаго слова, произведено «на-стаг-иси».

Ѳ. Жорданія въ своихъ матеріалахъ ссылается (l. с., стр. 12,16) на словарь С. Орбеліана по рукописи № 179 Церковнаго музея (Тифл.), толкуя ნასტაგისი настагис-и въ смыслѣ სათავე *истоки*; однако въ томъ же Словарѣ С. Орбеліана, изд. Р. Д. Эристовымъ, Тифл. 1884, точно также (რუს სათავე) толкуется и интересующее насъ слово სტაგი стаг-и. Знакомство С. Орбеліана со «стаг» основано, очевидно, на приведенномъ изъ Обращенія Грузіи отрывкѣ, и толкованіе, предложенное въ его Словарѣ, нисколько не осмысляетъ мѣста. С. Орбеліанъ, повидимому, находился въ такомъ же затрудненіи передъ этимъ словомъ, какъ издатели, и лишь изъ сосѣдства его со словомъ «рой» *рѣка, каналъ*, онъ заключилъ о выставленномъ имъ значеніи. Между тѣмъ приведенный отрывокъ даетъ намъ возможность въ точности выяснить дѣйствительное значеніе слова.

Предварительно однако замѣтимъ, что форма ნასტაგისი настагис-и, хотя и сохранившаяся въ спискѣ X-го вѣка, позднѣйшая сравнительно съ той формою этого слова, которую находимъ въ Грузинскихъ Лѣтописяхъ редакціи Вахтанга: какъ тутъ (стр. 27, строка 5), такъ на картѣ въ Географіи Вахушта (изд. Brosset, 1842, карта № 3) мы читаемъ ნასტაკისი настакис-и, и это даетъ основаніе предполагать съ одной стороны существованіе еще въ XVII—XVIII вѣкахъ списковъ Обращенія Грузіи съ болѣе древней ороографіею этого слова, съ глухимъ гортаннымъ (к) вмѣсто позднѣйшаго звучнаго (г), а съ другой стороны иную ороографію и слова სტაგი стаг-и, такъ какъ ნასტაკისი настакис-и можетъ быть произведено лишь отъ სტაკი стак-и. Обратимся къ тексту.

---

1) У обоихъ издателей читаемъ დასტაგითა, какъ одно слово, но Е. Такайшвили (l. с., стр. С, 2) потомъ оговаривается и, соглашаясь съ нашимъ лично ему высказаннымъ мнѣніемъ, въ виду производнаго слова ნასტაგისი признаетъ въ немъ два слова: союзъ და и твор. пад. სტაგითა.

Въ приведенномъ отрывкѣ совершенно ясно названы три момента изъ исторіи мѣстности, съ западной стороны города Саркине:

1. Мѣстность, съ западной стороны Саркине, была пустопорожней и не носила никакого названія,

2. Александръ Македонскій, расположившись въ ней лагеремъ, соорудилъ нѣчто,

и 3. Это нѣчто впослѣдствіи послужило основаніемъ для названія мѣстности «настакиси».

На сооруженіе Александра Македонскаго указано дважды, каждый разъ въ особыхъ выраженіяхъ; первый разъ сказано, что это былъ ვენახი венах̂-и *виноградъ* и როჲ рой *каналъ*, затѣмъ изъ сложнаго слова съ родительнымъ падежомъ узнаемъ, что это было სტაკი стак-и$=x$ и опять როჲ рой *каналъ*, такимъ образомъ получаемъ уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ, по которому x, т. е. стак-и = венах̂-и, означающему на грузинскомъ *виноградная лоза*. Но въ грузинскомъ языкѣ ни съ этимъ, ни съ инымъ значеніемъ нѣтъ слова «стак»: слово это — иностранное, и объясненіе его мы находимъ въ томъ языкѣ, изъ котораго заимствовано рядомъ съ нимъ стоящее слово როჲ рой, т. е. въ персидскомъ. Въ персидскомъ имѣемъ не только رود [1]) *рѣка*, эквивалентъ грузинскаго როჲ рой, но и слово ستاك.

Обыкновенное значеніе этого слова на персидскомъ *молодой побѣгъ*, *ростокъ*, *свѣжая вѣтка*. Въ Ферһенг-и Джеһангирӣ при томъ же толкованіи прибавлено, что это слово тожественно по значенію съ ستاخ (Унив. Библ., Ms. Or., 934, л. ١٠٧). Съ этимъ значеніемъ побѣга встрѣчается stāk и въ пеһлеви, именно въ Бундеһешѣ, Justi 65,8 = Westergaard 65,8, въ нѣмецкомъ переводѣ, Justi, p. 37, Stengelchen, но въ англійскомъ, West, the sacred Boooks of the East, V, p. 102,—shoot. Для насъ собственно было бы достаточно и этого; толкованіе слова, означающаго *свѣжій побѣгъ*, *ростокъ*, *молодую вѣтку* въ смыслѣ *ростка*, *черенка винограда*, а затѣмъ, какъ pars pro toto, въ смыслѣ *виноградной лозы*, не могло бы считаться натяжкою; кромѣ того для нашей цѣли можно было бы довольствоваться и однимъ болѣе извѣстнымъ значеніемъ слова ستاك. Но вотъ برهان قاطع намъ оказываетъ хорошую поддержку въ томъ смыслѣ, что занимающее насъ слово, дѣйстви-

1) Отпаденіе зубнаго д можно бы было объяснить на грузинской почвѣ по аналогіи съ мцире *малый* вмѣсто мцireди, меорс *второй* изъ меореди, и т. п., если бы была въ томъ надобность при наличности такой же формы, безъ зубного, въ самомъ персидскомъ (см. ниже стр. 196). Въ данномъ случаѣ собственно не отпадало д, а ослабло въ й: ჲ й (арм. յ) въ этомъ словѣ относится къ основѣ и есть транскрипція персидскаго ی. Въ позднѣйшее время ჲ въ грузинскомъ отпадаетъ во всѣхъ случаяхъ, и это слово звучитъ ро, вульг. ру. Эта вульгарная форма существовала уже въ X в., такъ какъ та же рукопись (X в.) *Обращенія Грузіи* содержитъ производное отъ нея ме-ру-в-ени.

тельно, понималось у персовъ въ смыслѣ *свѣжаго побѣга виноградной лозы* и, слѣдовательно, могло употребляться и въ значеніи *винограда*, *виноградной лозы*. Авторъ названнаго словаря также знаетъ, что ستاك означаетъ *вѣтвь*, и не только свѣжую, но и не свѣжую (غير تازه); но на первомъ мѣстѣ сообщаетъ, что ستاك вообще (عموما) значитъ *побѣгъ*, *молодой сучекъ у корня* (شاخ نو رستهرا كويند كه از بيخ درخت بجهد), а въ частности (خصوصا) *свѣжій побѣгъ виноградной лозы* (شاخ نازك درخت انكوررا كويند).

Въ занимающихъ насъ «стак» и «рой» или «род», мы видимъ не случайныя персидскія слова, а культурныя, которыя, исходя изъ Персіи, пріобрѣли право гражданства во всѣхъ странахъ въ сферѣ ея вліянія. Въ это сравнительно отдаленное время персы снабжали сосѣдніе народы своими техническими выраженіями по орошенію и садоводству, какъ и позже. Слова «стак» и «род» могли быть столь-же понятными въ то время въ Грузіи или Арменіи, какъ и въ самой Персіи, съ тою разницею, что на чужбинѣ они должны были являться исключительно со спеціальнымъ значеніемъ *канала* вм. *рѣки* и *виноградной лозы* вм. вообще *лозы*, *вѣтки*, *побѣга* и т. п. Кромѣ того въ современномъ Исторіи Обращенія Арменіи персидскомъ языкѣ сложное слово, составленное изъ нихъ, должно было звучать rōтастāк, и его мы находимъ въ пеhлеви; см. C. Salemann, Ueber eine Parsenhandschrift der Kais. Oeff. Bibl., отд. оттискъ изъ vol. II des Travaux de la 3-e sess. du congrès internat. des Orient., p. 68, гл. II, строка 4: [pahlavi]. Для армянскаго текста IV—V вѣка важна именно эта древняя форма, а не ея транскрипція «rôδastâk», а тѣмъ менѣе та форма ([pahlavi], въ транскрипціи Haug'a rûdastâ), въ которой мы находимъ его въ Глоссаріи, изданномъ Haug'омъ, An old Pahlavi-Pazand Glossary etc. Bombay 1870, p. 2, II, 4. Точную армянскую транскрипцію этой древней формы, съ неизбѣжной приставкою полугласнаго ը ъ передъ начальнымъ ռ ṙ, мы имѣемъ въ мнимомъ географическомъ названіи ըռոտաստակ ъṙотастак, которое такимъ образомъ означаетъ «виноградникъ, орошаемый каналами», такъ какъ виноградникъ иного типа, безъ искусственныхъ оросительныхъ каналовъ, такъ же былъ немыслимъ въ Вағаршапатѣ въ древности, какъ и нынѣ. Но еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, въ ту отдаленную эпоху Вағаршапатъ былъ окруженъ садами и утопалъ въ виноградникахъ съ оросительными каналами; одинъ изъ такихъ виноградниковъ принадлежалъ св. Григорію, и, слѣдовательно, спорное мѣсто въ Исторіи Агаѳангела въ точномъ переводѣ должно гласить:

«(Григорій) прибылъ въ прежнее свое помѣстіе, въ тотъ виноградникъ, разбитый на оросительныхъ каналахъ, въ Айраратской области, въ

городѣ Ваѓаршапатѣ, гдѣ было положено начало грознымъ божественнымъ откровеніямъ, гдѣ онъ впервые видѣлъ знаменіе святого креста и поставилъ его изображеніе, гдѣ были погребены святыя мученицы въ ихъ часовняхъ» и т. д.

Если бы мы не были связаны контекстомъ, называющимъ ту же мѣстность виноградникомъ (այգի), и дѣло касалось бы исключительно приведеннаго отрывка, то въ такомъ случаѣ «ърʿотастак» мы могли бы понять въ смыслѣ *пригородной дачи, слободы*, съ какимъ значеніемъ употреблено то же слово, въ сравнительно новой формѣ, у Фирдуси (см. стихъ въ словарѣ Вуллерса, подъ روستا = Ферhенги Джеhāнгӣрӣ, Унив. библ., Ms. Or., 934, л. ٣١١ а).

Темное мѣсто въ Исторіи Агаѳангела получаетъ такимъ образомъ окончательное разъясненіе. Но попутно была раскрыта этимологія персидскаго слова рōтастāк. Въ позднѣйшей персидской литературѣ болѣе извѣстны другія формы этого слова; одна, отчасти семитизованная, именно сир. רוסתאק и араб. رستاق, съ семитическимъ ق, изъ пеhлеви روستاك; другая — روستا, съ опущеніемъ этого же гортаннаго исхода. Главное новшество, отличающее всѣ эти формы, это выпаденіе зубного д въ первой составной части, именно въ رود: въ персидской фонетикѣ извѣстно собственно паденіе д въ ى, какъ бوى изъ бӯд и т. п. Потому вм. رود мы могли бы ожидать рой, что̀ и сохранено намъ грузинской транскрипціею этого слова. Отпаденіе ى относится уже къ дальнѣйшей исторіи слова [1]): въ курдскомъ находимъ его въ этой именно формѣ рō, въ качествѣ слова заимствованнаго изъ персидскаго. Для этимологіи исходнымъ пунктомъ должна служить древнѣйшая форма, сохраненная пеhлеви-парсійскимъ глоссаріемъ и текстомъ Исторіи Агаѳангела: тотъ видъ, въ какомъ дошло до насъ это же слово въ грузинскомъ текстѣ Обращенія Грузіи въ христіанство, вмѣстѣ съ буквальнымъ грузинскимъ переводомъ, сопровождающимъ его тамъ же, открываютъ, что въ рōгастāк'ѣ мы имѣемъ слово, сложенное изъ рōт *рѣка*, въ частности *каналъ* и стāк *свѣжій побѣгъ, вѣтка*, въ частности *виноградная лоза* и означаетъ первоначально *мѣстность, орошаемую водой и покрытую свѣжей, молодой растительностью*, въ частности *виноградникъ, садъ, нива, посѣвъ, село*, и вообще *всякую удобную для культуры* или *воздѣланную и населенную мѣстность* въ противоположность голой, сухой, безплодной землѣ, безразлично находится ли такая земля въ пустынѣ или въ чертѣ города. Въ

---

1) Тождественное выпаденіе ى допускаетъ и بوى въ сложеніи съ ستان, откуда и получается بوستان, вульгарное بستان, *садъ*, собственно *мѣсто аромата* = арм. բուրաստան бурастан.

послѣднемъ случаѣ въ устахъ горожанъ то же слово получаетъ значеніе *[загороднаго сада]*, *пригородной слободы*, *предмѣстья* и, наконецъ, въ связи съ загородными гульбищами روستا на персидскомъ, судя по словарямъ, означаетъ *собраніе людей* первоначально для *веселія*, *зрѣлищъ*, а затѣмъ *всякое сборище*.

Въ пеhлеви, напротивъ, то же слово противопоставляется пустынѣ; въ толкованіи перваго фаргада Вендидада въ пеhлеви читается: «мѣсто, гдѣ остаются или живутъ люди, называется rōstāk (Haug, l. c., p. 199). Очевидно, въ данномъ случаѣ rōstāk не употреблено въ противоположность городу (ср. Fr. Spiegel, Ueber das Avesta, Wien 1864, I, p. 9,5). Теперь понятно и то, почему въ пеhлевійскомъ переводѣ Вендидада (II, Фарг. II Fr. Spiegel, ١٣ 18) этимъ же словомъ [Pahlavi] передается ravan оригинала (ib. 20), означающее *долину*.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, должна быть оставлена этимологія, по которой это же слово считалось производнымъ отъ корня раод, перс. رستن *рости*. Horn принялъ эту этимологію, въ Grundriss der Neupers. Etym., Strassb. 1893, p. 136, 614, безъ всякихъ поясненій. Этимологія эта выставлена уже въ Ферhенги Шу'ури, какъ сообщено объ этомъ и Вуллерсомъ. Мнѣ извѣстно лишь объясненіе Spiegel'я: въ Studien über das Zendavesta, ZDMG, 1855, IX, p. 191, толкуя названіе «Авеста», онъ указывалъ на сир.-араб. רוסתאק и перс. روستا, которыя онъ считалъ производными отъ основы rus, корня rudh *рости* и суффикса تا: но эта этимологія не считается ни съ первоначальной, ни съ болѣе древней формою слова. Haug, l. c., p. 199, сомнѣвался, чтобы rūdastā и rūstā были одного и того-же происхожденія, но при всемъ желаніи не могъ указать семитическаго эквивалента слова rūdastā. Гораздо раньше Müller въ статьѣ объ языкѣ пеhлеви, помѣщенной въ Journal Asiatique (1839 Avril, Essai sur la langue pehlevie, p. 297), указалъ на болѣе древнюю форму того же слова [Pahlavi] и призналъ въ первой части rōt *рѣка*, но вторую часть (stāk) произвольно толковалъ, какъ *мѣсто*, и въ общемъ понималъ его въ смыслѣ «мѣста, гдѣ находится рѣка».

Н. Марръ.

18-го августа 1894 года.

Утвержденіе мусульманъ объ упоминаніи Мухаммеда въ Пятикнижіи Моисея.

Изысканія въ области исторіи ислама и его источниковъ представляютъ чрезвычайный интересъ въ виду разныхъ обстоятельствъ, сразу поселяющихъ въ изслѣдователяхъ увѣренность въ плодотворности ихъ трудовъ. Укажемъ здѣсь на два важнѣйшія въ этомъ отношеніи обстоятельства. Во-первыхъ, при разсматриваніи возникновенія ислама мы имѣемъ дѣло съ событіемъ, происшедшимъ гораздо ближе къ намъ по времени, чѣмъ возникновеніе другихъ монотеистическихъ религій. Во-вторыхъ, источники, откуда почерпнуты элементы мусульманскаго вѣроученія, намъ почти [1]) цѣликомъ извѣстны. Вотъ почему нельзя считать слишкомъ смѣлою надежду, что недалеко то время, когда исламъ въ своей совокупности и во всѣхъ своихъ частяхъ будетъ вполнѣ разъясненъ.

Что касается источниковъ ислама, то изслѣдованія европейскихъ оріенталистовъ, преимущественно Шпренгера, достаточно выяснили, что арабскій пророкъ въ началѣ своей миссіи, частью по естественнымъ причинамъ, частью изъ желанія привлечь на свою сторону жившихъ въ Аравіи евреевъ и христіанъ, стоялъ гораздо ближе къ іудейству и христіанству, обозначалъ свою задачу относительно обладателей письменной и откровенной вѣры *(Аһль-аль-китâбъ)* гораздо скромнѣе, чѣмъ онъ это дѣлалъ впослѣдствіи. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, по мѣрѣ успѣха его пред-

---

1) Я говорю *почти*, потому что касательно древне-языческой Аравіи можно ожидать разъясненій отъ химьярскихъ, ассиро-вавилонскихъ и другихъ надписей. У арабскаго же язычества Мухаммедъ, какъ извѣстно, много заимствовалъ во второй періодъ пророчески-законодательной дѣятельности.

пріятія въ Мухаммедѣ возрастали смѣлость и желаніе эмансипироваться отъ опеки первоначальныхъ своихъ учителей, держаться свободнѣе и независимѣе отъ своихъ источниковъ въ изложеніи фактовъ прошлаго, и въ отвѣтъ на критическія замѣчанія противниковъ онъ сталъ утверждать, что ихъ традиціи невѣрны, поддѣльны, и что подлинное откровеніе находится только у него. Само собою разумѣется, что впослѣдствіи толкователи Корана пошли гораздо дальше по этому направленію, и образчикомъ ихъ повѣствованій можетъ служить слѣдующій разсказъ Судди, приведенный въ *Тафсирѣ* Са̔лаби (ко 2-й сурѣ, ст. 100): злые духи (шайтаны) поднялись на небо и подслушали бесѣды ангеловъ о событіяхъ, долженствующихъ происходить на землѣ, какъ напримѣръ о кончинѣ (знаменитыхъ людей) и т. п. Подслушанное ими эти духи передали прорицателямъ (kâhинамъ), примѣшивая много лжи, такъ что на каждое правдивое слово приходилось 70 ложныхъ. Все это было написано и распространилось между сынами Израиля [1]). Разумѣется, что при такой *системѣ* каноническія книги іудеевъ и христіанъ сдѣлались вполнѣ *безвредными* для правовѣрныхъ мусульманъ, и не малое количество цитатъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ было искажено, обезображено, или даже совсѣмъ вымышлено.

Съ другой стороны нельзя отрицать того, что въ Коранѣ и у его экзегетовъ, у арабскихъ историковъ, географовъ и полигисторовъ, находится много вѣрныхъ или почти вѣрныхъ ссылокъ на библейскія книги, и тамъ даже, гдѣ библейскія цитаты ошибочны, мы весьма часто можемъ указать причины и источникъ этихъ ошибокъ, какъ напримѣръ невѣрное чтеніе слова, невѣрное пониманіе неяснаго выраженія, такъ что тутъ ошибка сдѣлана *bona fide*. Отсюда вытекаетъ необходимость, когда имѣешь предъ собою библейскую цитату у арабскаго и мусульманскаго писателя, разсмотрѣть къ какой изъ вышеуказанныхъ категорій она относится, и не торопиться обвиненіемъ въ отсутствіи *bona fides*. Разсмотрѣнію причинъ и указанію источника одной подобной цитаты посвящена настоящая замѣтка.

Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ журнала нѣмецкихъ оріенталистовъ г. Густавъ Рёшъ старается объяснить изреченіе, приписываемое Ибнъ-Аббасомъ пророку Мухаммеду [2]). Извѣстіе Ибнъ-Аббаса гласитъ: «Пророкъ сказалъ: Мое имя въ Коранѣ гласитъ такъ, какъ въ *Тауратѣ*, т. е. *Мухаммедъ*, а въ *Инджилѣ* оно гласитъ *Ахмедъ*» [3]). Въ настоящей замѣткѣ займемся разборомъ первой части этого извѣстія, т. е., что имя *Мухаммедъ*

---

1) Sprenger, Leben и Lehre des Mohammad, II, 378 прим.
2) ZDMG., XLVI, p. 437—440.
3) Халаби у Шпренгера I, 158.

значится въ Пятикнижіи. Рёшъ въ своемъ объясненіи, не находя въ самомъ Пятикнижіи никакой точки опоры, принимаетъ здѣсь слово *Тауратъ* въ смыслѣ Ветхаго Завѣта, причемъ онъ останавливается на трехъ комбинаціяхъ: одно толкованіе при помощи стиха изъ пророка Аггея, другое — изъ пророка Даніила, а третье изъ Псалмовъ Давида. У перваго изъ этихъ пророковъ, на что указалъ Дейтшъ Шпренгеру [1]), находится стихъ (II, 7): «И потрясу (или: встревожу) всѣ народы, и придетъ желаемый всѣми народами» и т. д., гдѣ слово *желаемый* по еврейски значится חמדת (st. constr. отъ חמדה), слово, имѣющее сходство съ именемъ Мухаммеда. Этотъ стихъ согласно толкуется евреями и христіанами догматически, какъ указаніе на Мессію. Въ книгѣ пророка Даніила, какъ указалъ Гиршфельдъ [2]), находится три раза (IX, 23. X, 11, 19) прилагательное *желанный*, по еврейски חמודות, въ примѣненіи къ самому пророку разговаривающимъ съ нимъ ангеломъ.

Въ Псалмахъ, наконецъ, находится стихъ (CXVIII, 26): «Благословенъ грядущій во имя Господне», гдѣ соотвѣтствующее слову *благословенъ* еврейское ברוך могло бы, по мнѣнію Рёша, быть переведено по арабски словомъ *мухаммадъ* (восхваленъ, восхваляемый). Изъ этихъ трехъ толкованій Рёшъ, впрочемъ, отдаетъ преимущество первому.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что ни одно изъ означенныхъ толкованій не можетъ быть допущено. Правда, то обстоятельство, что всѣ три указанныя Рёшомъ мѣста взяты не изъ Пятикнижія, а изъ пророковъ, не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ, такъ какъ мы находимъ у арабскихъ писателей примѣры распространенія названія *Тауратъ* на весь Ветхій Завѣтъ [3]). Да и у самихъ евреевъ, у которыхъ мусульмане заимствовали это названіе, слово תורה (тора, ученіе) въ обширномъ значеніи употребляется не только для обозначенія всего Ветхаго Завѣта, но даже и религіозныхъ сочиненій раввиновъ [4]). Но мы увидимъ ниже, что въ данномъ случаѣ намъ вовсе нѣтъ надобности отступить отъ обыкновеннаго болѣе тѣснаго значенія слова *Тауратъ*.

Главные же недостатки толкованій Рёша слѣдующіе. Во-первыхъ, всѣ три приведенныя имъ мѣста совсѣмъ непригодны для прославленія Мухаммеда. Правда, что первое мѣсто, а нѣкоторыми комментаторами и третье

---

1) Sprenger, ibid. I, 159.

2) Hirschfeld, Jüdische Elemente im Koran, 1878, p. 71.

3) Такіе примѣры можно найдти въ статьѣ Бахера въ журналѣ Jeschurun, B. VIII, p. 22, 25 ff.

4) Какъ напримѣръ въ выраженіяхъ עוסק בתורה (занимается торой) и כל התורה כולה (вся тора въ совокупности).

мѣсто, было отнесено къ Мессіи; правда также и то, что Ибнъ-Исхакъ [1]) приводитъ разсказъ о томъ, что шесть хазраджитовъ изъ Медины признали въ Мухаммедѣ того Мессію, котораго ожидали ихъ еврейскіе союзники.

Очень возможно также, что между 1000 прозваній Мухаммеда у позднѣйшихъ мусульманъ [2]) находится также и названіе *Месихъ*, но вообще въ первое время ни самъ Мухаммедъ, ни его приверженцы, не отожествляли его съ Мессіей и словомъ *месихъ* обозначали Іисуса Христа, откуда прозваніе *абд-эль-месихъ* для христіанина. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что предположеніе Рёша о возможности перевода еврейскаго корня ברך арабскимъ حمل, болѣе чѣмъ невѣроятно, такъ какъ глаголъ برك имѣетъ въ арабскомъ тоже значеніе, что и въ еврейскомъ, и всегда служитъ въ переводахъ для передачи послѣдняго. Что же касается втораго мѣста, гдѣ употребляется прилагательное חמודות и איש חמודות, то въ виду того, что оно тамъ несомнѣнно соединено съ именемъ Даніила, оно никоимъ образомъ не можетъ быть пріурочено къ другому лицу.

Во-вторыхъ, Рёшъ упускаетъ изъ виду, что въ преданіи Ибнъ-Аббаса рѣчь идетъ о двухъ именахъ, происходящихъ отъ одного и того же корня *хамада* (Мухаммедъ и Ахмедъ) и говорится положительно, что одно изъ нихъ находится въ Ветхомъ, а другое въ Новомъ Завѣтѣ. Слѣдовательно, если вообще придадимъ значеніе этому сказанію, необходимо найдти въ Ветхомъ Завѣтѣ форму имени, ближе подходящую къ Мухаммеду, чѣмъ къ Ахмеду, и недостаточно указать вообще на слово, въ которое входитъ корень *хамадъ*.

Изъ всего сказаннаго легко усмотрѣть, что предположенія Рёша не выдерживаютъ и снисходительной критики, и что для объясненія сказанія Ибнъ-Аббаса намъ необходимо подыскать болѣе правдоподобное толкованіе. На вопросъ: имѣютъ-ли вообще преданія Ибнъ-Аббаса какое-либо значеніе и стоитъ-ли трудиться надъ ихъ объясненіемъ?— конечно, долженъ былъ-бы послѣдовать утвердительный отвѣтъ, такъ какъ этотъ двоюродный братъ пророка по справедливости считается столпомъ экзегетики Корана и мусульманской традиціи. Но то обстоятельство, что текстъ его комментаріевъ въ разныхъ редакціяхъ представляетъ множество различій и даже противорѣчій, и что во всемъ, что касается іудейства, онъ служилъ лишь отголоскомъ весьма подозрительнаго Кааба аль-Ахбара—значительно умаляетъ достоинство приписываемыхъ ему преданій. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что при смерти Мухаммеда Ибнъ-Аббасу было только 13 лѣтъ и едва ли онъ могъ

1) Sprenger, II, 523—524.
2) ZDMG. 1878, p. 373.

сохранить преданія религіознаго характера изъ устъ самого пророка, и что компилировалъ онъ, конечно, безъ всякой критики. Такимъ образомъ огульное рѣшеніе вопроса невозможно и въ каждомъ частномъ случаѣ необходимо критическое изслѣдованіе тѣхъ данныхъ, которыя имѣются подъ рукою. Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ такія данныя.

Уже въ XII столѣтіи двое извѣстныхъ еврейскихъ ученыхъ, *Авраамъ Ибнъ-Эзра* и *Моисей Маймонидъ*, приводятъ обще-распространенное между мусульманами убѣжденіе, что въ 17-ой главѣ книги Бытія (въ 20-мъ стихѣ), гдѣ находится пророчество объ Измаилѣ, упомянутъ также и Мухаммедъ. Стихъ этотъ гласитъ: «И объ Измаилѣ я услышалъ тебя (Авраама): вотъ, я благословлю его, и возращу его, и размножу его *весьма весьма*». Въ послѣднихъ двухъ словахъ *весьма весьма*, по еврейски מאד מאד (*меодъ, меодъ*), мусульмане видѣли указаніе на своего пророка, и по этому поводу Ибъ-Эзра говоритъ въ своемъ комментаріи на книгу Исходъ, гдѣ (въ 7-мъ стихѣ I главы) употреблены тѣ же самыя слова объ израильтянахъ, слѣдующее: «Толкующихъ изреченіе (въ книгѣ Бытія) *и я размножу его весьма весьма* на владыку измаильтянъ и утверждающихъ, что слова במאד מאד по *гематріи* [способъ объясненія словъ, разсматривая буквы какъ цифры] числа ихъ равны числу его имени [במאד מאד какъ и מחמד по еврейски равняются числу 92] — можно опровергать настоящимъ стихомъ, который относится къ Израилю. Да и невозможно предполагать, чтобъ (еврейскій) пророкъ выражался по *гематріи* или намеками» [1]).

Во время Маймонида (въ 1172 году) мусульманскій правитель Іемена сталъ принуждать тамошнихъ евреевъ къ принятію ислама; кромѣ того, еврейскія общины были смущаемы ренегатами, старавшимися убѣждать своихъ бывшихъ единовѣрцевъ въ истинѣ ислама доказательствами изъ св. Писанія, и еврейскій глава обратился по этому поводу къ знаменитому Маймониду. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи послѣдній опровергаетъ мнимые доводы изъ Библіи, между коими доказательство изъ словъ במאד מאד находится на первомъ планѣ. При этомъ Маймонидъ говоритъ, что ренегаты заимствовали сей доводъ у арабскихъ мусульманъ [2]). Кромѣ означенныхъ словъ въ книгѣ Бытія, у Маймонида тамъ приводятся еще три мѣста изъ Пятикнижія, гдѣ, по мнѣнію мусульманъ, подразумѣвается Мухаммедъ, хотя тамъ и не значится его имя. Слѣдовательно эти мѣста не имѣютъ отношенія къ преданію Ибнъ-Аббаса.

---

1) Краткое толкованіе Ибнъ-Эзры на книгу Исходъ, изд. Реджіо, Прага 1840, стр. 6.
2) Письма Маймонида (אגרות הרמ"בם), изд. Лейпцигское, 1859, л. 3—4.

Такимъ образомъ изъ свидѣтельствъ этихъ еврейскихъ авторовъ мы узнаемъ, что мусульмане находили имя Мухаммеда въ Пятикнижіи посредствомъ *гематріи*, т. е. буквъ-чиселъ. Въ недавнее же время стали извѣстны подобныя свидѣтельства самихъ мусульманъ. Такъ въ 1873 году г. Гольдціеръ издалъ отрывокъ изъ лейденской рукописи соч. هداية الحيارى *Ибнъ-Кайима аль-Джаузіи* (ум. въ половину XIV вѣка), гдѣ авторъ цитуетъ соч. *Ибнъ-Кутейбы* (если это извѣстный историкъ, то это весьма раннее свидѣтельство, такъ какъ оно относится къ IX вѣку), которому обращенный въ исламъ еврей сообщилъ, что произношеніе еврейскихъ словъ מאד מאד будто весьма близко подходитъ къ произношенію имени Мухаммеда, причемъ Ибнъ-Кутейба прибавляетъ, что никто изъ еврейскихъ ученыхъ будто не сомнѣвается въ томъ, что тутъ упомянутъ Мухаммедъ. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Ибнъ-Кайимъ пишетъ уже отъ себя, что ученые изъ обладателей откровенной книги (علما اهل الكتاب) несогласны между собой въ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и принимаютъ слова במאד מאד въ смыслѣ *весьма весьма*, относятъ ихъ, однако, къ Мухаммеду, такъ какъ онъ самый прославленный изъ потомковъ Измаила. Другіе же видятъ въ означенныхъ словахъ само имя Мухаммеда въ еврейскомъ произношеніи, такъ какъ, прибавляетъ Аль-Джаузія, еврейскій языкъ весьма близокъ къ арабскому. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаетъ и самъ авторъ, приводя весьма курьезное грамматическое доказательство [1]).

Современникъ Ибнъ-Эзры, еврей *Самуилъ Ибнъ-Аббасъ* изъ Марокко, принявшій исламъ и написавшій извѣстное полемическое сочиненіе противъ іудейства подъ заглавіемъ افحام اليهود (около 1160 г.), между другими доводами приводитъ также и означенный стихъ изъ книги Бытія; но онъ находитъ доказательство въ равенствѣ буквенныхъ чиселъ этихъ словъ и имени Мухаммеда. Самуилу возражаетъ *Саадъ ибнъ-Мансуръ Ибнъ-Каммуна* въ сочиненіи تنقيح الابحاث (въ 1280 г.) почти тѣми же аргументами, которые приводятся у Маймонида [2]).

Одинъ христіанскій ренегатъ изъ Маіорки, по имени *Абдалла ат-Тарджумани*, написавшій полемическую книгу противъ христіанства подъ заглавіемъ تحفة الاديب فى الرد على اهل الصليب (въ 1420 г.), насчитываетъ 51 мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ упоминается о Мухаммедѣ, въ томъ числѣ и стихъ изъ книги Бытія [3]); но какимъ способомъ онъ находитъ въ

---

1) Jeschurun, Zeitschrift für die Wiss. des Judenthums, IX, 28—29.
2) Steinschneider, Polemische Literatur. Leipzig, 1877, p. 326—329.
3) ZDMG. 1878, p. 375—379; Steinschn., Polemische Literatur, p. 34—35.

этомъ стихѣ имя Мухаммеда, по сходству ли звуковъ въ произношеніи, или же по *гематріи*—изъ приведенной цитаты въ ZDMG не видно.

По всей вѣроятности, подобныхъ мусульманскихъ свидѣтельствъ еще много въ печатныхъ и рукописныхъ книгахъ, мнѣ неизвѣстныхъ; но уже изъ приведеннаго мною достаточно явствуетъ, что намъ нѣтъ нужды искать, вмѣстѣ съ г. Рёшемъ, въ другихъ книгахъ Ветхаго Завѣта того упоминанія Мухаммеда, о которомъ говорится въ сказаніи Ибнъ-Аббаса, что оно находится въ *Тауратѣ*.

Замѣчу еще, что въ разныхъ источникахъ указывается на іеменское еврейство какъ на разсадникъ іудейско-мусульманскаго синкретизма въ первую эпоху ислама, и многіе корифеи этого направленія дѣйствительно были родомъ изъ Южной Аравіи. Не оттуда ли вышла и комбинація словъ **מאד מאד** съ именемъ основателя ислама, и не отъ своего ли іеменскаго учителя Кааба аль-Ахбара Ибнъ-Аббасъ слышалъ это преданіе объ упоминаніи Мухаммеда въ *Тауратѣ?*

А. Гаркави.

Мартъ 1893.

Матеріалы и замѣтки по Буддизму.

(Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).

II [1]).

[Матеріалы по эсхатологіи].

[Предлагаемые здѣсь переводы и пересказы сдѣланы Иваномъ Павловичемъ по какой-то рукописи Sampiṇḍita-Mahānidāna, свѣдѣній о которой мы въ его бумагахъ не нашли. Ссылки на рукопись Divyāvadāna мы замѣнили ссылкою на изданіе; пересказанная здѣсь Maitreyāvadāna переведена по тибетскому переводу (съ провѣркой по санскритскому тексту) академикомъ А. Шифнеромъ въ статьѣ: Zur Buddhistischen Apokalyptik [2]) (Bull. XX. 379—387 = Mél. As. VII. 416—428 въ 1875 г.); статья эта даетъ указанія на небольшую литературу вопроса (Фа-сянь, Сюань-Цзанъ и параллели въ иранскихъ, мусульманскихъ и еврейскихъ сказаніяхъ); сдѣланное въ ней въ концѣ замѣчаніе о мощахъ будды Kāçyapa слѣдуетъ повидимому считать результатомъ смѣшенія старца Kāçyapa съ буддою Kāçyapa.

Сергѣй Ольденбургъ].

I.

[Къ легендѣ Kāçyapa].

Послѣ того какъ окончено было сокрытіе мощей, почтенный Великій Кассапа, живя въ Велуванѣ, проводилъ время.

Такъ прошло нѣкоторое время. Однажды ночью стхâвира, возставъ отъ созерцанія, обратилъ вниманіе на свой жизненный возрастъ.

— Мнѣ теперь сто двадцать лѣтъ, сколько мнѣ еще жить? Такъ размышлялъ онъ. Узнавъ, что жизнь его близится къ концу — стхâвира спро-

1) [См. З. В. О., VI, 332—334 (1891)]

2) [Ср. также Schiefner A. Eine Tibetische Lebensbeschreibung Çâkjamuni's. Mém. Acad. Sciences St. Pétersbourg. VI. 307—308. (1849) и Rockhill W. The Life of the Buddha and the Early History of his Order. Derived from Tibetan Works in the Bkah-Hgyur and Bstan-Hgyur. Followed by Notices on the Early History of Tibet and Khoten. London 1894, pp. 161—162. Для IV ср. Surucijātaka (489) и Mahāpanādajātaka (264)].

силъ себя: «когда наступитъ нирвâна?» И далъ себѣ отвѣтъ: «сегодня, когда пройдетъ ночь, наступитъ нирвâна». «Въ какомъ мѣстѣ она наступитъ?».

Сталъ онъ обозрѣвать окрестности въ томъ городѣ Рâжагаха, и рѣшилъ: «Наступитъ моя нирвâна у Куккутасампâта, между трехъ горъ»!

Когда разсвѣло, стхâвира убравшись, созвалъ общину духовныхъ и сказалъ:

— Возлюбленные, неуклонно слѣдуйте закону Буддхы, неуклонно исполняйте его. Я, возлюбленные, приближаюсь къ концу жизни. Сегодня, вечеромъ у Куккутасампâта, между трехъ горъ наступитъ моя нирвâна.

Тѣ изъ духовныхъ, которые были не просвѣщены, не смогли удержаться и стали плакать:

— Увы! Безъ пастыря мы будемъ, умеръ учитель; но при жизни чтимаго, какъ-бы былъ учитель. Подумайте, теперь и чтимый умретъ. Кто-же теперь научитъ и наставитъ насъ?

И безстрастные были смущены: — Не вѣчны явленія и измѣнчивы! Такъ говорили они.

Стхâвира ободрилъ общину проповѣдью о невѣчности. И сказалъ онъ потомъ общинѣ:

— Если вы хотите видѣть мою нирвâну, соберитесь у Куккутасампâта и слѣдите! Настало время собирать подаянія, стхâвира всталъ...... и взошелъ въ городъ Рâжагаху.

Стхâвира, побродивъ за подаяніями безъ перерыва, вернулся съ обхода и вкусилъ отъ яствъ. Община духовныхъ, вкусивъ также отъ яствъ, собралась изъ разныхъ мѣстъ, говоря: — Посмотримъ на нирвâну стхâвиры.

И другіе люди и боги, услышавъ о нирвâнѣ стхâвиры, съ благоуханіями, гирляндами и другими приношеніями собрались въ мѣсто именуемое Куккутасампâта.

Стхâвира Кассапа, окончивъ трапезу, сталъ размышлять:

— Царь Ажâтасатту нашъ великій благодѣтель, общинѣ онъ даруетъ необходимое, возлюбилъ три драгоцѣнности, ученіе Буддхы охраняетъ. Простившись съ нимъ, вступлю въ нирвâну.

Всталъ онъ съ мѣста, оправилъ одѣяніе и въ полдень взошелъ въ царскій дворецъ. Въ это время царь, окончивъ трапезу, удалился въ опочивальню и возлежалъ.

Царскіе совѣтники, увидѣвъ входящаго стхâвиру, сказали:

— Зачѣмъ среди дня идетъ нашъ царскій наставникъ?

Встали, и пошли ему на встрѣчу; поклонились они стхâвирѣ и стояли въ ожиданіи.

— Міряне, спросилъ ихъ стхâвира, гдѣ царь?

— Возлюбленный, онъ возлежитъ! отвѣчали тѣ. И спросили его о причинѣ прихода:

— Зачѣмъ ты, возлюбленный, пришелъ?

— Сегодня вечеромъ, міряне, простившись съ царемъ, я вступлю въ нирвâну!

— Возлюбленный, гдѣ это случится?

— Между горъ, что у Куккуṭасампâта!

Сказавъ это, стхâвира ушелъ.

Вычиствъ келью и свершивъ всѣ необходимыя дѣла, стхâвира, окруженный великою общиною духовныхъ, пошелъ къ горамъ, что у Куккуṭасампâта.

Пришелъ онъ въ то мѣсто, что у горъ Куккуṭасампâта и дабы показать свое вступленіе въ нирвâну поднялся въ воздушное пространство и сталъ на высотѣ семи пальмъ, являя тѣло свое всѣмъ.

Изъ правой стороны тѣла сперва выпустилъ пламя, изъ лѣвой воду; затѣмъ изъ лѣвой стороны пламя, изъ правой огонь; изъ верхней части воду, изъ нижней огонь; изъ нижней части воду, изъ верхней огонь.

То изъ тѣла выступалъ пламень, то вода; то показавъ блестящую, широкую водную поверхность, взволнованную пѣною потока, который выгонялся вѣтромъ отъ моря, стхâвира проповѣдывалъ.

Затѣмъ онъ являлъ образъ Гималаевъ, красующихся лучшими деревами въ цвѣту и съ плодами, или водную поверхность большаго озера, покрытую пятицвѣтными раскрывшимися и распустившимися лотусами, или окружность въ двѣнадцать јожанъ и тамъ образъ мірового владыки съ семью драгоцѣнностями, окруженнаго четвернымъ войскомъ, или образъ царя боговъ размѣрами въ три гâвута, разукрашеннаго нарядами и окруженнаго толпою изъ Тâватимса, или образъ Великаго Брахмы размѣрами въ три јожаны, и окруженнаго толпою Брахмъ.

Разнообразныя чудеса показалъ стхâвира. Въ воздухѣ стоя, онъ проповѣдывалъ. Спустившись оттуда, онъ простился съ общиною духовныхъ и вступилъ между трехъ горъ. «Здѣсь, я достигну нирвâны!» Такъ онъ размышлялъ.

И какъ только онъ подумалъ, вслѣдъ за этимъ боги принесли ложе, и вокругъ него поставили сосуды съ голубыми и бѣлыми лотусами, а по четыремъ угламъ четыре курильницы и четыре свѣтильника, множество цвѣточныхъ приношеній, драгоцѣнныя одѣянія, покровы, цвѣты и великіе свѣтильники. Стхâвира поднялся на ложе, и, сидя тамъ, погрузился въ созерцаніе.

Возставъ отъ созерцанія, онъ пришелъ къ таковому рѣшенію: «Когда

будетъ предѣлъ моему возрасту, да сойдутся эти три горы, и, принявъ согнутый образъ, да образуютъ сводъ».

«Эти цвѣты да не завянутъ, эти четыре свѣтильника и четыре курильницы да не потухаютъ».

«Когда возрастъ людей отъ ста лѣтъ уменьшится до десяти, тогда настанетъ промежуточная каппа. Пройдетъ она, возрастъ людей станетъ рости и достигнетъ асаӎкхеjjа; когда эти люди исчезнутъ, народятся люди, жизнь которыхъ будетъ продолжаться восемьдесятъ тысячъ лѣтъ, а ростъ въ цѣлую jожану, тогда въ міръ явится Великій Вѣщій Майтрея. Онъ будетъ вращать колесо закона и окруженный толпою простирающейся на двѣнадцать jожанъ, придетъ къ этому мѣсту. Самъ господь возьметъ мое тѣло и положитъ въ правую руку, розовую, нѣжную, знакомъ колеса украшенную, явитъ мое тѣло среди общины, среди боговъ и людей».

— Воззрите на этого стхâвиру. Это великій Кассапа, высочайшій ученикъ временъ моего старшаго брата, Великаго Вѣщаго Гаутамы...... [1]) «И такъ онъ, умаляя великую землю, станетъ глубоко разъяснять мои качества, пронизитъ гору Синеру, и возвыситъ мои качества».

«И въ это мгновеніе изыдетъ изъ моего тѣла пламень, и сожжетъ мое тѣло на рукѣ Вѣщаго».

И другой завѣтъ положилъ стхâвира:

«Когда царь Ажâтасатту, услышавъ о моей нирвâнѣ, пожелаетъ меня почтить и придетъ на это мѣсто, тогда да разступятся эти три горы; когда же царь свершитъ чествованіе, да сойдутся опять эти три горы!»

Положивъ такой завѣтъ, стхâвира возлегъ на середину ложа и вступилъ въ безостаточную нирвâну.

Въ тоже мгновеніе три горы, исполняя завѣтъ стхâвиры, сошлись, согнулись и стали сплошными.

И всѣ тѣ общины духовныхъ, боги и люди, не видя тѣла стхâвиры, сокрытаго горами, за разъ стали плакать и вопить.

Во внѣшней пещерѣ они стали чествовать и чтить стхâвиру, и много чудесъ проявилось.

Въ царскомъ дворцѣ, когда ушелъ стхâвира, царскіе совѣтники стали совѣщаться:

— А если царь проснется, да услышитъ о нирвâнѣ стхâвиры, отъ сильной любви къ нему и отъ великаго мученія и скорби измучится его сердце, и онъ умретъ? Охранимъ царскую жизнь какимъ-либо средствомъ!

---

1) Здѣсь выпущены описанія добродѣтелей Кассапы.

Посовѣтовавшись такъ, позвали врачей, разсказали имъ все обстоятельство и спросили:

— Что слѣдуетъ дѣлать?

— Знаемъ мы цѣлебныя средства! отвѣчали врачи.

Взяли они одинъ сосудъ и наполнили его сокомъ сахарнаго тростника, другой — молокомъ, третій — кислымъ молокомъ, четвертый — масломъ, пятый — пахучей глиной, шестой—кирпичной глиной, седьмой—холодною водою. Такъ семь сосудовъ они наполнили цѣлебными средствами; изготовили для царя цѣлебныя средства, и сидѣли, поджидая его пробужденія.

Проснулся царь, всталъ съ ложа, вышелъ изъ опочивальни, и сѣлъ, поджавъ ноги, подъ поднятый бѣлый зонтикъ.

Совѣтники извѣстили его о приходѣ стхâвиры:

— Твой наставникъ, о царь, стхâвира Великій Кассапа сюда приходилъ!

— Зачѣмъ?

— Проститься съ тобой!

— Куда онъ уходитъ?

— Желаетъ вступить въ нирвâну!

— Когда онъ вступаетъ въ нирвâну?

— Сегодня вечеромъ, о царь!

Услышавъ это, царь отъ сильной любви къ стхâвирѣ не смогъ сдержать себя; мучимый сильною скорбью онъ почувствовалъ жаръ въ тѣлѣ и упалъ безъ сознанія.

Совѣтники любимцы подняли царя и положили его въ сосудъ наполненный сокомъ изъ сахарнаго тростника; царь погрузился въ него. Взяли они царя оттуда и переложили во второй сосудъ; такимъ образомъ клали они царя во всѣ семь сосудовъ. Отъ свойства цѣлебныхъ травъ царь сталъ опять дышать и спросилъ совѣтниковъ:

— Гдѣ, милые, мой наставникъ пожелалъ вступить въ нирвâну?

— У горы Куккуṭасампâта, царь!

Приказалъ царь оповѣстить весь городъ Рâжагаху. Взялъ царь зонтъ, знамена, флаги, барабаны разные, трубы, разныя необходимыя вещи для чествованія и съ четвернымъ войскомъ вышелъ изъ города. Когда онъ пришелъ къ мѣсту Куккуṭасампâта, и увидѣлъ что три горы образуютъ одну сплошную, то спросилъ народъ:

— Гдѣ, милые, лежитъ тѣло наставника?

— Внутри этихъ трехъ горъ, о царь! отвѣчалъ народъ.

Услышавъ это, царь подумалъ: «Какимъ образомъ смогу я чествовать

тѣло наставника?» И пришелъ онъ къ рѣшенію: «Нѣтъ другого средства, какъ клятва!»

Сталъ царь на колѣни по направленію къ горѣ, поклонился ей пять разъ, сложилъ руки и положивъ ихъ на голову, произнесъ клятву:

— Всѣ что ни есть боги да выслушаютъ мою рѣчь; если истинно, что сильна моя любовь къ наставнику, и есть у меня вѣра, то эти три горы да разступятся!

И въ силу царскаго рѣшенія и завѣта Кассапы, великаго стхâвиры, разступились три горы, какъ бы разсѣченныя копьемъ Индры........ со слезами подошелъ царь, и головою припалъ къ ногамъ стхâвиры.

Семь дней чествовалъ онъ тѣло стхâвиры; затѣмъ горы опять стали сплошными и тѣло стхâвиры было не видимо.

Разсказъ заключается слѣдующими словами: «Тѣло стхâвиры находится тамъ по нынѣ. Пока въ мірѣ не явится Великій Вѣщій Майтрея, до тѣхъ поръ оно не погибнетъ, не измѣнится и не превратится въ прахъ. Въ грядущемъ, когда явится въ міръ Великій Вѣщій Майтрея, на ладони Великаго Вѣщаго тѣло стхâвиры само сгоритъ. Майтрея, вождь міра, въ томъ мѣстѣ воздвигнетъ надъ мощами стхâвиры стӯпу въ мірѣ чтимую».

II.

[О Майтреѣ].

Майтрея родится во время царя Саńкхи отъ Брахмâватӣ, жены царскаго пурохиты, брâхмана по имени Субрахма. Подробности о его жизни тѣ-же, что и о земной жизни Сâкјамуни. Древо, подъ которымъ онъ достигнетъ безусловной мудрости т. е. сдѣлается Буддхою, называется Нâгарукха или древо Нâга. Приводится одна черта не лишенная большого интереса: послѣ первой проповѣди Майтреи міровой владыка Саńкха передастъ ему его царство; а самъ, раздавъ свое богатство бѣднякамъ, приметъ посвященіе.

Во время Майтреи будетъ вѣкъ благополучія; люди перестанутъ умирать при его жизни; будетъ долгоденствіе и отсутствіе болѣзней; не будетъ въ людяхъ ненависти, и станетъ царствовать любовь.

III.

[О калпахъ [1])].

Когда каппа погибаетъ отъ огня, то въ началѣ поднимается великая туча, уничтожающая каппу.

Во всѣхъ ста тысячахъ коṭи [2]) чаккавâлахъ пойдетъ сильный дождь. Обрадованные люди, набравъ сѣмянъ, станутъ сѣять.

Какъ только всходы станутъ достаточными для корма коровъ, не падетъ ни единой капли, ревущей по ослиному [?].

Дождь будетъ ограниченъ; объ этомъ времени говорилъ Господь: «это время, о духовные, когда много лѣтъ, многія сотни лѣтъ, многія тысячи лѣтъ, многія сотни тысячъ лѣтъ дождь не будетъ итти, и тогда существа, живущія дождемъ — помрутъ и очутятся въ мірѣ Брахмы.

Пройдетъ значительное время и всюду вода сгинетъ. И попрежнему рыбы и черепахи помрутъ и очутятся въ мірѣ Брахмы. Отъ появленія седьмого солнца погибнутъ адскія существа. Не будетъ существа безъ жхâны; всѣ очутятся въ мірѣ Брахмы.— Тогда по прошествіи ста тысячъ лѣтъ настанетъ возникновеніе каппы.

Боги (кâмâдеватâ) по имени Тилокаббухâ·съ непокрытыми главами, съ распущенными власами, съ плачемъ, въ руки собирая слёзы, облаченные въ красныя одѣянія, образомъ изумительные, станутъ бродить въ мірѣ людей и возгласятъ:

— Смертные, смертные, по прошествіи отъ нынѣ ста тысячъ лѣтъ настанетъ возникновеніе каппы. Погибнетъ сей міръ; изсякнетъ великій океанъ. Сожжётся земля и Синеру, царь горъ, и погибнутъ. До міра Брахмы будетъ погибель всего; растите любовь, о смертные! состраданіе, нѣжность, стойкость. За матерью ухаживайте, въ семьяхъ старшихъ уважайте.

Выслушавъ такую рѣчь, боги и люди смутятся сильно; почувствуютъ нѣжность другъ къ другу; будутъ любить, творить другія добродѣтели, и очутятся всѣ въ мірѣ боговъ. Черезъ долгое время, послѣ того, какъ прекратится дождь, возникнетъ второе солнце. И когда возникнетъ второе солнце не будетъ разграниченія ночью. Одно солнце взойдетъ, другое зайдетъ. Въ мірѣ будетъ непрерывный жаръ.

На первоначальномъ солнцѣ находится божій сынъ Сурiјо; на солнцѣ, уничтожающемъ каппу, онъ не находится. Когда свѣтитъ первоначальное

---

1) [Ср. Hardy Sp. Manual of Buddhism Ch. I—III].

2) Коṭи — десять милліоновъ.

солнце, на небѣ есть облака и пары, когда же появится солнце, уничтожающее каппу, на небѣ нѣтъ ничего этого, и оно станетъ чисто какъ зеркало. За исключеніемъ пяти рѣкъ вода во всѣхъ малыхъ рѣкахъ изсякнетъ.

По прошествіи долгаго времени появится третье солнце. Отъ появленія его изсякнутъ пять большихъ рѣкъ.

По прошествіи долгаго времени появится четвертое солнце. Отъ появленія его изсякнутъ химавантскія великія рѣки и семь озеръ Мандâкинî, Каṇṇамуṇда, Ратхакâра, Анотатта, Чхадданта, Кпнâла.

По прошествіи долгаго времени появится пятое солнце. Отъ его появленія въ великомъ океанѣ не останется воды на палецъ.

По прошествіи долгаго времени возникнетъ шестое солнце. Отъ его появленія задымитъ одинъ чаккавâла, и какъ одинъ такъ и всѣ.

По прошествіи долгаго времени возникнетъ седьмое солнце. Отъ его появленія весь чаккавâла вмѣстѣ съ другими чаккавâлами обратится въ пламень. Вершины горы Синеру получатъ трещины, снесутся и исчезнутъ въ пространствѣ.

Пламень поднимется и достигнетъ неба четырехъ царей; пожжетъ тамъ дворцы золотые, серебряные и изъ драгоцѣнныхъ камней.

Поднимется и выше, въ небо Тâватиṃса достигнетъ пространства первой жхâна, пожжетъ три міра Брахмы и остановится у міра Âбхассара.

До тѣхъ поръ пока останется хоть единый атомъ матеріи, пламень не утихнетъ. По истребленіи всей матеріи онъ утихнетъ, не оставивъ пепла.

Нижнее пространство вмѣстѣ съ верхнимъ образуютъ единое. Настанетъ великая тьма. По прошествіи долгаго времени возникнетъ великая туча. Пойдетъ малый дождь.

Капли его станутъ увеличиваться и вода наполнитъ всѣ чаккавâлы до міра Брахмы по имени Аканиṭṭха.

Затѣмъ возникнетъ вѣтеръ и начнетъ постепенно создаваться міръ.

По разрушеніи каппы настанетъ великая тьма [1]). И такъ пройдетъ цѣлая асаṅкхеjjа; за тѣмъ начнется новое творчество.

Пойдетъ дождь. Сперва капли его будутъ подобны инею; за тѣмъ онѣ станутъ рости, сдѣлаются съ красныя пылинки, покрывающія рисовыя зерна, съ рисовыя зерна, съ бобы, съ плоды жужубъ, съ миробаланъ, съ огурецъ величиною, съ тыкву. Вода наполнитъ сначала пространство въ одно усабха, затѣмъ въ два усабха, въ половину гâвута, въ половину јожаны, въ одну јожану, въ двѣ, въ десять, въ сто, въ тысячу, въ сто тысячъ јожанъ, переполнитъ внутренность чаккавâловъ числомъ сто

1) [Здѣсь еще ссылка на Lokappadīpakasārapakarana].

тысячъ коṭи, и достигнувъ міра Брахмы по имени Аканиṭṭха, начнетъ исчезать.

Вѣтеръ, поднявшись съ низу и въ поперечномъ направленіи, начнетъ ту воду сплачивать. Вода по формѣ уподобится крупной каплѣ на листѣ лотуса.

Въ этой сплоченной, огромной массѣ воды вѣтеръ пробьетъ отверстіе; вода начнетъ опускаться внизъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вода начнетъ опускаться внизъ, на мѣстѣ міра Брахмы, на мѣстѣ міра боговъ Кâмâвачара проявятся міръ Брахмы и міръ боговъ Кâмâвачара; міръ четырехъ махâражей, небо Тâватиṃса проявятся при созданіи земли.

Когда вода спустится на мѣсто прежней земли, поднимутся тогда сильные вѣтры и будутъ сдерживать великій столбъ воды. И проявится земля, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ сладкая вода станетъ исчезать и земля будетъ стоять какъ лотусъ на поверхности воды и будетъ она цвѣтомъ, запахомъ и вкусомъ прекрасна.

Мѣсто сидѣнія подъ древомъ Бодхи послѣднее исчезаетъ при кончинѣ міра, и проявляется первымъ при созданіи міра. Какъ первый его признакъ на томъ мѣстѣ проявляется лотусъ. Если въ продолженіи каппы должны будутъ явиться Буддхы, на лотусѣ покажутся цвѣты: если явится одинъ Буддха — то одинъ цвѣтокъ, если два — то два цвѣтка и т. д.

Тогда придутъ Махâбрахмы и станутъ обозрѣвать тѣ признаки. Если увидятъ цвѣты, то возрадуются, если же не увидятъ цвѣтовъ, то смутятся и изрекутъ: «погибнетъ міръ! ничтоженъ, увы, міръ!» и вернутся они.

Тогда существа изъ міра Брахмы по имени Âбхассара, прежде переродившіеся тамъ, оттого ли, что возрастъ ихъ пришелъ къ концу, или вслѣдствіи конца добродѣтели, исчезнутъ тамъ и явятся на землѣ. Существа эти самоблестящи и по небу могутъ двигаться. Ощутивъ землю, они, вождел ѣнію подпавши, вкусятъ отъ нея. Исчезнетъ у нихъ самоблескъ, и наступитъ тьма; исполнятся они страха.

Явится дискъ солнца въ пятьдесятъ јожанъ, прогоняющій страхъ и порождающій геройство. Увидѣвъ его, возрадуются эти существа.

«Возстало намъ устрашенныхъ страхъ прогоняющее, геройство порождающее, — да будетъ ему имя солнце [1])»! И назовутъ такъ солнце.

Когда же солнце, днемъ освѣщающее, зайдетъ, испугаются они опять: «Нѣтъ того, кто намъ давалъ видѣть!»

---

1) Въ текстѣ suriyo (солнце) производится отъ sûra (герой); солнце названо именемъ suriyo, потому что оно порождаетъ геройство (sûrabhâva). Такъ въ Lokapp.

И подумаютъ они: «Хорошо было бы, если бы иной кто даровалъ намъ видѣть»!

И какъ бы узнавъ ихъ мысль, явится дискъ луны въ 49 јожанъ.

Возрадуются они опять: «Возстало, какъ бы узнавъ наше желаніе, да будетъ ему имя луна!» И нарекутъ имя луны [1]).

Когда луна и солнце проявятся, затѣмъ проявятся звѣзды.

Тогда распознаются день и ночь, затѣмъ мѣсяцы, полумѣсяцы, времена года, годъ; и въ тотъ день, когда проявятся солнце и луна, тогда же проявятся гора Синеру, чаккавâлы, горы Химаванты, двипы, моря [2]).

Между существами, питавшимися земнымъ сокомъ, одни сдѣлаются красивыми, другіе безобразными. Красивые станутъ презирать безобразныхъ, а потому исчезнетъ сокъ земли, и проявятся земные грибы. Исчезнутъ они также въ слѣдствіе той же причины и проявятся растенія бадâлатâ; и они исчезнутъ также, въ слѣдствіе той же причины. Тогда проявится рисъ, вызрѣвшій безъ паханія. Въ то же время проявятся сосуды.

Эти существа положатъ рисъ въ сосуды и поставятъ ихъ на корни. Самъ собою возникаетъ пламень и изготовится похлебка.

По вкушеніи отъ той пищи у этихъ существъ проявятся изверженія. Для выхожденія послѣднихъ органы. И будутъ мужи и будутъ женщины. Взирая по долгу другъ на друга, они взаимно воспламенятся страстью и сотворятъ грѣхъ совокупленія. Порицаемые другими разумными, для того, чтобы скрывать тотъ грѣхъ, они выстроятъ дома.

Затѣмъ между людьми проявляется воровство и другія преступленія; тогда они, согласясь между собою, выберутъ царя.

Царь этотъ есть въ тоже время бодхисатто. Онъ кшатрій по кастѣ; затѣмъ явятся и три остальныя касты: брâхманы, вайсји и судры.—

Но каппа погибаетъ также отъ воды. Въ то время, когда каппа погибаетъ отъ воды, сперва возникаетъ великая туча, затѣмъ вмѣсто второго солнца поднимается туча соляной воды и отъ этого соприкосновенія съ водою распускаются (растворяются) земля и горы.

Вода достигаетъ до области второй жхâны. Распускаются отъ воды три міра Брахмы. Вода останавливается, достигнувъ міръ Субхакиццa.

До тѣхъ поръ пока есть хоть атомъ матеріи вода не успокаивается, не убываетъ. Одолѣвъ всю матерію, вода внезапно успокаивается, исчезаетъ.

---

1) Cando (луна) здѣсь производится отъ chando (желаніе).

2) [Съ слѣдующимъ ср. Mahāvastu, 337 сля. и стр. 615, гдѣ есть литературныя указанія].

Нижнее пространство вмѣстѣ съ верхнимъ составляетъ одно, и великая тьма наступаетъ.

Когда каппа погибаетъ отъ вѣтра, тогда тоже возникаетъ сперва великая туча, но затѣмъ вмѣсто второго солнца поднимается вѣтеръ, уничтожающій каппу. Онъ поднимаетъ прахъ, песокъ, камни, дерева и т. д.; все это летитъ къ небу и не возвращается. Вѣтеръ переворачиваетъ и разбиваетъ и стираетъ землю, горы, чаккава̂ла, Синеру, всѣ чаккава̂лы, все до области третей жха̂ны. Уничтоживъ три міра Брахмы, вѣтеръ, достигнувъ области Вехаппхала, останавливается. Уничтоживъ всю матерію, онъ самъ исчезаетъ. —

Міровая каппа бываетъ двоякаго рода: *пустая* и *не пустая*. Пустая каппа есть та, въ продолженіи которой не появляются буддхы, паччекабуддхы, міровые владыки (или чаккаваттира̂жи). Вслѣдствіе отсутствія чистыхъ и добродѣтельныхъ людей эта каппа называется *пустой*.

Непустая каппа бываетъ пяти видовъ: 1. са̂ракаппо, 2. таṇдакаппо, 3. са̂рамаṇдакаппо, 4. варакаппо, 5. бхаддакаппо.

1. Та каппа называется каппою съ сущностью, (са̂ракаппо) въ продолженіи которой — въ мірѣ лишенномъ сущности и добродѣтелей проявляется Великій Вѣщій, творецъ сущности и добродѣтелей.

2. Если по появленіи имѣющаго добродѣтели и сущность появляется другой вождь міра, таковая каппа называется маṇдакаппо.

3. Та каппа, въ продолженіи которой появляются три Буддхы — та называется са̂рамаṇдакаппо.

4. Когда въ продолженіи одной каппы возникаютъ четыре Буддхы, первый предсказываетъ о второмъ, второй о третьемъ, третій о четвертомъ. Такая каппа, какъ превосходная сравнительно съ предыдущими, называется лучшею (варáкаппо).

5. Каппа, въ продолженіи которой появляются пять Буддхъ, называется бхаддакаппо. — Такимъ образомъ каппы двоякаго рода: пустая и не пустая. Многообразны онѣ по своей послѣдовательности: 1. антаракаппо, 2. саṃваṭṭакаппо, 3. саṃваṭṭаṭṭхитакаппо, 4. виваṭṭиṭаṭṭхитакаппо, 5. маха̂каппо.

1. Первая изъ этихъ каппъ бываетъ троякаго вида: *a*. саттхантаракаппо, *b*. дуббхиккхантаракаппо, *c*. рога̂нтаракаппо.

Люди первой каппы имѣли возврастъ въ асаṃкхејја лѣтъ. Затѣмъ когда они, подпавъ власти жадности и другимъ грѣшнымъ явленіямъ, стали поступать беззаконно, возрастъ ихъ сталъ уменьшаться. Прошли люди, жившіе асаṃкхејја лѣтъ, народились такіе, полный возрастъ которыхъ достигалъ десяти лѣтъ. Отъ преобладанія грѣховности у этихъ существъ

возстанетъ сильная взаимная ненависть, сильная злокозненность, сильная умственная грѣховность, сильная злонамѣренность; они станутъ ненавидѣть родителей, дѣтей; сынъ — отца и мать, братъ — сестру, сестра — брата. Другъ на друга станутъ взирать какъ на звѣрей.

У нихъ въ рукахъ проявятся травяныя оружія: до чего бы они не коснулись рукою, хотя бы травы или листа, все то сдѣлается оружіемъ. Считая другъ друга звѣрями, этими травяными оружіями они станутъ другъ друга убивать. Одни будутъ думать: «если мы не убьемъ этого человѣка, другой насъ убьетъ. Насталъ конецъ міра; въ одномъ мѣстѣ пребывая съ другими нельзя жизнь поддерживать. Пойдемъ въ травяную чащу, или въ лѣсную или въ мѣсто непроходимое отъ рѣкъ, или въ горы, и тамъ станемъ жить, питаясь корнями».

Такъ люди и сдѣлаютъ; удалятся въ лѣсныя чащи, въ горы и т. д. Черезъ семь дней они вернутся оттуда, обнимутъ другъ друга и перемѣнятъ образъ жизни, перестанутъ другъ друга убивать. Станутъ жить добродѣтельно, оттого людская жизнь продолжится: у отцовъ, жившихъ только десять лѣтъ, родятся сыновья, живущіе двадцать лѣтъ. Эти въ свою очередь перестанутъ не только убивать другъ друга, но и не станутъ красть, и будутъ соблюдать прочія заповѣди; у отцовъ двадцатилѣтней жизни народятся сыны, живущіе сорокъ лѣтъ. Такимъ образомъ возрастъ людей станетъ увеличиваться.

Если въ продолженіи антаракаппа на седьмой мѣсяцъ, при тѣхъ же условіяхъ, возникаетъ голодъ, она называется дуббхиккхантаракаппо, если на восьмой мѣсяцъ возникаетъ болѣзнь, она носитъ названіе рогантаракаппо.

IV.

[Къ легендѣ о царѣ Mahāpraṇāda].

[1].

Махâпанâда былъ сынъ царя страны Видеха по имени Сучури и царицы Сумедхâ.

Когда онъ родился, народъ громко возликовалъ, оттого отецъ далъ ему имя Махâпанâда, т. е. великій вопль.

На шестьнадцатомъ году отецъ захотѣлъ помазать его на царство, и приказалъ построить для него дворецъ.

Богъ Сакка послалъ на землю Виссакамма строить дворецъ царевичу.

Виссакамма въ образѣ плотника явился на мѣсто постройки и, подъ благовиднымъ предлогомъ отославъ работниковъ, въ ихъ отсутствіе въ единый мигъ созидаетъ дворецъ. Онъ возлилъ на землю воду и сказалъ: «Да будетъ чертогъ въ одну јожану длиною, въ одну шириною, въ двадцать пять вышиною, семиэтажный, изъ драгоцѣнныхъ камней»!

Такъ сказавъ, онъ ударилъ рукою по землѣ; и вслѣдъ за ударомъ возсталъ, какъ бы касаясь неба, дворецъ изъ драгоцѣнныхъ камней, сказаннаго образа, блестящій и красивый.

Семь лѣтъ послѣ того пировали жители странъ кâсійской и Видеха.

На седьмой день, по смерти царя Махâпанâды дворецъ его самъ собою подвинулся къ Гангу и погрузился въ его волны.

По другой редакціи [1]) Махâпраņâда былъ сыномъ царя Праņâды и царствовалъ послѣ отца; иногда онъ правилъ справедливо, иногда-же беззаконно. Тогда ему сказалъ Çакра, царь боговъ: «Я сдѣлалъ тебя, смертный, сыномъ царя Праņâды, не правь беззаконно, дабы не попасть въ адъ!»

Царь опять сталъ иногда править справедливо, а потомъ опять беззаконно. Во второй разъ сказалъ ему Çакра: «смертный, я сдѣлалъ тебя сыномъ царя Праņâды, не правь беззаконно, дабы не попасть въ адъ!»

Царь отвѣтилъ:

— «Кауçика, мы, цари, вѣтренны, и вслѣдствіе разнообразія удовольствія забывчивы. Даруй намъ какое-либо знаменіе, взирая на которое, станемъ дары раздавать и добро творить. Безъ знаменія нельзя творить добра».

Тогда Çакра отдалъ приказъ Виçвакарману божьему сыну: выстроить во дворцѣ царя Махâпраņâды высокій круглый столбъ изъ золота, и украшенный всѣми драгоцѣнными камнями.

Вокругъ этого столба самъ царь выстроилъ домъ подаяній, а надзирателемъ столба назначилъ своего дяду Асоку.

Народъ сталъ сходиться въ этотъ домъ подаянія, ѣсть, пить тамъ, глазѣть на столбъ, дѣла не дѣлать и вслѣдствіе этого податей очень мало собиралось; по совѣту министровъ царь уничтожилъ домъ подаяній. Но люди все-таки не перестали сходиться къ золотому столбу, глазѣть на него и своихъ дѣлъ не дѣлать; подати попрежнему плохо собирались. Тогда царь Махâпраņâда, раздавъ дары и свершивъ многія добродѣтельныя дѣла, потопилъ столбъ въ Гангѣ.

По поводу этого столба Буддха сдѣлалъ пророчество о міровомъ владыкѣ Çайкха, обладателѣ семи драгоцѣнностей.

---

1) Дивјâвадâна стр. 57 слл.

У царя этого будетъ пурохита Брахмâју. Отъ жены послѣдняго, Брахмâватî по имени, родится сынъ Майтрея.

У Майтреи будутъ 80 сотенъ учениковъ, которыхъ онъ станетъ научать брахманскимъ мантрамъ. Тогда четыре великихъ царя: Пиńгала изъ Калиńги, Пâṇдука изъ Митхилы, Елâпатра изъ Гâндхâры, Çаńкха изъ града Вâрâṇаси, подарятъ царю Çаńкхѣ золотой столбъ; Çаńкха отдастъ его брâхману Брахмâју, тотъ Майтреѣ, а Майтрея своимъ ученикамъ.

Ученики разрубятъ столбъ на части и раздѣлятъ его. Майтрея, увидѣвъ невѣчность золотого столба, покинетъ міръ и уйдетъ въ лѣсъ. Въ тотъ же день онъ достигнетъ высочайшей мудрости, т. е. сдѣлается буддхою; въ этотъ же день семь драгоцѣнностей царя Саńкхи исчезнутъ и онъ также покинетъ міръ и послѣдуетъ за Майтреей. Затѣмъ Майтрея отправится къ горѣ Гурупâдака, гдѣ заключены кости Кâçјапы; въ горѣ онъ сдѣлаетъ отверстіе, правою рукою извлечетъ кости и поставитъ ихъ на лѣвую. Станетъ онъ проповѣдывать о добродѣтеляхъ Кâçјапы и множество людей достигнутъ первой степени святости, а золотой столбъ тогда совершенно уничтожится.

Въ той же легендѣ изъ Дивјâвадâн̦а разсказывается, что Буддха Ратнасикхинъ предсказалъ царю сѣвернаго пути по имени Дханасаṃмата, что онъ родится Буддхою Майтреею [1]).

[2].

Бхаддажî былъ родомъ изъ города Бхаддија. Отецъ его былъ богатымъ сеṭṭхи въ томъ же городѣ. О немъ разсказывается слѣдующее: Послѣ того какъ онъ принялъ посвященіе, Буддха прожилъ нѣкоторое время въ городѣ Бхаддија и затѣмъ вмѣстѣ съ сангхою и взявъ Бхаддажî Буддха отправился въ путь. Пришелъ онъ въ деревню Коṭи. Жители той деревни вышли ему на встрѣчу и роздали великіе дары. Господь, по окончаніи трапезы высказавъ свое благоволеніе, окруженный сангхою стоялъ на берегу Ганга.

Жители той деревни, причаливъ лодки, предложили ихъ Буддхѣ и общинѣ монаховъ. Буддха, ставъ на причаленную лодку, обратился къ Бхаддажî:

1) Тамъ-же [стр. 62], Буддха разсказываетъ о двухъ царяхъ соперникахъ: Вâсава изъ Мадхјадеса и Дханасаммата съ сѣвера (изъ Уттарâпатха). Ихъ примирилъ Буддха Ратнасикхинъ. Оба они въ разное время угощали Буддху и его общину. Одинъ пожелалъ быть міровымъ владыкою, кому въ ноги кланяются всѣ цари; другой тѣмъ, кому въ ноги покланяются даже міровые владыки, т. е. Буддхою.

— Гряди, Бхаддажй, взойди ко мнѣ на лодку!

Всталъ стхâвира и взошелъ на одну лодку съ Учителемъ.

Когда они достигли средины Ганга, Учитель сказалъ:

— Бхаддажй, гдѣ теперь тотъ чертогъ, въ которомъ ты жилъ, во время царя Махâпанâда?

— Въ этомъ мѣстѣ погруженъ, возлюбленный!

— Покажи намъ его, Бхаддажй!

Поклонился стхâвира Учителю, возсталъ съ мѣста и, чудотворною силою пальцемъ поднявъ дворецъ, какъ небольшую кучку, вознесся на воздухъ.

Его прежніе родные, отъ вожделѣнія дворца переродившіеся змѣями, рыбами, черепахами, лягушками, когда дворецъ приподнялся, перевернувшись попадали въ воду.

Увидѣвъ ихъ падающими въ воду, Учитель сказалъ:

— Родные твои, Бхаддажй, мучатся!

Стхâвира выпустилъ дворецъ, и онъ сталъ на свое мѣсто.

И. Минаевъ.

Новыя нумизматическія пріобрѣтенія Н. П. Линевича.

Только-что успѣлъ я напечатать описаніе нѣсколькихъ неизданныхъ восточныхъ монетъ изъ обширной коллекціи генералъ-маіора Н. П. Линевича[1]), какъ почтенный собиратель опять прислалъ мнѣ двѣ пачки своихъ новыхъ пріобрѣтеній. Между ними мнѣ удалось отыскать десятка четыре очень интересныхъ экземпляровъ, ближайшимъ изслѣдованіемъ которыхъ я, за недосугомъ, могъ заняться лишь теперь.

Поперечникъ каждой монеты по прежнему обозначенъ миллиметрами, вѣсъ ея граммами.

I. Индо-Бактрійскіе цари.

№ 1.

Серебряная монета царя Канишки (70—106 г. по Р. Х.).

На лиц. стор. обычное изображеніе обращеннаго влѣво царя, держащаго въ лѣвой рукѣ копье, а правою возлагающаго жертву на алтарь. Круговая надпись: (ÞAO)NANOÞAOKA || NIÞKIKOÞANO, т. е. *«царь царей Канишки Кошано»*.

На обор. изображеніе обращеннаго вправо бога войны, голова котораго украшена нимбомъ; въ правой рукѣ онъ также держитъ копье, а лѣвою придерживаетъ мечъ. Спереди обычная монограмма; позади надпись ОРЛАГNО, которая, по объясненію г. Друэна (Drouin, Chronologie et numismatique des rois indo-scythes. Paris, 1888. Отд. оттискъ изъ Revue

---

1) См. «Нумизматическія новинки» въ VI-мъ томѣ Запис. Вост. Отдѣл. Импер. Русск. Археолог. Общ., стр. 229—264.

numismatique, стр. 70), соотвѣтствуетъ зендскому *verethraghna* (victorieux) и пехлевiйскому *varahran*, т. е. имени Бехраму.

Велич. 20 миллим.; вѣсъ 3,4 гр.

До сихъ поръ извѣстны были, сколько я знаю, только *золотыя* монеты такого рода. См. Wilson, Ariana antiqua, табл. XII, 3; Sallet: Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien, стр. 198; Drouin, loc. laud. p. 82, n° 56, табл. I, 6.

II. Табаристанскiе испехбеды.

При завоеванiи Персiи арабы, какъ извѣстно, на первое время удержали тамъ вполнѣ сасанидскiй чеканъ монетъ, помѣщая на нихъ какъ изображенiе сасанидскаго царя (Хосроя II-го) и пылающаго жертвенника, съ двумя стражами священнаго огня, такъ и пеглевiйскiя надписи, содержащiя имя того же царя, благочестивыя пожеланiя, мѣсто и годъ чеканки. Потомъ имя Хосроя постепенно стали замѣнять именемъ халифскаго намѣстника, а пехлевiйскiй шрифтъ арабскимъ. Долѣе, чѣмъ въ другихъ персидскихъ областяхъ, сасанидскiй чеканъ сохранился въ Табаристанѣ. Послѣднiя монеты тамошнихъ испехбедовъ, чеканенныя по образцу сасанидскихъ, доходятъ до 143-го года табаристанской или 178-го года мусульманской эры[1]). См. ZDMG. XIX, 496. Въ числѣ ихъ заключаются извѣстныя монеты испехбеда Сулеймана (136 и 137 гг. табарист. эры), на которыхъ лицо сасанидскаго царя замѣнено четыреугольной рамкой, съ изображенiемъ посреди ея слова بخ, принимаемаго мною за сокращенiе слова بخت «*счастiе*»[2]). Дальнѣйшимъ отступленiемъ отъ первоначальнаго типа, является слѣдующая монета.

№ 2. См. прил. рис.

Двуязычная пехлевiйско-арабская серебр. монета, чек. въ Табаристанѣ, въ 161-мъ году табаристанской эры или 196-мъ году гиджры (= 811 —

1) О табаристанской эрѣ см. Савельева, Мухамм. Нумизм. стр. 137—142, и Мордтманна въ ZDMG. VIII, 117—180.

2) См. объ этихъ монетахъ замѣчанiе Савельева въ Мухамм. Нумизм. стр. 136—137.

812 по Р. X.), съ именемъ извѣстнаго визиря аббасидскаго халифа Эльмамуна, Эльфадла (сына Сахля), которому, за одновременное управленіе дѣлами военными и гражданскими, дано было прозвище «*обладателя двухъ главенствъ*» (ذو الرياستين).

На лиц. стор., въ линейномъ кругѣ, помѣщено такое-же поясное изображеніе сасанидскаго царя, какъ на упомянутыхъ монетахъ испехбеда Сулеймана, т. е. съ замѣною головы царя ромбомъ, въ которомъ по срединѣ выбито ع. Позади головы помѣщено ☫, а спереди ᴅᴘᴏᴜ. За внѣшнею стороною круга выбито:

☫ ذو الرياستين ☫ الفضل بن سهل ☫ ع ☫ ☫ ᴅᴏᴜ

На обор., въ тройномъ линейномъ кругѣ, обставленномъ снаружи четырьмя ☫, между которыми помѣщены четыре раза три пирамидально сложенныхъ шарика (∴), прежнее изображеніе пылающаго жертвенника и двухъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ его, воиновъ замѣнено тремя параллельными вѣтками (похожими на облаченіе ногъ означенныхъ двухъ воиновъ) и слѣдующими двумя араб. надписями: لا اله الا الله и محمد رسول الله; затѣмъ, по прежнему, обозначено пехлевійскимъ шрифтомъ, справа: мѣсто чеканки «*тапуристан*», слѣва годъ табаристанской эры «*ивак-шаст-сат*» (т. е. 161), соотвѣтствующій 196-му году гиджры, въ которомъ Фадлу дѣйствительно былъ данъ титулъ ذوالرياستين.

Велич. 23 миллим.; вѣсъ 1,83 гр. (просверл.).

Замѣчательно, что въ то же время, и даже ранѣе (въ 168 году гиджры), уже чеканились табаристанскія монеты по чисто-мусульманскому типу. См. мои Монеты восточ. халиф. №№ 1049 (срав. Rogers, Catal. n⁰ 509), 1477, 1495 и 1511[1]).

Въ коллекціи г. Линевича находится также серебр. монета испехбеда Хани 137-го года (съ буквою ع), совершенно сходная съ тою, которая описана Мордтманномъ въ ZDMG. XIX, 490, n⁰ 100.

III. Аббасиды.

№ 3.

Фельсъ 142 года гиджры (=759—760), чеканенный при халифѣ Эльмансурѣ, по приказанію сына его, Мухаммеда, какимъ-то Моадзомъ[2]). Мѣсто чеканки не обозначено.

---

1) Въ каталогѣ монетъ г. Сіуффи значится даже умейядскій табаристанскій дирхемъ 102-го года (къ сожалѣнію, безъ означенія типа его).

2) Можетъ быть Моадзъ, сынъ Муслима, убитый въ 150 году въ Мерверрудѣ (см. Ibn-el-Athiri Chron. V, p. 452, и Bibl. geogr. arabic. VII, p. 303—304).

Лиц. стор. || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; кругомъ: بسم الله ضرب على يدى معاذ سنة اثنتين واربعين ومية.

Обор. стор. محمد || رسول || الله; кругов. надпись: مما امر به الامير محمد بن امير المومنين اكرمه الله.

Велич. 22 м.; вѣсъ 2,8 гр.

Точно такой-же фельсъ находится въ коллекціи г. Жукова, въ Купянскѣ.

№ 4.

Фельсъ 147 года (764—765), чек., кажется, въ Джорджанѣ.

На лиц. стор., въ двойномъ кругѣ: || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له.

На обор. стор.: * || ضرب بجرجان(?) || سنة سبع وار || بعين ومية.

Круговыхъ надписей нѣтъ вовсе.

Велич. 19 миллим.; вѣсъ 2,63 гр. (просверл.).

Въ коллекціи г. Линевича находится также джорджанскій фельсъ 162 года (= 778—779), съ именемъ Мухалхиля, сына Сафвана, тождественный съ фельсомъ, изданнымъ проф. Штиккелемъ въ ZDMG. XLIII, 702.

№ 5.

Фельсъ того-же или 149 года (=766—7), битый въ Хератѣ, намѣстникомъ халифа Эльмехди Мухаммеда.

Лиц. стор., въ кругѣ: لا الها || لا الله || .·. ; кругов. надпись: مما امربه ....ار عامل الامير المهدى محمد

Обор. стор. въ кругѣ: محمد || رسول || الله; кругомъ: بسم الله ضرب هذا الفلس بهراة سنة سبع (или تسع) واربعين ومية.

Велич. 17 м.; вѣсъ 1,54 гр.

Если можно положиться на правильность хронологическихъ показаній Эльякубія относительно правителей Хорасана, то двѣ послѣднія буквы ار..., уцѣлѣвшія на нашей монетѣ отъ имени Мехдіева управителя (عامل), могли бы быть окончаніемъ имени عبد الجبار Абдульджаббара, который, по словамъ Эльякубія (изд. 2-е, стр. 303), въ 148 году былъ назначенъ правителемъ Хорасана, а въ 149 году умерщвленъ по приказанію халифа Эльмансура. Де-Гуе полагаетъ однакоже (ibid.), что эти показанія Эльякубія неправильны, такъ какъ по лѣтописи Эттабари и др. Абдульджаббаръ былъ назначенъ правителемъ Хорасана въ 140-мъ, а убитъ въ 141 или 142 году.

№ 6.

Фельсъ 170 года (= 786—7), битый, кажется, въ Эльбасрѣ, Мухаммедомъ, сыномъ Исхака.

Лиц. стор. || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; кругомъ сохранилось: . . . رة سنة سبعين ومية.

На обор. || محمد || رسول || الله; сверху محمد, снизу بن اسحق; круговая надпись стерлась.

Велич. 17 м.; вѣсъ 2,2 гр.

Срав. мои Мон. Вост. халиф. n⁰ 962; Lane-Poole, Cat. I, p. 209, n⁰ 127, и Lavoix, Catal. n⁰ 1562, 1563.

№ 7.

Нисабурскій фельсъ 191 года (= 806—807), чек. по приказанію Али, сына Исы, Нухомъ, сыномъ Мухаммеда (5 экз.).

Лиц. стор.[1] || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; кругов. надпись: بسم الله ضرب هذا الفلس بنيسابور سنة احدى وتسعين ومية.

Обор. стор. على || محمد || رسول || الله || نوح; кругов. надпись: بسم الله ٥ مما امر به ٥ على بن عيسى ٥ على يدى نوح بن ٥ محمد.

Велич. 20 м.; вѣсъ 2,68 гр.

Али, сынъ Исы, сына Махана, правилъ Хорасаномъ съ 182 до 191 года. Срав. Мон. Вост. халиф. n⁰ 1333[2]). О Нухѣ, сынѣ Мухаммеда, мнѣ не удалось найти указаній въ лѣтописяхъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ нисабурскихъ монетъ, этотъ фельсъ второй по старшинству послѣ фельса 156 года, изданнаго въ каталогѣ Лавуа (n⁰ 1637). См. также Нов. собр. восточ. мон. А. В. Комарова, приложеніе къ n⁰ 3.

№ 8.

Фельсъ безъ года и указанія мѣста чеканки, съ именемъ Яхьи, сына Моадза (3 экз.).

На лиц. стор. || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; въ кругов. надписи сохранилось: مما امر به يحيى بن معاذ.

1) На одномъ экз. надпись лиц. стороны замѣнена повтореніемъ надписи оборотной стороны.

2) Можетъ быть это тотъ-же Али, сынъ Исы, имя котораго является рядомъ съ именемъ Саида, сына Джафара, на бухарскомъ фельсѣ 185 года, описанномъ въ каталогѣ г. Лавуа, подъ n⁰ 1556.

На обор. يحيى || الله || رسول || محمد || . . . ; кругов. надпись الامر لله и т. д.
Велич. 18—20 милл.; вѣсъ 2,9 гр.

Если упоминаемый на этой монетѣ Яхья, сынъ Моадза, то самое лицо, которое при Харунѣ Эррашидѣ подавляло возстаніе въ Сиріи, а при Эльмамунѣ сражалось съ извѣстнымъ сектаторомъ Бабекомъ (Ibn-el-Athir, ed. Tornberg, VI, 140 и 254), то нашъ фельсъ чеканенъ въ концѣ II-го или началѣ III-го вѣка гиджры. По словамъ того-же Ибнеласира (ibid., стр. 257), этотъ Яхья, сынъ Моадза, умеръ въ 206 году (= 821—822).

IV. Саффариды.

Въ трехъ статьяхъ моихъ: 1) Ueber zwei in Russland gemachte Münzfunde (n⁰ 21—23), 2) Нов. собр. восточ. мон. А. В. Комарова (n⁰ 7—9) и 3) Восточ. мон. Н. П. Линевича (n⁰ 1) мною издано нѣсколько монетъ «царей нимрузскихъ», позднѣйшей династіи саффаридской или «халефійской», владѣвшей въ IV-мъ и V-мъ вѣкахъ гиджры Седжестаномъ, а именно: 3 дирхема Ахмеда, сына Мухаммеда, 2 фельса Таджеддина Харба, фельсъ сына его, Ададеддина Абульмузаффера, и фельсъ внука Харбова, Насра, сына Бехрамшаха[1]). Къ нимъ могу присоединить теперь еще слѣдующія двѣ монеты Тахира, сына Халефа II-го, и Абумансура, сына Бехрамшаха.

№ 9.

Дирхемъ безъ года и имени монетнаго двора, чек. Тахиромъ, сыномъ Халефа, при халифѣ Элькадирбиллляхѣ (381—422) и газневидскомъ султанѣ Махмудѣ (385—421), слѣдов. въ одномъ изъ 385—421 годовъ.

Лиц. стор. || طاهر بن خلف || الله وحده || لا اله الا ; въ круговой надписи сохранилось только: . . . الدرهم (sic) ضرب هذ . . . .

Обор. стор. въ кругѣ: محمود || القادر بالله || رسول الله || محمد || لله ; въ кругов. надписи: . . . . على الدين كله ولو كره . . .
Велич. 22 миллим.; вѣсъ 2,32 гр.

---

1) Кромѣ того намъ извѣстны золотыя и мѣдныя монеты Халефа I-го и Халефа II, сына Ахмеда (Thomas, Suppl. Contributions to the series of the coins of Ghazni, pag. 151—155 = L. Poole, Cat. III, n⁰ 30—33 и 36—41), и мѣдныя монеты Ахмеда, сына Мухаммеда, (L. Poole, Cat. III, n⁰ 34—35). Описанный Л.-Пулемъ (Ibid. n⁰ 29) дирхемъ Кесира, сына Ахмеда, чек. въ Седжестанѣ въ 306 году, врядъ-ли принадлежитъ къ числу саффаридскихъ, такъ какъ Седжестанъ подпалъ власти Халефидовъ не ранѣе 310 года. Тоже самое должно замѣтить о седжестанскомъ дирхемѣ 308 года, съ именемъ (?) احمد بن قدام, находящемся въ коллекціи г. Сіуффи (Suppl. № 1). Тамъ-же указанъ дирхемъ 395 года, съ именемъ какого-то Эльфадла, сына Али (الفضل بن على), чеканенный въ Зеренджѣ, который, какъ извѣстно, былъ главный городъ седжестанской области.

Объ этомъ Тахирѣ, сынѣ Халефа, см., между прочимъ, Ибнеласира (изд. Торнберга) IX, 59. 113—4. 118—9. 122, Ибнхальдуна (изд. Булакское) IV, 332, и Вейля, Gesch. der Chalifen, III, 62, прим.

№ 10.

Фельсъ Рукнеддина Абумансура, сына Бехрамшаха, чек. при халифѣ Эннасырѣ-лидиналлахѣ (575—622).

Лиц. стор. въ кругѣ: (ر)كن الدين || (ا)بو منصور بن || (ب)هرامشاه.

Обор. стор. въ кругѣ: الله || محمد || رسول الله || الناصر لدين.

Круговыхъ надписей нѣтъ.

Велич. 19 миллим.; вѣсъ 4,62 гр.

При помощи упомянутыхъ выше монетъ и дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ данныхъ, получается слѣдующая родословная первыхъ семи Халефидовъ: طاهر (2-ii) بن محمد بن طاهر (1-ii) بن خلف (2-й) بن احمد بن محمد بن خلف (1-ii).

У Тахира (2-го), сына Мухаммеда, былъ сынъ عز الملوك تاج الدين ابو الفضل نصر[1], у этого Насра — сынъ[2] شمس الدين ابو الفتح محمد, сыномъ котораго является تاج الدين حرب بن محمد, имѣвшій четырехъ сыновей: 1) يمين الدين ابو المظفر; 2) عضد الدين عثمان; 3) ناصر الدين محمود и 4) شهاب الدين والدين بهرامشاه الدولة. Послѣдній изъ этихъ четырехъ сыновей Харба, Бехрамшахъ, былъ отцомъ слѣдующихъ 3-хъ лицъ: 1) نصرة الدين محمد; 2) تاج الدين نصر и 3) ركن الدين ابو منصور محمود.

V. Саманиды.

№ 11.

Динаръ Абдульмелика, сына Нуха, чек. въ Нисабурѣ, въ 349 году (= 960—961), при халифѣ Эльмуты-лиллахѣ.

Лиц. стор., въ кругѣ: عدل || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; кругомъ

---

1) Этотъ Таджеддинъ Абульфадлъ Насръ († въ 559 году) принималъ, между прочимъ, въ 535 году участіе въ походѣ Синджара, сына Меликшаха, на Газну. См. Vullers, Mirchond's Gesch. d. Seldschuken, p. 160—161. Weil, Gesch. der Chal. III, 269. См. также Journ. Asiat. 1848, Oct. p. 337.

2) Ибнеласиръ въ одномъ мѣстѣ (X, 207) называетъ его Ахмедомъ, въ другомъ (XII, 198) Мухаммедомъ. См. также Sauvaire, Lettre à M. St. Lane-Poole sur un fels saffaride inédit p. 27.

двѣ концентрическія надписи: 1) внутр.: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة تسع واربعين وثلثماية и 2) внѣшняя: لله الامر до بنصر الله.

Обор. стор. въ кругѣ: لله || محمد || رسول الله || المطيع لله || عبد الملك بن || نوح; кругомъ محمد رسول الله до المشركون.

Велич. 24 миллим.; вѣсъ 4,5 гр.

При этомъ случаѣ позволяю себѣ предложить поправку къ высказанной мною (въ Зап. Вост. Отд. т. V, стр. 126) догадкѣ о чтеніи и значеніи слова الحرب на нѣкоторыхъ нисабурскихъ динарахъ Британскаго музея, изданныхъ Ленъ-Пулемъ въ IX-мъ томѣ его каталога восточ. мон. этого музея (стр. 180—183). Вмѣсто предложеннаго имъ чтенія الحرب, которое было принято и мною, слѣдуетъ, кажется, читать الخزن или, еще вѣроятнѣе, الخزنة [1]), что̀, въ связи съ словомъ دار, предшествующимъ ему на одномъ изъ этихъ динаровъ, означаетъ, что монета выбита въ «казначействѣ», или собственно въ «домѣ казны». На это соображеніе недавно навѐлъ меня слѣдующій неизданный хамданидскій дирхемъ 344 года, чек. въ Насыбинѣ «*въ казнѣ*» какимъ-то Абу-Номаномъ (или Нуэймомъ).

На лиц. стор. по срединѣ читается: لا اله الا الله || وحده لا شريك له || ابو الحسن || سيف الدولة; кругомъ идутъ двѣ концентрическія надписи: 1) внутр.: لله الامر до بنصر الله, и 2) внѣшняя: بسم الله ضرب هذا الدرهم بخزانة ابو نعـ...[2]..صيبين سنة اربع واربعين وثلث(ماية).

Обор. стор., въ линейномъ кругѣ: لله || محمد رسول الله || صلى الله عليه وسلم || المطيع لله || ناصر الدولة || ابو محمد; кругомъ: محمد رسول الله до المشركون.

Срав. также извѣстные халебскіе фельсы 146 и 147 годовъ (Мон. Вост. халиф. n⁰ 758 и 767), на которыхъ въ словѣ بحربه, предшествующемъ имени города حلب, уже Френъ нѣкогда предполагалъ بخزنة «in gazophylacio». См. еще Lane-Poole, Catal. IX, p. 94, n⁰ 90ᵇ, и Lavoix, Catal. I, n⁰ 1573—1578. Предложенные проф. Карабачекомъ (Wien. Numism. Monatshefte, Bd. IV, pag. 22—28) транскрипція بحرية حلب (!) и переводъ «*in der Residenzwürdigen Stadt Haleb (!)*», болѣе, чѣмъ сомнительны.

---

1) Неясность фототипическихъ снимковъ, помѣщенныхъ у Ленъ-Пуля (табл. X), не даетъ возможности составить себѣ ясное понятіе о начертаніи этого слова.

2) Къ сожалѣнію, дирхемъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ просверленъ, такъ что конецъ упомянутаго тамъ собственнаго имени (можетъ быть نعمان или نعيم) не виденъ. Затѣмъ слѣдуетъ, кажется, بمدينة.

VI. Илеки.

№ 12.

Мѣдная монета Кылыджъ-Тафгаджа, безъ означенія мѣста и года чеканки.

На лиц. стор., въ линейномъ кругѣ, обставленномъ точками: || عدل || لا اله الا || الله || وحده || لا شريك (له) || •• ; круговой надписи нѣтъ.

На обор., въ такомъ-же кругѣ: قلج ∴ || طفغاج ; въ круговой надписи виднѣются слѣды слова خاقان....

Велич. 24 м.; вѣсъ 2,3 гр.

Съ ханомъ или хаканомъ Кылыджъ-Тафгаджемъ[1]) мы уже знакомы по Френовой Recensio (p. 139, n⁰ 69; p. 591, n⁰ 47ᵃ и 47ᵇ, и p. 594, n⁰ 85, 86) и Nov. Suppl. (p. 56, n⁰ 71ᶜ), по Нумизмат. замѣткамъ Савельева (Изв. Имп. Русск. Арх. Общ. III, 404—5, n⁰ 8), письму Сорè къ Савельеву (n⁰ 49) и по Дорнову инвентарю монетъ Учебн. Отд. Вост. Яз. (вып. 2-ой, стр. 166, n⁰ 36), гдѣ между словами قلج и طفغاج вставлено еще ارسلان. Можетъ быть, этотъ Кылыджъ-Тафгаджъ то самое лицо, которое у Ибнеласира (XI, 465—466 и XI, 55) названо حسن تكين قلج طفغاج и въ 524 году султаномъ Синджаромъ было назначено въ правители Самарканда.

Ибнхальдунъ (IV, 393) упоминаетъ впрочемъ о какомъ-то Кылыджѣ (полагаю, что вм. فلج слѣдуетъ читать قلج), преемникѣ Илека Насра, въ 402 году.

VII. Харезмшахи.

№ 13.

Мѣдная монета Абульфатха Мухаммеда, сына Текеша, чек. въ Мервѣ, въ 614 году (= 1217—8); 4 экземпляра.

На лиц. стор. въ кругѣ изъ точекъ:

o عدل o || لا اله الا || الله وحده || لا شريك له || الناصر لدين || o الله o;

справа и слѣва арабески. Круговая надпись стерлась.

На обор. въ линейномъ кругѣ:

جشيدى || محـ(ـمد) رسول (الله) || السلطان الاعظم || ابو الفتح محمد بن || السلطان || تكش. Въ круг. надп. сохранилось ...بمرو سنة اربع عشـ(ـرة) وستـ(ـمايـ)ـة...

Велич. 28 м.; вѣсъ 2,98 гр.

---

1) О томъ, что слѣдуетъ читать Тафгаджъ и Табгаджъ, а не Тамгаджъ и Тангаджъ, много уже говорено въ статьѣ: Нов. собр. вост. мон. А. В. Комарова, примѣч. къ № 16.

№ 14.

Мѣдная монета его-же, безъ обозначенія года и мѣста чеканки (3 экз.)

На лиц. и обор. стор., вписанная въ кругъ шестиугольная звѣзда, состоящая изъ двухъ пересѣкающихся треугольниковъ. На одной сторонѣ въ такой звѣздочкѣ: السلطان || السلطان الاعظم || محمد بن; на другой: || الامام الناصر لدين الله امير || المومنين.

Велич. 20 миллим.: вѣсъ 2,11 гр.

№ 15.

Мѣдная монета того-же Мухаммеда, безъ года и имени монетнаго двора (6 экз.).

На лиц. и обор. стор. также по шестиугольнику, образованному двумя пересѣкающимися треугольниками и содержащему по срединѣ съ одной стороны سلطان (либо السلطان), съ другой محمد; по всѣмъ угламъ точки.

Велич. 15 миллим.; вѣсъ 3,14 гр.

VIII. Сельджуки персидскіе.

№ 16.

Дирхемъ 440 года (= 1048—1049), чек. въ Нисабурѣ «великимъ султаномъ, шаханшахомъ Абуталибомъ Тогрулбекомъ», при халифѣ Элькаимъ-би-амриллахѣ (2 экз.).

Лиц. ст.

الله
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
ع

Обор. ст.

محمد رسول الله
السلطان المعظم
شاهانشاه
طغرلبك ابو
طالب

Въ круг. надп. мѣсто и годъ чеканки. Въ круг. надп. لله الامر الخ.

Велич. 22 м.; вѣсъ 4,12 гр.

Въ коллекціи пок. гр. С. Г. Строганова находился нисабурскій динаръ 440 года, но, сколько мнѣ помнится, другого типа, чѣмъ этотъ дирхемъ.

№ 17.

Нисабурскій дирхемъ того-же «великаго султана, шаханшаха Тогрулбека», битый въ 448 году (= 1056—1057).

Лиц. ст. عدل || لا اله الا || الله وحده ڭ || لا شريك له || القايم بامر الله

Кругомъ двѣ концентрическія надписи: 1) внутренняя: (بنيسا)بور سنة ثمان واربعين وار... и 2) внѣшняя لله الامر الخ.

Обор. ст. لله || محمد رسول الله || السلطان المعظم || شاهانشاه || طغرلبك

Снизу арабескъ; круговая надпись стерлась.

Велич. 23 м.; вѣсъ 4,03 гр.

Кстати опишу здѣсь еще неизданный динаръ того-же Тогрулбека, чек. въ Элахвазѣ, въ 452 году (= 1060—1061), и принадлежащій Г. П. Алексѣеву.

Лиц. ст. لا اله الا || الله وحده || لا شريك له || القايم بامر الله; сверху س, слѣва ك; кругомъ двѣ концентрич. надписи: а) بسم الله ضرب هذا الدينار بالاهواز سنة اثنى وخمسين واربعماية и б) لله الامر الخ.

Обор. стор. ع || لله || محمد رسول الله || السلطان المعظم || شاهانشاه || طغرلبك | ابو طالب; справа ركن, слѣва الدين; кругов. надпись: محمد رسول الله до المشركون.

№ 18.

Динаръ 535 или 545 года (= 1140—1141 или 1150—1151), чек. въ Нисабурѣ «великимъ султаномъ Муиззеддунья-уаддиномъ, Абульхарисомъ Синджаромъ, сыномъ Меликшаха», при халифѣ Эльмуктефи-ли-амриллахѣ, правившемъ съ 530 до 555 года (= 1135—1160).

Лиц. стор. ٣ || لا اله الا || الله محمد || رسول الله || المقتفى لامر || الله; круговъ. надпись: ...ينار بنيسابور سنة خمس و...

Обор. стор. لله || السلطان المعظم || معز الدنيا والدين || ابو الحرث سنجر || بن ملك(شاه); кругомъ: محمد رسول الله الخ.

Велич. 25 м.; вѣсъ 3,28 гр.

Срав. мою Notice pag. 20—21, n⁰ 40, и Восточ. монеты Н. П. Линевича, n⁰ 14 и 15.

Пользуюсь случаемъ, чтобы описать здѣсь еще интересный динаръ брата Меликшахова, «славы эмировъ, Тоганшаха»[1]), битый въ Мерверрудѣ, при Меликшахѣ и халифѣ Эльмоктади-би-амрилляхѣ, т. е. въ одномъ изъ годовъ 467—475 (=1074—1092). Найденъ въ Иссыккулѣ и присланъ Импер. Арх. Комм. въ 1890 году Н. Н. Пантусовымъ.

Лиц. стор. || عدل ٥ || لا الـــه الا || الله وحده || لا شريك له || فخر الامرا || طغانشاه٥; слѣва شمس الدولة (можетъ быть другое прозвище Тоганшаха); кругомъ: ...م الله ضرب هذا الدينار بمرو الرود....

Обор. стор. || لله ٥ || محمد رسول الله || المقتدى بامر الله || سلطان دين الله || خليفة الله[2]) (или مغيث) معين || ملكشاه٥; кругомъ: ...الله ارسله بالهدى....

Ср. Lane-Poole, Third notice, n⁰ 29.

IX. Сельджуки Керманскіе.

№ 19.

Дирхемъ (потертый и обрѣзанный) родоначальника этой династіи, Караарсланъ-бека Кавурда, безъ означенія мѣста и года чеканки.

На лиц. стор. въ кругѣ لا اله الا || الله وحده || لا شريك له; справа ملك, сверху الملك (?); слѣва عماد (?).

Обор. стор. въ кругѣ: محمد رسول الله || الملك العادل || قرا ارسلان بك; сверху القايم, снизу بامر الله.

Круговыя надписи на обѣихъ сторонахъ срѣзаны.

Велич. 20 м.; вѣсъ 3,21 гр.

Такъ какъ Караарсланъ-бекъ царствовалъ съ 433 до 466 года (см. ZDMG. XXXIX, p. 367), а халифъ Элькаимъ-би-амрилляхъ съ 422 до 467 года, то этотъ дирхемъ долженъ относиться къ одному изъ 433—466 годовъ.

Онъ является единственною, извѣстною мнѣ до сихъ поръ, *серебряною* монетою Керманскихъ Сельджуковъ. Въ Британскомъ музеѣ есть динаръ того-же Караарсланъ-бека, чек. въ Бердесирѣ или Бердеширѣ, въ 462 году (L.-Poole, Inedit. arab. coins n⁰ 1; Catal. III, n⁰ 75; въ коллекціи

1) Нѣкоторые историки называютъ его Такашемъ (см. Journ. Asiat. 1848, Avril—Mai, p. 444, и Ibn-el-Athir, изд. Торнберга. X, p. 61. 64. 87—89 etc.; у Вейля (Gesch. d. Chal. III, 117) онъ правильно названъ Тоганшахомъ. См. также Journ. Asiat. 1860, Dec. p. 516. Это то самое лицо, которое въ 467 или 473 году возмутилось противъ Меликшаха. Ср. также The Tabakāt-i-Nāsiri, pag. 138, note.

2) Пышные титулы «султанъ вѣры Аллаховой» и «помощникъ намѣстника Аллахова» вѣроятно относятся къ Меликшаху.

I. Avent'a — динаръ Караарсланова сына, Султаншаха (467—477), бит. въ томъ-же городѣ въ 471 году (Lane-Poole, Fasti Arabici въ Num. Chron. Vol. VII, 1867, p. 336—337), а въ Берлинскомъ корол. минцкабинетѣ—динаръ другого сына Караарсланова, Тураншаха (477—490), чек. также въ Бердесирѣ въ 477 году. См. Erman, Die Münzen der Seldschuken von Kerman (Berl. Zeitschr. f. Numism. Bd.VI, p. 134). Такой-же динаръ находился въ 1876 году, какъ мнѣ писалъ Э. Роджерсъ, въ коллекціи его (она послѣ его смерти перешла въ Каирскій музей), содержавшей еще два динара того-же Тураншаха, битые въ 480 и 481 годахъ.

X. Чингизиды.

№ 20.

Серебряная, просверленная монета Мэнгкэ-кана (646—655), безъ года и имени монетнаго двора.

На лиц. стор., въ звѣздообразной рамкѣ, вписанной въ двойной кругъ: العادل || قاان || مونكا, въ сегментахъ арабески.

На обор., въ такой-же рамкѣ: العادل || بضرب || الدرهم.

Круговыхъ надписей нѣтъ.

Велич. 22 миллим.; вѣсъ 2,6 гр.

Относительно чтенія مونكا, مونككا, منككا и منكو см. Fraehn, Op. post. II, 116. Къ Мэнгкэ-ханову эпитету العادل обыкновенно прибавлено еще الاعظم.

№ 21.

Серебряная монета его-же, съ потертымъ годомъ и безъ указанія мѣста чеканки.

На лиц. стор., въ линейномъ кругѣ, обставленномъ точками: .. دشاه ر || وى زمين || منكو خاقا || ن. Надъ первой строкой надписи арабескъ.

На обор. въ ободкѣ, состоящемъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ, между которыми помѣщены точки: لا اله (الا) || الله محمد || رسول الله; справа (ىنة)ـ فى.

Велич. 20 миллим.; вѣсъ 3,5 гр.

Титулъ پادشاه روى زمين «властитель лица земли» съ прибавленіемъ خداوند عالم «повелитель міра» приданъ Мэнгкэ-кану и на монетахъ атабека моссульскаго Бедреддина Лулу.

XI. Хулагунды.

№ 22.

Дирхемъ Абаги-хана, чек. въ Джорджанѣ, въ 679 году (= 1280—1281).

На лиц. стор., въ шестиугольникѣ, составленномъ изъ двухъ пересѣкающихся треугольниковъ, бока которыхъ состоятъ изъ двухъ параллельныхъ линій и ряда наставленныхъ между послѣдними точекъ: قاان ا || لعادل الا || عظم.

На обор., во вписанномъ въ кругъ квадратѣ: لا اله الا الله || محمد رسول الله || صلى الله عليه; въ сегментахъ, слѣва: ضرب جرجان, справа, кажется, то же самое, вверху: (شهر) شعبان, внизу: تسع وسبعين وستماية.

Велич. 20 миллим.; вѣсъ 2,42 гр.

Древнѣйшей джорджанской монетой, битой при Хулагундахъ, является фельсъ 662 года, чек. при Хулагу-ханѣ. См. Lane-Poole, Catal. VI, n⁰ 35 и 36.

№ 23.

Серебряная монголо-арабская монета Аргуна, битая въ Базарѣ или Баранѣ, безъ означенія года чеканки

На лиц. стор., въ линейномъ кругѣ, обставленномъ точками, обычная 4-хъ строчная монгольская надпись *«хагану нере бер аргунун деледкегюлюксен»*, а подъ нею ارغون.

На обор., въ составленномъ изъ точекъ квадратѣ, вписанномъ въ кругъ: لا اله الا || الله محمد || رسول الله; въ сегментахъ, справа и слѣва, арабески; внизу (или باران) ضرب بازار, вверху стерто.

Велич. 20 м.; вѣсъ 2,3 гр.

№ 24.

Серебряная монголо-арабская монета того-же султана чек. въ Іездѣ (?), безъ года.

На лиц. стор. надписи, какъ на предыдущей монетѣ.

На обор. въ кругу изъ точекъ изображеніе птицы, обращенной влѣво; надъ нею (?) باليزد или بامرد (?); кругов. надпись стерлась.

Велич. 23 миллим.; вѣсъ 1,8 гр.

№ 25.

Мѣдная монголо-арабская монета его-же, битая въ Нисабурѣ; годъ на половину стерся.

На лиц. стор. въ кругѣ та-же монг. надпись, какъ и на n⁰ 23; между 2-ой и 3-ей строкой ея выбито ⊙ نيسابور ⊙, а подъ послѣднею строкою ارغون.

На обор., въ составленномъ изъ точекъ квадратѣ, вписанномъ въ кругъ: || .... رسول || الله محمد || لا اله الا; въ сегментѣ справа сохранилось ستمایة.

Велич. 18 миллим.; вѣсъ 1,35 гр.

№ 26.

Серебряная монголо-арабская монета султана Гайхату или Аринчиндорджи[1]), чек. въ Джаджермѣ, безъ года.

На лиц. стор. монгольская надпись «*хагану нере бер аринчин дорджи*», а подъ нею ارينجين درجى.

На обор. стор. въ двойномъ кругѣ: || محمد رسول الله || لا اله الا الله ضرب جاجرم, сверху и снизу по арабеску.

Велич. 22 м.; вѣсъ 2,44 гр.

Повидимому, эта монета тожественна съ тою, о которой говоритъ Френъ въ Bullet. histor. philol. IV, стр. 47.

№ 27.

Серебряная монета Газана, битая въ Ширазѣ, въ 699 году (= 1299—1300).

На лиц. стор., въ линейномъ кругѣ, обычная монголо-тибето-арабская надпись, свойственная монетамъ Газана, съ арабескомъ сверху и обозначеніемъ даты съ обѣихъ сторонъ (справа: فى سنة تسع و, слѣва: تسعين وستماية).

На обор., въ звѣздообразной рамкѣ, вписанной въ линейный кругъ, обставленный точками: محمد رسول الله || ضرب شيراز || لا اله الا; справа صلى, сверху الله, слѣва عليه; въ сегментахъ, внизу: وسلم, справа فى سنة || تسع و, слѣва تسعين || وستماية.

Велич. 28 миллим.; вѣсъ 4,33 гр.

1) Объ этомъ тибетскомъ прозвищѣ Гайхату см. Saulcy въ Journ. Asiat. за 1842 г., т. XIII, стр. 132.

Извѣстны также ширазскія монеты Газана *золотыя*, Pietraszewski, Num. Muh. n⁰ 464; Lane-Poole, Catal. VI, n⁰ 89) и *мѣдныя* (Ibid. n⁰ 121 и 121,a). На Газановомъ ширазскомъ дирхемѣ 700 года, кромѣ года, значится еще и мѣсяцъ محرم (Fraehn, De Chulag. numis, n⁰ 97; Lane-Poole, Catal. n⁰ 104, и Трутовскій, Нумизм. Кабин. Моск. Публ. и Румянц. муз., n⁰ 3820).

Ширазскій динаръ 676 года, причисленный Френомъ (De Chulag. numis, n⁰ 59) къ хулагуидскому чекану, долженъ быть пріуроченъ къ монетамъ Абишъ-хатуни, послѣдней представительницы династіи атабековъ салгурскихъ (см. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ. T. V, стр. 127), какъ это уже замѣтилъ Друэнъ (Rev. Crit. 1890, № 35—36). Къ нимъ-же относится, вѣроятно, и ширазскій динаръ 640 года, находящійся въ коллекціи г. Сіуффи (Suppl. 1), такъ какъ Шираз въ это время принадлежалъ еще салгурскимъ атабекамъ.

№ 28.

Серебряная маленькая просверленная трехъязычная монета султана Газана, чек. въ Амолѣ, въ 700—703 г. (=1301—1304).

На лиц. стор. обычная пятистрочная монголо-тибето-арабская надпись Газановыхъ монетъ.

На обор., въ звѣздочкѣ, вписанной въ линейный кругъ, обставленный точками: لا اله الا || ضرب امل || محمد || (ر)سول الله || ; въ сегментахъ справа (вѣроятно) صلى, сверху الله, слѣва عليه; снизу стерлось.

Велич. 17 миллим.; вѣсъ 1,1 гр.

№ 29.

Серебряная монета Олджайту, чек. въ Джаджермѣ, въ 714 году (= 1314—5).

На лиц. стор., въ двойной розеткѣ, вписанной въ линейный кругъ, обставленный точками: ضرب || فى دولة المولى السلطان || الاعظم مالك رقاب || الامم غياث الدنيا والدين || اولجايتو سلطان محمد || خلد الله ملكه; въ семи рамкахъ между розеткой и кругомъ:

ضرب ◫ جاجرم ◫ فى ◫ سنة ◫ اربعة ◫ عشرو ◫ سبعمية ◫

На обор. въ такой-же розеткѣ: لا الــه الا || محمد || رسول الله || على ولى الله; снизу арабескъ; между розеткой и кругомъ имена 12-ти имамовъ.

Велич. 24 м.; вѣсъ 3,9 гр.

№ 30.

Мѣдная монголо-арабская монета султана Абусаида, бит. также въ Джаджермѣ, въ 733 году (=1332—1333).

На лиц. стор., въ кругѣ изъ точекъ: خان || ... || سلطان; вверху: سنة, слѣва: ثلاث, внизу: (و)ثلثين, справа: خانية.

На обор., въ двойномъ линейномъ кругѣ, обставленномъ точками: розетка, изъ которой выходятъ три продолговатыхъ остроконечныхъ листка; между этими листками: (?) نور || جاجرم || ضرب.

Велич. 22 миллим.; вѣсъ 2,81 гр.

Въ виду нѣкотораго сходства украшенія, помѣщеннаго на оборотной сторонѣ монеты съ бычачьей головой, я рѣшаюсь высказать предположеніе, что слово نور слѣдуетъ читать ثور «быкъ»; послѣдній, какъ извѣстно, является однимъ изъ созвѣздій зодіака. Аналогическимъ примѣромъ могутъ служить хулагуидскія монеты, чек. въ Султаніи, съ изображеніемъ «скорпіона». См. любопытную замѣтку о нихъ въ брошюрѣ принца Филиппа Саксенъ-Кобургъ-Готскаго: Une médaille commémorative de la fondation et de l'achèvement de la ville de Sultanije (1305—1313), Bruxelles, 1891, 8⁰.

№ 31.

Мѣдная монета Абусаида, чек., кажется, въ Хамаданѣ, безъ года.

На лиц. стор., по срединѣ (?) همدان || ضرب; кругомъ: سلطان ابو سعيد....

На обор. .... || رسول الله || الله محمد || لا الــــه الا || ...

Круговой надписи не видно.

Велич. 17 миллим.; вѣсъ 1,45 гр.

XII. Тимуриды.

№ 32.

Серебряная монета Шахроха, чеканенная въ Таремѣ, въ 828 году (= 1424—1425); къ ней придѣлано мѣдное ушко.

На лиц. стор. طارم سنة ٨٢٨ и вокругъ: (ال)سلطان الاعظم || شاه رخ بهادر خان خلد (الله) || ملكه وسلطانه.

На обор., въ квадратной рамкѣ: لا اله الا || الله محمد || رسول الله; по четыремъ наружнымъ сторонамъ квадрата ابو بكر || عمر || عثمان || على.

Велич. 25 м.; вѣсъ (съ мѣднымъ ушкомъ) 5,34 гр.

Въ коллекціи Н. П. Линевича находится еще другая, кажется, неизданная монета Шахроха, чек. въ Дамеганѣ, въ 834 году (1430—1431);

къ сожалѣнію, она такъ сильно потерта, что большая часть надписей ея не поддается чтенію; (велич. 24 миллим.; вѣсъ 4,64 гр.).

№ 33.

Маленькая серебряная монета Хусейна, чек. въ 876 году (= 1471—1472) въ Хератѣ.

На лиц. стор. въ картушѣ: به بود; слѣва видно еще; ...ى سلطان, снизу: ٨٧٦ || هراة || (ملكه) وسلطانه || در خلد الله تعالى ...

На обор., въ звѣздообразной рамкѣ: لا اله الا | الله محمد || رسول الله; кругомъ: ابو بكر || عمر || عثمان || على.

Велич. 15 миллим.; вѣсъ 1,24 гр.

№ 34.

Серебряная монета того-же Хусейна, битая въ Астерабадѣ, въ 895 году (= 1489—1490).

На лиц. стор., въ картушѣ: به بود; вокругъ этого: ضرب || السلطان الاعظم || ابو الغازى ٨٩٥ سلطان || حسين بهادر خلد الله تعالى استراباد ملكه وسلطانه.

На обор., во вписанномъ въ кругъ квадратѣ: لا اله الا || الله محمد || رسول الله; въ 4-хъ сегментахъ: ابو بكر الصديق || عمر الفاروق || عثمان ذا النورين || على المرتضى.

Велич. 27 миллим.; вѣсъ 4,52 гр.

№ 35.

Маленькая обрѣзанная и просверленная серебряная монета (теньга) того-же султана, чек. въ Мешхедѣ, безъ года.

На лиц. стор. въ картушѣ: تنكه || مشهد || ع; кругомъ: (ال)سلطان الاعظ(م) || (ا)بو الغازى || حسين بهادر || سلطان.

На обор., во вписанной въ кругъ квадратной рамкѣ: لا اله الا الله || محمد رسول الله; въ 4-хъ сегментахъ имена первыхъ четырехъ халифовъ.

Велич. 17 миллим.; вѣсъ 1,5 гр.

XIII. Шейбаниды.

№ 36.

Серебр. монета Пиръ-Мухаммеда (царств. 963—968 = 1556—1561), чек. въ Балхѣ, безъ года (2 экз.).

На лиц. стор., въ звѣздообразной рамкѣ: پیر محمد بهادر خان; вокругъ рамки: الخاقان العادل الملك الكامل ابو الغازی خلد الله تعالی ملکه (وسلطانه ضرب) سیرمرد بلخ.

На обор., въ двойномъ линейномъ кругѣ: لا اله الا الله محمد رسول الله; кругомъ имена четырехъ первыхъ халифовъ, съ присоединеніемъ къ каждому изъ нихъ словъ امير المومنين رضی الله عنه.

Велич. 28 миллим.; вѣсъ 4,6 гр.

Кстати замѣчу здѣсь, что между шейбанидскими монетами Пиръ-Мухаммеда въ коллекціи, которую пок. Е. Ф. Каль подарилъ Импер. Русск. Археолог. Обществу, находятся серебряныя монеты, битыя въ Балхѣ, Бухарѣ и Ташкендѣ, и что въ этой-же коллекціи заключаются еще слѣдующія неизданныя серебряныя шейбанидскія монеты: а) Абумансура Кучкунджія, битая въ Бухарѣ, въ 934 году; б) сына его Абусаида, чек. также въ Бухарѣ (безъ года); в) Обейдуллаха, чек. въ 940 г. въ Балхѣ и Самаркандѣ; г) Абдульлатифа, чек. въ Самаркандѣ (952 и 955), Бухарѣ (955), Ташкендѣ (954) и Балхѣ (955 и 956); д) Сеіидъ-Бурхана, бит. въ Бухарѣ (безъ года); е) Наурузъ-Ахмеда, бит. въ Бухарѣ (959), Балхѣ (960 г.) и Самаркандѣ (961 г.); ж) Ахмедъ-Тимура, чек. въ Ташкендѣ въ 963 году; з) Искендеръ-хана, битыя въ Самаркандѣ и Ташкендѣ (безъ годовъ), и) Абдуллаха I, чек. въ Ташкендѣ (безъ года).

XIV. Персидскіе шахи.

№ 37.

Мѣдная монета (Сефевида) Исмаила I-го (907—930), битая въ Мешхедѣ въ 913 г. (= 1507—1508).

На лиц. стор. ضرب || مشهد || مقدس || رضوی.

На обор. فی سنه || ۹۱۳.

Величина 15 миллим.; вѣсъ 2 гр.

Въ 1837 году монетъ Исмаила I-го извѣстно было не болѣе 6 видовъ (см. Fraehn, Die ältesten Münzen der Dynastie Sefy); въ настоящее время ихъ насчитывается уже болѣе 56, чек. въ Аберкухѣ, Алавердѣ, Амолѣ, Ардебилѣ, Астерабадѣ, Ванѣ, Ганджѣ, Демавендѣ, Исферагинѣ, Іездѣ, Казвинѣ, Кашанѣ, Коммѣ, Мервѣ, Мешхедѣ, Нимрузѣ, Нисабурѣ, Ордѣ, Себзеварѣ, Семнанѣ, Султаніи, Тебризѣ, Хератѣ, Шемахѣ и Ширазѣ.

№ 38.

Мѣдная просверленная монета Тахмаспа I (930—984), чек. въ Астерабадѣ, въ 932 году (= 1525—1526).

На лиц. стор., въ кругѣ изъ точекъ, грубое изображеніе вооруженнаго мечомъ всадника, на конѣ, скачущемъ влѣво.

На обор. надпись: ٩٣٢ || استراباد || فلوس, окруженная двумя концентрическими кругами изъ точекъ.

Велич. 17 миллим.; вѣсъ 4,22 гр.

Тахмасповыхъ монетъ различнаго чекана теперь издано уже до 44; Френу въ 1837 г. извѣстно было не болѣе 10.

№ 39.

Серебряная, сильно потертая и обрѣзанная монета сефевійскаго шаха Исмаила II-го (984—985), сына Тахмаспа I-го, чек. въ Коммѣ, въ 984 году (= 1576—1577).

На лиц. стор., читая снизу вверхъ: || ٩٨٤ قم منين (المو) ر(دا) || (ضر)ب) (ابو الم)ظفر || (بن طهماسپ الصفوى || (اس)معيل شاه).

На обор. обрывки персидскаго двустишія, которые я дополняю въ скобкахъ на основаніи текста, сообщеннаго Р. Стюартъ-Пулемъ въ Catalogue of Coins of the Shahs of Persia in the Brit. Mus., pag. LXXVII, и по изображеніямъ двухъ единственныхъ доселѣ извѣстныхъ монетъ Исмаила II, изданныхъ Бартоломеемъ (4-e Lettre à Mr. Soret, n⁰ 47, Pl. II, fig. 39) и Оливеромъ (The Safwi Dynasty of Persia, въ Journ. of the Asiat. Soc. of Beng. Vol. LVI, pag. 67, n⁰ XIII, Pl. II, n⁰ XIII): (ز)مشر(ق) (تا) بمغرب (گ)ر امام ست على (وآل) او مارا تمام (ست).

Велич. въ шир. 20, въ длину 24 миллим.; вѣсъ 4,6 гр.

Замѣчу еще, что обычное почетное прозвище города Комма دار الايمان замѣнено на этой монетѣ эпитетомъ دار المومنين, который обыкновенно придавался г. Астерабаду.

№ 40.

Серебряная монета Керима, чек. въ Мазендеранѣ, въ 1186 году (= 1772—1773). Просверлена въ двухъ мѣстахъ.

На лиц. стор., среди розетки, усѣянной точками; ضرب فى دار المرز مازندران ١١٨٦.

На обор., въ кругѣ изъ точекъ, въ трехъ строкахъ: || شد افتاب وماه زر وسيم در جهان از سكه امام || بحق صاحب زمان ١١٨٦.

Велич. 27 миллим.; вѣсъ 9,9 гр.

В. Тизенгаузенъ.

5 марта 1895 г.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Туркестанскихъ Вѣдомостей“.

[Въ концѣ апрѣля текущаго 1895 года «Туркестанскія Вѣдомости» скромно отпраздновали двадцатипятилѣтіе своего существованія. Первый номеръ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» вышелъ 28-го апрѣля 1870 года. 28-го апрѣля 1895 года вышелъ № 1362 и въ немъ редакція во главѣ «неоффиціальнаго отдѣла» помѣстила обзоръ исторіи и дѣятельности этого перваго и старшаго органа періодической русской печати въ Средней Азіи. «Туркестанскимъ Вѣдомостямъ» съ самаго перваго дня ихъ существованія было поставлено въ задачу по мѣрѣ возможности содѣйствовать изученію вновь присоединеннаго края во всѣхъ отношеніяхъ и эту задачу онѣ преслѣдовали настойчиво и умѣло и продолжаютъ преслѣдовать по сей часъ. Онѣ имѣютъ полное право гордиться достигнутыми результатами. Редакція и сотрудники «Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества» шлютъ своимъ Ташкентскимъ коллегамъ нѣсколько запоздалый, но искренній привѣтъ и самыя лучшія пожеланія для будущей дѣятельности.

Мы желали бы представить читателямъ «Записокъ В. О.» обзоръ и оцѣнку дѣятельности «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за истекшую четверть вѣка, но рѣшительно не въ состояніи сдѣлать это лучше, чѣмъ это сдѣлано въ указанной передовой статьѣ самихъ же «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Мы поэтому позволяемъ себѣ перепечатать здѣсь эту статью и твердо надѣемся, что читатели «Записокъ В. О.», русскіе и иностранные, не посѣтуютъ на насъ за представленіе имъ безъ всякихъ измѣненій всего текста этого замѣчательнаго, полнаго достоинства и богатаго фактическими свѣдѣніями очерка жизни первой русской газеты въ Средней Азіи. Ред.]

Завтра, 28-го апрѣля 1895 года, исполнится двадцатипятилѣтіе существованія «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Четверть вѣка прошло съ того дня, когда вышелъ 1-й № перваго, во всей Средней Азіи, періодическаго изданія.

Возникновеніемъ своимъ «Туркестанскія Вѣдомости» обязаны, «устроителю Туркестана», Константину Петровичу Кауфману, чье имя вѣчно будетъ

дорого каждому туркестанцу, о комъ каждый изъ насъ вспоминаетъ и всегда будетъ вспоминать съ безпредѣльной любовью и благодарностью.

Только-что присоединенная къ Россіи Туркестанская область, образовавшаяся изъ отторгнутыхъ силою русскаго оружія частей Кокандскаго и Бухарскаго ханствъ, съ 1867 года преобразована была въ Туркестанское генералъ-губернаторство. Устройство этой отдаленной окраины Россіи поручено было К. П. Кауфману, первому Туркестанскому генералъ-губернатору. Только старожилы края, лица, бывшія свидѣтелями неутомимой дѣятельности покойнаго Константина Петровича, могутъ понять: сколько труда и заботъ положилъ на это дѣло «устроитель края»; какъ неустанно работалъ онъ, не щадя ни себя, ни своего здоровья. Все нужно было создать, всему положить начало, и прежде всего — предстояла весьма важная задача: изучить край, богатый и своеобразный, съ тысячелѣтней культурой, во всемъ діаметрально расходящейся съ нашей европейской культурой, край населенный фанатическимъ мусульманскимъ населеніемъ, еще незабывшимъ времени подавляющаго, но въ то же время и развращающаго деспотизма хановъ и бековъ.

Нужно было сломить ту нравственную преграду, которая отдѣляла побѣжденнаго отъ побѣдителя, правовѣрнаго отъ «кяфира»; нужно было показать огрубѣлому, застывшему въ старинныхъ, чуть не библейскихъ формахъ жизни, населенію — новые идеалы, показать ему зарю новой жизни и культуры. А для этого, повторяемъ, прежде всего необходимо было изучить Туркестанскій край во всѣхъ отношеніяхъ. Задача была громадная и трудно исполнимая. Но Константинъ Петровичъ предпринялъ этотъ тяжелый трудъ, сознавая, что точное и всестороннее изученіе края должно лечь въ основу всѣхъ административныхъ распоряженій.

Изученіе въ естественно-историческомъ отношеніи сѣверной окраины новаго генералъ-губернаторства началось еще до образованія его — ученою экспедиціею магистра зоологіи Н. А. Сѣверцова, продолжавшаго свои изслѣдованія и при Константинѣ Петровичѣ. Признавъ необходимымъ расширить область естественно-историческаго изученія края, бывшаго въ то время совершенной terra incognita, Константинъ Петровичъ пригласилъ для этой цѣли молодаго ученаго А. П. Федченко. Въ то же время имѣя въ виду, что администрація края и наука нуждаются въ ознакомленіи съ нимъ и въ другихъ отношеніяхъ — историческомъ, географическомъ и статистическомъ, для чего уже имѣлись въ Туркестанѣ небольшія научныя силы преимущественно въ административной средѣ, требовавшія лишь объединенія, Константинъ Петровичъ задумалъ основать «Туркестанскія Вѣдомости». Мысль эта оказалась, какъ показали послѣдствія, на столько плодотворною,

что основанная имъ газета, которой онъ придалъ научный характеръ, послужила не только сборникомъ трудовъ сотрудниковъ Константина Петровича по управленію краемъ, но въ свою очередь вызвала къ жизни не мало новыхъ силъ, до того времени дремавшихъ, — такъ сказать создала мѣстную литературу.

По докладу бывшаго военнаго министра, генералъ-адъютанта Д. А. Милютина, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II соизволилъ утвердить изданіе «Туркестанскихъ Вѣдомостей», какъ органа генералъ-губернаторской власти, съ программою, значительно отличающеюся отъ общей программы губернскихъ и областныхъ вѣдомостей. Редактированіе «Туркестанскихъ Вѣдомостей» рѣшено было поручить не столоначальнику газетнаго стола въ областномъ правленіи (какъ установлено для губернскихъ и областныхъ вѣдомостей), а лицу, состоящему въ распоряженіи генералъ-губернатора, получающему отъ него непосредственныя указанія, а со стороны формальной — подчиненному правителю канцеляріи генералъ-губернатора. Задача «Туркестанскихъ Вѣдомостей» очерчивалась слѣдующею программою: газета должна была сообщать правительственныя и административныя распоряженія, относящіяся до Туркестанскаго края, способствовать всестороннему изученію его и для этого помѣщать преимущественно серьезныя, научныя статьи, касающіяся Туркестана. Статьи чисто беллетристическія, повѣсти, романы и т. п., устранялись. Полемическія статьи, носящія характеръ личнаго спора, совершенно не допускались. Вопросы политическіе и соціальные, касающіеся внутренней жизни Россіи, затрогивались лишь въ той мѣрѣ, поскольку касались они интересовъ Туркестанскаго края.

Такой характеръ, по указанію Константина Петровича Кауфмана, долженъ былъ имѣть первый печатный органъ въ Средней Азіи — «Туркестанскія Вѣдомости».

По Высочайше утвержденному штату, на изданіе «Туркестанскихъ Вѣдомостей» ассигновано было 12,000 р. Изъ нихъ: на содержаніе редактора 2500 р. и его помощника 1500 р. [1]).

При «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» предположено было издавать отдѣльныя приложенія на тюркскомъ (сартскомъ) и киргизскомъ нарѣчіяхъ. «Приложенія» должны были знакомить туземцевъ Туркестанскаго края съ главнѣйшими правительственными и административными распоряженіями,

1) Съ 1887 г. и по настоящее время ассигнуется на содержаніе редактора 2,500 руб. и на изданіе газеты 4,600 р.; всего 7,100 р. Всѣ доходы (подписныя деньги, плата за объявленія и пр.) поступаютъ полностью въ доходъ казны и не могутъ быть употребляемы на улучшеніе изданія.

сообщать общеполезныя свѣдѣнія, знакомить туземцевъ, въ общихъ чертахъ, съ географіею и исторіею Россіи и т. п. Редакторомъ «Приложеній» назначенъ былъ личный переводчикъ генералъ-губернатора Ш. М. Ибрагимовъ. Впослѣдствіи редактированіе «Приложеній» поручено было г. Чанышеву, а въ послѣднее время — директору ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Редактированіе «Туркестанскихъ Вѣдомостей» первоначально предполагалось поручить г. Ротчеву, сотруднику «Русскаго Вѣстника» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Но г. Ротчевъ вскорѣ (еще въ 1868 г.) оставилъ службу въ краѣ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1868 году, послѣ занятія Самарканда и разгрома бухарскихъ силъ при Чупанъ-ата и Зерабулакѣ, К. П. Кауфманъ началъ заботиться одновременно объ основаніи «Туркестанскихъ Вѣдомостей» и устройствѣ въ Ташкентѣ публичной библіотеки. И то, и другое онъ считалъ крайне необходимымъ для устроивающагося края. Заботы объ устройствѣ публичной библіотеки онъ поручилъ капитану генеральнаго штаба Лыко, а редактированіе возникающей газеты штабсъ-капитану Маеву, только-что поступившему въ то время на службу въ Туркестанскій край. Н. А. Маевъ, бывшій до того времени помощникомъ редактора журнала «Чтеніе для солдатъ» и сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», былъ рекомендованъ К. П. Кауфману редакторами означенныхъ изданій, генералъ-маіоромъ Гейротомъ и тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ.

Въ подготовительныхъ работахъ по началу изданія прошелъ весь 1869 годъ; только въ серединѣ этого года, по докладу, какъ уже выше было сказано, бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, Высочайше утверждены были программа «Туркестанскихъ Вѣдомостей» и скромный штатъ редакціи (редакторъ, его помощникъ [1]), секретарь и двое разсыльныхъ), а 2-го ноября того же года штабсъ-капитанъ Маевъ былъ назначенъ редакторомъ.

Трудны были первые шаги газеты въ только-что возникавшемъ въ то время русскомъ Ташкентѣ. Не было ни хорошо устроенной типографіи, ни опытныхъ наборщиковъ, привычныхъ къ газетному дѣлу, ни даже запаса газетной бумаги. Чтобы начать изданіе газеты, штабсъ-капитанъ Маевъ былъ командированъ въ ноябрѣ 1869 года въ Петербургъ. Путешествіе это въ то время было также не изъ легкихъ. Нынѣшніе обитатели Ташкента и другихъ городовъ русскаго Туркестана и представить себѣ не

---

1) Должность эта, по положенію объ управленіи Туркестанскаго края 1886 года, съ 1-го января 1887 года упразднена.

могутъ: съ какими трудностями и опасностью для жизни совершался переѣздъ между Ташкентомъ и предѣльнымъ русскимъ городомъ на юго-востокѣ Европейской Россіи — Оренбургомъ. Почтовый трактъ между Казалинскомъ и Орскомъ былъ разграбленъ возмутившимися оренбургскими киргизами, почтовыя станціи сожжены, а казаки — смотрители станцій — отозваны въ ближніе города, такъ какъ на станціяхъ имъ ежеминутно угрожала смерть или плѣнъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ и были, дѣйствительно, захвачены бродившими по степи шайками киргизъ и уведены въ Хиву. Какъ нѣмое momento mori, виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ по почтовому тракту могилы убитыхъ русскихъ людей. Особенно тяжелое впечатлѣніе производила, у станціи Джелавли, могила 13 плотниковъ, вызванныхъ инженернымъ вѣдомствомъ въ Ташкентъ и ѣхавшихъ на своихъ подводахъ. При такихъ, почти невозможныхъ условіяхъ, совершался свыше тысячеверстный переѣздъ безлюдною и безводною степью, отъ Казалинска до Орска. Понятно, что командировки въ Петербургъ въ то время не представляли ничего завлекательнаго.

Возвратясь въ Ташкентъ въ мартѣ 1870 года, Н. А. Маевъ привезъ съ собою, на двухъ почтовыхъ тройкахъ, нѣсколько ящиковъ съ газетной бумагой и типографскимъ шрифтомъ. Тогда только можно было приступить къ изданію газеты, пользуясь тѣмъ, что въ то время существовала уже въ Ташкентѣ небольшая типографія Окружнаго Штаба, съ весьма ограниченными, впрочемъ, типографскими средствами, печатавшая исключительно приказы и циркуляры по войскамъ округа, казенные бланки, таблицы и т. п.

28-го апрѣля 1870 года вышелъ 1-й нумеръ «Туркестанскихъ Вѣдомостей»; содержаніе его было слѣдующее:

Отдѣлъ оффиціальный: Рескриптъ Государя Наслѣдника Цесаревича графу Перовскому.—Высочайшія награды.—Высочайшіе приказы.—Приказъ по военному вѣдомству.—Приказы по военно-народному управленію.—Перечень указовъ Правительствующаго Сената.

Отдѣлъ неоффиціальный: Коранъ Османа. — О разведеніи хлопка въ Туркестанскомъ краѣ. — Матеріалы для этнографіи Средней Азіи: киргизскія пословицы. — Общественная жизнь въ Ташкентѣ. — Мелкія извѣстія: кончина графини Богарне. — Общественная библіотека въ Ташкентѣ. — Изъ Ленкорани.—Зайсанское приставство. — Изъ Астрахани.—Оренбурго-Самарская желѣзная дорога.—Ночлежные пріюты. — Изъ отчета о послѣднемъ засѣданіи Географическаго Общества.

Недостатокъ въ газетной бумагѣ и скудость типографскихъ средствъ были причиною, что въ первый годъ изданія (1870) «Туркестанскія Вѣдо-

мости» могли быть выпускаемы только въ неопредѣленное время, въ формате $1^1/_2$ печатнаго листа. Въ 1870 году было выпущено лишь 17 такихъ номеровъ. Но уже съ 1871 года установился правильный выпускъ газеты, еженедѣльно, по вторникамъ. Генералъ-губернаторъ К. П. Кауфманъ, не смотря на множество трудовъ и заботъ по устройству края, — трудовъ, нерѣдко отнимавшихъ у него даже часы ночнаго отдыха,— находилъ однакоже время, чтобы лично внимательно прочитывать послѣднюю корректуру каждаго выходящаго №-ра «Туркестанскихъ Вѣдомостей» и дѣлать необходимыя указанія по ихъ изданію. Онъ, буквально, былъ главнымъ редакторомъ газеты, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ ея существованія, и только въ 1874 году разрѣшилъ редактору докладывать ему лишь наиболѣе важныя изъ предназначавшихся къ помѣщенію въ газетѣ статей. Доклады эти происходили еженедѣльно, по пятницамъ, въ 8 ч. вечера, и иногда затягивались за полночь.

Помощниками редактора были: въ первое время А. К. Лазаревъ, затѣмъ — П. А. Маевъ, родной братъ редактора, а по отъѣздѣ его изъ Ташкента въ Россію — Н. В. Дмитровскій.

Въ 1872 году рѣшено было устроить въ Ташкентѣ отдѣльную типографію военно-народнаго управленія, съ болѣе обширными средствами, чѣмъ у имѣвшейся единственной въ то время въ Ташкентѣ типографіи Окружнаго Штаба, и Н. А. Маевъ снова командированъ былъ въ Петербургъ для закупки скоропечатныхъ машинъ, шрифта, бумаги и разныхъ типографскихъ принадлежностей. Ему поручено было также пригласить нѣсколькихъ опытныхъ наборщиковъ, которые должны были работать исключительно для «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Н. А. Маевъ привезъ съ собою четырехъ наборщиковъ: Апарина, Степанова, Слоницкаго и Дружкина. Пріѣздъ ихъ значительно облегчилъ и упорядочилъ выпускъ нумеровъ газеты.

На призывъ Константина Петровича къ дружной дѣятельности по всестороннему изученію Туркестанскаго края откликнулись весьма многіе. Ниже мы приводимъ полный, по возможности, списокъ сотрудниковъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за двадцатипятилѣтіе существованія ихъ. Изъ числа напечатанныхъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» статей многія принадлежатъ перу бывшаго редактора Н. А. Маева и настоящаго редактора А. П. Романовича, а также Н. В. Дмитровскаго, остававшагося весьма часто за редактора и бывшаго постояннымъ сотрудникомъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Между статьями сотрудниковъ находятся такія, которыя, по объему своему, могли бы составить книгу. Статьи Г. А. Арандаренко, изданныя имъ недавно отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ

«Досуги въ Туркестанѣ», составляютъ большой томъ, въ 666 страницъ убористой печати. Почти такого же почтеннаго размѣра томъ (532 стр.) составляютъ статьи А. П. Хорошхина, подполковника Уральскаго казачьяго войска, убитаго въ сраженіи съ кокандцами подъ Махрамомъ, 24-го августа 1875 года. По приказанію Константина Петровича Кауфмана, литературные труды А. П. Хорошхина, печатавшіеся исключительно въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», были изданы отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края». Изданіемъ этимъ Константинъ Петровичъ хотѣлъ почтить память храбраго офицера, много потрудившагося на пользу Туркестанскаго края и много содѣйствовавшаго его изученію.

Мы не имѣемъ никакой возможности перечислить здѣсь всѣ, помѣщавшіяся въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» статьи, касающіяся той или другой стороны жизни, быта и природы Средней Азіи и въ частности—Туркестанскаго края. Это значило бы представить полный указатель статей нашей газеты за четверть вѣка [1]). Перечислимъ поэтому только наиболѣе выдающіяся по своему значенію статьи нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ и внимательныхъ изслѣдователей Средней Азіи и общественнаго быта ея туземныхъ обитателей былъ Г. А. Арандаренко, Джизакскій, потомъ Самаркандскій уѣздный начальникъ; онъ управлялъ также одно время нагорными волостями въ верховьяхъ р. Зеравшана (бывшія самостоятельныя бекства: Магіанское, Фарабское и Киштутское) и такимъ образомъ имѣлъ возможность изучить жизнь и природу какъ степнаго, долиннаго, такъ и горнаго Туркестана. Въ продолженіе долговременной службы своей въ Туркестанскомъ краѣ, онъ помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія статьи: Юридическая оцѣнка русскаго и мусульманскаго законоположеній о находкѣ и пригульномъ скотѣ (лёкота).—Ирригація Туркестанскаго уѣзда.—Къ вопросу о каризахъ (подземныхъ арыкахъ) Туркестанскаго раіона. — Между туземцами степнаго уѣзда. — Малоизвѣстные города Зеравшанскаго округа. — Статистическія свѣдѣнія по городамъ Пенджакенту и Ургуту. — Скотоводство въ Зеравшанскомъ округѣ.— Кишлакъ Карнакъ.— Халифа Хасанъ (біографическій очеркъ). — Народный судъ у туземцевъ. — Цистерны въ Каршинской степи.— Ирригація въ Зеравшанской долинѣ. — О метеорологическихъ познаніяхъ у туземцевъ. — Замѣтка о мостахъ на Зеравшанѣ. — Сельское

1) Такой «Указатель», замѣтимъ кстати, составляется и выйдетъ въ текущемъ году. Онъ предназначался къ выпуску въ день 25-лѣтія газеты, но нѣкоторыя обстоятельства не дозволили этого сдѣлать.

хозяйство въ Зеравшанской долинѣ. — О кредитѣ у туземцевъ. — Роль туземнаго населенія въ довольствіи войскъ. — Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанской долинѣ.—Въ горахъ Дарваза и Каратегина.—Афганскій Туркестанъ въ 1878—80 годахъ.—Бухарскія войска.—Лѣсной вопросъ.— Нѣсколько дней на озерѣ Курчукъ-ата. — Уже изъ одного голаго перечня этихъ статей можно видѣть: какъ обширны и разносторонни были наблюденія г. Арандаренко, сколько полезныхъ и необходимыхъ для администраціи и вообще для русскихъ жителей Туркестана свѣдѣній сообщилъ онъ на страницахъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Не менѣе внимательнымъ наблюдателемъ и усерднымъ сотрудникомъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» былъ А. П. Хорошхинъ, о которомъ мы уже упомянули выше. Служба въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Туркестана, степные походы, командировки въ независимыя ханства Кокандъ и Бухару,— все это дало возможность молодому наблюдательному офицеру, прекрасно владѣвшему туземнымъ нарѣчіемъ, собрать много цѣнныхъ свѣдѣній. Первоначально А. П. Хорошхинъ помѣщалъ свои статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Военномъ Сборникѣ»; но съ основаніемъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» Александръ Павловичъ сдѣлался неизмѣннымъ ихъ сотрудникомъ. Здѣсь онъ помѣстилъ нижеслѣдующія статьи: Очерки Коканда.— Очерки Ташкента.—Сугутъ.—Долина Зеравшана.—Самаркандъ.—Первый коранъ.—Катта-курганскій отдѣлъ.—Весна 1868 года въ Средней Азіи (военно-походныя воспоминанія). — Зякетъ въ Бухарскомъ ханствѣ. — Очерки Семирѣчья.—Кизылъ-кумскій дневникъ.—По окраинамъ Букана.— По сѣверному склону Нуратинскихъ горъ. — Отъ ущелья Темиръ-Кобукъ до Тамды. — Оазисъ Тамды въ пустынѣ Кизылъ-кумъ. — Воспоминаніе о Хивѣ.—Рабы персіяне въ Хивинскомъ ханствѣ. Народы Средней Азіи.— Байтукъ-батуръ (біографическій очеркъ). — Узбеки кенегезъ. — На переправѣ. — Изъ этого перечня можно видѣть, что А. П. Хорошхинъ занимался преимущественно этнографическими изслѣдованіями и топографическими очерками мѣстностей, имъ посѣщенныхъ. Труды его на этомъ поприщѣ весьма цѣнны.

Однимъ изъ первыхъ лицъ, поступившихъ на службу по военно-народному управленію Туркестанскаго края, съ самаго основанія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, былъ штабсъ-капитанъ артиллеріи Г. С. Загряжскій. Управляя сначала Иссыкъ-кульскимъ, затѣмъ Токмакскимъ и, наконецъ, Перовскимъ уѣздами, Г. С. Загряжскій прекрасно изучилъ жизнь и нравы горныхъ кара-киргизовъ и киргизъ степныхъ, кочующихъ въ необъятныхъ степяхъ къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи. Результатомъ этого изученія были нижеслѣдующія статьи, помѣщенныя въ «Туркестанскихъ

Вѣдомостяхъ»: О народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. — О направленіи торговыхъ путей въ Средней Азіи. — Очерки Перовскаго уѣзда. — Кара-киргизы. — Киргизскіе очерки: ашъ или тризна по умершимъ. — Бытъ кочеваго населенія долинъ рр. Чу и Сыръ-Дарьи.—Русскіе поселки въ Токмакскомъ и Иссыкъ-кульскомъ уѣздахъ. — Многія изъ поименованныхъ статей, напр., «Кара-киргизы», «Бытъ кочеваго населенія долинъ Чу и Сыръ-дарьи», представляютъ собою не бѣглые очерки, а обширныя всестороннія изслѣдованія.

Долина р. Зеравшана, нынѣшняя Самаркандская область, нашла своего этнографа-изслѣдователя въ лицѣ А. Д. Гребенкина, служившаго сначала молодымъ офицеромъ въ рядахъ славныхъ туркестанскихъ войскъ, впервые вступившихъ въ глубь Средней Азіи. Подъ начальствомъ М. Г. Черняева, онъ участвовалъ въ смѣломъ движеніи изъ только-что занятаго Ташкента, чрезъ всю Голодную степь, къ сильно укрѣпленному въ то время бухарскому городу Джизаку. Въ 1868 г. онъ участвовалъ въ самаркандскомъ походѣ, а въ 1870 году штурмовалъ съ своею ротою стѣны Китаба, одного изъ двухъ главныхъ городовъ Шахрисябза. Затѣмъ Гребенкинъ перешелъ на службу по военно-народному управленію и былъ назначенъ начальникомъ Катта-Курганскаго отдѣла, сосѣдняго съ Бухарскимъ ханствомъ. Здѣсь онъ прекрасно изучилъ бытъ и нравы таджиковъ, узбековъ, люли (азіятскихъ цыганъ), гальча или горныхъ таджиковъ и другихъ народностей Средней Азіи. Результатомъ этого явились статьи: Узбеки. — Родословная мангытской династіи. — Таджики. — Ремесленная дѣятельность таджиковъ Зеравшанскаго округа. — Бангъ (конопля). — Шуръ (соленыя грязи). — Этнографическій очеркъ Зеравшанскаго округа. — Замѣтки о Когистанѣ. — О гончарномъ промыслѣ въ Зеравшанскомъ округѣ. — Горные таджики или гальча. — Гребенкинъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Бійскѣ.

Неутомимый изслѣдователь природы Туркестана, рано похищенный смертью у науки, А. П. Федченко помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія статьи: Замѣтки о верховьяхъ Зеравшана.— Карызъ или подземный арыкъ у Пенджакента. — Замѣтки о флорѣ и фаунѣ Зеравшанской долины. — Магіанскія, Фарабскія и Китутскія владѣнія. — Нѣсколько словъ о скончавшемся профессорѣ Н. Н. Кауфманѣ.— Замѣтки о Магіанскомъ бекствѣ. — Смерть Гэуарда въ Яссинѣ. — Замѣтки о степи Кизылъ-кумъ.— Изъ Коканда.—Замѣтки о паразитахъ человѣка и животныхъ въ Туркестанскомъ краѣ. — О видахъ землевладѣнія въ Зеравшанскомъ округѣ. — Научная дѣятельность А. П. Федченко въ Туркестанскомъ краѣ продолжалась весьма недолго: только четыре года (1868—

71 г.). Въ 1872 г. онъ скончался въ Швейцаріи, но и въ эти четыре года онъ успѣлъ изслѣдовать, во время горной экспедиціи генерала Абрамова, Зеравшанскія горы и озеро Искандеръ-куль, посѣтить Кокандское ханство, Алайскія горы, изслѣдовать степь Кизылъ-кумъ и окрестности Ташкента. Результатомъ этихъ путешествій и явились вышеприведенныя статьи.

Съ 1868 года мы видимъ въ Туркестанскомъ краѣ молодаго оріенталиста А. Л. Куна. Прекрасное знакомство съ языками персидскимъ и мѣстнымъ сартскимъ дало возможность А. Л. Куну ознакомиться съ многими сочиненіями о Средней Азіи, имѣющимися въ мѣстныхъ медрессе. А. Л. Кунъ отличался живой наблюдательностью и неутомимостью въ своихъ путешествіяхъ и экскурсіяхъ. Какъ главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края, онъ обратилъ также вниманіе свое на туземныя школы и медрессе и первый далъ полное описаніе пріемовъ мусульманскаго школьнаго обученія. А. Л. Куну принадлежатъ статьи: Коранъ Османа.— Вакуфы.—Доходы Хивинскаго ханства.—О податяхъ въ Хивинскомъ ханствѣ.— Бухарскіе порядки.— Замѣтки о Хивинскомъ ханствѣ.— Описаніе печатей хивинскихъ хановъ.—Городъ Хазараспъ.—Путешествіе по Хивинскому ханству (отъ Газавата, чрезъ Ильялы и Ташаузъ, до Куня-Ургенча).— По правому берегу Аму-дарьи (отъ Кунграда, чрезъ Чимбай, до Ханки).— Разсказъ правителя г. Ханки, Алимъ-бая, о его посольствѣ въ Индію.— Мусульманскія школы. —О школьномъ образованіи у магометанъ Средней Азіи.— А. Л. Кунъ скончался въ Вильнѣ, въ должности помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа.

Въ 1872 году прибылъ на службу въ Туркестанскій край другой молодой оріенталистъ, Н. Н. Пантусовъ; вниманіе его одинаково привлекли какъ многочисленныя древности Средней Азіи, такъ и рѣзкія особенности жизни и быта туземцевъ. Н. Н. Пантусовъ побывалъ на службѣ въ Ташкентѣ, Ферганѣ, Семирѣчьѣ и Кульджѣ и всюду онъ оставилъ слѣды своей наблюдательности, выразившіеся рядомъ въ высшей степени интересныхъ статей въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ». Перечислимъ ихъ: Самаркандскій диргемъ 234 года.—Къ свѣдѣнію нумизматовъ.—Слѣды христіанства въ Туркестанѣ.— Молитвенный сеансъ ордена Джагріе.— Вѣсы и мѣры Средней Азіи. — Бой перепеловъ и куропатокъ. — Кредитный рубль въ Туркестанѣ.—Татарская колонія Ногай-курганъ.—О названіи: туркменъ.— Мусульманскій орденъ Хуфіе.—Архивъ кокандскаго хана. —Мусульманскій постъ въ мѣсяцѣ рамазанъ.—Податные сборы въ Кокандскомъ ханствѣ.— О податяхъ и повинностяхъ, существовавшихъ въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ.—Торговля чаемъ въ Ферганской области.—Среднеазіятскія народности въ Ферганѣ.—Иске Той-тюбе.—Пишпекъ и Ала-медынъ.—Тарики

Шахрухіе.—Газатъ деръ мульки-чинъ (исторія войны мусульманъ съ китайцами).—О пограничныхъ поселкахъ въ Семирѣченской области.— О перенесеніи г. Кульджи на р. Усёкъ. — Книжная торговля въ Ферганѣ. — Мусульманская литература въ ферганскихъ медрессе.—Н. Н. Пантусовъ подписывалъ свои статьи большею частью буквою П.

Богатый и интересный въ различныхъ отношеніяхъ Наманганскій уѣздъ, Ферганской области, нашелъ себѣ изслѣдователя въ лицѣ молодаго артиллерійскаго офицера В. П. Наливкина. Заинтересовавшись своеобразнымъ образомъ жизни и сельско-хозяйственною дѣятельностью туземцевъ-наманганцевъ, г. Наливкинъ, съ достойною супругою своею, раздѣлявшею всѣ труды мужа, поселился въ одномъ изъ наманганскихъ кишлаковъ и жилъ въ немъ, ни въ чемъ не отступая отъ образа жизни мѣстныхъ туземцевъ. Результатомъ этого явился рядъ статей о Наманганскомъ уѣздѣ, а именно: Очерки земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ.—Топливо въ Наманганскомъ уѣздѣ.—Вопросы туземнаго земледѣлія.—Торговля пригонными баранами въ Наманганскомъ уѣздѣ. — Очерки Кураминскаго уѣзда: кишлакъ Намдонакъ.— Киргизы Наманганскаго уѣзда. — Замѣтки по вопросу о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ферганѣ.— Школа у туземцевъ Средней Азіи.— Такимъ образомъ статьи В. П. Наливкина, собранныя воедино, представляютъ полную и всестороннюю характеристику Наманганскаго уѣзда.

Бывшій начальникъ Ходжентскаго уѣзда, преддверья богатой Ферганы, полковникъ А. А. Кушакевичъ, управлявшій этимъ уѣздомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ года основанія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей о Ходжентѣ и его уѣздѣ. Перечислимъ ихъ: Очерки Ходжентскаго уѣзда (шесть отдѣльныхъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ).—Гончарный промыселъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ. — Замѣтка о туземныхъ красильныхъ веществахъ.—Угоръ-гасынъ или иссыкъ-кульскій ядовитый корешокъ.— Замѣтки объ ирригаціонныхъ работахъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ. — Ассамусса. — Поѣздка изъ Лепсы въ долину Боротала. — А. А. Кушакевичъ скончался въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Постоянный житель и знатокъ Семирѣчья, бывшій вѣрненскій городской голова, П. М. Зенковъ далъ много вѣрныхъ описаній этого богатаго края, составляющаго переходъ отъ равнинъ Средней Азіи къ привольнымъ мѣстамъ юго-западной Сибири. Въ то время Семирѣченская область составляла часть Туркестанскаго генералъ-губернаторства, и статьи г. Зенкова были весьма желательны для «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Онъ напечаталъ слѣдующія статьи: Очерки поступательнаго русскаго движенія къ востоку. — Кендырь. — Эксплоатація земной поверхности въ Киргизской

степи. — Звѣриный промыселъ въ Семирѣченской области. — Кирпичный промыселъ въ гор. Вѣрномъ. — Мѣстныя строительныя замѣтки. — Колонизація Семирѣчья. — Ягодный промыселъ въ Семирѣченской области. — Лѣсной вопросъ въ Семирѣченской области. — Чайная торговля въ Семирѣчьѣ и пр. Кромѣ того, П. М. Зенковъ былъ все время усерднымъ корреспондентомъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» изъ Семирѣчья, сообщая наиболѣе выдающіеся факты мѣстной общественной жизни. Корреспонденціи свои г. Зенковъ обыкновенно подписываетъ буквами: П. З.

Нѣсколько интересныхъ статей объ ирригаціи помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» Н. Ф. Ульяновъ, бывшій ирригаторъ Ташкента и Кураминскаго уѣзда. Перечислимъ эти статьи: Ирригація въ Туркестанскомъ краѣ. — Работы по орошенію Голодной степи. — Къ матеріаламъ по ирригаціи Туркестанскаго края (ирригація Кураминскаго уѣзда и Ташкента). — О наводненіяхъ въ Ташкентѣ и Кураминскомъ уѣздѣ. — По поводу наводненій въ Наманганскомъ уѣздѣ.

Л. Ф. Костенко помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько главъ изъ своего обширнаго труда о Средней Азіи, вышедшаго впослѣдствіи отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности». Эти главы носятъ названія: Земледѣльческая производительность въ Средней Азіи. — Средне-азіятская торговля. — Свѣдѣнія о климатѣ въ Туркестанскомъ краѣ. — Общій взглядъ на лѣсное богатство въ Туркестанскомъ краѣ. — Аральская флотилія. — Краткій очеркъ мѣстности между Джамомъ и Карши. — Л. Ф. Костенко скончался въ Петербургѣ.

Оріенталистъ, избравшій себѣ поприщемъ юридическую дѣятельность среди туземцевъ, въ должности уѣзднаго судьи, Д. М. Граменицкій доставилъ въ «Туркестанскія Вѣдомости» рядъ статей, касающихся преимущественно мѣстныхъ юридическихъ вопросовъ, народнаго образованія и, отчасти, археологіи. Его перу принадлежатъ статьи: Замѣтки о ссудномъ кредитѣ у туземцевъ. — Къ вопросу о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ (обширный трудъ). — О пользованіи водою по мусульманскому праву (изложено по книгѣ Гидаэ). — Вакфъ (тоже по Гидаэ). — Постановленія мусульманскаго законодательства о дольщикахъ. — О школьномъ образованіи у мусульманъ Средней Азіи. — Замѣтка о древнихъ урочищахъ въ Туркестанскомъ краѣ. — Новая книга Уйфальви о Средней Азіи. — Курильщики хашиша. — Д. М. Граменицкій подписывалъ свои статьи буквою Г.

А. И. Вилькинсъ, скончавшійся скоропостижно въ Москвѣ въ 1892 году, помѣстилъ слѣдующія, важныя для туркестанскаго сельскаго хозяйства, статьи: По поводу одной бабочки. — Новый врагъ пшеницы. —

Замѣтки о дикомъ шелкопрядѣ.—Новыя полезныя растенія для Туркестанскаго края: джутъ и рами.—Опыты посѣва въ Ташкентѣ китайскаго суходольнаго риса.—Озеро Баграчъ-куль и г. Карашаръ, въ Кашгаріи. Кромѣ того, А. И. Вилькинсъ, присутствуя на ежегодныхъ съѣздахъ хлопководовъ, какъ завѣдывающій опытною хлопковою плантаціею, постоянно, по предложенію генералъ-губернатора, открывалъ эти съѣзды общимъ обзоромъ положенія хлопковаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ въ истекшемъ году. Эти рѣчи А. И. Вилькинса постоянно печатались въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ».

Прибывшій одновременно съ А. И. Вилькинсомъ, въ 1873 году, въ Ташкентъ, В. Ф. Ошанинъ, много путешествовавшій по Гиссару и Каратегину, напечаталъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія статьи: Алайская долина.— Изъ Каратага.— Изъ Гарма.— Изъ Джаилгана.—Съ Алая.— Нѣсколько словъ по поводу географической номенклатуры.— На верховьяхъ Мукъ-су.— Зоографическія задачи въ Туркестанскомъ краѣ.—Замѣтка о переводчикахъ.—Поѣздка Регеля въ Дарвазъ.— Задачи туркестанскаго отдѣла Общества любителей естествознанія.

Путешествовавшій съ ботаническою цѣлью по отдаленнымъ горнымъ мѣстностямъ Средней Азіи, сынъ почтеннаго бывшаго директора Императорскаго Ботаническаго сада, Э. Л. Регеля, А. Э. Регель помѣстилъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія статьи: Ботаническая экскурсія въ горы Кара-тау.— Садоводство въ Ташкентѣ.— Ботаническая экскурсія изъ Ташкента въ Кульджу.—Путешествіе въ Шугнанъ.—Замѣтка о санитарныхъ условіяхъ мѣстностей по р. Аму-дарьѣ.

Къ числу изслѣдователей Туркестанскаго края въ естественно-историческомъ отношеніи, принимавшихъ своими трудами участіе въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», принадлежитъ высокоталантливый Д. Л. Ивановъ — авторъ художественно написанныхъ «Очерковъ изъ туркестанской жизни» (Спб., 1875), выдающійся знатокъ Средней Азіи, посѣтившій многія, наиболѣе интересныя мѣстности ея и совершившій трудное путешествіе на Памиры, картиннымъ описаніемъ которыхъ украшены страницы многихъ столичныхъ періодическихъ изданій. Изъ трудовъ Д. Л. Иванова, отданныхъ имъ нашей газетѣ, назовемъ: Туркестанскій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. — Выставка картинъ художника Верещагина (въ Петербургѣ).—Поѣздка въ Алатау.—О книгѣ Уйфальви «Ученая французская экспедиція въ Туркестанъ» (въ семи нумерахъ).

Л. Н. Соболевъ, бывшій впослѣдствіи одно время болгарскимъ военнымъ министромъ, нынѣ начальникъ штаба Московскаго военнаго округа, во время службы своей въ Туркестанскомъ краѣ, помѣстилъ въ «Турке-

станскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія статьи: Замѣтки объ Аму-дарьѣ.— Замѣтка о гиссарскихъ владѣніяхъ и о среднемъ теченіи Сурхаба.—О постепенномъ движеніи песковъ къ Бухарѣ.—О голодныхъ годахъ въ Бухарскомъ ханствѣ.—Рѣка Зеравшанъ и ея ирригаціонное значеніе.

Н. П. Остроумовъ, бывшій студентъ Казанской духовной академіи, спеціально подготовлявшійся къ миссіонерской дѣятельности среди татаръ-мусульманъ (нынѣ директоръ ташкентской мужской гимназіи), кромѣ подробнаго и обстоятельнаго труда своего, напечатаннаго въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ»: «Ходъ народнаго образованія въ городахъ Сыръ-дарьинской области», помѣстилъ въ газетѣ рядъ статей о коранѣ, какъ о единственномъ руководящемъ началѣ въ жизни и общественномъ бытѣ всѣхъ мусульманъ вообще, а въ томъ числѣ, конечно, и средне-азіатскихъ. Статьи Н. П. Остроумова о коранѣ носятъ характеръ отдѣльныхъ монографій, именно: Что такое коранъ.—Краткая исторія корана.—Языкъ корана.—Уваженіе мусульманъ къ корану и употребленіе его.—Ученіе корана. Кромѣ того, Н. П. Остроумову принадлежитъ обширная статья: Значеніе слова «сартъ»,—гдѣ приведены, параллельно, мнѣнія разныхъ историковъ и этнографовъ по означенному вопросу.

Кромѣ статей Н. П. Остроумова, въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей, касающихся мусульманскаго вѣроученія, его догматовъ и обрядовъ. Мы упоминали уже объ интересныхъ статьяхъ Н. Н. Пантусова: «Молитвенный сеансъ ордена Джагріе» и «Мусульманскій орденъ Хуфіе». Кромѣ этихъ статей, въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» были помѣщены слѣдующія статьи: Умственное движеніе на мусульманскомъ востокѣ.—Хаджъ или пилигримство въ Мекку.—Мусульманскій праздникъ, и нѣкоторыя другія. Авторами этихъ статей были: гг. Пантусовъ, Миропіевъ, Казбековъ и Ибрагимовъ, русскій консулъ въ Джеддѣ, нынѣ покойный.

Ш. М. Ибрагимову принадлежитъ, между прочимъ, рядъ этнографическихъ очерковъ киргизскаго народа, подъ заглавіями: «Киргизы» (этнографическій очеркъ).—Пословицы и загадки киргизскаго народа.—О ишанахъ.—О муллахъ въ Киргизской степи, и др.

Статьямъ юридическаго характера отведено было видное мѣсто въ ряду другихъ статей, касающихся Туркестанскаго края. Кромѣ упомянутыхъ уже выше статей г. Граменицкаго и Арандаренко, въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщены были слѣдующія *юридическія статьи:* О подсудности брачныхъ дѣлъ между туземцами.—По поводу разъѣздовъ мировыхъ судей.—Къ вопросу о брачномъ правѣ у туземцевъ.—Замѣтки объ адвокатурѣ въ Туркестанскомъ краѣ.—О значеніи засвидѣтельствова-

нія подписи руки, явки акта у нотаріуса и совершенія нотаріальнаго акта.— По поводу назначенія туземцевъ на должности біевъ и волостныхъ старшинъ.—Рядъ статей г. Федоровскаго, подъ общимъ названіемъ: Юридическія замѣтки.— Уголовная статистика Туркестанскаго края.— Матеріалы для юридической статистики Туркестанскаго края.

Едва-ли не болѣе еще мѣста отведено было въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» *педагогическимъ вопросамъ*. Кромѣ упомянутыхъ уже выше статей о школьномъ образованіи у туземцевъ и обзора хода образованія въ городахъ Сырдарьинской области, въ нашей газетѣ были помѣщены слѣдующія еще статьи: Учительскіе съѣзды.—Очеркъ народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ.—Педагогическія злобы дня.—О мусульманскихъ школахъ.—Открытыя педагогическія бесѣды.—О значеніи реальнаго училища въ Ташкентѣ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизъ.— Къ вопросу о научномъ образованіи у туземцевъ.—Русско-туземныя школы и ихъ значеніе.— Курсы туземнаго языка для русскихъ.— Къ вопросу о народномъ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ.— Въ интересахъ учащихся.—Обзоръ хода ученія на вечернихъ курсахъ для туземцевъ.—Педагогическія бесѣды.—Число учащихся на ташкентскихъ вечернихъ курсахъ.— Общество вспомоществованія учащимся въ ташкентскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Необходимость низшихъ техническихъ и ремесленныхъ школъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Туркестанскій край представляетъ много рѣзкихъ особенностей въ санитарномъ отношеніи. Русское населеніе, прибывшее и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе прибывающее сюда, встрѣчаетъ здѣсь непривычный климатъ, непривычную обстановку, непривычныя условія жизни, незнакомыя мѣстныя болѣзни. Туркестанскіе врачи, по указанію окружнаго военно-медицинскаго инспектора, тайн. сов. И. П. Суворова, изучили, насколько возможно было, мѣстныя болѣзни, и результаты ихъ научныхъ работъ были помѣщены въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ». Таковы были статьи, имѣющія характеръ серьезнаго и обширнаго научнаго изслѣдованія: д-ра медицины К. Шалыгина—«Объ эндемическомъ зобѣ въ Кокандѣ»; врача Исакова — «Медицинскія замѣтки о брюшномъ тифѣ, появившемся въ Ташкентѣ въ 1877 году»; д-ра Сатинскаго — «Ташкентская язва или сартовская болѣзнь», его-же—«Къ вопросу о ташкентскихъ лихорадкахъ».— Замѣтки о чумѣ рогатаго скота въ Ташкентѣ.— Къ ученію о происхожденіи и развитіи ришты (д-ра И. Свіяжскаго).— Корь и дифтеритъ (д-ра Э. Околова).— О вредномъ дѣйствіи кукнара, опіума, гашиша, наши и спиртныхъ напитковъ (его же).—Коклюшъ (его же).— По поводу появленія дифтерита въ Ташкентѣ (его же).—Еще о дифтеритѣ и о мѣрахъ, пре-

пятствующихъ его распространенію.—Водка или чай (д-ра Яворскаго).— Извлеченіе изъ труда проф. Минха о проказѣ на югѣ Россіи и рефератъ профессора Минха о проказѣ.— Какъ предохранить себя отъ заболѣванія собачьимъ бѣшенствомъ (д-ра Батыршина).— Уничтоженіе въ болотахъ лихорадочной заразы (вр. Ольхина).— Въ виду слуховъ о холерѣ (д-ра К. Казанскаго).— О проказѣ и прокаженныхъ (его же).— Смертность и ея причины въ Казалинскѣ (вр. Шишова).— О крайней и неотложной необходимости устройства бактеріологической станціи въ Ташкентѣ (д-ра Атласова).—Холерная эпидемія 1892 г. въ Ташкентѣ (вр. Шульгина). Изъ этого краткаго перечня статей медицинскаго характера видно, что врачи Ташкента и вообще Туркестана не оставались безучастными къ вопросу изученія Туркестанскаго края въ медицинскомъ отношеніи. Если прибавить къ этому печатавшіеся въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» отчеты о болѣзненности и смертности въ краѣ, составленные военно-медицинскимъ управленіемъ, и отчеты мужскихъ и женскихъ амбулаторій въ разныхъ городахъ края, то станетъ яснымъ, что туркестанскіе врачи приняли горячее участіе не только въ посильной помощи болящимъ, русскимъ и туземцамъ, но и въ изученіи Туркестанскаго края въ медицинскомъ отношеніи. Прибавимъ къ этому еще статьи о нашихъ минеральныхъ водахъ: Джелалабадъ-Аюпскихъ, Арасанѣ, Педау, Курчукъ-ата, Шуръ, о Чимганской санитарной станціи, о Кара-Тюбинской санитарной станціи и пр.

Мы не имѣемъ никакой возможности привести здѣсь полный перечень выдающихся статей по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся Туркестанскаго края. Статьи въ нашу газету присылались отовсюду: изъ Вѣны, Ньюкастля, Петербурга, Москвы, Владивостока, изъ Египта и Алжиріи (инж. Гельмана). Мы не говоримъ уже о разныхъ городахъ Туркестанскаго края. Корреспонденціи присылались: изъ Самарканда, Катта-кургана, Бухары, Чарджуя, Керки, Ходжента, Маргелана, Намангана, Оша, Чимкента, Ауліеата, Пишпека, Каракола (нынѣ Пржевальскъ), Вѣрнаго, Кульджи, Кашгара.

Первые годы существованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства ознаменовались цѣлымъ рядомъ военныхъ экспедицій, вызванныхъ непріязненными отношеніями къ намъ со стороны сосѣднихъ ханствъ и бекствъ. Необходимо было уничтожить сосѣдній независимый Шахрисябзъ, бекства въ Зеравшанскихъ горахъ, усмирить полуразбойничій аулъ Ухумъ въ Нуратинскихъ горахъ, обезопасить наши семирѣченскія владѣнія отъ дерзкихъ покушеній со стороны независимаго Кульджинскаго ханства, подготовить— рядомъ рекогносцировочныхъ движеній по степи, отдѣляющей наши владѣнія отъ хивинскихъ — успѣхъ предстоящаго удара на Хиву, стариннаго и

дерзкаго врага Россіи. «Туркестанскія Вѣдомости» слѣдили за этими военными движеніями, и на страницахъ нашей газеты своевременно появлялись извѣстія изъ отрядовъ: рекогносцировочнаго ура-тюбинскаго и зеравшанскаго, искандеръ-кульскаго, красноводскаго и кульджинскаго.

Весною 1873 года начался знаменитый хивинскій походъ, имѣвшій большое значеніе въ азіятской политикѣ Россіи и низведшій гордую, хищническую Хиву на степень мелкаго и слабаго вассальнаго ханства. Русскіе отряды съ трехъ сторонъ двинулись къ Хивѣ: отъ Джизака, Оренбурга и Каспійскаго моря. Съ туркестанскимъ отрядомъ, выступившимъ изъ Джизака, шелъ главный начальникъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Въ его штабѣ, въ составѣ чиновъ главной квартиры, былъ и редакторъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», Н. А. Маевъ. Корреспонденціи его изъ отряда, печатавшіяся въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», дали возможность жителямъ Туркестанскаго края, съ тревогою слѣдившимъ за судьбою нашихъ отрядовъ, двигавшихся по раскаленной, безводной степи, знать всѣ подробности ихъ трудной походной жизни и боевыхъ успѣховъ. Н. А. Маевъ состоялъ при К. П. Кауфманѣ также и въ 1875 году, во время Кокандскаго похода, сокрушившаго безпокойнаго сосѣда Туркестана—независимое Кокандское ханство. Благодаря личному присутствію редактора при отрядѣ и участію его во всѣхъ дѣлахъ съ кокандцами и кипчаками, читатели «Туркестанскихъ Вѣдомостей» могли знать всѣ подробности похода. Выхода каждаго №-ра «Туркестанскихъ Вѣдомостей» ожидали съ нетерпѣніемъ, увѣренные найти въ немъ подробную корреспонденцію съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ 1874 года начались изслѣдованія Н. А. Маева въ отдаленныхъ провинціяхъ Бухарскаго ханства. Посѣтивъ Шахрисябзъ, Карши и Бухару, онъ собралъ подробныя распросныя свѣдѣнія о самыхъ отдаленныхъ восточныхъ бекствахъ Бухары — Гиссарѣ и Кулябѣ, а въ слѣдующемъ (1875) году лично изслѣдовалъ этотъ край, до того времени никѣмъ еще изъ европейцевъ непосѣщенный. Результатомъ этого путешествія, открывшаго для науки новый край, и другихъ путешествій Н. А. Маева по степной части Бухарскаго ханства, до предѣловъ Афганистана, были статьи, помѣщенныя въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ»: Отъ Ташкента до Шахрисябза. — Отъ Шахрисябза до Карши. — Очерки Бухарскаго ханства. — Результаты гиссарской экспедиціи. — Очерки Гиссарскаго края. — По восточнымъ бекствамъ Бухарскаго ханства. — Маршрутъ отъ Самарканда до Аму-дарьи.—Городъ Карши.—Долина Сурхана.—Степные пути отъ Карши до Аму-дарьи.—Изъ Карши къ Аму-дарьѣ.—Въ обратный путь.

Должно-ли говорить, что и всѣ другіе путешественники по Туркестану

и Средней Азіи, напр. Сѣверцовъ, Федченко, Вилькинсъ, Ошанинъ, бар. Каульбарсъ, Ивановъ, Регель, Матвѣевъ, Колоянп и др. печатали въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» сообщенія о своихъ изслѣдованіяхъ.

Важныя свѣдѣнія по физической географіи нашего края изложены въ статьяхъ «Вскрытіе и замерзаніе рѣкъ Сыра и Аму-дарьи». Статьи того-же автора: «Айбугиръ», «Туркестанская старина» и «Первые изслѣдователи Аральскаго моря» знакомятъ читателей съ этимъ внутреннимъ среднеазіятскимъ моремъ.

Таблицы метеорологическихъ наблюденій, производящихся въ ташкентской обсерваторіи, сообщенія Н. Б. Тейха объ анализахъ, произведенныхъ въ ташкентской химической лабораторіи, отчеты и сообщенія ученыхъ обществъ, напримѣръ Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Россійскаго общества садоводства, отчеты о выставкахъ, устраивавшихся въ Ташкентѣ, музыкальныя и театральныя замѣтки, интересныя наблюденія Н. С. Лыкошина надъ жизнью и бытомъ туземнаго населенія Ташкента,— все это находило себѣ мѣсто на страницахъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Отдѣлъ корреспонденцій не отличался обиліемъ и разнообразіемъ, что объясняется сравнительною вялостью жизни въ туркестанскихъ городахъ. Но если въ нихъ случалось что-либо выдающееся, тотчасъ-же обыкновенно появлялась о томъ подробная корреспонденція въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ»; напримѣръ, о землетрясеніи, разрушившемъ городъ Вѣрный, появились, кромѣ мелкихъ корреспонденцій, двѣ обстоятельныя и талантливо написанныя статьи, а о землетрясеніи въ г. Ошѣ нѣсколько подробныхъ корреспонденцій гг. Успенскаго и Зайцева. Подробно описанъ былъ также весь ходъ работъ по уничтоженію саранчи въ Перовскомъ и Кураминскомъ уѣздахъ и въ ближайшей къ Сыръ-дарьѣ части Голодной степи. Сообщенія объ этомъ доставили Е. А. Александровъ и Л. А. Синицынъ.

Въ 1892 году Н. А. Маевъ, утомленный 22-лѣтнимъ непрерывнымъ редактированіемъ (въ послѣдніе годы—безъ помощника) газеты, получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ, а вслѣдъ затѣмъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, по болѣзни. Съ его отъѣздомъ въ апрѣлѣ этого года изъ Ташкента, редактированіе «Туркестанскихъ Вѣдомостей» было возложено на состоявшаго по корпусу флотскихъ штурмановъ шт.-кап. А. П. Романовича, бывшаго сотрудника «Яхты», «Кронштадтскаго Вѣстника» и «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Новый редакторъ, по указанію Его Высокопревосходительства барона А. Б. Вревскаго, пожелавшаго раньше всего, чтобы газета стала

ближе къ жизни, внесъ въ «Туркестанскія Вѣдомости» нѣсколько существенныхъ измѣненій: такъ съ 1893 года «Туркестанскія Вѣдомости» стали выходить два раза въ недѣлю (по воскресеньямъ и четвергамъ); усиленъ отдѣлъ корреспонденціи, чтобы слѣдить по возможности за жизнью различныхъ частей нашего края; доставляется почетное мѣсто статьямъ и изслѣдованіямъ жизни русскихъ крестьянскихъ поселеній въ Туркестанѣ; пограничнымъ дѣламъ удѣляется соотвѣтствующее ихъ значенію вниманіе, причемъ сообщаемыя свѣдѣнія основываются на первоисточникахъ и отличаются полною достовѣрностью, и пр. Нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за этотъ послѣдній періодъ, упомянуты уже въ вышеприведенномъ перечнѣ. Мы позволимъ себѣ здѣсь, въ дополненіе къ сказанному, указать только еще на нѣсколько статей наиболѣе важнаго характера. Съ 1892 г. «Туркестанскія Вѣдомости» неустанно слѣдили за Памирами и Памирскимъ вопросомъ. Напечатавъ статью «Дѣйствительное положеніе дѣлъ на Памирахъ» (см. 1892, № 36), обратившую на себя вниманіе всей лондонской печати, мы затѣмъ все время давали свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ на Памирахъ, знакомя въ тоже время нашихъ читателей съ этой малоизвѣстной мѣстностью. Напомнимъ о статьяхъ и корреспонденціяхъ г. Баньковскаго, объ обширномъ трудѣ д-ра Казанскаго «Вблизи Памировъ», о статьѣ г. Александровича «Шугнанъ», о письмахъ путешественника Sven Hedin'а, о солидной и авторитетной статьѣ «Характеръ китайскаго управленія Кашгаріею», о самостоятельномъ трудѣ г. Тарновскаго «Бадхызъ и Пендэ», о его же компилятивной статьѣ «Кафиристанъ» и о многочисленныхъ переводныхъ статьяхъ и постоянныхъ извлеченіяхъ изъ англо-индійскихъ газетъ. Статьи по археологіи нашего извѣстнаго востоковѣда Н. Ф. Петровскаго, немногочисленныя, но полныя глубокаго научнаго значенія, читатели, вѣроятно, хорошо помнятъ; статьи молодаго ученаго г. Бартольда тоже должны быть имъ памятны. Библіографія Средней Азіи, на сколько позволяютъ силы редакціи, составляетъ предметъ постояннаго вниманія послѣдней. Печатающійся трудъ г. Дмитровскаго «Библіографія Азіи» является несомнѣнно весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу библіографическую литературу. Обширныя статьи г. Петрова «Замѣтки по ирригаціи» составляютъ безъ сомнѣнія важный и серьезный трудъ, первый въ своемъ родѣ. Г-нъ Гейеръ, въ рядѣ талантливо написанныхъ очерковъ «По русскимъ селеніямъ Сыръ-дарьинской области», ознакомилъ съ жизнью, бытомъ и нуждами новыхъ пришельцевъ въ Туркестанъ, русскихъ крестьянъ-переселенцевъ. Въ заключеніе напомнимъ о статьяхъ гг. Бродовскаго, Смирнова Н. К., Смирнова Е. Т. и Островскаго, не перечисляя ихъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ право съ гордостью сказать, что русскіе люди, занявъ богатый Туркестанскій край, тотчасъ же энергически принялись за его подробное изученіе. Доказательства тому на лицо: это статьи нашей газеты, на которыя мы указали въ только-что законченномъ краткомъ очеркѣ дѣятельности «Туркестанскихъ Вѣдомостей» въ теченіе 25 лѣтъ.

Теперь, стоя на рубежѣ истекающаго двадцатипятилѣтія и оглядываясь на прошлое, мы смѣло можемъ утверждать, что въ теченіе своего четверть-вѣковаго существованія «Туркестанскія Вѣдомости» дали богатый матеріалъ для изученія Туркестана, которымъ и пользовались люди науки.

Исполнены-ли вообще указанія незабвеннаго «устроителя Туркестана» Константина Петровича Кауфмана и нынѣшняго главнаго начальника края барона Александра Петровича Вревскаго, относящагося съ неизмѣннымъ сердечнымъ расположеніемъ къ наукѣ и печатному слову,—судить не намъ.

Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ.

Предлагаемое извѣстіе взято изъ сочиненія персидскаго писателя Мухаммеда-ал-Ауфи «Сборникъ анекдотовъ и собраніе блестящихъ разсказовъ» (جامع الحكايات ولامع الروايات[1]), написаннаго въ Индіи въ VII в. гиджры для Низам-ул-мулька[2]) Мухаммеда ибнъ-Абу-Са̒ да аль-Джунейди, везиря султана Шемс-эд-дина Абу-л-музаффара Ильтмиша (умершаго въ

---

1) При установленіи текста я пользовался тремя рукописями: рукоп. СПБ. Унив. № 648 (U) и двумя рукописями Имп. Публ. Библ.: IV, 2, 33 (P) и V, 4, 31, (P_1). Рукоп. U несравненно лучше и древнѣе другихъ, но къ сожалѣнію далеко не полна (недостаетъ всего перваго отдѣла): кромѣ того во многихъ мѣстахъ страницы повреждены. Рукоп. P не датирована; рукоп. P_1 относится къ 1032 г. гиджры (1622—23 г. по Р. Хр.). Рукоп. P, какъ рукоп. Вѣнской библ. № 422 (по каталогу Флюгеля), озаглавлена: جوامع الحكايات ولوامع الروايات. Уже послѣ окончанія статьи я получилъ возможность свѣрить текстъ съ рукописью Брит. Муз. Or. 2676 (не вошедшей въ каталогъ Rieu), написанной въ 732 г. гиджры (L).

2) Въ каталогѣ Флюгеля (Verzeichniss der arabischen, persischen und türkischen Handschriften der kais.-kön. Hofbibliothek zu Wien, Wien 1865, I, 410) по ошибкѣ сказано, что сочиненіе Ауфи написано для Низам-уль-мулька, везиря сельджукскаго султана Меликшаха. Флюгель ссылается на Хаджи-Хальфу (II, 510, № 3899), который однако говоритъ только,

633 г. въ ша'банѣ = 1236 г. по Р. Хр.[1]). Книга Ауфи, раздѣленная на четыре отдѣла (قسم), заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ собраніе историческихъ анекдотовъ, служащихъ для поясненія различныхъ нравственныхъ сентенцій; кромѣ того авторъ въ первомъ отдѣлѣ даетъ краткій очеркъ исторіи персидскихъ царей до ислама и исторіи халифовъ, а въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщаетъ нѣсколько главъ географическаго и космографическаго содержанія. Приведенный ниже отрывокъ составляетъ часть главы «О путяхъ и государствахъ» (در بیان مسالك وممالك), отд. IV гл. 16.

روس[2] در جزیرهٔ ساکنند در دریائی که طول[3] وعرض آن جزیره سه روزه در سه روزه راهست ودر آن جزیره درختان وبیشهاست وکرد بر کرد او دریاست وایشان پیوسته دزدی کنند وزندکانی وکسب خوذ در شمشیر دانند واکر یکی از ایشان وفات کند واز وی پسری ودختری بماند مال تمامت بدختر دهند وپسررا یك شمشیر بیش ندهند وکویند پذر تو مال بشمشیر کسب کرده بوذ تا در سال ثلثمایه از هجرت مصطفی علیه الصلوة والسلام والتحیّة ترسا شذند وکیش ترسائی قبول کردند وآن شمشیرها در نیام کردند وچون کسبی دیکر ندانستند[4] ودر[5] کسب بر[6] ایشان بسته شذ مضطرب شذند وعیش بر ایشان تنك شذ بذین سبب بذین[7] اسلام رغبت کردند ومسلمان شذند وباعث مر ایشانرا بر اسلام آن بوذ کی تا در[8] غزو وجهاد برایشان حلال می شوذ ورسولان فرستاذند بخدمت خوارزمشاه وآن رسولان چهار تن بوذند از خویشان[9]

что книга написана للوزیر نظام الملك شمس الدین. Ошибка Флюгеля произошла потому, что въ вѣнской рукописи недостаетъ первыхъ листовъ, гдѣ подробно разсказывается исторія возникновенія книги. Авторъ служилъ раньше одному изъ пенджабскихъ владѣтелей, Насир-эддину Кабаджѣ قباجه, (такое чтеніе принято Элліотомъ (History of India, II, 302) и Raverty (Tabakāt-i-Nāsirī, p. 531) и по его порученію началъ составлять свой сборникъ; но еще до окончанія его произошла война между Насир-эддиномъ и султаномъ Ильтмишомъ, кончившаяся пораженіемъ и самоубійствомъ перваго (19-го джумāди ль-āхира 625 г. = 26-го мая 1228 г.). Окончить свое сочиненіе Ауфи удалось уже потомъ, благодаря покровительству везиря Джунейди.

1) Raverty, Tabakāt-i-Nāsirī, p. 623.

2) Соотвѣтствующее мѣсто: U л. 158 — 159, P л. 408, P_1 л. 396, L л. 67—68.

3) U طول او.

4) P نداشتند.

5) P и P_1 безъ و.

6) Слога بر нѣтъ въ U, но онъ есть въ L.

7) U L только بذین, P پس بدین, P_1 بذین سبب.

8) P и P_1 опускаютъ تا در.

9) Изъ слѣдующей фразы въ P только: بولاد پادشاه ایشان.

پادشاه که مستقل بوذ[1] بنفس خوذ واورا بولاذمیر[2] لقب بوذ چنانك ملك ترکستانرا خاقان وملك بلغاررا بطلطو[3] جون رسولان بخوارزمشاه رسیذند خوش‌دل شد بسبب آنك باسلام راغب شذند وایشانرا تشریفها داذ وکس فرستاذ از ایما تا ایشانرا شرایع الاسلام اموزذ پس جمله مسلمان شذند وایشان بزمینهای دوردست روند بغزو وپیوسته در دریا سفر کنند در کشتیها وهرکشتی‌را که بیابند بزنند ومال ببرند وایشان بقوّت از همه اقوام زیادت باشند الا آنك ایشانرا اسب نیست کی اکر ایشانرا اسب بوذی[4] عظیم برخلق استیلا یافتندی[5]

«Русы живутъ на одномъ островѣ среди моря[6]); какъ въ длину, такъ и въ ширину островъ простирается на три дня пути[7]). На томъ островѣ есть деревья и лѣса[8]); онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ. Они постоянно занимаются разбоемъ и знаютъ только одно средство добывать себѣ пропитаніе — мечъ. Если кто-нибудь изъ нихъ умретъ и послѣ него останутся сынъ и дочь, то все имущество отдаютъ дочери, а сыну не даютъ ничего, кромѣ одного меча, и говорятъ ему: «Твой отецъ добылъ себѣ имущество мечомъ»[9]). (Такъ было до тѣхъ поръ), пока они не сдѣлались христіанами въ 300 г. гиджры; принявъ христіанство, они вложили тѣ мечи въ ножны. Такъ какъ они не знали другого способа добывать себѣ пропитаніе, а прежній былъ (теперь) для нихъ закрытъ, то ихъ дѣла пришли въ разстройство, и жить стало имъ трудно. Поэтому они почувствовали склонность къ религіи ислама и сдѣлались мусульманами; ихъ побуждало

---

1) Такъ U L (безъ که); P_1 بوذند.

2) Такъ U; P_1 پولادمیر L فولاذمیر.

3) Такъ U L; P_1 بطلطون и еще خوانند. Якутъ (I, 723 — 724) بلطوار.

4) U еще ایشانرا.

5) P_1 داشتندی; въ U страница повреждена; L ایشانرا بر خلق عظیم استیلا بوذی.

6) Это извѣстіе изъ Ибнъ-Русте; Хвольсонъ, Извѣстія о хазарахъ и т. д. Ибнъ-Даста, Спб. 1869, стр. 34; de Goeje. Bibl. Geogr. Arab. VII, ۱۴۵.

7) Ибнъ-Русте говоритъ только, что островъ простирается на три дня пути; но уже персидскій писатель Кардизи (443 — 444 гг. = 1051 — 1053 гг.), заимствовавшій почти всѣ свои извѣстія у Ибнъ-Русте, говоритъ о размѣрахъ острова въ тѣхъ же словахъ, какъ Ауфи (рукоп. Бодлеянской библ. въ Оксфордѣ, по Катал. Ethé № 15; я пользуюсь выписками, сдѣланными для акад. А. А. Куника и напечатанными въ типографіи Акад. Наукъ. Экземпляръ любезно предоставленъ мнѣ барономъ В. Р. Розеномъ).

8) По Ибнъ-Русте лѣса и болота; у Кардизи какъ у Ауфи.

9) Объ этомъ разсказывается и у Ибнъ-Русте, но нѣсколько иначе: по его словамъ отецъ кладетъ передъ новорожденнымъ сыномъ обнаженный мечъ и говоритъ ему: «Я не оставлю тебѣ имущества, и нѣтъ у тебя ничего, кромѣ того, что ты пріобрѣтешь этимъ мечомъ». См. Хвольсонъ, 35; de Goeje l. c. VII, ۱۴۵. Кардизи здѣсь буквально слѣдуетъ Ибнъ-Русте.

къ этому желаніе получить право вести войну за вѣру. Они отправили пословъ къ хорезмшаху; пословъ было четверо, изъ родственниковъ царя, правившаго вполнѣ самостоятельно и носившаго титулъ Буладмира, какъ туркестанскій царь носитъ титулъ хакана, болгарскій — титулъ владаваца[1]). Когда послы пришли къ хорезмшаху, онъ очень обрадовался ихъ желанію принять имамъ, пожаловалъ имъ почетные подарки и отправилъ одного изъ имамовъ, чтобы научить ихъ правиламъ ислама. Послѣ этого они всѣ сдѣлались мусульманами[2]). Они совершаютъ походы на отдаленныя земли, постоянно странствуютъ по морю на судахъ, нападаютъ на каждое встрѣчное судно и грабятъ его[3]). Могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только что у нихъ нѣтъ лошадей; если бы у нихъ были лошади, то они пріобрѣли бы господство надъ многими народами».

Разсказъ Ауфи любопытенъ во-первыхъ какъ единственное до сихъ поръ найденное извѣстіе, въ которомъ упоминается имя Владиміра Святого[4]), во-вторыхъ какъ косвенное подтвержденіе разсказа Несторовой лѣтописи объ отправленіи Владиміромъ посольства для испытанія вѣръ. Посольство къ мусульманамъ легко могло быть истолковано мусульманами въ смыслѣ желанія русскихъ принять исламъ. Новѣйшіе русскіе историки считаютъ это лѣтописное извѣстіе легендой[5]); но въ самомъ фактѣ отправленія посольства нѣтъ ничего невозможнаго. По справедливому замѣчанію Соловьева, русскимъ не было надобности искать въ чужихъ земляхъ представителей различныхъ религій, которые уже давно распространяли свои ученія въ самой Россіи; но съ другой стороны вполнѣ естественно желаніе, прежде чѣмъ остановить свой выборъ на одной изъ этихъ религій, познакомиться съ ихъ дѣйствіемъ тамъ, гдѣ онѣ уже получили господство.

---

1) Чтеніе بلطواز = Владавацъ было предложено Сенковскимъ (для текста Ибнъ-Фадлана) и принято позднѣйшими учеными. См. Гаркави Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 106; Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 93, 96. Френъ хотѣлъ сначала читать بلطمار = Владиміръ (Ibn-Foszlan, p. LVI, прим.).

2) Любопытно, что авторъ книги هفت اقليم, написанной въ концѣ XVI в., говоря о русскихъ, замѣчаетъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые «украсили себя одеждой ислама», (كه مزين بلباس اسلام كرديده اند) сохранили страсть къ свиному мясу (Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane, texte persan publié par Charles Schefer, Paris 1892, p. ۲۸۷).

3) Объ этихъ набѣгахъ Ибнъ-Русте и Кардизи говорятъ только, что русскіе на судахъ постоянно нападаютъ на славянъ, увозятъ ихъ въ плѣнъ и продаютъ хазарамъ и болгарамъ.

4) Транскрипція بولاذمير передаетъ это имя довольно точно, особенно въ формѣ Володимиръ. Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ мнѣ, что имя Владиміра не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ ему мусульманскихъ историческихъ сочиненій.

5) Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. товарищества «Общественная польза», кн. I, стр. 165. — Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, Москва 1880, стр. 98 — 102.

Какъ русское, такъ и мусульманское извѣстія относятся къ сравнительно позднему времени; оттого неудивительно, что въ нихъ встрѣчаются противорѣчія. По разсказу лѣтописца[1]) пословъ было 10 человѣкъ; притомъ они были отправлены не въ Хорезмъ, а къ волжскимъ болгарамъ. Вполнѣ возможно, что болгары направили пріѣхавшихъ къ нимъ пословъ въ Хорезмъ, куда они сами обращались за разрѣшеніемъ своихъ религіозныхъ сомнѣній[2]).

Въ примѣчаніяхъ къ переводу Ауфи мы привели нѣкоторые источники, изъ которыхъ онъ повидимому заимствовалъ свои свѣдѣнія; но о томъ, какъ дошло до него извѣстіе о посольствѣ Владиміра, мы ничего не можемъ сказать. Замѣтимъ только, что Ауфи, судя по одному мѣсту въ его книгѣ, въ молодости былъ въ Хорезмѣ[3]).

Въ заглавіи этой замѣтки свѣдѣнія Ауфи названы «новымъ» мусульманскимъ свидѣтельствомъ. А. А. Кунику я обязанъ указаніемъ на книгу барона Гаммера «Sur les origines russes», St.-Pétersb. 1827, гдѣ изъ Шукруллахова بهجة التواريخ и изъ جامع التواريخ турецкаго автора Мухаммеда Кятиба приводятся свѣдѣнія, несомнѣнно заимствованныя изъ приведеннаго нами отрывка Ауфи.

Но у этихъ авторовъ текстъ Ауфи до такой степени исковерканъ и испорченъ въ важнѣйшихъ мѣстахъ[4]), что эпитетъ «новый» всетаки можетъ быть сохраненъ появляющемуся теперь впервые свидѣтельству Ауфи о Русахъ. Чтобы это не показалось голословнымъ утвержденіемъ, я позволяю себѣ привести здѣсь въ подлинникѣ слова Гаммера:

P. 48. Les Russes... L'an de l'Hégire *303* on les *craignit*, et cette peur (des autres) les fit Musulmans. Leur but en se convertissant étoit de légitimer le butin. Lorsqu'ils étoient devenus Musulmans, ils envoyèrent quatre ambassadeurs au Sultan de Khowaresm en lui donnant la nouvelle de leur conversion, qui fit un plaisir infini au Sultan. Il leur envoya des présens.

---

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографической коммиссіи, (СПБ. 1872 г., стр. 104.

2) Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 92.

3) Въ отд. I гл. 13 говорится о хитрости, посредствомъ которой Турканъ-хатунъ, мать хорезмшаха Мухаммеда, отразила нашествіе гурійцевъ на Хорезмъ; Ибн-аль-Асиръ (XII, 121—122) относитъ это нашествіе къ концу 600 г. гиджры (къ лѣту 1204 г. по Р. Хр.). Разсказъ Ауфи начинается словами: چنين گويد مؤلف اين كتاب كه در سال كه دعاگوى بخوارزم بود الخ (Р. л. 186; въ рукоп. P_1 этого анекдота нѣтъ).

4) Любопытно однако разногласіе трехъ редакцій относительно года отправленія русскаго посольства. Во всѣхъ рукописяхъ Ауфи, которыми мы пользовались, стоитъ только ثلثمايه.

Ils sont actuellement toujours en guerre, mais fort éloignés; tout le monde n'en entend pas parler; ils guerroient beaucoup sur mer et n'ont point de chevaux.

P. 65—66. Les Russes... L'an de l'Hégire *333* ce peuple fut éclairé par le rayon de la direction divine et se convertit à l'Islam pour jouir à juste titre de son butin. Ils envoyèrent *un* Ambassadeur à Sultan Khowaresmchah et lui annoncèrent leur conversion....

Тексты:

P. 109: ایشانرا ترسانیدند بسبب ترس مسلمان شدند اما غرض ازمسلمانئ
ایشان آن بود که غنیمت بر ایشان حلال باشد ... اما دورند همه کس نمی شنود

P. 124:

.... وهجرت نبوتیه‌نك سنهٔ ثلث وثلثین وثلثمایه تاریخنده بو طایفه یه هادی هدایت
ایدوب غنیمتلری کندولره حلال اولمق ایچون دین اسلامه کلدیلر اول زمانلرده اول
سمتده اسلام پادشاهلرندن سلطان خوارزم شاه جانبنه ایلچی کوندروب دین اسلامه
مشرف اولدقلرین عرض ایلدیلر الخ

В. Бартольдъ.

Буразанъ.

Донесеніе Хотанскаго торговаго агента Абду-с-Саттара Н. Θ. Петровскому.

ایمپراطور اعظم اق پادشاه نینك کاشغر کونسولی دیستوی تیلنی اسطاطسکی صاویت‌نیك
پیطرفسکی توره غه عرض نامه

عزتلو ودرمتلو اولوغیمز جنابلاریغه کمینه خذمتکارلارینی اوتونوب توتغان عرضم نینك
اوچوری مرحمت قیلیب بورازان قشلاق توغریسیدین تحقیقلاب منکا معلوم قیلینك
دیب فرمایش قیلغان ایکانلار فقیر در حال چیقیب بورازانغه باریب ایلانیب خلق
لاردین سورسم حلال باغ دیکان کنت‌ده دیب تعین قیلغان دین کین باریب کوردوم
بر کهنه سفیل نی آزراق اثری بار ایکان انی اوزونی ایلیك قولاج اینی اون قولاج
وبلندلیکی بعض یرلاری اوچ قولاج وبعضی یرلاری بیش قولاج وینه بر بولاك سفیل
موندین اون بیش قولاج اراسی اوزولوب زراعت کاه بولوب ایکان واول بولینکان

سفیل نی هم اوزونلیغی ایلیك قولاج وبلندی لیکی اوج قولاج تیغەسی نینك اینی
بعضی یری بر قولاج وبعضی یری بریم قولاج و تیکینی قلین لیغی بعضی برلاری
اوج قولاج وبعضی برلاری ایکی قولاج زیراکه دهقانلار تیکیدین سو اقتیب جافیب
زراعت قیلیب دور مغرب طرف شمال طرفی وجنوب طرفی خلقلار نینك اویلاری
وایکین جایلاری دور باشقه عمرسه نینك اثری یوقدور و مشرق طرفی قمیش لیق ایکان
واول قمیش لیقنی اینی تخمینًا منك قولاج واوزونی تخمینًا اون جقریم کیلادور وبو
سفیل نی یقیلغانلاریدین هیچ عمرسه چقماس ایکان واول حلال باغدین یانیب یوتغان
دیکان کنتکا کیلدیم مذکور حلال باغ بیله یوتغان نینك اراسی تخمینا سکز جقریم
کیلادور بو کنتلار بورازان‌نینك تابع کنتلاری ایکان مذکور یوتغاندین تصویر
لیغی و یاقوت و کهنه وصورت لیغ سفال ومس وطلا وآق تنکه وینه نچند قسم عمرسەلار
چقار ایکان بو کنت اورتەسی یارلیغ ایکان بویارنینك اینی بعضی برلاری اون قولاج
و بعضی برلاری تخمینًا بیش یوز قولاج وچوقور لیغی بیش قولاج و بو یارلیغ نینك توله
برلاری زراعت قیلینغاندور یار کونلارده زراعت قیلغوچی دهقانلار یارنی جافیب سو
اقتیب جافغانلاریده شونداغ تصویرلیغ عمرسەلار چقار ایکان قش کونیده اشلامس
ایکان مذکور کنت‌نی یوقاری سیده جامغورچی دیکان کنت بار ایکان اورتەسی تخمینًا
اوج جقریم کیلور شبو مذکور ایکی کنت بر بریکا متصل دور مذکور تصویر لیغ تاشلار
مذکور چقریمنی اراسیدین چقار ایکان وبو ایکی کنت نینك اياغ طرفیدین ویوقاری
طرفیدین هیچ عمرسه جقماس ایکان

ПЕРЕВОДЪ.

Величайшаго Императора, Бѣлаго Царя Кашгарскому Консулу, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Петровскому-Тюре докладъ.

Почтенному и уважаемому нашему начальнику, превосходительному, ихъ нижайшаго слуги почтительно посланный нашъ отвѣтный докладъ. Оказавъ милость, изволили дать приказъ изслѣдовать и доложить Вамъ о кишлакѣ Буразанъ. (Я) покорный, немедленно въ Буразанъ отправился; объѣхавъ кругомъ (мѣстность), спрашивалъ жителей и, узнавъ въ точности, что въ кентѣ Халялъ-багъ (находятся древности), туда поѣхалъ и видѣлъ небольшіе слѣды старой глиняной стѣны; длина ея 50 саженъ, ширина 10-ть, высота — мѣстами 3 сажени, мѣстами 5 саженъ; кромѣ того, другая стѣна находится отъ этой въ 15 саженяхъ; прорывъ между ними — подъ пашнями. Длина этой, отдѣленной отъ первой, стѣны 50 саженъ, высота 3 сажени, толщина въ верху мѣстами 1 сажень, мѣстами

$^1/_2$ сажени; по низу — мѣстами 3 сажени, мѣстами 2 сажени, потому что пахари подводятъ воду подъ стѣну и разбиваютъ ее на пашни (для удобренія). На западной, сѣверной и южной сторонахъ находятся дома и пашни; другихъ никакихъ слѣдовъ (древности) нѣтъ; на восточной сторонѣ—мѣстность, покрытая камышемъ, шириною около 1000 саж., длиною около 10 верстъ. При разрушеніи стѣны ничего не находятъ. Возвратясь изъ Халяль-бага, поѣхалъ въ кентъ Ютганъ; между ними около 8 верстъ. Этотъ кентъ—въ зависимости (административной) отъ Буразана. Въ означенномъ кентѣ находятъ рѣзные камни ляла, яхонта, терракотты, мѣдь, золотыя и серебряныя монеты и разные другіе предметы. Посреди кента—ровъ; ширина рва мѣстами 10 саж., мѣстами около 500 саж., глубина 5 саж.; но тамъ — много пашень. Весною пахари, разбивая землю и пуская воду, находятъ означенныя вещи; зимою не работаютъ. Въ верховьи означеннаго кента, въ разстояніи около 36 находится кентъ Чамгурчи; оба кента соприкасаются другъ съ другомъ (своими пашнями). Между этими кентами встрѣчаются означенныя вещи; въ верховьяхъ и низовьяхъ ихъ ничего не находятъ.

По поводу „Китаби Коркудъ“ [1]).

Вышедшая недавно вторая половина VIII тома Записокъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (вып. III—IV), представляетъ для нашего края особый интересъ статьей В. В. Бартольда. Статья эта посвящена въ высшей степени интересному памятнику древне-тюркской словесности, *Китаби-Коркудъ*, т. е. книгѣ о Коркудѣ.

Намъ, живущимъ въ Закаспійскомъ краѣ, хорошо извѣстно, что туркмены считаютъ своимъ родоначальникомъ нѣкоего Салоръ-Казана, отъ котораго они ведутъ свою якобы родословную. Условія родоваго быта, въ которомъ пребываютъ наши сожители, вызываютъ у всѣхъ народовъ по-

---

1) Перепечатано изъ издающейся въ Асхабадѣ съ начала этого года газеты «Закаспійское обозрѣніе», № 1 отъ 12 января 1895 г.

требность въ подобныхъ родословныхъ, которыя они ведутъ подчасъ и отъ дѣйствительно историческихъ личностей, окружая ихъ миѳической обстановкой. Эта миѳическая обстановка выражается въ цѣломъ циклѣ сказаній, преданій и пѣсенъ, которыя передаются въ народѣ изъ рода въ родъ, изустно, рѣдко въ записанномъ видѣ, и представляющихъ для насъ матеріалъ первостепенной важности для дѣйствительнаго знакомства съ духовнымъ міромъ народа.

Однимъ изъ такихъ счастливыхъ исключеній является рукопись Дрезденской Королевской Библіотеки «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ». Племя огузовъ (у арабскихъ историковъ—гузовъ) были предками нашихъ туркменъ и, вѣроятно, многихъ другихъ племенъ западно-тюркскаго народа [1]).

В. В. Бартольдъ посвятилъ свою статью переводу одного изъ 12-ти отдѣльныхъ эпическихъ разсказовъ, а именно въ предлежащей II-й ч. VIII-аго тома «Записокъ» мы имѣемъ текстъ и переводъ «Пѣсни объ удаломъ Домрулѣ, сынѣ Духа-Ходжи». Названія остальныхъ пѣсенъ нижеслѣдующія [2]):

1) Предисловіе.

2) Богачъ-Джанъ, сынъ Дерсехана.

3) Разграбленіе дома Салоръ-Казана.

4) Бамси Бейрекъ, сынъ Камъ-Буры.

5) Какъ сынъ Казанъ-бека Урузъ былъ взятъ въ плѣнъ.

6) Выше упомянутая пѣснь о Домрулѣ.

7) Канъ-Турали, сынъ Каплы-Коджи.

8) Іекенкъ, сынъ Казылыкъ-Коджи.

9) Какъ Бисатъ убилъ Депе-Гёза.

10) Амранъ, сынъ Бекиля.

11) Шекрекъ, сынъ Ушунъ-Коджи.

12) Какъ Салоръ-Казанъ былъ взятъ въ плѣнъ и какъ сынъ Урузъ освободилъ его.

13) Возстаніе Ташъ-огузовъ противъ Ичъ-огузовъ и смерть Бейрека.

Изъ этого видно, что сказанія о Салоръ-Казанѣ входятъ въ циклъ о Коркудѣ. То, что дѣйствіе происходитъ на армянской возвышенности, какъ говоритъ В. В. Бартольдъ, для насъ не имѣетъ особаго значенія. Коркуда и Салоръ-Казана мы встрѣчаемъ у насъ въ Средней Азіи, а именно въ сказаніяхъ туркменъ, записанныхъ Хивинскимъ Ханомъ Абуль Гази

---

1) Мы надѣемся дать читателямъ «Закаспійскаго Обозрѣнія» болѣе подробныя свѣдѣнія объ огузахъ.

2) Сообщены намъ въ частномъ письмѣ В. В. отъ 26 янв. 1894 г.

Бехадуромъ, авторомъ извѣстной Родословной Турокъ (Шеджерейе Атракъ). Эти сказанія мы изложимъ по неизданной еще рукописи его другаго сочиненія *Родословная Туркменъ*, находящейся въ Ташкентской Публичной Библіотекѣ.

Послѣ того, какъ Огузово племя покинуло свою родину, страну Иссыкъ Куля, Алмалыка, Сейрама и горъ Олугъ Тагъ и Кечекъ Тагъ и поселилось въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, трое ходжей, въ числѣ которыхъ былъ изъ племени Кай [1]) Коркутъ Ата, сынъ Кара Ходжи, провозгласили ханомъ нѣкоего Иналь Яви, тоже изъ племени Кай. Коркутъ Ата сталъ его совѣтникомъ (Инакъ бекомъ) и Иналь Яви во всемъ слѣдовалъ его совѣтамъ. Коркутъ Ата прожилъ 95 лѣтъ и служилъ слѣдующимъ ханамъ: Иналь Яви, Дуйли Кайю, Ирки, Туману и Каплы-Яули. Это происходило въ эпоху Аббасидскихъ халифовъ. О Салоръ Казанѣ мы читаемъ у Абуль Гази, что онъ былъ современникомъ Коркута [2]) и сыномъ его товарища Ходжи Энкеша. Это былъ богатырь (Альпъ), который, по словамъ Туркменской пѣсни, приведенной Абуль Гази, «положилъ въ котелъ мясо сорока одной лошади;

Этотъ котелъ взялъ лѣвой рукой,
А правой раздавалъ куски народу».

Онъ же отрубилъ голову лютому змѣю, спустившемуся съ неба и пожиравшему людей. Онъ воевалъ съ сосѣднимъ племенемъ Беджне [3]), ханъ котораго, Тоймадукъ, однажды похитилъ его мать Чечаклю и которую выкупилъ его отецъ Энкешъ.

«Тридцать, сорокъ тысячъ войска собравъ,
Отправился Салоръ Казанъ на собакъ Беджне».

Преданіе приписываетъ этому же Салоръ Казану обращеніе Огузова племени въ Исламъ и реорганизацію родоваго устройства. Кончаетъ богатырь свою кипучую дѣятельность путешествіемъ въ Мекку на богомолье.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти свѣдѣнія о Салоръ Казанѣ могутъ быть въ значительной степени пополнены изъ Китаби-Коркудъ. Очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же цикломъ преданій, только перенесенными откочевавшими ордами на Малоазіатскую почву.

В. В. Бартольдъ передаетъ, что о Коркудѣ говорится, что онъ происходилъ изъ племени Баятъ и жилъ около времени пророка. «Онъ не бо-

---

1) Среди Гокланъ есть отдѣленіе, носящее это имя.
2) Абуль Гази говоритъ, что Салоръ Казанъ жилъ триста лѣтъ послѣ пророка.
3) Быть можетъ Печенѣги нашихъ лѣтописей.

гатырь, а патріархъ, главный выразитель и хранитель народной мудрости; его авторитету подчиняется весь народъ». Все это весьма схоже съ тѣмъ, что передаетъ Абуль Гази. Будемъ надѣяться, что В. В. Бартольдъ не остановится передъ трудностями перевода, представляемыми архаическимъ языкомъ памятника, которыя онъ такъ удачно преодолѣлъ въ пѣснѣ о Домрулѣ и дастъ намъ полный переводъ Китаби-Коркудъ. Быть можетъ и у насъ въ краѣ найдутся интересующіеся этимъ вопросомъ и поразвѣдаютъ, что сохранилось въ народной памяти изъ этихъ преданій. Тогда явится возможность реставрировать этотъ характерный и интересный циклъ преданій.

А. Туманскій.

Коркудъ.

Въ статьѣ о старо-турецкой поэмѣ «Китâби-Коркудъ» я между прочимъ высказалъ предположеніе о тожествѣ героя поэмы съ киргизскимъ святымъ Хорхутомъ, гробница котораго находится на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, гдѣ въ X в. была столица огузовъ [1]). Уже послѣ напечатанія статьи я узналъ, что у туркменъ, прямыхъ потомковъ средневѣковыхъ огузовъ [2]), до сихъ поръ сохраняется преданіе о Коркудѣ; сличеніе этого преданія съ киргизскимъ преданіемъ о Хорхутѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ тожествѣ обѣихъ личностей.

Сообщеніемъ туркменскаго преданія я обязанъ любезности А. Г. Туманскаго. Позволю себѣ привести отрывокъ изъ его письма: «Имя Коркуда даже и до сихъ поръ живетъ среди туркменъ, о чемъ можетъ свидѣтельствовать поговорка, записанная мною отъ одного эрсаринскаго муллы: قورقوديڭك كوريني قازما («не рой могилы Коркуду»), смыслъ которой станетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что по народной легендѣ Коркудъ яв-

1) См. Зап. Вост. Отд. Археол. Общ., т. VIII, стр. 204.

2) Любопытно, что еще теперь многіе туркмены называютъ предкомъ своего народа Узъ-хана, т. е. Огузъ-хана, см. Галкинъ, Этнографическіе и историческіе матеріалы по средней Азіи и Оренбургскому краю, Спб. 1868, стр. 5. Переходъ слова Огузъ въ Узъ, какъ извѣстно, прямо вытекаетъ изъ законовъ тюркской фонетики; въ русскихъ и византійскихъ лѣтописяхъ огузы называются узами.

ляется богатыремъ, который не могъ долгое время найти себѣ могилу, а потому и рыть таковую для него безполезно».

Для сравненія приведемъ киргизское преданіе, слышанное въ степи В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ [1]):

«Хорхутъ былъ ростомъ въ 2 сажени (въ полуразвалившемся памятникѣ его, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ положенъ, сдѣланъ дѣйствительно глиняный гробъ въ 2 сажени, и, такъ какъ весь гробъ по величинѣ своей не могъ помѣститься внутри памятника, то часть его оставлена наружѣ за стѣной). Жилъ онъ прежде на одномъ краю свѣта и разъ ночью увидѣлъ во снѣ, что нѣсколько человѣкъ роютъ тамъ могилу. «Для кого вы роете?» спросилъ аулія. «Для святаго Хорхута», отвѣчали работники. Встревоженный Хорхутъ, желая избѣжать грозившей смерти, на другой же день переѣхалъ жить на второй край свѣта. Тутъ онъ увидалъ тотъ же сонъ. Опять съ разсвѣтомъ пустился онъ въ дорогу. Такимъ образомъ аулія, преслѣдуемый видѣніемъ, обошелъ всѣ четыре угла міра. Съ отчаянія, не зная куда дѣться, рѣшилъ онъ переселиться въ центръ земли. Какъ было задумано, такъ и сдѣлано. Центромъ оказался берегъ рѣки Сыра, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ тѣло Хорхута. Но перекочевкой на Сыръ не кончились похожденія знаменитаго святоши. На срединѣ земли ему опять приснилось тоже самое. Аулія задумалъ тогда перехитрить судьбу. Разсудивъ, что на сушѣ ему нѣтъ нигдѣ спасенія, онъ перебрался жить на воду, разостлалъ свой курне (одѣяло) по Сыру, и на немъ помѣстился. Тутъ онъ сидѣлъ 100 лѣтъ, постоянно играя на домбрѣ (балалайкѣ); наконецъ умеръ. Набожные мусульмане взяли его тѣло и похоронили».

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что туркменское и киргизское преданія имѣютъ одинъ общій источникъ и что культъ Хорхута перешелъ къ киргизамъ отъ прежнихъ обитателей низовьевъ Сыръ-Дарьи.

В. Бартольдъ.

---

1) Труды Вост. Отд. Археол. Общ., т. IV, стр. 283 (статья «Памятникъ въ Башкиріи»).

Сцена изъ легенды царя Ашоки на гандхарскомъ фризѣ.

Въ интересномъ каталогѣ Индійскаго Музея въ Калькуттѣ есть описаніе фриза [1]) съ изображеніемъ сцены, насколько намъ извѣстно, еще не отождествленной. Рѣшаемся поэтому предложить объясненіе данной сцены.

На фризѣ, по словамъ г. Андерсона, сцена изображена слѣдующая: стоитъ Будда, слѣва отъ него Devadatta (?). Будда правою рукою подаетъ свою чашу маленькому мальчику, бросившему свою игрушку, игрушечную коляску, которая лежитъ у ногъ Учителя; мальчикъ всталъ и опустилъ руки въ чашу; за мальчикомъ сидитъ на землѣ его товарищъ, который чѣмъ-то играетъ, но наблюдаетъ за тѣмъ, что дѣлаетъ первый мальчикъ. Кромѣ этихъ фигуръ есть еще нѣсколько другихъ фигуръ, но сильно поврежденныхъ.

Въ только-что описанной сценѣ мы видимъ эпизодъ изъ легенды великаго царя — буддиста Ашоки, который мы сообщаемъ по древнѣйшей извѣстной намъ версіи въ Divyāvadāna [2]).

Будда вышелъ на большую дорогу. На ней находились два мальчика, одного звали Jaya, другого Vijaya. Они увидѣли Будду, и Jaya, какъ приношеніе, положилъ горсть песку въ чашу Будды и при этомъ высказалъ пожеланіе, чтобы ему въ слѣдующей жизни возродиться царемъ, въ награду за сдѣланное приношеніе. Vijaya, сложившій руки для поклоненія Буддѣ, одобрилъ поступокъ Jaya. Будда улыбнулся и объяснилъ свою улыбку сопровождавшему его Ānanda тѣмъ, что мальчикъ, положившій ему въ чашу горсть песку, сдѣлается черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Будды царемъ Ашокой въ Pāṭaliputra и построитъ надъ мощами Будды 84.000 ступъ.

Въ мальчикѣ, опускающемъ руку въ чашу, мы видимъ Jaya, въ жестѣ поклоненія другаго мальчика Vijaya составитель каталога вѣроятно увидалъ жестъ въ игрѣ, не зная объясненія изображенія. Надо ли видѣть въ Devadatta каталога Ānanda, рѣшить безъ оригинала конечно нельзя.

Разсматриваемый нами эпизодъ былъ извѣстенъ и Фа-сяню, который говоритъ о немъ въ своемъ путешествіи [3]). Интересъ объясняемаго

---

1) Anderson, J. Catalogue and Hand-Book of the Archeological Collections in the Indian Museum. Calcutta 1883. Part I. Asoka and Indo-Scythian Galleries; Part II. Gupta and Inscription Galleries. См. I. 221: G. 36.

2) Divyâvadâna ed. Cowell-Neil. Cambridge 1886, pp. 366—369.

3) Legge J. A. Record of Buddhistic Kingdoms being an Account by the Chinese Monk Fâ-Hien of his travels in India and Ceylon (A. D. 399—414) etc. Oxford 1886. p. 90. Прим. I,

нами барельефа заключается, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ даетъ, какъ кажется, первое до сихъ поръ извѣстное скульптурное изображеніе, относящееся къ легендѣ царя Ашоки.

С. Ольденбургъ.

Къ притчамъ въ „Варлаамѣ и Іоасафѣ".

Въ послѣдней книгѣ своей о Варлаамѣ и Іоасафѣ проф. Кунъ тщательно собралъ всѣ извѣстныя параллели къ притчамъ и постарался указать на ихъ буддійскіе источники [1]); въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ указать на кое-какія буддійскія легенды, относящіяся къ нашей повѣсти и оставшіяся неизвѣстными проф. Куну.

Какъ текстъ Варлаама я беру частью изданный, частью пересказанный мною персидскій переводъ арабскаго извода [2]).

Притча VI-ая «*О собакахъ, падали и человѣкѣ*». Буддійскій оригиналъ переведенъ Ст. Жюльеномъ съ китайскаго подъ заглавіемъ: Le chien et l'os. См. St. Julien. Contes et apologues indiens etc. Paris 1860. I. 182—184.

Притча XV-ая «*О царѣ, который первую половину жизни прожилъ въ беззаконіи, а вторую въ благочестіи*». Оригиналъ слѣдуетъ искать въ началѣ *Cullasutasomajātaka* (№ 525) и *Makhādevajātaka*. (№ 9 Fausböll I. 137—139; переводъ въ новомъ изданіи подъ редакціей проф. Кауелля: The Jātaka or stories of the Buddha's former births translated from the pāli by various hands under the editorship of professor E. B. Cowell. Cambridge 1895. pp. 30—32; тамъ же нѣкоторая библіографія).

Рамка къ притчѣ XVII-ой «*О царевичѣ, ставшемъ проповѣдникомъ вѣры*». Тутъ можно бы сравнить Mūgapakkhajātaka (еще не издана, W. 530). Минаевъ И. П. Индѣйскія сказки Ж. М. Н. П. CLXXXIII. 399—400 и

отмѣчающее, что правиленъ корейскій текстъ, дающій вмѣсто будды Шакьямуни имя будды Kāçуapa, врядъ-ли вѣрно, ввиду текста Divyāvadāna, ср. также. Burnouf F. Introduction au Buddhisme Indien. Paris 1844, p. 377 n. 1.

1) Kuhn E. Barlaam und Ioasaph. Eine Bibliographisch-literargeschichtliche Studie. A. B. A. W. I Cl. XX Bd. I Abth. München 1893.

2) Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. З. В. О. IV. 229—265.

Schiefner-Ralston Tibetan Tales, 247—252. Очевидно, что эта легенда стоитъ въ связи съ легендою о Буддѣ; интересенъ мотивъ молчанія, который очевидно былъ и въ арабскомъ изводѣ.

Со вставной притчей «*О царевичѣ, который провелъ въ пьяномъ видѣ ночь въ могилѣ*» (З. В. О. IV, 245—246) можно сравнить эпизодъ съ Bharata: волшебникъ создаетъ волшебствомъ женщину, любви съ которой Bharata отдался во время искусственно произведенной ночи; Bharata засыпаетъ въ объятіяхъ женщины; затѣмъ все мѣняется и Bharata лежитъ на кучѣ мусора, обнимая скелетъ (Schiefner A. Makâkâtjâjana und König Tshanḍa-Pradjota. M. A. S. St. Pét. VII s., t. XXII, № 7, p. 29).

С. Ольденбургъ.

Камаонскія пѣсни.

(Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).

[Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы издали изъ бумагъ покойнаго Ивана Павловича нѣкоторые тексты народныхъ драматическихъ представленій въ Камаонѣ [1]). Предлагаемъ теперь нѣсколько пѣсенъ. О другихъ произведеніяхъ народной словесности въ Камаонѣ можно найти въ прежнихъ изданіяхъ Ивана Павловича [2]).

Подлинные туземные тексты, послужившіе Ивану Павловичу для этихъ изданій и записанные имъ на мѣстѣ, предоставлены наслѣдницами покойнаго для изданія доктору Конради, извѣстному своими прекрасными работами по невари.

Май 1895. Сергѣй Ольденбургъ].

I.

О туча! дай хорошій дождь! о добрая туча, о капля счастья! дай поскорѣй мнѣ свидѣться съ мужемъ.

Ужъ давно ты гремишь и льешь дождь! Рѣки полны и кругомъ глазъ моихъ сошла черная краска.

II.

Опять и опять подруги сойдутся и спрашиваютъ Lelāka: «въ любви къ Madana, что за радость». Опять и опять и т. д.

---

1) З. В. О. V. 290—300.

2) Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. СПБ. 1877. Очерки Цейлона и Индіи. СПБ. 1878.

«Не твой-ли носъ, словно клювъ попугая? Не твои-ли глаза, глаза антилопы? Не все золотое-ли твое тѣло? Какой-же твой грѣхъ?»

III.

Акбаръ пришелъ и о подружка! всѣ внемля (ему), забили въ барабаны любви.

Акбаръ и т. д.

Онъ былъ печаленъ. И пришли за тѣмъ слуги Индры: Pavalī, Dhavāvali, Rajovāli.

Акбаръ и т. д.

«Акбаръ! сказалъ пѣвецъ, поклонникъ пророка, ты слышалъ, что змѣй Sīsonāga трепещетъ и будетъ трепетать до тѣхъ поръ, пока Ганга и Ямуна, воздушный царь, луна и солнце останутся на своихъ мѣстахъ».

IV.

Разряженъ, разукрашенъ, по щекамъ онъ провелъ сандаломъ, а на шею надѣлъ гирлянду.

У него лукъ и большіе глаза; въ ушахъ серьги и чело блеститъ блескомъ красной короны.

Всѣ gopī возрадовались.

V [1]).

Въ полночь ты не спишь, Малу́. Или блохи и клопы въ твоей постели, Малу́?

Или подруга, у тебя, Малу́, подъ простынею? И отчего не говоришь ты, что привидѣлось тебѣ во снѣ, Малу́?

Кто стыдится матери? Не стыдись родной матери, Малу́! Не я-ли десять мѣсяцевъ носила тебя, въ утробѣ, Малу́!

Лишь родился и уже стыдишься, Малу́. Стыдно въ неродныхъ объятьяхъ, Малу́!

VI.

О, матушка! пришелъ факиръ! Съ востока пришелъ плутъ въ красномъ плащѣ, пришелъ факиръ.

Что-же принесъ плутъ въ красномъ плащѣ? Трость и двѣ чаши веселый факиръ принесъ отъ Кедарината.

---

1) [См. Очерки Цейлона и Индіи II. 24—25; здѣсь, повидимому, приводится болѣе подробная редакція этой пѣсни; она говоритъ о царѣ Малу-сан, женившемся на красавицѣ тибеткѣ. С. О.]

VII [1]).

Голола

(пѣтая во время полевыхъ работъ).

У дороги поле toli — ве
Поросло поле травою — хо!
О мой свекоръ!
Ужъ насталъ — ве
Праздникъ haryālī — хо!
О мой свекоръ!
Пойду — я свекоръ!
Къ матушкѣ, домой — хо.
О мой свекоръ!
Состарились батюшка съ матушкою, — ве!
Пойду я къ матушкѣ домой, о свекоръ!
О мой свекоръ!

—

Натаскай ты семь ведеръ воды и поставь ихъ, — хо
Сноха моя!
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ домой — хо!
Сноха моя.
Семь ведеръ сбей масла,
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ, домой — хо!
Сноха моя!
Семь ношъ травы ты нарѣжь!
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ домой — хо!
Сноха моя.
Не ѣдятъ быки траву съ низу,
Не ѣдятъ теляты травку съ верху,
Принеси, сноха, травки съ горъ.
День ушелъ. За вершины горъ, свекоръ!
Уйду, свекоръ, къ матушкѣ домой!
О свекоръ мой!

И. Минаевъ.

1) [См. Ib. II. 26—27. С. О.]

„Пайзе" съ арабской надписью.

В. В. Бартольду, при разъѣздахъ его по Туркестанскому краю, удалось пріобрѣсти, между прочимъ, въ мѣстности называемой Шахристанъ, верстахъ въ 25 отъ Уратюбе, мѣдную овальную, съ одной стороны выпуклую, съ другой вогнутую, гравированную пластинку (см. прил. рисунокъ въ натур. величину), которая, судя по обломанному ушку, носилась въ видѣ привѣски. Вогнутая сторона украшена лиственнымъ арабескомъ, а на

выпуклой, по краю, вокругъ гладкаго овала, ясно читается слѣдующая надпись, упирающаяся началомъ и концомъ своимъ въ состоящее изъ пяти овальныхъ листиковъ украшеніе подъ бывшимъ ушкомъ: للامير ابى منصور نصير بن احمد ادام الله عزّه امين т. е. (дано это) «эмиру Абумансуру Носайру, сыну Ахмеда, да увѣковѣчитъ Аллахъ славу его, аминь».

Очертанія письменъ, особенно вычурность послѣдней буквы каждаго слова (за исключеніемъ الله), напоминаютъ надписи на нѣкоторыхъ восточныхъ металлическихъ зеркалахъ XIII-го и XIV-го вѣка. Пластинка эта вѣроятно служила либо амулетомъ, либо знакомъ отличія какого-нибудь должностного лица, можетъ быть, такъ называемымъ пайзе (پايزه), выданнымъ упомянутому на ней эмиру однимъ изъ хулагуидскихъ хановъ. Въ соч. D'Ohsson'a: Hist. des Mongols IV, 412 — 414 сообщается, со словъ Решидеддина, замѣтка о различныхъ пайзахъ (золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ), которыя Хулагуиды раздавали своимъ чиновникамъ въ видѣ охранныхъ грамотъ. «Il y avait (сказано тамъ, между прочимъ) des tablettes particulières pour les courriers et les envoyés. On en remettait cinq en cuivre aux gouverneurs de la première classe, et trois à ceux de la seconde, pour les courriers qu'ils avaient besoin d'expédier». См. также Hammer'a: Gesch. d. Ilchane II, 166 и 355 — 356. Къ сожалѣнію въ

Решидеддиновой замѣткѣ ничего не говорится о наружномъ видѣ этихъ мѣдныхъ пайзе. На золотыхъ и серебряныхъ находилось, какъ извѣстно, изображеніе львиной головы (سر شير).

В. Тизенгаузенъ.

Пять Китайскихъ печатей [1]).

Когда, въ 1757 г., царствующая нынѣ въ Китаѣ маньчжурская династія подчинила себѣ Чжунгарію, она раздѣлила ее, для удобства управленія, на семь округовъ, въ средѣ которыхъ первое мѣсто по своей обширности и значенію занималъ округъ Илійскій. Здѣсь, на мѣстѣ прежняго стойбища чжунгарскихъ хановъ, китайцы, въ 1762—64 гг., построили новый городъ, Кульджу, которую на своемъ языкѣ они назвали Хуй-юань-чэнъ, что значитъ «городъ (для) умиротворенія отдаленныхъ». Въ Хуй-юань-чэн'ѣ опредѣлена была резиденція амбаня, верховнаго правителя Чжунгаріи и главнѣйшихъ совѣтниковъ его, каждый изъ которыхъ специально завѣдывалъ еще какою-либо отдѣльною частью управленія. По всей странѣ были заведены военныя поселенія, состоявшія изъ китайскихъ солдатъ зеленаго знамени, монголовъ, сибо, солоновъ и другихъ маньчжурскихъ племенъ. Солдатамъ этимъ были отведены опредѣленныя земли для разработки на нихъ пашенъ, и такихъ пахотныхъ участковъ считалось въ Илійскомъ краѣ до 28, но главнѣйшимъ изъ нихъ почитался Хоргосскій, гдѣ китайцы основали даже небольшую крѣпостцу, Гунъ-чэнъ, или Чэнъ-пань-цза. Хлѣбъ, собираемый съ этихъ пашенъ, предназначался главнымъ образомъ на содержаніе мѣстныхъ китайскихъ гарнизоновъ и осенью каждаго года долженъ былъ доставляться въ кульджинскіе провьянтскіе магазины, откуда уже разсылался, по нуждѣ, во всѣ зависѣвшіе отъ Кульджи семь округовъ. Помимо доставленія провьянта войскамъ, военные хлѣбопахатные поселки китайцевъ имѣли еще своимъ прямымъ назначеніемъ содѣйствовать культурѣ мѣстнаго населенія и пріучать кочевниковъ-чжунгаровъ къ осѣдлой жизни и занятіямъ земледѣліемъ. Съ тою же цѣлью — воздѣй-

---

1) Изъ нихъ двѣ, №№ I-й и II-й, серебряныя, находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ; №№ III-й и IV-й, мѣдныя и № V-й, деревянная, найденная въ семидесятыхъ годахъ въ развалинахъ городовъ Верхне-Илійской долины, доставлены были въ 1887 году Н. Н. Пантусовымъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію и поступятъ въ Азіятскій Музей Импер. Академіи Наукъ.

ствовать на кочевников примѣромъ — китайцы переселили въ Чжунгарію изъ своихъ западныхъ провинцій, Гань-су и Шань-си, китайскихъ мусульманъ, извѣстныхъ подъ именемъ *дунганъ*, а изъ Восточнаго Туркестана, земледѣльческое населеніе тюркскаго племени, носившее прозваніе *таранчей*. Но владычество китайцевъ во вновь занятыхъ провинціяхъ не было прочно. Среди мусульманскаго населенія вспыхивали частые мятежи, которые китайскому правительству приходилось подавлять силою. Въ 1856 г. въ юго-западной китайской провинціи Юнь-нань, вспыхнуло самое грозное изъ всѣхъ мусульманскихъ возстаній — дунганское. Распространившись отсюда по всему западному Китаю, оно достигло Илійской долины и разразилось здѣсь страшнымъ истребленіемъ китайцевъ, маньчжуровъ, и другихъ военныхъ поселенцевъ, прибывшихъ съ востока. Въ 1865 г. китайское владычество въ Чжунгаріи и Кашгаріи было уже окончательно свергнуто: правители были перерѣзаны, архивы, казначейства и другія казенныя учрежденія разграблены, а китайцевъ простолюдиновъ въ эту пору, говорятъ, погибло болѣе полумилліона душъ. Однако по сверженіи китайскаго ига дунгане не долго властвовали въ Илійской долинѣ: они въ свою очередь были разгромлены таранчами и должны были уступить послѣднимъ гегемонію страны. Въ концѣ 1860-хъ гг. въ Кульджѣ образовалось особое таранчинское султанство, съ Абиль-оглою во главѣ. Гордый и заносчивый тонъ, который принялъ Абиль-огла въ отношеніяхъ къ сосѣдившей ему Россіи, его неуступчивость и нежеланіе входить съ нами въ какія-либо соглашенія, укрывательство нашихъ бѣглецовъ, все это послужило причинами, по которымъ вышепомянутое ханство въ 1871 г. было завоевано Россіею, хотя и не съ цѣлью окончательнаго присоединенія его къ русскимъ владѣніямъ. Сдаваясь военноплѣннымъ, Абиль-огла представилъ намъ двѣ большихъ серебряныхъ печати, принадлежавшихъ бывшимъ китайскимъ верховнымъ правителямъ Чжунгаріи; а засимъ, въ періодъ управленія нашего Илійскимъ краемъ, русскимъ неоднократно удавалось находить китайскія печати различныхъ должностныхъ лицъ китайской администраціи. Такимъ образомъ памятникомъ обладанія Кульджею у насъ составилась коллекція въ пять печатей, которыя являются прекрасными образцами для ознакомленія, какими именно печатями снабжаетъ богдоханское правительство своихъ чиновниковъ, отправляя ихъ на завѣдываніе своими владѣніями въ застѣнномъ Китаѣ. Всѣ эти чиновники, на пространствѣ отъ береговъ Японскаго моря на востокѣ, до Болоръ-тага на западѣ и отъ Саянъ на сѣверѣ, до вершинъ Гималая на югѣ, имѣютъ у себя печати, отливаемыя, сообразно ихъ рангамъ, по одному образцу пекинскимъ министерствомъ церемоній. Такимъ образомъ печати различныхъ монгольскихъ,

чжунгарскихъ, туркестанскихъ, тибетскихъ и др. амбаней являются совершенно одинаковыми по внѣшнему виду, различаясь только по своимъ надписямъ, или еще менѣе указаніемъ мѣстности, которою правитъ тотъ или другой чиновникъ.

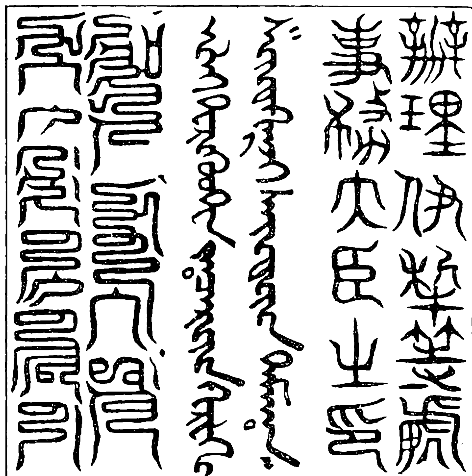
I.

Важнѣйшею изъ предлежащихъ намъ печатей представляется печать илійскаго амбаня, т. е. верховнаго гражданскаго начальника, вѣдѣнію коего подлежала илійская область, со всѣми входившими въ составъ ея округами. Печать эта литая изъ серебра, вѣсомъ въ $10^3/_4$ фунта. Она имѣетъ форму квадратнаго четырехугольника, каждая сторона котораго равняется $2^5/_{12}$ русск. вершк., а толщина $^8/_{12}$ русск. вершк. На верхней сторонѣ этого

квадрата сдѣлана такая же, литая изъ серебра, рукоятка, представляющая собою фигуру сидящаго барса; каждая изъ сторонъ квадрата болѣе или менѣе покрыта надписями, а именно:

1) На нижней, собственно штемпелирующей сторонѣ печати, находится три текста одной и той же по своему содержанію надписи, изображенной: а) на языкѣ маньчжурскомъ, квадратными маньчжурскими письменами

(Или-и чжэрги ба-и байта-бэ ичихяра амбан-и доронь); б) на языкѣ чжунгарскомъ—калмыцкимъ алфавитомъ Зая-Пандиты (Или тэригӯтэн газарійн кэрэги шійдкэкчи сайдійн тамага); и в) на языкѣ китайскомъ — древними китайскими іероглифами почерка «чжуань» (Бань ли Или дэн чу ши-у да чэнь чжи инь). Всѣ эти три надписи въ переводѣ ихъ на русскій языкъ одинаково обозначаютъ: «печать амбаня, рѣшающаго дѣла Илійскаго и подлежащихъ оному округовъ».



2) На верхней сторонѣ печати та же самая по своему содержанію надпись повторена по правую сторону рукоятки въ изображеніи ея іероглифами современнаго китайскаго письма (辦 理 伊 犂 等 處 事 務 大 臣 之 印), а по лѣвую сторону рукоятки настоящимъ маньчжурскимъ алфавитомъ: ...

3) На боковыхъ сторонахъ квадрата имѣются также надписи, а именно: а) на передней боковинѣ маньчжурская надпись изъ трехъ словъ: ..., т. е. «изготовлена министерствомъ церемоній»; б) съ противуположной, задней боковины квадрата то же самое повторено китайскими іероглифами (禮 部 造); в) надпись лѣвой боковины обозначаетъ нумеръ выданной печати; онъ изображенъ полными числовыми китай-

скими іероглифами, въ формѣ: (乾字肆百貳拾貳號), въ переводѣ это значитъ: «№ 422 іероглифа цянь»[1]); г) надпись на правой боковинѣ показываетъ китайскими іероглифами время изготовленія печати 乾隆貳拾陸年伍月, въ переводѣ это значитъ: «Цянь-луна 21-й годъ, 5-я луна», что соотвѣтствуетъ приблизительно іюню мѣсяцу 1757 г. нашего лѣтосчисленія. Настоящая дата несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что печать

эта была изготовлена для перваго амбаня, котораго назначило богдоханское правительство въ Чжунгарію, послѣ признанія этою страною подданства Дайцинамъ. Изображеніе барса на рукояткѣ печати, что составляетъ собственно принадлежность высшихъ чиновъ военнаго вѣдомства, является здѣсь на печати амбаня, гражданскаго сановника, вѣроятно, потому, что первые амбани Чжунгаріи соединяли въ своемъ вѣдѣніи какъ военное, такъ и гражданское управленіе краемъ.

II.

Вторая, также литая, серебряная печать по своимъ внѣшнимъ формамъ является совершенно подобною первой и лишь въ самой незначитель-

---

1) Объясненіе этой нумераціи въ регистратурѣ см. въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. Т. I, стр. 4.

ной степени меньше ея по своему объему. Она вѣситъ нашихъ 10 фунтовъ и 18 золотниковъ; каждая сторона ея квадрата равняется $2\frac{7}{13}$ русск. вершк., при толщинѣ, превышающей первую развѣ на нѣсколько линій. Надписи на этой печати представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) На нижней, штемпелирующей сторонѣ печати находится четыре текста одной и той же по своему содержанію надписи изображенной: а) на языкѣ маньчжурскомъ, квадратными маньчжурскими письменами (Или-и чжэрги ба-бэ ухэрилэмэ кадалара цзяньгюн-и доронь); б) на языкѣ чжунгарскомъ, калмыцкимъ алфавитомъ Зая-пандиты (Иліин зэргэйн газари бӱгӱдэрэн закиракчи цзянь-чжинъ-ни тамага) в) на тюркскомъ языкѣ ايلى نينك برلارنى | بيليب | تورادرغان | جانك جونك | نينك تامغى | и г) на языкѣ китайскомъ — древними китайскими іероглифами почерка «чжуань» (цзунъ тунъ и-ли дэнъ чу цзянь-цзюнь чжи инь). Всѣ эти четыре надписи въ переводѣ ихъ на русскій языкъ одинаково обозначаютъ: «печать цзянь-цзюня, главноуправляющаго илійскою и подлежащими оной мѣстностями».

2) На верхней сторонѣ печати таже самая по своему содержанію надпись повторена по правую сторону рукоятки, въ изображеніи ея іероглифами современнаго китайскаго письма (總統伊犁等處將軍之印); а по лѣвую сторону рукоятки настоящимъ маньчжурскимъ алфа-

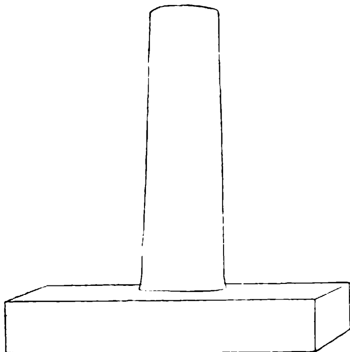
витомъ ([illegible]). Кромѣ того въ этой печати на верхней же сторонѣ ея квадрата

помѣщены слова: «изготовлена министерствомъ церемоній», которыя мы видѣли въ первой печати изображенными на передней и задней боковинахъ квадрата.

3) По боковинамъ квадрата надписи имѣются здѣсь только на сторонахъ правой и лѣвой, причемъ на первой обозначенъ нумеръ печати, въ формѣ 道字貳拾肆號 т. е. № 24-й іероглифа «дао»; а на второй дата выдачи печати помѣчена іероглифами 道光七年八月 т. е. Дао-гуана 7-й годъ, 8-я луна, что соотвѣтствуетъ приблизительно іюлю или августу мѣсяцамъ 1827 г. нашего лѣтосчисленія.

III.

Третья печать представляется литою изъ мѣди. Она вѣситъ $3\frac{1}{4}$ русск. фунта и имѣетъ форму продолговатаго четырехугольника, верхняя и нижняя стороны котораго равняются $1\frac{7}{12}$ вершка, а боковыя $2\frac{1}{6}$ вершка, при общей толщинѣ пластины въ $\frac{5}{12}$ вершка. На верхней сторонѣ пластины утверждена такая же литая мѣдная рукоятка, въ видѣ стоящаго гладкаго ствола, въ 2 вершка вышиною. Печати этого рода носятъ у китайцевъ названіе «гуань-фанъ» и назначаются главнымъ образомъ для вновь учреждаемыхъ должностей и вѣдомствъ. Настоящая печать въ свою пору была выдана одному изъ командировъ солдатъ зеленаго знамени, какъ о томъ свидѣтельствуютъ находящіяся на ней надписи. Число этихъ надписей гораздо меньшее, чѣмъ въ двухъ предшествовавшихъ печатяхъ, а именно:



1) На нижней, штемпелирующей сторонѣ печати находится только двѣ, однозначащихъ надписи: а) на языкѣ маньчжурскомъ, въ трехъ строкахъ квадратныхъ маньчжурскихъ письменъ (Или-и дэндэфи сэрэмшэрэ хоргос куваран-и албан-и ушинь таририэ байта-бэ кадалара адаха кадалара да-и кадалань) и б) на языкѣ китайскомъ — въ двухъ строкахъ древнихъ китайскихъ іероглифовъ, почерка «чжуань» (И-ли фынъ фанъ хо-р-го-сы инъ гуань тунь цань-цзянь-чжи гуань-фанъ). Обѣ эти надписи въ переводѣ ихъ на русскій языкъ одинаково обозначаютъ: «печать старшаго полкового

командира, содержащаго отдѣльный караулъ и завѣдывающаго дѣлами по обработкѣ хоргосскихъ казенныхъ пашень».

2) На верхней сторонѣ печати та же самая по своему содержанію надпись повторена по правую сторону рукоятки въ изображеніи ея іероглифами современнаго китайскаго письма (伊犁分防霍爾果斯營官屯參將之關防); а по лѣвую сторону настоящимъ маньчжурскимъ алфавитомъ ([illegible]). Здѣсь же, на верхней сторонѣ печати, помѣчено, что печать эта «изготовлена министерствомъ церемоній».

3) На боковинахъ печати надписи имѣются только по сторонамъ правой и лѣвой, причемъ на первой обозначенъ нумеръ печати въ формѣ: (乾字壹萬伍千壹百玖拾玖號) т. е. «іероглифа цянь № 15,199-й»; а на второй — годъ выдачи печати помѣченъ іероглифами: 乾隆肆拾伍年肆月, т. е. «Цянь луна 45-й годъ 4-я луна», что соотвѣтствуетъ приблизительно маю мѣсяцу 1781 г. нашего лѣтосчисленія.

IV.

Четвертая печать представляетъ собою въ высшей степени интересный, по своей рѣдкости, образецъ китайскихъ печатей, извѣстныхъ подъ китайскимъ названіемъ «ту-цзи» (圖記) и назначавшихся спеціально для выдачи военнымъ чиновникамъ, состоявшимъ на службѣ за границею, въ западномъ краѣ. Печать эта, также литая изъ мѣди, вѣситъ всего $1^3/_4$ русск. фунта и по формѣ своей представляетъ квадратъ, каждая сторона котораго равняется $1^1/_4$ русск. вершк., при общей толщинѣ ея штемпелирующей пластины въ $^1/_3$ вершк. На верхней сторонѣ печати утверждена такая же литая мѣдная рукоятка, въ видѣ стоящаго гладкаго ствола, въ $1^{10}/_{12}$ вершк. вышиною.

Обращаясь къ разсмотрѣнію надписей, находящихся на этой печати, должно сказать, что на нижней, штемпелирующей сторонѣ своей печать эта такъ сбита, что разобрать полностію словъ ея совершенно невозможно. Надписи эти были начертаны: а) на маньчжурскомъ языкѣ,—въ трехъ строкахъ маньчжурскаго квадратнаго письма (по догадкѣ слѣдуетъ читать здѣсь: «элхэ обумэ токтобуха хотон'и чалу-бэ кадалара хафан-и тэмгэту») б) на чжунгарскомъ языкѣ въ трехъ строкахъ калмыцкихъ письменъ Заяпандиты. (Здѣсь можно прочитать только два слова: «амурчжигулун токтагаксан хотойнъ. . . . . .чіі. . . тушимэлійн тэмдэк») и в) на тюркскомъ языкѣ (совершенно не разборчиво).

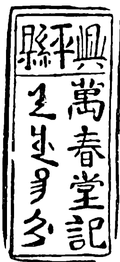
По общему правилу слѣдуетъ предположить далѣе, что текстъ всѣхъ этихъ надписей вполнѣ соотвѣтствуетъ надписи, изображенной на верхней сторонѣ штемпелирующей пластины буквами современнаго маньчжурскаго алфавита, въ формѣ: . Въ переводѣ это значитъ: «печать чиновника, завѣдывающаго хлѣбными магазинами города, построеннаго для умиротворенія (отдаленныхъ)». Въ отличіе отъ прочихъ печатей, китайскаго текста той же надписи здѣсь не находится.

На боковинахъ печати надписи имѣются, какъ и въ первой печати амбаня, со всѣхъ четырехъ сторонъ. Болѣе обширныя изъ нихъ — по сторонамъ лѣвой и правой, причемъ на первой помѣченъ китайскими іероглифами годъ выдачи печати: 乾 隆 四 十 九 年 十 一 月 т. е. «Цянь луна 49-й годъ 11-я луна», что соотвѣтствуетъ приблизительно декабрю мѣсяцу 1785 года нашего лѣтосчисленія; а на второй — обозначенъ нумеръ печати, въ формѣ 乾 字 一 萬 五 千 七 百 六 十 六 號 т. е «іероглифа цянь № 15,766-й. Достойно замѣчанія, что въ обоихъ случаяхъ надписи эти изображены не полными, а сокращенными знаками китайскихъ чиселъ.

На передней боковинѣ — три слова современнаго маньчжурскаго письма т. е. «изготовлена министерствомъ церемоній»; на задней — та же фраза передана китайскимъ языкомъ и только двумя іероглифами: 禮 造, т. е. съ пропускомъ слова «部» — «министерство».

V.

Послѣдняя, пятая печать представляетъ собою образецъ обычныхъ, маленькихъ китайскихъ чиновничьихъ печатей, называемыхъ у китайцевъ «тяо-цзи» (條 記). Подобнаго рода печати, деревянныя (въ данномъ случаѣ изъ карагача, или вязоваго дерева) — китайскіе чиновники всегда носятъ съ собою, чтобы, по нуждѣ, прикладывать ихъ къ своимъ полуоффиціальнымъ и даже частнымъ запискамъ. Имѣя $1\frac{1}{8}$ вершк. длины и $\frac{1}{2}$ вершк. ширины, печать эта заключаетъ въ себѣ два порядка надписей. На верху



ея въ горизонтальную строку вырѣзано три іероглифа: «Синъ-пинъ-сянь» (興 平 縣), собственное имя города, къ которому принадлежалъ владѣлецъ печати. Подъ этою горизонтальною строкою вырѣзано въ двухъ вертикальныхъ строкахъ собственное имя владѣльца печати «Вань-чунь-танъ цзи» (печать Вань-чунь-тан'а) въ начертаніи его китайскими іероглифами 萬 春 堂 記, и транскрипціи этихъ знаковъ буквами современнаго маньчжурскаго алфавита ᠸᠠᠨ ᠴᡠᠨ ᡨᠠᠩ ᡯᡳ. Другихъ надписей на этой печати нѣтъ, и дата ея неизвѣстна.

Рисунокъ печати, подобной первой нашей, былъ помѣщенъ въ соч. Archaeologia: or Miscellaneous tracts relating to Antiquity, publ. by the Soc. of Antiquar. of London, 1773, vol. II. Pl. XVII.

А. Позднѣевъ.

Къ статьѣ „Два слова о значеніи слова „зиндикъ“ [1]).

Въ статьѣ нашей мы привели разсказъ о ювелирѣ, монахѣ и страусѣ, проглотившемъ драгоцѣнный камень. Мы тогда же высказали свое мнѣніе о буддійскомъ происхожденіи разсказа; теперь мы, благодаря указанію С. Ѳ. Ольденбурга, можемъ подтвердить это мнѣніе ссылкою на буддійскій текстъ. Къ сожалѣнію, текстъ этотъ лишь выдержка изъ болѣе полнаго, пока намъ недоступнаго, разсказа, вѣрно принадлежащаго какой нибудь *Винаѣ*.

Интересующая насъ ссылка находится въ XVI-й главѣ Дзанлуна [2]) и въ переводѣ академика Шмидта гласитъ такъ: «So auch, obgleich Gelonge sahen, wie eine graue Ente einen Talisman verschluckte, trotz der Qualen, die sie um der Beobachtung ihres Pflichtgelübdes willen erdulden mussten, nichts aussagten» [3]).

1) З. В. О. 1891. VI, 336—340.

2) Schmidt I. I. Der Weise und der Thor. St. Petersburg 1843. XVI. Vom Getsül, welcher die übernommenen Pflichtgebote hielt. pp. 129—141.

3) p. 137.

Бар. **В. Розенъ.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

---

214. Наказъ Борису и Семену Пазухинымъ, посланнымъ въ Бухару, Балхъ и Юргенчь. 1669. Изданъ подъ ред. А. Н. Труворова. Спб. 1894, in 8⁰, стр. 91.

Настоящая книжка, помѣщенная также въ XV томѣ издаваемой Археографическою Комиссіею Русской Исторической Библіотеки, даетъ болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Въ ней сообщенъ не только наказъ царя Алексѣя Михаиловича Пазухинымъ съ приложеніемъ царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ и челобитень русскихъ плѣнниковъ въ Бухарѣ, но и статейный списокъ Бориса Пазухина, т. е. отчетъ его о совершенной имъ поѣздкѣ, также съ приложеніемъ разныхъ оправдательныхъ документовъ.

До настоящаго времени описаніе посольства Пазухиныхъ извѣстно было только въ отрывкахъ: такъ, записка о пути изъ Астрахани до индѣйской столицы Джеганъ-Абада напечатана была Малиновскимъ въ трудахъ и лѣтописяхъ О. И. и Д. (М., 1837, VII, 148—152); нѣсколько относящихся къ этому посольству грамотъ помѣщены въ Сборникѣ князя Хилкова (Спб. 1879, стр. 508—514); наконецъ описаніе пребыванія Пазухиныхъ въ Мервѣ сообщено было мною въ запискахъ нашего отдѣленія, III, 115—130.

Всѣ занимающіеся исторіею сношеній Россіи съ Среднею Азіею будутъ искренно признательны А. Н. Труворову за изданіе настоящаго любопытнаго памятника вполнѣ. Изданіе это, по примѣру прочихъ его работъ, сдѣлано прекрасно.

Д. К.

215. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ восемнадцатый. Тифлисъ 1894. 132+74+410 стр. 8⁰+22 стр. нотъ.

216. Тоже. Выпускъ девятнадцатый. Тифлисъ 1894. III+XX+180+325 стр. 8⁰.

217. Тоже. Выпускъ двадцатый. Тифлисъ 1894. X+157+104+2+IV+1+420+38 стр. 8⁰.

218. Указатель къ I+XX выпускамъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» 1881—1894 г. Составилъ Е. Козубскій. Тифлисъ 1895. II+177 стр. 8⁰.

Послѣдніе три выпуска «Сборника» опять поражаютъ обиліемъ и разнообразіемъ цѣнныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ матеріаловъ.

Восемнадцатый выпускъ распадается на три отдѣла. Въ *первомъ* мы находимъ прежде всего «Мингрельскія народныя пѣсни», стр. 1—58, записанныя, переведенныя и снабженныя словаремъ Хр. Гроздовымъ, который приложилъ также и напѣвъ записанныхъ имъ пѣсенъ. Далѣе слѣдуютъ «Мингрельскія сказки», собранныя И. Петровымъ, стр. 59—90, съ подстрочнымъ переводомъ, и «Сванетскіе тексты», записанные или переведенные Г. и Ив. Нижерадзе, стр. 91—132. Между ними выдѣляется сказка о Ростомѣ, записанная еще для покойнаго Услара, представляющая краткое, весьма прозаическое, но любопытное изложеніе поэтическихъ сказаній о Рустемѣ и Зоһрâбѣ. Во *второмъ* отдѣлѣ А. Калашевъ даетъ описаніе празднованія армянами въ селѣ Гайкендѣ, Елисаветпольской губ. «Вардавар'а» (Преображенія Господня) съ приведеніемъ, въ текстѣ и переводѣ, куплетовъ поющихся при состязаніи между юношами и дѣвушками (стр. 1—36). Замѣчательна при этомъ роль татарскаго языка: эти армяне и армянки поютъ то по-татарски, то по-армянски. Женскій полъ, какъ и слѣдовало ожидать, чужимъ языкомъ владѣетъ хуже, чѣмъ мужской. Припѣвъ послѣ каждаго куплета обязательно татарскій [1]). Нашимъ тюркологамъ мы усердно рекомендуемъ «Татарскіе тексты» (пѣсни, загадки, пословицы) записанные А. Калашевымъ и А. Іоакимовымъ [2]), стр. 37—74. — *Третій* отдѣлъ посвященъ весь фольклору, «живой старинѣ» — мингрельцевъ (Я. Тепцовъ — Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ, стр. 1—26,

1) Стр. 4.

2) Послѣднимъ записаны двѣ пѣсни, стр. 72—74, всѣми остальными мы обязаны усердію А. Калашева.

Ш. Ломинадзе — Мингрельскія сказки, стр. 27—48, Б. Г. Хорава — Эрамъ-Хутъ и святыня Джварцевъ, стр. 49—58), айсоровъ (П. Эйвазовъ — Айсорскія легенды и сказки, стр. 59—110), евреевъ с. Варташена [1]) (М. Бежановъ—Варташенскіе евреи. Очеркъ ихъ быта; легенды и сказки, стр. 111—227) [2]) и грузинъ разныхъ мѣстностей Тифлисской и Кутаисской губ. (М. Машурко—Изъ области народной фантазіи и быта). Восемнадцатый выпускъ остался безъ предисловія, такъ что мы не знаемъ, кому принадлежатъ довольно многочисленныя редакціонныя примѣчанія.

Девятнадцатый выпускъ открывается предисловіемъ редактора А. Богоявленскаго, который преимущественно останавливается на сказочномъ матеріалѣ, содержащемся въ выпускѣ, отмѣчая для каждой сказки параллели изъ русской сказочной литературы или изъ печатавшихся раньше въ «Сборникѣ» матеріалахъ, и тѣмъ значительно облегчая работу будущимъ изслѣдователямъ. — Выпускъ распадается на два отдѣла: въ *первомъ* особеннаго вниманія заслуживаютъ живо и интересно написанные очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры Е. Козубскаго, стр. 1—77 [3]) и археологическія замѣтки Е. Меликъ-Шахназарова о древнемъ кладбищѣ въ сел. Ченахчи (Изъ древностей селенія Ченахчи, стр. 78—83). Остальныя три статьи этого отдѣла, посвященныя тремъ селеніямъ, опять по преимуществу этнографическаго характера (Н. Миндели—Селеніе Сори, стр. 84—143, А. Гвасалія — Селеніе Цаленджиха, стр. 144—159, Ѳ. Хускивадзе — Мѣстечко Квирилы и его окрестности, стр. 160—180). *Второй* отдѣлъ — весь этнографическій: имеретинскія сказки, записанныя учительницей М. А. Васильковой и учениками Кутаисскаго городскаго училища М. Кублашвили, М. Сергѣевымъ, А. Моцонелидзе, С. Лордкипанидзе и К. Микаутадзе, стр. 1—77, грузинскія сказки, записанныя воспитанниками Закавказской учительской семинаріи А. Цицаги, А. Топдзе, Н. Дианашіей, Абовьянцемъ и Козодаевымъ, стр. 104—123, армянскія сказки, записанныя воспитанниками той же семинаріи С. Табагянцемъ, А. Мирзаевымъ, Т. Юзбашевымъ, учителемъ Арутюновымъ и смотрителемъ Баяндурскаго училища Г. Бунятовымъ, стр. 155—219, татарскія сказки, записанныя К. Хачатуровымъ, А. Агабабаевымъ и Махмудбековымъ, стр. 227—285, представляютъ богатый матеріалъ нашимъ фольклористамъ, и то-же можно сказать и про остальныя статьи

1) Елисаветпольской губ., Нухинскаго уѣзда.

2) Любопытна между прочимъ совершенно фантастическая роль, которую въ сказкѣ 16-й играетъ «ученый Ромбамъ», т. е. Маймонидъ.

3) Очень любопытны, между прочимъ, свѣдѣнія объ извѣстной попыткѣ введенія придуманныхъ бар. П. К. Усларомъ горскихъ азбукъ, стр. 67—76.

(I. Степанова—Примѣты и повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда, стр. 78—103, Н. Миндели и Ѳ. Каландарашвили — Картвельскія пѣсни, стр. 124—140, Ш. Ломинадзе, К. Нижарадзе, Н. Яшвили и И. Синакоева—Картвельскія легенды, стр. 141—154, Меликъ-Шахназарова—Свадьбы зангезурскихъ армянъ, стр. 220—226, Махмудбекова—Татарскія пословицы и поговорки, стр. 286—325 [1]).

Двадцатый выпускъ кажется намъ особенно выдающимся по цѣнности содержащихся въ немъ матеріаловъ. Онъ изданъ подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго, который и снабдилъ всѣ лингвистическія статьи своими примѣчаніями. Особенная же цѣнность этого выпуска заключается въ обнимающемъ 420 страницъ и около 12,000 словъ русско-айсорскомъ и айсорско-русскомъ словарѣ, составленномъ А. И. Калашевымъ. Имъ-же сообщаются айсорскіе тексты (Отдѣлъ второй, стр. 33—96). Къ этому важному вкладу въ семитическую лингвистику, редакторъ, Л. Г. Лопатинскій, присоединилъ еще записанные и переведенные имъ самимъ тексты «еврейско-арамейскіе», т. е. на нарѣчіи евреевъ, выходцевъ изъ Урміи, переселившихся въ Закавказье вмѣстѣ съ айсорами. Сравнительно небольшое мѣсто въ настоящемъ выпускѣ удѣлено языкамъ арійскаго корня (К. Хачатуровъ—Курдскіе тексты, стр. 1—15, Теймуръ-бекъ Байрамалибековъ — Талышинскіе тексты, стр. 17—22, Эфендіевъ и Шахвердовъ — Армянско-Татскіе тексты стр. 25—32).

Первый отдѣлъ содержитъ по обыкновенію статьи этнографическаго характера, также представляющія не мало интереса, а именно: Н. Дмитріева—Переходъ чрезъ Рокскій и Мамисонскій перевалы, стр. 1—35, съ любопытными сообщеніями объ осетинцахъ, Г. Ананьева—Караногайцы, ихъ бытъ и образъ жизни, стр. 36—63, К. Хачатурова—Курды, черты ихъ характера и быта, стр. 64—90 и А. Захарова—Домашній и соціальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ, стр. 91—157 [2]). Въ видѣ особаго приложенія въ концѣ выпуска напечатаны «Матеріалы для историко-географическаго словаря Кавказа» Е. Г. Вейденбаума, выпускъ I.

«Указатель» къ первымъ 20 выпускамъ «Сборника» напечатанъ отдѣльной книжкой въ 177 стр. формата самаго «Сборника» и представляетъ необходимое дополненіе къ «Сборнику», за которое всѣ интересующіеся должны быть крайне благодарны его составителю, С. Козубскому. Матеріалъ, содержащійся въ «Сборникѣ», столь громаденъ и разнообразенъ,

---

1) Собраніе 481 пословицы въ (транскрибированномъ) текстѣ и переводѣ.

2) На стр. 113 и сл. особенно любопытны свѣдѣнія о женщинахъ-муллахъ, т. е. учительницахъ, и содержимыхъ ими школахъ для дѣвочекъ.

что только при помощи «Указателя» можно въ немъ оріентироваться и считать его вполнѣ пріобрѣтеннымъ для научныхъ изслѣдованій. Задача, далеко не легкая, предстоявшая составителю, разрѣшена имъ весьма удачно. Указатель распадается на шесть отдѣловъ: I. Общее описаніе 20 выпусковъ, II. Указатель статей по содержанію (географія, этнографія, фольклоръ, исторія и древности, лингвистика, предисловія и руководящія статьи, карты планы, рисунки, ноты), III. Указатель статей по народностямъ Кавказскаго края, IV. Указатель статей по губерніямъ и областямъ Кавказскаго края, V. Указатель авторовъ, VI. Указатель собственныхъ именъ въ заглавіяхъ статей. Составленіемъ этого указателя Е. Козубскій оказалъ серьезную услугу наукѣ.

Заканчивая свой, совсѣмъ, конечно, поверхностный обзоръ послѣднихъ выпусковъ «Сборника», мы не можемъ не привѣтствовать Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа съ благополучнымъ окончаніемъ двадцатаго тома созданнаго имъ научнаго органа. Мы уже имѣли случай высказать на страницахъ этихъ «Записокъ» [1]), какъ высоко мы ставимъ эту сторону дѣятельности Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа, и намъ теперь остается только выразить надежду, что глубокочтимому дѣятелю, которому ввѣрена судьба просвѣщенія богатаго, не только матеріальными, но и научными сокровищами, Кавказскаго края, еще долгіе годы суждено будетъ съ той же неослабѣвающей энергіей какъ донынѣ руководить великимъ дѣломъ завоеванія для русской науки Кавказа, и что это дѣло найдетъ и впредь такихъ же какъ донынѣ ревностныхъ, умѣлыхъ и преданныхъ работниковъ.

В. Р.

219. Карманный русско-узбекскій словарь. 4000 словъ для обыденнаго разговора съ осѣдлыми туземцами Туркестанскаго края, съ приложеніемъ краткой грамматики узбекскаго языка. Изданіе Самаркандскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Составилъ дѣйств. членъ Статистическаго Комитета С. А. Лапинъ. Самаркандъ. Типографія штаба войскъ Самаркандской области. 1895. VIII+106+56+2 стр. 12°. Цѣна 40 коп.

Этотъ маленькій словарь нашелъ себѣ весьма справедливую оцѣнку въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 21-го мая 1895 года, № 34, въ статьѣ, подписанной «Мусафиръ». Подъ этимъ псевдонимомъ скрывается одинъ изъ лучшихъ практическихъ знатоковъ тюркскихъ нарѣчій Туркестана (китайскаго и русскаго). Приговоръ его мы имѣемъ полное право признать безапелля-

---

1) Т. VII, стр. 350.

ціоннымъ. Приведя извѣстное количество несомнѣнныхъ ошибокъ и недоразумѣній, частью довольно-таки крупныхъ, критикъ тѣмъ не менѣе заявляетъ, что появленіе словарика въ исправленномъ, и нѣсколько дополненномъ новомъ изданіи было бы весьма желательно. Вполнѣ присоединяемся къ этому отзыву. Для чисто *практическихъ* цѣлей эта книжка можетъ служить превосходно и полное отсутствіе въ грамматическомъ очеркѣ фонетики, въ виду назначенія книги, служитъ ей положительно рекомендаціей, тѣмъ болѣе, что оно вознаграждается присутствіемъ краткихъ, съ научной точки зрѣнія частью весьма наивныхъ, но съ практической точки зрѣнія весьма полезныхъ и общепонятныхъ свѣдѣній и указаній по синтаксису. Будемъ надѣяться, что второе исправленное, согласно указаніямъ критика въ Туркестанскимъ Вѣдомостяхъ, изданіе не заставитъ себя слишкомъ долго ждать.

В. Р.

220. Н. Ф. Петровскій. Древніе арабскіе дорожники по средне-азіатскимъ мѣстностямъ, входящимъ въ настоящее время въ составъ русскихъ владѣній. Извлеченія изъ сочиненія Sprenger'a «Die Post- und Reiserouten des Orients». Пособіе для розысканія древнихъ путей и мѣстностей. Ташкентъ 1894. Типо-литографія торговаго дома «Ф. и Г. Бр. Каменскіе». V+60 стр. 8°.

Неутомимый нашъ сотрудникъ, который исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей съ такимъ блестящимъ успѣхомъ умѣетъ соединять съ дѣятельностью на пользу науки, возымѣлъ счастливую мысль облегчить мѣстнымъ любителямъ исторической географіи и археологіи знакомство съ показаніями арабскихъ географовъ о нынѣшнихъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Мысль эта давно занимала русскихъ оріенталистовъ и спеціально въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общества не разъ, еще при В. В. Григорьевѣ, обсуждался вопросъ объ изданіи сборника арабскихъ показаній о среднеазіатскихъ земляхъ съ болѣе или менѣе подробнымъ комментаріемъ. Исполненіе слишкомъ, можетъ быть, широко задуманнаго плана по необходимости откладывалось по той же самой причинѣ, по которой у насъ на Руси вообще откладывается исполненіе столь многихъ хорошихъ плановъ, т. е. вслѣдствіе недостаточнаго числа подготовленныхъ къ такому дѣлу работниковъ и вслѣдствіе непомѣрныхъ и непосильныхъ требованій, которыя предъявляются единичнымъ подготовленнымъ дѣятелямъ. Но мысль не оставлена, и есть нѣкоторая надежда, что она въ концѣ концовъ, хотя и не очень-то скоро, все-таки осуществится. Въ ожиданіи лучшихъ временъ для нашего маленькаго кружка профессіональныхъ вос-

токовѣдовъ, имъ остается только благодарить Н. Ѳ. Петровскаго за то, что онъ положилъ начало осуществленія завѣтной ихъ мысли. Не будучи самъ арабистомъ, Н. Ѳ. Петровскій конечно не могъ сдѣлать лучшаго выбора, чѣмъ онъ сдѣлалъ: книга Шпренгера, изъ которой онъ перевелъ подходящія главы, представляетъ прекрасный сводъ собственно маршрутовъ арабскихъ путешественниковъ и географовъ. Но со времени ея появленія (1864 г.), знакомство наше съ арабскими географами значительно расширилось, благодаря главнымъ образомъ прекраснымъ изданіямъ цѣлой серіи арабскихъ географическихъ сочиненій M. J. de Goeje. Въ этихъ изданіяхъ мы имѣемъ теперь не только превосходно установленный текстъ, но и большое количество варіантовъ, которые для той цѣли, какую имѣлъ въ виду авторъ, представляютъ большую цѣнность. При томъ, въ этой серіи одинъ изъ главныхъ источниковъ Шпренгера, именно сочиненіе Ибн-Хордадбеһа, изданъ не только въ подлинникѣ по не бывшей доступной Шпренгеру рукописи, но и въ переводѣ. Пользованіе этими матеріалами дало бы Н. Ѳ. Петровскому возможность значительно обогатить свои «Дорожники». Но, конечно, было бы несправедливо требовать отъ работающаго въ глуши Азіи, вдали отъ библіотекъ, того-же, чего можно требовать отъ кабинетнаго ученаго, а практическое знакомство съ мѣстностью весьма часто предпочтительнѣе самаго большого собранія варіантовъ именъ этихъ мѣстностей. Съ этой точки зрѣнія нужно пожалѣть, что въ настоящей работѣ Н. Ѳ. Петровскій ограничился лишь немногими примѣчаніями, но мы надѣемся, что онъ дастъ намъ еще много цѣнныхъ разъясненій изъ громаднаго запаса собранныхъ имъ на мѣстѣ свѣдѣній.

В. Р.

221. А. А. Диваевъ. Этнографическіе матеріалы. Сказки, басни, пословицы и примѣты туземнаго населенія Сыръ-Дарьинской области. Отдѣльные оттиски изъ «Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области», изд. 1893 г. Ташкентъ 1893 г., 84 стр. 8°. То-же, 1895 г. 160 стр. 8°.

Изданія Сыръ-Дарьинскаго Областного Статистическаго Комитета, заключающія въ себѣ много интереснаго матеріала, къ сожалѣнію печатаются въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ и почти совсѣмъ не проникаютъ въ Петербургъ. Этимъ объясняется, что въ ежегодныхъ отчетахъ о новыхъ книгахъ по востоковѣдѣнію, помѣщаемыхъ въ «Запискахъ Вост. Отд. Арх. Общ.», только одинъ разъ (т. IV, стр. 121—122) были упомянуты труды комитета. Въ этой рецензіи, между прочимъ, было ска-

зано: «Расширяя нѣсколько программу своей дѣятельности, комитетъ обращаетъ вниманіе также и на этнографію и исторію, и вотъ благодаря этому обстоятельству «Труды» его обѣщаютъ представить много интереса и для оріенталистовъ, которымъ такимъ образомъ придется внимательно слѣдить за изданіями комитета».

Комитетъ и въ послѣдующіе годы остался вѣренъ указанной программѣ, и въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области» мы рядомъ со статистическими данными всегда находимъ цѣнный этнографическій матеріалъ. Сюда принадлежатъ и труды г-на Диваева, печатающіеся въ «Сборникѣ» со времени его основанія, т. е. съ 1891 г. Передъ нами два послѣднихъ выпуска этихъ трудовъ. Въ «Сборникѣ» за 1893 г. была помѣщена интересная статья «Аткаміары», въ яркихъ краскахъ изображающая подвиги киргизскихъ міроѣдовъ, и 11 киргизскихъ сказокъ, записанныхъ главнымъ образомъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ; въ заключеніе авторъ сообщаетъ нѣсколько народныхъ примѣтъ (со словъ одного киргиза Казалинскаго уѣзда) и пословицъ. Въ 1895 г. г-нъ Диваевъ напечаталъ переводъ обширной и интересной киргизской былины о Шура-Батырѣ (былина записана въ Чимкентскомъ уѣздѣ); кромѣ того мы находимъ здѣсь 2 сказки, любопытное собраніе народныхъ примѣтъ, пословицъ и загадокъ, 8 образчиковъ киргизскаго животнаго эпоса и статью, въ которой описываются проводы невѣсты у осѣдлаго населенія города Чимкента, причемъ приводится точный переводъ пѣсенъ, распѣваемыхъ по этому случаю парнями и дѣвицами.

Нѣкоторыя сказки, собранныя г-мъ Диваевымъ, уже раньше были извѣстны; такова, напр., сказка о «Мужественной дѣвицѣ» («Этногр. Матеріалы» за 1893 г., стр. 58—61), вошедшая въ «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ», изданныя В. В. Радловымъ [1]). Не смотря на это, сообщенные г-номъ Диваевымъ образцы народнаго творчества и черты изъ жизни киргизовъ не только чрезвычайно важны для ознакомленія мѣстной интеллигенціи съ нравами кочевниковъ, но и представляютъ много новаго и любопытнаго, какъ для интересующихся исторіей Средней Азіи, такъ и для любителей фольклора.

Первые обратятъ особенное вниманіе на «примѣты», въ которыхъ отражаются народныя вѣрованія и суевѣрія, сохранившіяся вопреки исламу и иногда приспособившіяся къ послѣднему; такъ «хлѣбопашецъ, прежде чѣмъ воспользоваться зерномъ своимъ изъ гумна, прочитываетъ стихъ корана во имя «Диканъ-ата» (отца хлѣбопашества; см. «Матеріалы» 1895 г.,

1) Часть III, стр. 290—296; въ нѣмецкомъ изданіи стр. 347—355.

стр. 114). Любители фольклора заинтересуются напр. мотивомъ, дважды повторяющимся въ «Матеріалахъ» г-на Диваева (1893 г., стр. 76—78 и 1895 г., стр. 106—108) и близко напоминающимъ средневѣковую легенду, послужившую темой для стихотворенія Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer».

Интересному содержанію «Матеріаловъ» г-на Диваева вполнѣ соотвѣтствуетъ талантливость изложенія. Въ переводахъ сказокъ мы крайне рѣдко встрѣчаемъ слова и обороты, неумѣстные при передачѣ произведеній народнаго творчества [1]); столь же легко читается оригинальная статья «Аткамнары» [2]). Картина «изъ жизни киргизъ» рисуется передъ читателемъ съ необыкновенной живостью; полнаго сочувствія заслуживаетъ отношеніе автора къ вопросамъ общественной жизни, его искреннее негодованіе противъ людей, дѣйствующихъ «въ интересахъ личнаго благополучія подъ знаменемъ общественной пользы», и его горячая симпатія къ бѣдному люду, терпящему отъ собственной темноты и забитости.

Въ былинѣ о Шура-батырѣ одна пословица сообщается также въ подлинникѣ; не можемъ не пожалѣть о томъ, что этотъ случай единственный [3]); если бы наиболѣе характерныя изреченія, поговорки и т. п. были приведены также въ подлинникѣ (арабскимъ или русскимъ шрифтомъ), то это значительно увеличило бы научную цѣнность изданія и едва ли бы слишкомъ возвысило цѣну отдѣльныхъ выпусковъ. Замѣтимъ еще, что пользованіе «Матеріалами» нѣсколько затрудняется отсутствіемъ оглавленія.

Въ заключеніе можемъ только пожелать продолженія полезнаго изданія.

В. Бартольдъ.

222. Экономическое положеніе Персіи. М. Л. Томары. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ Министерства Финансовъ. С.-Петербургъ 1895 г.

Подъ этимъ заглавіемъ появился въ печати отчетъ М. Л. Томары, чиновника особыхъ порученій министерства, совершившаго двукратную поѣздку въ Персію въ 1893 и 1894 гг. для изслѣдованія экономическаго состоянія Персіи. Представляя богатый матеріалъ для сужденія о совре-

1) Таково, напр., выраженіе «по экстреннымъ дѣламъ» («Матеріалы» за 1895 г., стр. 2).

2) Непріятное впечатлѣніе производятъ однако многочисленные корректурные недосмотры, особенно въ знакахъ препинанія. Отмѣтимъ также небольшую ошибку въ правописаніи арабскаго слова: زيافت вм. ضيافت.

3) Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ только отдѣльныя киргизскія слова.

менномъ состояніи продуктивныхъ силъ страны, этотъ трудъ въ значительной мѣрѣ выясняетъ намъ положеніе нашей сосѣдки на міровомъ рынкѣ. Кому не извѣстно, какъ трудно получить въ Персіи какія нибудь цифровыя данныя болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности; тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ этомъ трудѣ картину положенія страны, вѣроятно, не очень далекую отъ дѣйствительности. Къ тому же мы должны прибавить, что это первая попытка у насъ изученія Персіи въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ консульскіе отчеты касаются или какой нибудь отдѣльной части, или представляютъ необработанный спеціалистомъ по экономическимъ вопросамъ матеріалъ.

А. Туманскій.

223. Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва. В. А. Жуковскаго, орд. проф. И. СПБ. Университета. Съ 1 снимкомъ съ рукописи, 39 рисунками въ текстѣ и VIII табл. картъ, надгробныхъ надписей и орнамента. (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссіею). С.-Петербургъ, 1894 г. II + 215 стр. 4°.

Издаваемые Императорской Археологической Коммиссіей съ 1866 г. «Матеріалы по археологіи Россіи» обогатились шестнадцатымъ томомъ, заключающимъ изслѣдованіе профессора В. А. Жуковскаго о знаменитыхъ развалинахъ Мерва. Въ этомъ отношеніи Мерву посчастливилось болѣе, чѣмъ многимъ другимъ мѣстностямъ Россіи, представляющимъ историческій и археологическій интересъ. Но не объ этомъ приходится жалѣть, а о томъ, что даже поѣздка В. А. Жуковскаго, пять лѣтъ послѣ присоединенія Мерва, явилась, какъ онъ самъ говоритъ [1]), запоздалой: такъ быстро клонятся къ исчезновенію памятники прошлаго подъ вліяніемъ новыхъ условій культуры. Но во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано и сдѣлано такъ, какъ рѣдко намъ приходится встрѣчать въ Россіи. Наша историческая литература обогатилась такимъ произведеніемъ, которое надолго останется основаніемъ для дальнѣйшаго изслѣдованія этихъ окраинъ.

Видное мѣсто въ этомъ трудѣ занимаетъ историческій очеркъ. Въ предисловіи авторъ справедливо замѣчаетъ, «что безъ историческаго очерка настоящій видъ ея (мѣстности Мерва) будетъ совсѣмъ непонятенъ». Прибавимъ лишь къ этому доводу, что мы очень не богаты историческими работами, касающимися нашихъ окраинъ, гдѣ почти на каждомъ шагу мысль невольно отвлекается къ давно прошедшимъ временамъ. Но, если мы не

---

1) Стр. 199.

богаты историческими трудами, то про историческую топографію и говорить нечего. Она блистаетъ своимъ полнымъ отсутствіемъ и, повидимому, многіе присяжные археологи и не подозрѣваютъ объ ея существованіи, какъ особаго научнаго метода, единственно устанавливающаго археологическія разысканія на научную высоту. Въ противномъ случаѣ безцѣльное копаніе земли не далеко уходитъ отъ практиковавшагося въ Сибири, и у насъ на югѣ, исканія кладовъ. Почтенный трудъ В. А. Жуковскаго не грѣшитъ и противъ этого требованія: археологическая часть его представляетъ обстоятельнѣйшее изслѣдованіе топографіи мервскихъ развалинъ въ историческомъ отношеніи.

Какъ историческая работа, трудъ В. А. Жуковскаго полагаетъ твердые устои для будущихъ изслѣдователей. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы имѣемъ ссылки почти на всѣ доступные русскому изслѣдователю источники. Кромѣ изданныхъ первоисточниковъ, мы встрѣчаемъ обстоятельное и широкое пользованіе рукописнымъ матеріаломъ. Изъ таковаго авторъ пользовался перломъ нашихъ петербургскихъ собраній — Сам'ани «книгой родословій», затѣмъ мы встрѣчаемъ ссылки и болѣе или менѣе обширныя извлеченія изъ Хафиза Абру, Ахмеда Туси, Тартуси, Мохаммедъ Сипахизадэ, Джувейни, Асфизари и друг. Не оставлены безъ вниманія и восточныя изданія въ Персіи и Турціи.

Помимо чисто археологическаго значенія, этотъ трудъ представляетъ и другой, болѣе жизненный интересъ. Обращаясь къ мѣстнымъ жителямъ за сборомъ имѣющихся преданій о тѣхъ или другихъ памятникахъ, В. А. Жуковскій натолкнулся на весьма интересный и характерный для туркменъ-суннитовъ фактъ, а именно, на удивительную живучесть среди нихъ алидскихъ преданій. Помимо пріурочиванія именъ Алидовъ къ различнымъ надгробіямъ, существованіе преданій подтверждается письменными памятниками туркменской народной литературы, изъ которыхъ въ нашемъ распоряженіи имѣются два сборника, написанные среди Туркменъ-Теке Асхабадскаго уѣзда. Въ одномъ изъ сказаній этихъ сборниковъ имѣется повѣсть объ Али и его сподвижникахъ, подъ названіемъ Гузатъ-Наме غزات نامه (сказаніе о Газіяхъ — воинствующихъ миссіонерахъ), въ другомъ же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Мохаммедъ Ханифе, т. е. Мухаммедъ-ибнъ-ал-Ханафійе, сынъ Али [1]). Въ первомъ изъ этихъ сказаній неразлучнымъ спутникомъ Али является Канберъ قنبر, вѣроятно тотъ-же, имя котораго пріурочивается къ надгробію Баба-Гамберъ [2]). Искать чего либо исто-

---

1) См. у В. А. Жуковскаго, стр. 154.

2) Тамъ-же, стр. 176—7.

рическаго въ этихъ сказаніяхъ врядъ ли возможно — обстановка и дѣйствующія лица за немногими исключеніями миѳическія, но одно уже существованіе этихъ литературныхъ памятниковъ подтверждаетъ интересный фактъ живучести алидскихъ преданій среди Туркменъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. На стр. 49-й разсматриваемаго труда при изложеніи исторіи паденія Мерва подъ ударами сына Чингиза, Тули-Хана, упоминается крѣпость *Базеръ*, куда направился Беха-ал-Мулькъ, правитель Харезмшаха въ Мервѣ, надѣясь тамъ найти оплотъ противъ монголовъ. Въ примѣчаніи В. А. оговариваетъ чтеніе этого слова, давая варіантъ بارز (Хафизъ Абру и Асфизари), который читается имъ Яр.зъ; при этомъ по Асфизари выходитъ, что это мѣсто находится рядомъ съ Несой, т. е. на западъ отъ Мерва. Мы позволимъ себѣ предложить иное чтеніе, а именно یازر *Язеръ*, что будетъ соотвѣтствовать названію одного изъ отдѣленій Огузова племени, часть котораго по Абуль-Гази (Родословная туркменъ) поселилась дѣйствительно къ западу отъ Мерва и Несы, а именно около Дуруна, понынѣ существующаго подъ этимъ именемъ туркменскаго поселенія около станціи Закаспійской желѣзной дороги Бехарденъ. По словамъ Абуль-Гази, послѣ междуусобія, слѣдствіемъ котораго было разсѣяніе Огузова племени, «племя Язеръ пошло въ Хорасанъ, гдѣ около Дуруна жило много лѣтъ; по этой причинѣ Дурунъ называютъ Язеровымъ юртомъ. Часть племени Язеръ поселилась въ горахъ близъ Дуруна, гдѣ и занялась земледѣліемъ. Въ настоящее время ихъ называютъ Караташли». Приводимъ текстъ по рукописи Туркестанской публичной библіотеки (каталогъ Е. Каля № 80) и варіанты по другой, позднѣйшей, имѣющейся у насъ.

یازر[1] ایلی خراسانغه باریب درون[2] طرافیندا[3] کوب ییللار اولتوردیلار اول سبب دین درونغه یازر یورتی دیرلار یازر ایلی نینك بر نیچه‌سی درون یقیندا تاغ ایچندا[4] دهقانلیق قیلیب اولتورب ایردیلار بو وقتدا انلارینی[5] قراتاشلی[6] دیتورورلار[7] (л. 32 b)

Объ этихъ Язерахъ мы имѣемъ еще и персидское свидѣтельство, а именно въ персидской географіи جهان نامه, написанной для Харезмшаха Мохаммеда. Авторъ ея по нашей рукописи محمد بن نحب نکران, несомнѣнно тотъ-же, что̀ упоминается у C. Rieu Cat. I, 423 подъ именемъ محمد بن نجیب مکران. В. В. Бартольдъ сообщилъ намъ этотъ же отрывокъ по рукописи

---

1) یازیر. 2) دورون. 3) اطرفندا. 4) ایچنده. 5) انلاره. 6) قراداشلی. 7) [ا]یتورلار.

Bibliothèque nationale (Ancien Fonds Persan № 384, f. 206), варіанты котораго мы и отмѣчаемъ буквою P. Приведемъ по нашей рукописи это свидѣтельство.

یزر قومی از ترکان بحدود بلخان و کوهها ان افتادند و قومی[1] از منقشلاغ[2] بدیشان بیوستند[3] و قومی دیکر[4] از خراسان بس عدد[5] ایشان بسیار شد و قوّت کرفتند از انجا انتقال کردند و بحدود شهرستانه و فراو امدند و[6] بعد از ان بحصار طاق ساکن شدند و اکنون ایشان سه طایفه باشند یزر خالص و منقشلاغی و بارسی (л. 17 a)

т. е. «*Язеръ* — племя тюрокъ, попавшее къ предѣламъ Балхана [7]) и его горъ. Къ нимъ присоединилось одно племя изъ Мангишлака и другое племя изъ Хорасана. Такъ, число ихъ стало велико и они забрали силу. Оттуда они перекочевали и пришли къ предѣламъ Шехристане[8]) и Ѳерау[9]). Послѣ этого они поселились въ Хисаръ Такѣ. Теперь они состоятъ изъ трехъ племенъ: чистые Язеры, Мангишлакскіе и Парси». Какъ видно, эти тюрки Язеры или Язиры были извѣстны во время царствованія Мохаммедъ Харезмшаха, а потому ничего невѣроятнаго нѣтъ, что это тѣ же самые, про которыхъ мы читаемъ у Ибнъ-уль-Асира подъ названіемъ الاتراك البرزيّة Тюрки-Берзіе и которыхъ поэтому можно будетъ читать الاتراك اليزريّة Тюрки-Язиріе [10]).

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы осуществились pia desideria автора, а именно, чтобы археологическое изслѣдованіе Закаспійскаго края нашло своихъ продолжателей въ лицѣ «любознательныхъ путешественниковъ, не увлекающихся любителей старины, присяжныхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ начальниковъ края и его дѣятелей» [11]).

А. Туманскій.

224. Потанина, А. В. Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю. Сборникъ статей. Съ біографіей, портретомъ, пятью

---

1) P добав. دیکر. 2) P منعشلاق. 3) P بیوستند. 4) P نیز 5) P عدود.

6) Въ рук. شهرستانه فراو و امل ند, P. سارستانه و فراواو امدند.

7) Мокаддеси, ed. de Goeje, Bibl. Geogr. Ar. III ۲۷, ۲۸۵.

8) Ibid. ۵۱, ۳۰۰ l, ۳۲۰.

9) I. e. فراوة — Истахри B. G. A. I, ۲۵۳, ۲۸۳, Ибнъ Хаукаль, B. G. A. II, ۳۰۹, ۳۳۱; Ибнъ Росте, B. G. A. VII, ۱۷۰, у Мокаддеси افراوة — ۲۷, ۵۱, ۳۰۰ l, ۳۲۰, ۳۳۳, ۳۴۰, ۳۵۴, ۳۵۶, ۳۵۸, ۳۵۹, ۳۶۷, ۳۷۰ p. ۳۹۲.

10) Ed. Tornberg XI, 171, 172.

11) Стр. 199.

таблицами рисунковъ и 34 политипажами въ текстѣ. Изданіе Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва 1895. XLII + 296 in 8⁰. Цѣна 3 рубля.

Дружескія руки заботливо собрали разбросанныя въ повременныхъ изданіяхъ статьи покойной путешественницы Александры Викторовны Потаниной; къ статьямъ присоединенъ былъ біографическій очеркъ, и образъ покойной по всей его симпатичной простотѣ вновь стоитъ передъ нами. Тѣмъ, кто имѣлъ счастіе знать Александру Викторовну, при чтеніи этой книги ярко вспомнится всегда поражавшая ихъ въ ней тонкость наблюденія; для другихъ же читателей она послужитъ примѣромъ того, какіе богатые результаты приноситъ чуткость и отзывчивость въ этнографѣ-путешественникѣ. Обыкновенныя путешествія страдаютъ тѣмъ, что въ нихъ мы почти никогда не находимъ отдѣльныхъ личностей: впечатлѣнія отъ чуждыхъ людей, въ чуждыхъ одеждахъ почти всегда сливаются въ нѣчто неопредѣленное или слишкомъ обыденное — получается картинка, въ которой почти отсутствуютъ индивидуальныя черты; европейцы, даже по-долгу живущіе въ Азіи, охотно повторяютъ фразу, что туземцы для нихъ «закрытая книга.» И конечно, пока вы не начнете различать подъ внѣшней оболочкой китайца, или монгола, или индійца — человѣка, вы никогда не «раскроете книги». Замѣчательно развитая наблюдательность и любовь и уваженіе къ человѣческой личности дали возможность Александрѣ Викторовнѣ найти *людей* въ сѣрой толпѣ инородцевъ — передъ нами «Дорджи, бурятскій мальчикъ», ссыльный «черкесъ» Ахметъ, монахи въ Гумбумѣ, урянхайская шаманка, раззоряющаяся широнгольская семья, монгольскія «княгини», и всѣ они какъ живые.

Нѣкоторыя повторенія въ статьяхъ, зависящія очевидно отъ поспѣшности редактированія, нисколько не уменьшаютъ большого интереса сборника, который мы смѣло рекомендуемъ и не однимъ любителямъ этнографіи.

С. О.

225. Остроумовъ, Н. П. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ третій. Пословицы и загадки сартовъ. Ташкентъ 1895. X + 174 in 8⁰[1]).

Н. П. Остроумовъ неутомимо продолжаетъ изданіе своихъ интересныхъ матеріаловъ по этнографіи сартовъ; на этотъ разъ онъ даетъ намъ

---

[1]) См. З. В. О. V. 323—324 и VIII. 168—169.

тысячу пословицъ и поговорокъ (въ переводѣ), *полтораста* загадокъ въ текстѣ и переводѣ, сказку полную пословицъ: Сова, сычъ и филинъ, авторъ которой, Мулла Гульхани, составилъ ее въ первой четверти этого столѣтія, и наконецъ воспоминанія сына Худаяръ-хана Ибнъ-Яминъ-Бека. Пословицы и поговорки распредѣлены между XXI отдѣлами: I. Богъ, Судьба, Исламъ.[1]) II. Русскій, сарты и другіе народы. III. Мужчина и женщина. IV. Мужъ и жена. V. Родители, дѣти, сироты. VI. Дѣвица, дочь, невѣста. VII. Родственникъ, чужой. VIII. Рабы, слуги. IX. Сосѣдъ и гость. X. Другъ и врагъ. XI. Хорошій человѣкъ и дурной. XII. Умный и глупый. XIII. Богатый и бѣдный. XIV. Щедрый и скупой. XV. Сытый и голодный. XVI. Разныя занятія народа. XVII. Ишанъ-пиръ, мулла, имамъ. XVIII. Правители народа. XIX. Болѣзнь и смерть. XX. Разныя изрѣченія. XXI. Животныя. Звѣри. Птицы. Текста пословицъ и поговорокъ г. Остроумовъ не могъ, къ сожалѣнію, издать по матеріальнымъ соображеніямъ; за то даны интересныя примѣчанія, въ которыхъ сдѣлана попытка воспользоваться пословицами для нѣкоторыхъ бытовыхъ картинъ. Воспоминанія сына Худаяръ-хана, наивныя и безискуственныя, ярко рисуютъ недовѣріе ко всему русскому, которымъ такъ проникнуто все старшее туземное поколѣніе.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы и слѣдующіе томы цѣннаго труда Н. П. Остроумова были также содержательны, какъ и этотъ.

С. О.

226. Galouste Ter-Mekertchian: Armeniaca I—XII. *Հայկականք Ա.—ԺԲ. Գալուստ Տէր Մկրտչեան Միաբան սրբոյ Էջմիածնի (արտատպած «Արարատ» ամսագրքից 1894 Թ.)*, Вагӑршапатъ 1894. 93 стр. 16°.

Въ Европѣ арменовѣдѣніе не процвѣтаетъ, какъ самостоятельная наука со своими спеціальными задачами: вопросы, касающіеся языка, литературы и исторіи армянской, ставятся и разрѣшаются со смѣлостью и непринужденностью дилетантской даже въ трудахъ людей науки. При явномъ равнодушіи въ Европѣ къ арменовѣдѣнію, при отсутствіи любовнаго отношенія спеціалиста къ дѣлу, приходится возлагать пока надежды на національный интересъ армянъ къ нашей отрасли востоковѣдѣнія, который можетъ сыграть полезную роль, если они будутъ удовлетворять этой весьма естественной и благородной жаждѣ къ родиновѣдѣнію съ соблю-

1) Нельзя не пожалѣть, что отъ какой-то типографской неурядицы начало книги совсѣмъ перепутано.

деніемъ строгихъ научныхъ пріемовъ. Въ трудахъ Вѣнскихъ Мхитаристовъ мы уже имѣемъ краснорѣчивые факты, оправдывающіе наши надежды. Къ такимъ отраднымъ фактамъ относится и маленькій трудъ эчміадзинскаго монаха Галуста Тэръ-Мкртчяна, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ «Міабанъ» *монахъ*.

Значеніе труда состоитъ въ томъ, что въ избитомъ, но нисколько не разрѣшенномъ, вопросѣ о Моисеѣ Хоренскомъ авторъ изъ заколдованнаго круга общихъ разсужденій и рискованныхъ, преждевременныхъ сближеній выходитъ на новый путь, — путь непосредственнаго изслѣдованія рукописей и сравнительнаго изученія текста, съ расширеніемъ круга привлекаемыхъ къ сравненію памятниковъ національной литературы. Въ отношеніи изслѣдованія рукописей интересъ представляютъ немногія страницы (X, 69—83) XI, 83—84), посвященныя М. Хоренскому: авторъ располагалъ почти 30 списками Исторіи, изъ нихъ семнадцатью непосредственно въ рукописяхъ, что и дало ему возможность установить четыре группы списковъ. Авторъ знакомитъ насъ пока съ результатомъ сличенія различныхъ списковъ въ общихъ чертахъ и даетъ перечень (стр. 80—81) рукописей, составляющихъ ту или другую группу.

Изъ двѣнадцати замѣтокъ, составляющихъ брошюру, только двѣ—VI, стр. 21—26 и IX, стр. 59—69 — не относятся непосредственно къ Исторіи М. Хоренскаго: первая посвящена выясненію писательской личности Тирануна, автора 200 отвѣтовъ, во второй сгруппированы свѣдѣнія о неизвѣстномъ доселѣ армянскомъ писателѣ X-го вѣка Арамѣ; мимоходомъ обѣщаются изданія его и другихъ необнародованныхъ авторовъ, между прочимъ Ананіи, сообщающаго «любопытныя историческія данныя» въ сочиненіи *Объ отпаденіи Албаніи*. Въ этихъ статьяхъ Міабана много новаго, и все основано на рукописныхъ источникахъ, что составляетъ особую притягательную силу какъ этихъ такъ и другихъ замѣтокъ.

Въ болѣе мелкихъ статьяхъ разъясняются отдѣльныя слова и термины, какъ *պրեցողք* (I, 3 — 5), *ժառանգութիւն* (II, 5 — 12), *Մեծ մաւր* (III, 12 — 17), *մայրաքաղաք* (IV, 17 — 18, это собственно исправленіе одного недосмотра въ русскомъ переводѣ Эмина), *Արարադ* и *Այրարատ* (V, 18—20). Въ вопросѣ о «Кунд-Арамаздѣ» (VII, 26 — 35) Міабанъ на основаніи рукописныхъ и печатныхъ текстовъ устанавливаетъ существованіе въ армянской литературѣ выраженія «четырехлицый Арамаздъ», но связи съ этимъ выраженіемъ *четырехъ Арамаздовъ* текста Хоренскаго, изъ коихъ одинъ «Кунд-Арамаздъ», мы не видимъ. Міабанъ оспариваетъ наше толкованіе (Араксъ, 1890, II, стр. 59—62), такъ какъ Хоренскій не могъ знать четырехъ Ормуздовъ, но тутъ мы сталкиваемся съ роковымъ вопросомъ о

времени написанія или точнѣе послѣдней редакціи Исторіи Хоренскаго, и приходится пока молчать.

Двѣ другія замѣтки—VIII, 34—59 и XII, 86—93—займутъ насъ дольше. Первая касается извѣстнаго образчика народнаго эпоса Տենչայ էն, приводимаго Хоренскимъ въ I, 10. Намъ кажется, Міабанъ увлекается, когда на основаніи армянскаго текста X вѣка или еще болѣе поздняго времени (Варданъ) онъ готовъ своеобразно толковать արտախուրակ армянскаго перевода Библіи, наперекоръ традиціонному значенію *головной уборъ*, подтверждаемому также другой простой формою того же слова խոյր *шапка* и ея эквивалентами въ родственныхъ языкахъ: арм. խոյր изъ *q̇ōϑ, древне-перс. khūda, перс. خود[1]). Ссылка на мѣста съ этимъ словомъ у Себэоса неудачна, и соображенія Міабана, долженствующія убѣдить насъ въ томъ, что Себэосъ употребилъ արտախուրակ въ смыслѣ *набедренника*[2]), несостоятельны[3]). Кромѣ того, противъ своеобразнаго толкованія Міабана не только греческій текстъ Библіи, какъ думаетъ авторъ брошюры, судя по стр. 43 — 44, но и еврейскій, гдѣ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ стоитъ слово כַּרְבְּלָא. Слово это понимаютъ различно, то какъ *головную повязку*, то какъ *мантію*. Въ свое время мы укажемъ на то, какимъ образомъ это слово очутилось въ грузинскомъ со значеніемъ *башлыка*, *головного убора съ острымъ верхомъ и съ ниспадающими на плечи концами*: звучитъ оно по грузински ḳabal-axi или, съ перебоемъ перваго кореннаго ḳ въ *ṭ= вулг. ϑ, ϑabal-axi. Смыслъ этого слова въ еврейскомъ споренъ, и въ такихъ

---

1) Грузинское ქუდი qud-i *шапка* я затрудняюсь сопоставить съ даннымъ персидскимъ словомъ: персидское خ въ заимствованныхъ словахъ передается грузинскимъ ხ q̇. Съ другой стороны грузинское qud-i восходитъ къ болѣе древнему *gut, а эта форма засвидѣтельствована въ армянскомъ словѣ գտակ gᵛtak (изъ güták).

2) Міабанъ, понимающій արտախուրակ въ смыслѣ ծածկոյթ *покрывала*, надо полагать, не преминулъ бы указать и на то, что въ груз. корень q̇vr (аор. q̇ura) означаетъ *покрыть*. Общность корня въ груз. и арм. лично насъ не удивила бы, но, во-первыхъ, армянское слово нельзя отдѣлять отъ указанныхъ выше эквивалентовъ, и во-вторыхъ, если бы даже мы установили происхожденіе спорнаго слова отъ неарійскаго корня, рѣшеніе нашего вопроса отъ этого не измѣнилось бы, такъ какъ дѣло не въ этимологіи, а въ установившемся значеніи слова въ данной формѣ въ данную эпоху.

3) Міабанъ думаетъ, что у Себэоса (стр. 59, 63 и 65) въ наградахъ արտախուրակ не можетъ означать *шапки*, такъ какъ *шапка* գտակ уже названа разъ. Но գտակ и արտախուրակ могутъ быть оба головными уборами, различнаго въ смыслѣ почета достоинства. Вѣдь тѣмъ же գտակ'омъ не исключается же պսակ, также головной уборъ (պսակ վարսից *повязка волосъ, діадема*). Если же արտախուրակ понимать въ смыслѣ *башлыка* (по К. Патканову: *чалмы*), то գտակ *шапка* и не явится вовсе излишнимъ повтореніемъ. Наконецъ, почетные подарки или, какъ они зовутся позже въ мусульманскомъ мірѣ, *халаты* не исключаютъ повторенія жалуемыхъ предметовъ. Правда, Міабанъ напираетъ на то, что արտախուրակ у Себэоса упоминается рядомъ съ наколѣнниками, но изъ этого видно, что спорное слово не есть наколѣнникъ, и только.

случаяхъ армянскій текстъ съ совершенно яснымъ, въ виду его традиціоннаго употребленія, словомъ имѣетъ свое собственное значеніе, съ которымъ надо считаться. Ссылаться на новѣйшіе переводы съ еврейскаго въ подобныхъ случаяхъ не раціонально.

Какъ оказывается, древнѣйшіе тексты (Библія, Себэосъ), указываемые Міабаномъ, не подтверждаютъ выставляемаго имъ значенія *արտախուրակ*, а потому остроумныя сопоставленія съ (будто-бы) аналогичными явленіями въ армянскомъ folk-lore'ѣ и въ древне-французской литературѣ теряютъ весь свой смыслъ. Дальнѣйшее, по существу, для вопроса безразлично, но нѣкоторыхъ частностей мы не можемъ обойти молчаніемъ: «*և զտից*» (Санаhинская рукоп.: *և տից*) Міабанъ исправляетъ въ *զետից* и **զստից* [а не слѣдовало ли скорѣе *զսըտից*?], но на какомъ основаніи? Тутъ уже, очевидно, petitio principii.

Міабанъ ссылается на I, 11 Исторіи М. Хоренскаго, гдѣ историкъ будто бы употребилъ тоже слово *զիստ*. Этого было бы мало, а главное — тутъ еще заблужденіе, раздѣляемое впрочемъ и другими толкователями М. Хоренскаго. Изъ всего цитуемаго Міабаномъ отрывка достаточно привести фразу *և յահեկէ զստինն երկսայրի և նիզակն արի ի ձեռին իւրում աջոյ.* Эминъ переводитъ (1893, стр. 18): «при лѣвомъ бедрѣ — обоюдоострый мечъ, въ правой рукѣ — ретивое копье». Переводъ — неточенъ. Если допустимъ, что въ *զստինն* имѣемъ *бедро*, то *յահեկէ զստինն* будетъ означать не *на лѣвомъ бедрѣ*, а *съ лѣвой стороны бедра*, т. е. получится очевидная безсмыслица. Но въ подлинникѣ и рѣчи нѣтъ о бедрѣ.

Во-первыхъ, *զստինն* съ двумя *ն* этимологически невозможная форма, если производить ее отъ *զիստ*; во-вторыхъ, *երկսայրի* есть прилагательное и самостоятельно въ качествѣ существительнаго не можетъ стоять, безъ члена [1]), — такъ велитъ синтаксисъ. Наконецъ, во фразѣ имѣемъ образецъ параллелизма, и духъ классическаго армянскаго языка требуетъ внимательнаго къ нему отношенія. Противополагаются другъ другу лѣвая сторона и правая рука, эпитеты (*երկսայրի* и *արի*) и слова *զստինն և նիզակն*, оба означающія, очевидно, родъ оружія. Оба слова съ опредѣлительнымъ членомъ *ն*, при чемъ при первомъ предлогъ винительнаго падежа, подразумѣваемый, хотя и опущенный при *նիզակն* (и при слѣдующемъ еще *վահանն*). Винительный зависитъ отъ подразумѣваемаго глагола *ունելով* *имѣя*, который подобно ἔχων въ греческомъ, играетъ роль предлога *съ* (cum). Но что можетъ означать *ստին* stin (*sĕtin)? Большому Словарю такое слово неизвѣстно.

---

1) Самостоятельно имѣемъ его у М. Хоренскаго же въ VI, 82, но обязательно съ членомъ *երկսայրին*.

Эпитетъ — *երկսայրի*, судя по тому же Словарю, прилагается и къ *սուր* *мечъ* и *երկաթ* *желѣзо* (*острое желѣзное оружіе*), собственно же значитъ *съ двумя острыми концами*, *обоюдоострый*, а такой эпитетъ приложимъ и къ другимъ оружіямъ, хотя бы къ *пикѣ* или *копью* (собственно, къ ихъ желѣзному наконечнику). И дѣйствительно, армянское *ստին* stin (*setī-n), съ обычною армянскою назализаціею исходнаго гласнаго, есть точный эквивалентъ персидскаго ستی *желѣзо*, *копье*, и, очевидно, только въ этомъ значеніи и можно толковать *զստինն* въ данномъ мѣстѣ М. Хоренскаго. Оказывается, въ древности такъ и понимали сами армяне спорное мѣсто: это видно изъ того, что въ *Բաղդատութիւն են* I. Каринянца (стр. 28, II рук.) въ качествѣ рукописнаго разночтенія спорнаго слова приводится *զսուինն*, означающее *копье*, *пика*. Собственно самъ Хоренскій *սուին* употребляетъ лишь въ смыслѣ метательнаго оружія, такъ въ II, 5 *ձգել զսուինն են*, но realia древнеармянской жизни намъ такъ плохо извѣстны, что мы не настаиваемъ на какомъ-либо точномъ значеніи слова *ստին*: у персовъ оно могло означать *копье*, у армянъ *мечъ*. Достаточно пока знать, что въ *ստին* мы имѣемъ какое-то желѣзное оружіе. По нашему точный переводъ спорнаго мѣста долженъ гласить: «(имѣя) слѣва (за поясомъ, на поясѣ) [1]) обоюдоострое желѣзо (мечъ? пику?), а ретивое копье въ правой рукѣ» и т. д.

Міабанъ придаетъ вообще преувеличенное значеніе разночтеніямъ. То или другое разночтеніе не можетъ разсчитывать на исключительное наше вниманіе потому только, что оно болѣе доступно нашему пониманію, хотя бы его мы нашли въ сравнительно древней рукописи. Очень часто болѣе понятное и есть очень плохое чтеніе, свидѣтельствующее лишь о томъ, что и въ старину бывали попытки освѣтить темныя мѣста. При томъ мы не можемъ сочувствовать такому возстановленію текста, которымъ уничтожается поэтическая форма отрывка изъ народныхъ, по словамъ самого Хоренскаго, пѣсенъ. Въ отрывкѣ замѣчается не только размѣръ, но и извѣстный параллелизмъ, если оставить текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, а это самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, пока не откроется значеніе *խաւարտ* и *խաւարծի*: видѣть въ нихъ какія-то травы, намъ кажется, нѣтъ никакого основанія. Мы возвратимся еще къ этому отрывку при другомъ случаѣ; замѣтимъ только, что обыкновенно при толкованіи не обращается вниманіе на связь этого отрывка съ контекстомъ и на мѣсто его въ циклѣ тѣхъ народныхъ сказаній, съ которыми М. Хоренскій

---

1) Непосредственно передъ этими словами въ текстѣ *գաւտեւորեալ զմէջն* *препоясавъ чресла*: судя по результатамъ изслѣдованій языческихъ могильниковъ въ Арменіи, мечи закладывались за поясъ.

знакомитъ насъ, къ сожалѣнію, отрывочно. Точкою отправленія въ толкованіи отрывка должно быть не то или другое значеніе, которое удастся нашему остроумію подыскать для спорныхъ словъ, а пониманіе всего отрывка, неизбѣжно вытекающее изъ согласованія его съ другими разрозненными частями эпическаго цикла, а также назначенія, даннаго ему самимъ историкомъ; словомъ, волею неволею намъ остается исходить изъ общаго на поиски для выясненія частностей, а не наоборотъ.

Въ послѣдней замѣткѣ (XII, стр. 86 — 93) Міабанъ касается извѣстнаго «камня преткновенія» для всѣхъ переводчиковъ Исторіи М. Хоренскаго въ I, 2. Слѣдуетъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ эчміадзинскаго изслѣдователя, который видитъ въ нашемъ отрывкѣ намекъ на четыре науки и ихъ изобрѣтателей. Мы уже объясняли спорныя строки на лекціяхъ на основаніи мѣста въ трактатѣ Давида Непобѣдимаго, когда Міабаномъ было помѣщено впервые письмо по этому вопросу въ Հանդէս Ամսօրեայ, 1892, XII, стр. 372. Міабанъ указываетъ еще, что кромѣ Давида тоже говорятъ о наукахъ католикосъ Гютъ (у Калакантуйскаго), Ананія Мокскій и др. Содержаніе отрывка у Давида тоже, что въ указанныхъ еще г. Баумгартнеромъ (Ueber das Buch «Die Chrie», ZDMG. XL, стр. 489) строкахъ фрагмента врача Африкана (De Lagarde, Symmicta, 1877, I, стр. 175, 48—50): Ἐξεῦρον τὴν μὲν ἀριθμετικὴν Φοίνικες, τὴν δὲ μουσικὴν Θρᾴκες, τὴν δὲ γεωμετρίαν Αἰγύπτιοι, τὴν δὲ ἀστρονομίαν Χαλδαῖοι. Совершенно ясно, какъ устанавливаетъ Міабанъ, что на подобную фразу Давида и намекается въ казавшихся загадочными словахъ Хоренскаго, и что, первоначально, въ текстѣ не было և գզայ, а вм. առ սէ стояло առ թ[ո]: это подтверждаютъ и рукописи Исторіи Хоренскаго, и древніе авторы. Но появленіе въ значительномъ количествѣ списковъ և «գզայ» и «սէ» (въ печатныхъ изданіяхъ только такое чтеніе и принято) слѣдуетъ объяснить иначе, чѣмъ путемъ описки; ս вовсе не такъ похоже на թ, чтобы смѣшивать ихъ: въ армянскомъ алфавитѣ трудно представить себѣ болѣе несхожія другъ съ другомъ буквы. Сверхъ того, въ высшей степени натянуто и даже произвольно видѣть въ «և գզայ» по недоразумѣнію отдѣленный отъ слѣдующаго գթոյ предлогъ գ, когда этотъ предлогъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ему еще предшествуетъ союзъ և; отъ такихъ пріемовъ въ исправленіи искаженныхъ мѣстъ надо разъ навсегда отказаться. Въ данномъ случаѣ искаженіе текста мы можемъ объяснить желаніемъ поднять сообщеніе М. Хоренскаго на современный интерполятору уровень знаній, когда изобрѣтшими астрономію Ա[ստեղաբաշխութիւն] и музыку [երաժ]Շ[տութիւն] считались не народности вообще — халдеи Ք[աղդեացիս] и оракійцы Թ[րակացիս], — какъ это было во время Хоренскаго и долго еще послѣ него, а въ точности лица и существа, имена коихъ

начинались, съ перваго разу смущающими насъ, буквами Ք и Զ, а также Ս: это — съ одной стороны Ք[սարուստրա] *Ќсарустра* и Զ[արուստրա] *Зарустра*, а съ другой Ս[իրենի] *Сирены*. Дѣло въ томъ, что, судя по Мхи̔тару Айриванкскому (Brosset, Hist. Chronol., стр. 42), армянамъ было извѣстно, что астрономію изобрѣли халдеи Зарустра и Ќсарустра, а изобрѣтатели музыки, ѳракійцы, выучились этому искусству у Сиренъ [1]). При такомъ пониманіи текстъ (интерполированный) остается почти безъ измѣненія, лишь въ զԶայ оказывается одно զ лишнимъ, такъ какъ Զայ относится не къ послѣдующему (զԶայ և զԹոյ), а къ предыдущему զԱյր որ Քէ և Զայ.

Н. Марръ.

12-го апрѣля 1895.

227. *Յարութիւն Արարատեանի կեղծիքը պարզեց* Ա. Ե. Ս. *Подлогъ Артемія Араратскаго* раскрылъ А. Е. С., Баку, типографія «Арορъ» 1894. 220 стр. 8°; цѣна 50 к.

Какъ извѣстно, Артемій А., «уроженецъ селенія Ваѓаршапата, близъ горы Арарата», описалъ свою жизнь и «приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ» (1774—1797 г.), въ мемуарахъ изданныхъ на русскомъ языкѣ въ 1813 г. Вскорѣ затѣмъ появились переводы нѣмецкій (Halle 1821) «aus dem Russischen» [2]) и англійскій (London 1822) «from the original Armenian written by himself» (Art. of Wagarschapat). Въ БибліографіиМіансарова къ концу описанія русскаго изданія прибавлено (стр. 547—548), что «армянскій текстъ до сихъ поръ не напечатанъ».

Авторъ выписанной въ заглавіи монографіи, пожелавшій скрыть себя подъ инициалами А. Е. С., весьма убѣдительно доказываетъ, что армянскій текстъ не можетъ и въ будущемъ быть напечатаннымъ, такъ какъ его не существовало никогда. Трудъ Артемія Араратскаго, по изслѣдованію А. Е. С., — 1) не есть переводъ мемуаровъ, писавшихся изо дня въ день, какъ увѣряетъ самъ авторъ: по армянски Арт. Ар. никогда ничего не писалъ, 2) не есть автобіографическое сочиненіе, составленное Арт. Араратскимъ по памяти, какъ можно было допустить, и 3) не относится вовсе къ исто-

---

1) Извѣстна еще изобрѣтательница пѣнія, носившая имя съ буквою «с» въ началѣ это — Sido, см. Chwolsohn, Die Ssabier, II, p. 242, прим. 282; впрочемъ Movers (Phön., I, p. 664) признаетъ въ ней Сирену (Chwolsohn, ib.).

2) Нѣмецкій переводъ снабженъ для своего времени недурно составленнымъ Введеніемъ (Einleitung zu einer Kenntniss der Geographie, Geschichte, Religion und Litteratur der Armenier, pp. 3—72), принадлежащимъ перу переводчика «Consistorialrath D. Joh. Heinr. Russe».

рическимъ памятникамъ, насколько въ послѣднихъ мы ищемъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ описываемой эпохѣ; у Артемія Араратскаго дѣйствительная жизнь, съ которою онъ имѣетъ притязаніе знакомить насъ, совсѣмъ не отражается или, что еще хуже, фальсифицируется, замѣняется или затемняется измышленіями автора.

Артемій Араратскій обморочилъ читающую публику, выдавъ за свои, будто изо дня въ день писавшіеся, мемуары составленный имъ впервые на русскомъ языкѣ сантиментальный романъ, матеріалы для котораго онъ черпалъ главнымъ образомъ изъ своей фантазіи, затѣмъ изъ составленныхъ по его же заказу подложныхъ документовъ и, наконецъ, изъ существовавшихъ въ его время печатныхъ памятниковъ.

Хронологическія данныя въ трудѣ Араратскаго—анахронизмы, историческія свѣдѣнія противорѣчатъ дѣйствительности или взяты изъ вторыхъ рукъ, съ реаліями описываемыхъ эпохи и мѣста авторъ не знакомъ. Любопытно, какъ этотъ фантазеръ въ своемъ сантиментально-дидактическомъ романѣ дѣйствующихъ лицъ разбилъ на двѣ группы — злыхъ и добрыхъ. Злыми оказываются лезгины, Сафаръ-Бегъ, грузинскій царь Ираклій, Ваг̒аршапатцы, ваг̒аршапатскій священникъ, армянинъ—тифлисскій купецъ, армянинъ — майоръ русской службы. Къ категоріи добрыхъ отнесены — бабушка героя, мать героя, оселъ (sic) семейный и самъ герой, онъ же авторъ, а эпизодически — турокъ, играющій роль милосердаго самарянина и т. п.

Сообщенія всѣ неестественны и неправдоподобны. Всюду Божья милость осѣняетъ самохвальнаго автора и охраняетъ его отъ гибели. Но если Божьей милости обязанъ Артемій своимъ спасеніемъ, когда напр. около Тег̒ера осенью въ Амбердской рѣчкѣ сшибло его водою и понесло, то исключительно воображенію Артемія обязаны мы самымъ приключеніемъ, такъ какъ нельзя себѣ даже представить, какимъ образомъ осенью, т. е. въ самое скудное по обилію воды время года, этой рѣченкою, и въ обыкновенное-то время едва замѣтною, могъ быть увлеченъ кто-либо, если бы даже онъ того захотѣлъ (стр. 116 монографіи).

Послѣднія страницы (205 — 218) изслѣдователь посвящаетъ выясненію личности Артемія Араратскаго: Артемій, съ особенной старательностью скрывалъ правду о себѣ, и прошлое его оказывается весьма подозрительнымъ. Съ помощью невольныхъ обмолвокъ самого Артемія, А. Е. С. выясняетъ, что нашъ самозванный герой до появленія въ Россіи занимался на Кавказѣ темными дѣлами, ведя бродяжническую жизнь въ знакомствѣ съ различными мародерами въ смутную эпоху нашествія Ага Махмедъ-хана на Тифлисъ. Впослѣдствіи, выучившись кое-чему въ Москвѣ, Артемій

поступилъ на службу и достигъ чина губернскаго секретаря; но до этого онъ успѣлъ нѣсколько разъ перемѣнить свою фамилію: на Кавказѣ онъ звался Хачикянцомъ, въ Астрахани Ивановымъ, а въ Москвѣ этотъ авантюристъ присвоилъ себѣ чужую фамилію—Богданова Араратскаго.

Н. М.

228. Description topographique et historique de Boukhara, par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Charles Schefer, membre de l'Institut. Paris 1892. CIV+٢٩١ стр. 8⁰. (= Publications de l'École des Langues Orientales Vivantes, III-e Série, vol. XIII).

Сочиненіе Нершахи, которое теперь, благодаря изданію г-на Шефера сдѣлалось доступнымъ болѣе обширному кругу читателей, въ рукописи давно уже было извѣстно русскимъ оріенталистамъ: имъ пользовался уже Ханыковъ[1]). Не смотря на то, что оно дошло до насъ только въ сокращенномъ персидскомъ переводѣ (подлинное сочиненіе было написано по-арабски), оно всетаки остается важнѣйшимъ источникомъ для исторіи и въ особенности для топографіи средневѣковой Бухары; въ послѣднемъ отношеніи для насъ почти одинаково важны какъ тѣ мѣста сочиненія, которыя принадлежатъ самому Нершахи, такъ и дополненія, сдѣланныя Ахмедъ-ибнъ-Мухаммедомъ аль-Кубави, авторомъ сокращеннаго перевода, Мухаммедъ-ибнъ-Зуферомъ, авторомъ втораго сокращенія, и другими лицами[2]); эти извѣстія относятся къ топографіи города послѣ 332 г. (943/4 г. по Р. Хр.), когда былъ написанъ арабскій подлинникъ, и доходятъ до завоеванія Бухары монголами (1220 г. по Р. Хр.). Что касается чисто-историческихъ извѣстій, то въ этомъ отношеніи, по справедливому замѣчанію издателя, особенно важны тѣ, которыя относятся къ до-мусульманскому періоду и къ началу господства ислама. Они частью принадлежатъ Нершахи, частью взяты переводчикомъ изъ недошедшаго до насъ сочиненія Абу-л-Хасана Нишабури «Сокровищницы знаній» (خزاین العلوم).

Г-нъ Шеферъ при изданіи текста пользовался только двумя рукописями, изъ которыхъ одна относится къ XVI в., другая—новѣйшаго происхожденія. При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя было дать критическаго

---

1) Описаніе Бухарскаго ханства. Спб. 1843, стр. 30—32.

2) Въ текстѣ говорится только о двухъ упомянутыхъ лицахъ; между тѣмъ второе сокращеніе сдѣлано въ 574 (1178/9) г., а извѣстія о топографія города доходятъ до монгольскаго завоеванія (см. въ изданіи г-на Шефера pp. ٢٣, ٣٤), такъ что время установленія текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, намъ неизвѣстно.

изданія текста и возстановить въ ихъ первоначальномъ видѣ многочисленныя личныя имена и географическія названія. Издатель повидимому не задался этой цѣлью и потому не привелъ никакихъ варіантовъ и не сравнилъ правописанія географическихъ названій у Нершахи съ правописаніемъ арабскихъ географовъ IX—X вв. [1]), отложивъ эту работу, по всей вѣроятности, до изданія перевода. Даже тѣ мѣста, гдѣ испорченность текста совершенно очевидна, оставлены издателемъ безъ измѣненія. Такъ на стр. ٣٤ взятіе Бухары хорезмшахомъ Мухаммедомъ отнесено къ 460 г. (سنه ستين واربعمايه), что хронологически совершенно невозможно; изъ сравненія съ другимъ мѣстомъ (р. ٢٣) видно, что слѣдуетъ читать اربع وستمايه (604) [2]).

Кромѣ сочиненія Нершахи въ изданіи г. Шефера помѣщены:

1) Хронологическій обзоръ династіи саманидовъ, изъ «Свода лѣтописей» (مجمل التواريخ), сочиненія неизвѣстнаго автора XII в. по Р. Хр., по единственной рукописи, находящейся въ Парижской библіотекѣ.

2) Отрывки изъ «Избранной лѣтописи» (تاريخ كزيده) Хамдуллаха Казвини (XIII в.), содержащіе исторію саманидовъ; г-нъ Шеферъ пользовался рукописью XV в.

3) Исторія той же династіи по компиляціи Махмуда Никби (не раньше XIV в.); разборъ этого сочиненія, какъ указываетъ г-нъ Шеферъ, былъ помѣщенъ Сильвестромъ де-Саси въ Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale, t. IV [3]). Никби, по словамъ г-на Шефера, буквально переписалъ цѣлыя главы изъ персидскаго перевода извѣстной книги Утби «Тарихи-Емини», сдѣланнаго въ началѣ XIII в. (1205—6 гг.) Абу-л Шерефомъ Джербадекинскимъ. Г-нъ Шеферъ сличилъ соотвѣтствующія главы съ текстомъ этого перевода по принадлежащей ему рукописи XIII в.

4) Отрывокъ изъ «Сборника лѣтописей» (مجمع التواريخ) неизвѣстнаго автора (XVI в.), содержащій исторію караханидовъ и кара-китайскихъ гурхановъ. Эта компиляція, хотя и относится къ сравнительно позднему времени, составлена, повидимому, очень добросовѣстно; главы, сообщенныя

---

1) Мы имѣемъ въ виду географическія сочиненія, вошедшія въ изданіе de Goeje (Bibliotheca Geograph. Arab.). Древнее названіе Бухары г-нъ Шеферъ (р. ٢٠) пишетъ بنمجكث форма, которая, судя по арабскимъ источникамъ, совершенно невозможна. Де-Гус принялъ чтеніе نومجكث, نمجكث на основаніи китайской транскрипціи Ну-ми, на которую ему указалъ Лерхъ (Bibl. Geogr. Arab. III, ٢٦٧).

2) Замѣчательно, что эта ошибка находится также въ рукоп. Аз. Муз. ab 574 ag (л. 54).

3) Это указаніе не совсѣмъ точно; въ IV т. (р. 330) де-Саси только ссылается на подробный разборъ названнаго сочиненія, помѣщенный имъ во II томѣ (рр. 315—385).

г-номъ Шеферомъ, представляютъ несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что въ болѣе раннихъ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ мы имѣемъ только крайне скудныя извѣстія объ упомянутыхъ династіяхъ; авторъ компиляціи, повидимому, еще имѣлъ въ рукахъ такія сочиненія, которыя теперь утрачены. Любопытно полное отсутствіе въ немъ религіознаго фанатизма. Съ видимымъ одобреніемъ онъ говоритъ о поступкѣ одного изъ караханидовъ, который потребовалъ отъ подчинившихся ему кочевниковъ принятія ислама; они отказались, но во всемъ остальномъ изъявили ему полную покорность; «онъ, не видя съ ихъ стороны ничего, кромѣ доброжелательства и преданности, простилъ имъ ихъ упорство и оставилъ ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они были» (р. ٢٣٤). Далѣе, описывая возстаніе духовенства противъ Ахмедъ-хана самаркандскаго по обвиненію послѣдняго въ ереси, авторъ во всемъ оправдываетъ хана и прибавляетъ: «Странная вещь» (عجب حالتی است), что правовѣрные мусульмане выраженіе «правители» (اولی الامر) въ стихѣ корана: «Повинуйтесь пророку и вашимъ правителямъ» относятъ къ царямъ, а между тѣмъ оказываютъ сопротивленіе послѣднимъ и даже считаютъ это ревностью къ вѣрѣ» (рр. ٢٣٦ — ٢٣٧). Къ сожалѣнію, г-нъ Шеферъ и въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣлъ подъ руками плохую рукопись [1]); собственныя имена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искажены до неузнаваемости. На стр. ٢٣٠ (l. 8) имя преемника Богра-хана напечатано اتابك خان вмѣсто ايلك خان; двумя строками ниже, послѣ словъ موسى بن سنكوجه слѣдуетъ прибавить ابن سنكوجه, такъ какъ разсказъ о принятіи ислама очевидно относится не къ Иликъ-хану, а къ его предку. У Ибн-аль-Асира [2]) въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ вмѣсто سنكوجه стоитъ شبق قراخان. Народное преданіе въ Кашгаріи приписываетъ введеніе ислама Саттукъ-Богра-хану [3]): возможно, что у Ибн-аль-Асира вмѣсто شبق слѣдуетъ читать ستق.

5) Отрывокъ изъ географической компиляціи «Семь климатовъ» (هفت اقليم), сочиненіе Эминъ-Ахмеда Рази, написаннаго въ 1002 гг. (1593/4 г. по Р. Хр.) для персидскаго шаха Тахмаспа. Извѣстія о Средней Азіи преимущественно заимствованы, частью буквально, изъ записокъ Бабура и изъ Тарихи-Рашиди Мухаммедъ-Хайдера; въ дополненіе къ послѣднему труду Рази сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія объ исторіи Восточнаго Туркестана послѣ смерти Хайдера. Г-нъ Шеферъ пользовался двумя рукописями Па-

1) Г-нъ Шеферъ ничего не говоритъ о томъ, изъ какой рукописи взятъ изданный имъ текстъ.

2) Ed. Tornberg XI, ٥٤.

3) См. статью Н. Ф. Петровскаго въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., т. VII, стр. 294. Извѣстіе это находится уже въ Тарихи-Рашиди (рукоп. Аз. Муз. аа 568 а, л. 159).

рижской Національной библіотеки, текстъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, не отличается точностью; оттого и въ печатномъ изданіи встрѣчаются ошибки, которыя могутъ отразиться на переводѣ. Такъ на стр. ٢٨٥ (l. 7), въ разсказѣ о Таразѣ, вмѣсто مغاره (пещера) слѣдуетъ читать مفازه (степь [1]).

В. Бартольдъ.

229. Théodore Reinach. Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme réunis, traduits et annotés par...... (Fontes rerum Judaïcarum I). Paris, Ernest Leroux éditeur, 1895. XXII + 376 стр. 8⁰. [Publications de la Société des Études juives].

Обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся исторіей еврейства на предпринятое парижскимъ ученымъ обществомъ Société des Études juives новое научное изданіе, имѣющее цѣлью дать подъ общимъ заглавіемъ «Fontes rerum Judaïcarum» въ цѣломъ рядѣ томовъ собраніе всякихъ текстовъ и документовъ по этой исторіи. Первый томъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ недавно вышелъ и лежитъ передъ нами. Это необыкновенно тщательно и полно составленный сборникъ всего такъ или иначе относящагося къ евреямъ, ихъ религіи, обычаямъ и т. д., что находится въ трудахъ греческихъ и римскихъ писателей. Составитель сборника, довольно извѣстный своими историческими работами въ области еврейской исторіи Т. Рейнахъ, ограничился при этомъ одними представителями языческой образованности и не включилъ ни текстовъ христіанскихъ авторовъ, какъ напр. отцовъ церкви, ни также сообщеній еврейскихъ и самаритянскихъ писателей. Настоящій томъ долженъ показать намъ еврейство такимъ, какимъ оно представлялось снаружи (см. стр. XXI предисловія: «c'est le judaïsme *vu du dehors* que nous avons voulu montrer»), т. е. въ глазахъ иностранцевъ-язычниковъ. Кромѣ того исключены были изъ настоящаго собранія тексты спеціально-юридическаго характера и эпиграфическія данныя, которые имѣется въ виду дать въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ изданія. По полнотѣ матеріала настоящее собраніе безусловно лучшій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ сборниковъ греческихъ и латинскихъ текстовъ, относящихся къ евреямъ. Объ этомъ можно судить по числу авторовъ, отзывы и сужденія которыхъ мы имѣемъ въ настоящемъ трудѣ и имена которыхъ мы позволимъ себѣ выписать ниже для наглядности. Вся книга раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ значительно большую по объему пер-

---

1) Разсказъ заимствованъ изъ Тарихи-Рашиди и полнѣе приведенъ у В. В. Вельяминова-Зернова, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ, II, 156.

вую (стр. 1—236) занимаютъ греческіе тексты, вторую — латинскіе; и тѣ и другіе расположены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, даются въ подлинникѣ рядомъ съ довольно близкимъ переводомъ на французскій языкъ и сопровождаются еще объяснительными примѣчаніями. Въ первой части мы встрѣчаемъ имена: Геродота, Херила, Аристотеля, Ѳеофраста, Клеарха, Мегасѳена, Гекатея, Манеѳона, Бероса, Гермиппа, Полемона, Агаѳархида, Менандра, Дія, Мнасея, Ѳеофила, Полибія, Тимохара, Ксенофонта Топографа (?), Мелеагра, Посидонія, Аполлонія Молона, Александра Полигистора, Кринагора, Тимагена, Діодора Сицилійскаго, Гипсикрата, Николая Дамаскина, Птоломея изъ Мендеса, другого Птоломея, Страбона, Ѳрасилла, Псевдо-Лонгина, Херемона, Лисимаха, Дамокрита, Никарха, Апіона, Діоскорида, Плутарха, Аппіана, Арріана, Филона изъ Библа, Харака, Антонія Діогена, Лукіана, Галена, Цельса, Секста Эмпирика, Павсанія, Нуменія, Филострата, Діогена Лаэрція, Діона Кассія, Эліана, Порфирія, Юліана (импер.), Дамасція, Клеомеда, Тевкра изъ Кизика, Лайта (Лэта) и Клавдія Іолая (или Юлія); въ приложеніи дается еще текстъ александрійскаго папируса по парижскимъ и лондонскимъ фрагментамъ и отрывки изъ Псевдо-Гекатея. Во вторую часть вошли: Цицеронъ, Варронъ, Азиній Полліонъ, Августъ (импер.), Горацій, Тибуллъ, Овидій, Титъ Ливій, Трогъ Помпей (по извлеченію Юстина), Валерій Максимъ, Цельсъ, Помпоній Мела, Сенека, Персій, Луканъ, Петроній, Плиній Старшій, Валерій Флаккъ, Квинтиліанъ, Стацій, Силій Италикъ, Марціалъ, Ювеналъ, Антоній Юліанъ, Тацитъ, Адріанъ (императ.), Светоній, Флоръ, Фронтонъ, Апулей, Цензоринъ, Солинъ, писатели Historiae Augustae, Амміанъ Марцеллинъ, Евтропій, Клавдіанъ, Макробій, Рутилій Намаціанъ и Псевдо-Акронъ. Въ концѣ книги прибавлены пропущенные греческіе тексты изъ Птоломея Хенна и Гелладія, и дается прекрасный алфавитный index именъ и предметовъ, сильно облегчающій всякія нужныя справки. Текстамъ предшествуетъ въ началѣ книги интересное и поучительное предисловіе составителя, гдѣ подводится общій итогъ всѣмъ выдержкамъ и указываются тѣ главныя явленія еврейской жизни, которыя возбуждали самую сильную непріязнь и вызывали сильнѣйшія нападки со стороны представителей греко-римской образованности. Мы видимъ, что это были двѣ бросавшіяся въ глаза характерныя черты еврейскаго народа, которыя сквозятъ и отражаются во всѣхъ враждебныхъ отзывахъ языческихъ писателей: съ одной стороны религіозный, съ другой соціальный партикуляризмъ еврейства.

Настоящій трудъ является такимъ образомъ неоцѣненнымъ новымъ пособіемъ для каждаго историка еврейскаго народа. Мы не можемъ

только не выразить нашего глубокаго сожалѣнія, что книга все же не даетъ, даже въ установленныхъ ею предѣлахъ, всего извѣстнаго матеріала. Составитель заявляетъ самъ въ предисловіи, что старался лишь не опустить ничего существеннаго, и что даже умышленно имъ были исключены нѣкоторыя ничего не значащія цитаты («quelques citations insignifiantes»). Такая система, основанная притомъ на чисто субъективныхъ воззрѣніяхъ, едва ли удобна по нашему мнѣнію въ изданіи, подобномъ настоящему, гдѣ центръ тяжести и главное значеніе лежитъ едва ли не болѣе въ возможной полнотѣ, чѣмъ въ отдѣльной цѣнности сообщаемыхъ выдержекъ. Составитель можетъ всегда въ такомъ случаѣ, и не безъ основанія, подвергнуться упреку въ нѣкоторой односторонности и даже тенденціозности. Мы напр. никакъ не можемъ признать приведенныя въ примѣчаніи на стр. 288 (а не въ текстѣ) двѣ цитаты изъ Марціала или опущенное вовсе мѣсто изъ Петронія (Satyricon, гл. CII: «et circumcide nos, ut Judaei videamur») имѣющими менѣе значенія для настоящаго собранія, чѣмъ многія другія ничѣмъ не отличающіяся отъ нихъ и все же помѣщенныя въ книгѣ выдержки (напр. № 167).

П. К.

230. A short History of syriac Literature by the late William Wright, L L. D. Professor of Arabic in the University of Cambridge. London, Adam and Charles Black, 1894. 296 стр. 12°.

231. ܠܟܣܝܩܘܢ ܣܘܪܝܝܐ Lexicon syriacum auctore Carolo Brockelmann. Praefatus est Th. Nöldeke. Berlin, Verlag von Reuther und Reichard; Edinburgh, T. and T. Clark. 1895, VIII + 510 + 1 стр. 4°.

Появленіемъ настоящихъ двухъ трудовъ восполняются, наконецъ, самые существенные пробѣлы въ области сирійской филологіи. Первый, принадлежащій перу лучшаго знатока сирійской литературы, недавно умершаго незабвеннаго профессора Райта, представляетъ сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ полный и отвѣчающій современному научному положенію вещей очеркъ исторіи сирійской литературы. Это собственно только отдѣльное посмертное изданіе статьи проф. Райта: «Syriac Literature» въ Encyclopaedia Britannica (т. XXII, 1887), просмотрѣнное и нѣсколько дополненное по оставшимся бумагамъ автора. До сихъ поръ, какъ извѣстно, у насъ не имѣлось никакого болѣе или менѣе полнаго обзора сирійской литературы; роль такого обзора исполнялъ краткій и устарѣвшій «Conspectus rei Syrorum literariae» Биккеля. Поэтому издатели настоящаго очерка Райта заслуживаютъ величайшей признательности за прекрасную мысль

въ отдѣльномъ и изящномъ изданіи дать ему возможно большее распространеніе. Работа такого ученаго, какъ Райтъ, говоритъ сама за себя, и мы обращаемъ на нее особенное вниманіе всѣхъ интересующихся сирійской литературой.

Еще болѣе насущной потребности удовлетворяетъ второе изъ названныхъ въ заголовкѣ сочиненій — новый словарь сирійскаго языка, составленный по источникамъ ученикомъ проф. Нёльдеке, молодымъ нѣмецкимъ ученымъ, Брокельманомъ. Это въ высшей степени желанный подарокъ сирійской филологіи. Къ величайшему стыду науки, за исключеніемъ многотомнаго и дорого стоющаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ по объему неудобнаго для обыкновенныхъ справокъ «Thesaurus» Payne Smith'a (до сихъ поръ, впрочемъ, еще не доведеннаго до конца), не имѣлось, собственно говоря, порядочнаго сирійскаго словаря; приходилось обращаться къ составленному въ XVII-мъ вѣкѣ неполному и устарѣвшему словарю Кастелли (переизданному въ прошломъ вѣкѣ Михаэлисомъ) или же къ краткимъ словарямъ при хрестоматіяхъ Бернштейна, Рёдигера и др. Новый словарь Брокельмана отвѣчаетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Съ небольшимъ сравнительно и удобнымъ для пользованія объемомъ онъ соединяетъ необыкновенную полноту лексическаго матеріала. Послѣднее было достигнуто благодаря большой краткости въ указаніи значенія словъ; при нѣкоторыхъ частицахъ оно даже вовсе не указывается, а просто дѣлается ссылка на соотвѣтствующій параграфъ сирійской грамматики Нёльдеке и т. п. Составитель воспользовался всѣми напечатанными текстами, длинный списокъ которыхъ онъ даетъ въ концѣ словаря; конечно, также и извѣстными туземными лексикографическими трудами Баръ-Али, Баръ-Бахлу̂ла и др. Всѣ слова строго расположены по корнямъ; иностранныя слова также подогнаны подъ эту систему такимъ образомъ, что расположены по первымъ тремъ согласнымъ (причемъ не входятъ въ счетъ слабыя буквы ܐ, ܘ, ܝ и ܗ, обозначающее греч. ε), которыя какъ бы считаются корнемъ слова; такимъ образомъ напр. ܛܘܡܘܣܝܢ s. v. ܛܘܡܘܣ и т. п. Отдѣльныя значенія сопровождаются ссылками на тексты. Первоначальныя значенія корней не указываются, а сравненіе съ родственными языками примѣняется только въ цѣляхъ различенія сходныхъ словъ отъ разныхъ корней. Иностранныя слова вездѣ отмѣчаются, какъ таковыя. Въ концѣ словаря имѣется очень удобный «index latino-syriacus» и на стр. 489—510 различныя «addenda et emendanda». Всему труду предшествуетъ краткое предисловіе проф. Нёльдеке. Это обѣщанное и рекламировавшееся издательской фирмой еще съ 1-го выпуска введеніе не оправдало, мы должны откровенно признаться, нашихъ и, какъ мы позволяемъ себѣ думать, об-

щихъ ожиданій. Оно написано, очевидно, противъ желанія и, вмѣсто ожидавшагося, можетъ быть, всѣми чего-либо въ родѣ вступленія въ изученіе сирійской лексикографіи, ограничивается программой, которой слѣдуетъ держаться при составленіи сирійскаго словаря и сводящейся къ тому же, что высказано уже было въ Prospectus и осуществлено въ дѣйствительности въ словарѣ.

П. К.

232. Maurice Courant. Bibliographie Coréenne, tableau littéraire de la Corée contenant la nomenclature des ouvrages publiés dans ce pays jusqu'en 1890, ainsi que la description et l'analyse détaillées des principaux d'entre ces ouvrages. T. I. Paris. 1894. (= Publications de l'École des Langues Orientales Vivantes III-e Série, vol. XVIII). CCXV + 502 стр. 8⁰ и 12 таблицъ.

Появленіе этого сочиненія восполняетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ въ изученіи Крайняго Востока — почти полное отсутствіе точныхъ свѣдѣній о состояніи письменности въ Кореѣ. Для достиженія цѣли, преслѣдуемой авторомъ въ своемъ сочиненіи, послѣдній не пожалѣлъ многихъ лѣтъ труда: началъ онъ работу еще во время двухлѣтняго пребыванія въ Сеулѣ, продолжалъ ее въ Пекинѣ и Парижѣ и окончилъ только въ 1894 г. въ Токіо (гдѣ состоитъ драгоманомъ при французской Миссіи). За это время онъ успѣлъ ознакомиться не только со всѣми тѣми книгами, которыя находятся въ книжныхъ лавкахъ и библіотекахъ Кореи (именно въ Сеулѣ: въ библіотекахъ Королевской, при Палатѣ Переводчиковъ, при домѣ Французскаго Коммисара и Миссіонерской), но также и съ тѣми, которыя имѣются въ библіотекахъ Европы (Національной, при Школѣ Живыхъ Восточныхъ Языковъ и Музеѣ Гимэ въ Парижѣ, Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ; затѣмъ въ коллекціяхъ: Габеленца въ Берлинѣ, и гг. Collin de Plancy и J. Beauvais), и Японіи (въ монастырѣ Zō-djō и библіотекѣ Ou-yé-no).

Труду своему авторъ предпослалъ очень интересное введеніе (189 стр., въ VI отдѣл.), въ которомъ излагаетъ состояніе книжнаго дѣла въ Кореѣ. Мы здѣсь узнаемъ много любопытнаго: о продажѣ книгъ; о кабинетахъ для чтенія съ ничтожною — 1 или 2 монеты — платою, при чемъ плата производится по разсчету за каждый день чтенія и за каждой томъ, и книги выдаются какъ печатныя, такъ и рукописныя, особенно романы и пѣсни; о различныхъ сортахъ книгъ въ зависимости отъ ихъ внѣшняго вида; о способахъ изданія и печатанія (даже подвижными буквами, хотя и рукописные списки очень распространены, благодаря дешевизнѣ пере-

писки); о рисункахъ; затѣмъ здѣсь помѣщены свѣдѣнія относительно появленія въ Кореѣ письменности и буддизма, произношенія китайскихъ гіероглифовъ и способа чтенія китайскихъ книгъ, относительно корейскаго алфавита (предполагается, съ 1443 г. по Р. Х.), корейскаго языка, хода развитія корейской литературы и ея характера. Послѣ этого введенія помѣщены: замѣтка о транскрипціи корейскихъ, китайскихъ, японскихъ и санскритскихъ словъ [1]), списокъ главныхъ сочиненій, на которыя ссылается авторъ (37 сочиненій на европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ маньчжурскій словарь Захарова, 3 — на японскомъ и 10 — на китайскомъ) и перечень таблицъ (всего ихъ будетъ 31).

Самое обозрѣніе авторъ раздѣлилъ на нѣсколько книгъ, сообразно главнымъ отдѣламъ литературы. Именно, первая книга посвящена обозрѣнію, такъ сказать, учебной литературы (enseignement): глава 1-ая — обученіе (éducation № 1 — 26), глава 2-ая — письмовники (manuels épistolaires, № 27 — 40) и 3-ья — различныя руководства (№ 41 — 46). Книга вторая — изученіе языковъ: глава 1-ая — китайскій языкъ (1) различныя сочиненія № 47 — 82, и 2) спеціальныя сочиненія для переводчиковъ № 83 — 95), гл. 2-ая — маньчжурскій языкъ (№ 96 — 119), гл. 3-ья — монгольскій (№ 120 — 140), гл. 4-ая — японскій (№ 141 — 161) и гл. 5-ая — санскритскій (№ 162 — 164). Книга третья — конфуціанство: гл. 1-ая — книги каноническія и классическія (№ 165 — 228), гл. 2-ая — сочиненія о Конфуціи (№ 223 — 239) и гл. 3-ья — классическая философія (1) сочиненія китайскія № 234 — 247 и 2) сочиненія корейскія № 248 — 306). Книга четвертая — литература въ тѣсномъ смыслѣ: глава 1-ая — поэзія (1) китайская поэзія № 307 — 341, 2) поэтическія произведенія на кит. яз., въ Кореѣ составленныя № 342 — 423 и 3) корейская поэзія № 424— 434), гл. 2-ая — проза (1) проза китайская № 435 — 461 и 2) проза китайская, въ Кореѣ составленная № 462 — 749), гл. 3-ья — романы (1) романы китайскіе № 750 — 769, 2) романы на кит. яз., въ Кореѣ составленные № 770 — 779, 3) романы корейскіе съ китайскими героями № 780 — 812 и 4) романы корейскіе съ корейскими героями № 813 — 945) и глава 4-ая — различныя сочиненія (№ 946 — 1044). На этомъ оканчивается первый томъ. Большинство сочиненій подробно описаны и по внѣшнему виду, и по содержанію, причемъ указывается въ какой библіотекѣ они находятся, если они попали уже въ Европу. Изданъ томъ очень изящно и

---

1) Замѣтимъ, что авторъ категорически указываетъ, что буква с никогда не произносится въ корейскомъ языкѣ, какъ з. Слѣдовательно, неправильно писать Фузанъ, Гензанъ и проч., какъ дѣлаютъ до сихъ поръ даже и наши синологи.

снабженъ многими отлично исполненными таблицами (корейскій алфавитъ, снимки съ заглавій и предисловій различныхъ сочиненій) и гравюрами (образцы костюмовъ, музыкальныхъ инструментовъ и т. п.). Заглавія сочиненій напечатаны и китайскимъ и корейскимъ шрифтами, мѣстами и японскимъ. Подробный разборъ этого прекраснаго сочиненія мы откладываемъ до его окончанія (предполагаются еще два тома), здѣсь же считаемъ не лишнимъ привести списокъ корейскихъ сочиненій, имѣющихся въ Библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета, такъ какъ нашъ авторъ не могъ ознакомиться съ ними [1]).

Въ виду незначительности количества этихъ сочиненій позволяемъ себѣ привести ихъ заглавія въ томъ порядкѣ, въ которомъ они значатся въ основномъ университетскомъ каталогѣ (шиферномъ. [2]) При этомъ согласно съ послѣднимъ читаемъ гіероглифы по китайскому произношенію. Мѣсто изданія (Корея) и содержаніе этихъ сочиненій опредѣлены ихъ прежнимъ владѣльцемъ, бывшимъ нашимъ генеральнымъ консуломъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Кореѣ К. И. Веберомъ, подарившимъ ихъ въ Библіотеку Университета въ 1892 г.

1) Дѣянія министра Сюэ-жень-гуй'я 雪人貴, жившаго при Танской династіи, въ переводѣ на корейскій языкъ; изданіе довольно старое и бумага попорчена временемъ, хотя текстъ хорошо сохранился. 1 бэнь. Ср. № 787 (pag. 400).

2) 東國史畧 Дунъ-го-ши-лё. Сокращенная исторія Кореи до настоящихъ временъ. Рукопись. 6 главъ въ 4-хъ тетрадяхъ (бэнь).

3) 新編古今事文類聚 Синь-бянь-гу-цзинь-ши-вэнь-лэй-цзюй. Энциклопедическій сборникъ въ 7 отдѣлахъ и 236 главахъ. Новое изданіе 1604 г. Дефектный экземпляръ (всего 70 бэнь). Ср. № 441 (pag. 260 — 261).

4) 東國文獻備考 Дунъ-го-вэнь-сянь-бэй-као. Корейская энциклопедія (въ 13 обозрѣніяхъ и 100 глав.), дефектн. экземпл. 35 бэнь.

5) 高麗史 Гао-ли-ши. Исторія Кореи за періодъ династіи Гао-ли (918 — 1312). 137 главъ (цзюань) въ 67 бэнь.

6) 國朝寶鑑 Го-чао-бао-цзянь. Исторія нынѣшней династіи въ Кореѣ. 68 цз., 22 бэнь.

7) 續史略翼箋 Сюй-ши-лё-и-цзянь. Краткая исторія китайской династіи Минъ съ примѣчаніями. 17 цз., 6 бэнь.

---

1) О чемъ онъ и упоминаетъ во введеніи.

2) Вотъ ихъ шифры: Xyl. 1057, Xyl. 1587, Xyl. F. 111—128. При сочиненіяхъ, уже упомянутыхъ въ первомъ томѣ «Bibliographie Coréenne» указанъ ихъ тамошній № (Ср. № такой-то) и страница.

8) 海東名將傳 Хай-дунъ-минъ-цзянъ-чжуань. Біографіи знаменитыхъ корейскихъ полководцевъ (при дин. Синь-ло, Гао-гюй-ли, Бо-цзи, Гао-ли и нынѣшней). 6 цз. и 3 бэнь.

9) 羹墻錄 Гэнъ-цянъ-лу. Собраніе поучительныхъ (для правителей) примѣровъ (выбранныхъ изъ различныхъ сочиненій: Го-чао-бао-цзянь и др.). 8 цз., 4 бэнь.

10) 爛抄 Лань-чао. Лѣтопись о Кореѣ за 35 лѣтъ. Рукопись. 24 цз., 12 бэнь.

11) 大典會通 Да-дянь-хуй-тунъ. Собраніе (Сводъ) уложеній 6 корейскихъ Министерствъ. 1 + 6 цз., 5 бэнь. Ср. № 1461. (? см. табл. IX въ концѣ 1-го тома).

12) 六典條例 Лю-дянь-тяо-ли. Уложенія 6 корейскихъ Министерствъ по статьямъ. 10 цз., 10 бэнь.

13) 編註醫學入門 Бянь-чжу-и-сё-жу-мынь. Корейское медицинское сочиненіе (букв. заглавіе: введеніе въ изученіе медицины съ систематическими объясненіями). 1 + 7 цз., 19 бэнь.

14) 增修無寃錄 Цзэнъ-сю-у-юань-лу. Исправленныя и дополненныя судебно-медицинскія постановленія и наставленія. 2 цз. и 1 бэнь.

15) 四禮纂說 Сы-ли-цзуань-шо. Изложеніе церемоній 4-хъ родовъ. 8 цз., 4 бэнь.

16) 兩銓便攷 Лянъ-цюань-бянь-као. Обозрѣніе корейскихъ чиновъ, гражданскихъ и военныхъ. 2 цз. и бэнь.

17) 三班禮式 Сань-бань-ли-ши. Правила, какъ должны вести себя чиновники въ различныхъ случаяхъ (при Дворѣ, взаимныхъ встрѣчахъ и т. д.). 2 цз., 1 бэнь.

18) 李忠武公全書 Ли-чжунъ-ву-гунъ-цюань-шу. Собраніе сочиненій Ли-чжунъ-ву-гуна. 1 + 4 цз., 8 бэнь. Ср. № 634 (pag. 340).

19) 書雲觀志 Шу-юнь-гуань-чжи. Разныя статьи относительно правленія, астрономіи и т. п. 4 цз., 2 бэнь.

20) 五倫行實圖 У-лунь-синъ-ши-ту. На кит. и корейскомъ языкахъ. 4 бэнь. Ср. № 298 (pag. 180—182).

А. О. И.

233. Dr. W. Caland. Altindischer Ahnencult. Das Çrāddha nach den verschiedenen Schulen mit Benutzung handschriftlicher Quellen dargestellt. Leiden. 1893 (XII + 266 стр. 8°).

Книга г. Каланда представляетъ продолженіе его прежней работы «О почитаніи умершихъ у нѣкоторыхъ индогерманскихъ народовъ»[1]). Хотя

1) Ueber Totenverehrung bei einigen der indogermanischen Völker. Amsterdam. 1888.

тамъ и шла рѣчь о почитаніи умершихъ у индусовъ, иранцевъ, грековъ и римлянъ, однако центръ тяжести лежалъ въ индійскомъ культѣ умершихъ, и въ послѣдней книгѣ своей авторъ уже совершенно не входитъ въ сравненія, а имѣетъ въ виду исключительно индійскій культъ, именно обрядъ, называемый çrāddha.

Цѣли автора — «съ одной стороны подвергнуть филологической критикѣ тѣ тексты, которые занимаются культомъ предковъ и преимущественно обрядомъ çrāddha, съ другой представить эту самую церемонію». Описаніе культа предковъ авторъ имѣетъ въ виду дать наиболѣе полное для того, чтобы его книга была пригодна и для антропологовъ. Эти цѣли авторъ и выполняетъ. Такъ какъ çrāddha предполагаетъ уже извѣстнымъ обрядъ приношенія клецокъ въ жертву предкамъ (piṇḍapitṛyajña), то авторъ описываетъ сначала этотъ обрядъ, чтобы дальнѣйшее описаніе было совершенно понятно.

Далѣе идетъ главная часть труда — описаніе церемоніи çrāddha по обрядамъ 18 различныхъ школъ вмѣстѣ съ критикой текста, разборомъ мелкихъ спорныхъ вопросовъ, толкованіемъ трудныхъ темныхъ мѣстъ, особенно произносимыхъ во время совершенія обряда словъ и проч. И надо отдать справедливость автору, что онъ во всемъ этомъ выказываетъ большую осторожность, а потому его замѣчанія имѣютъ обыкновенно большой вѣсъ. Въ этомъ же описаніи авторъ даетъ намъ и результаты своей критики текста: позднѣйшія добавленія въ текстѣ описанія напечатаны другимъ шрифтомъ, такъ что читатель сразу отдѣляетъ старое отъ новаго. Нѣтъ, конечно, никакой возможности кратко передать содержаніе этой части труда: тогда пришлось бы описывать весь обрядъ çrāddha (приношеніе предкамъ всего необходимаго, соединенное съ угощеніемъ брахмановъ), да и это не дало бы полнаго представленія о содержаніи 18 различныхъ описаній. Вообще эта часть книги представляетъ хорошій матеріалъ для изученія культа предковъ, но надо признаться, что только изученіемъ можно усвоить все разнообразіе ея содержанія, и на непосвященнаго читателя это разнообразіе можетъ произвести впечатлѣніе лабиринта. Основа обряда всюду одна и та же, но она разнообразится по школамъ различными измѣненіями въ порядкѣ дѣйствій, мелкими подробностями обряда и прочими едва уловимыми тонкостями, на которыя былъ такъ изобрѣтателенъ древній индійскій брахманъ.

Самый интересный отдѣлъ книги — это замѣчанія автора объ исторіи обряда çrāddha, объ обрядѣ aṣṭakā и разъясненіе нѣкоторыхъ подробностей ритуала (стр. 150—192). Изъ сравненія обряда çrāddha съ обрядомъ приношенія предкамъ клецокъ (piṇḍapitṛyajña) авторъ приходитъ къ тому

выводу, что çrāddha есть не что иное, какъ повторенiе piṇḍapitṛyajña. Первоначальная форма обряда çrāddha была гораздо проще, нежели дошедшiя до насъ описанiя обряда. «Я считаю вѣроятнымъ», говоритъ авторъ, «что первоначальная çrāddha была упрощенное и приспособленное къ домашнему ритуалу приношенiе предкамъ клецокъ, соединенное съ угощенiемъ брахмановъ, составляющимъ почти всегда дополненiе домашняго обряда. Тогда недалеко уже было до мысли, что эти брахманы и представляютъ предковъ (отцовъ); такимъ образомъ возникъ постепенно позднѣйшiй подробный ритуалъ» (стр. 156 сл.). Далѣе идутъ нѣкоторыя подробности исторiи обряда çrāddha въ различныхъ школахъ.

Объясняя подробности ритуала, авторъ касается прежде всего вопроса о количествѣ «отцовъ», которымъ приносилась жертва. При приношенiи отцамъ произносилась обыкновенно слѣдующая формула: «Это тебѣ, отецъ N. N. и тѣмъ, съ которыми ты тамъ и которые съ тобою». Принимая во вниманiе широкое распространенiе и сравнительную древность этой формулы, авторъ видитъ въ ней доказательство того, что въ древнiя времена подъ именемъ «отцовъ» почитались всѣ тѣ лица, которыя только могли подойти подъ это названiе (стр. 175). Мнѣ кажется, нетрудно видѣть въ этомъ остатокъ болѣе древней родственной организацiи, о которой я писалъ въ своей рецензiи на книгу Cunow'a (Verwandtschaftsorganisation der Australneger) [1]. Во всякомъ случаѣ этотъ выводъ автора подтверждаетъ нашу мысль, что «болѣе широкое» значенiе имени отца древнѣе узкаго, частнаго значенiя (въ противность мнѣнiю Дельбрюка въ его Indogermanische Verwandtschaftsnamen).

Далѣе авторъ доказываетъ, что и въ Индiи, какъ и всюду, гдѣ существуетъ культъ умершихъ, предковъ представляли злыми, могущими причинить вредъ человѣку, что̀ и побуждало приносить имъ жертву, чтобы умилостивить ихъ. Это первоначальное представленiе сохранилось въ нѣкоторыхъ формулахъ, произносимыхъ при совершенiи обрядовъ культа предковъ. Такъ напримѣръ при приношенiи предкамъ кусочка платья или шерсти произносятся слѣдующiя слова: «Вотъ вамъ, отцы, одежда! Кромѣ этого больше ничего отъ насъ не берите, о отцы»! (стр. 177). Та же мысль высказывается въ словахъ: «Да не будутъ жестоки отцы». Предки обладали еще и силою отнимать у человѣка его духъ, его жизнь. Отсюда просьба, чтобы совершающiй обрядъ почитанiя умершихъ остался въ живыхъ, среди живущихъ. Этимъ же объясняются формулы, призывающiя обратно духъ совершавшаго обрядъ. Онъ вступалъ въ общенiе съ умершими, какъ бы пере-

1) Ж. М. Н. П. Мартъ 1895 (CCXCVII. 443—455).

ходилъ въ міръ духовъ, теперь ему нужно вернуться въ міръ живыхъ. «Если мой духъ ушелъ далеко въ царство Ямы, сына Вивасванта, то возврати его, о Сома, снова ко мнѣ, чтобы мнѣ не умереть, а быть живымъ и невредимымъ»! Такія формулы произносились послѣ совершенія обряда, когда человѣкъ возвращался къ общенію съ живыми людьми.

Позднѣйшій порядокъ совершенія обряда çrāddha предписываетъ, чтобы каждое отдѣльное дѣйствіе совершалось сначала въ честь «всѣхъ боговъ», а потомъ уже въ честь «отцовъ»; иначе ракшасы могутъ похитить приношенія. Изъ того, что эти «всѣ боги» почитаются совершенно такъ же, какъ и предки, видно, что здѣсь имѣются въ виду не боги, а существа, близкія культу мертвыхъ. Авторъ думаетъ, что подъ ними разумѣются точно такъ же предки, «отцы», но не ближайшіе, а болѣе отдаленные. Въ древнемъ индійскомъ преданіи существуютъ еще «боги-отцы» (devāḥ pitaraḥ), которымъ приписывается участіе въ подвигахъ Индры, въ его побѣдахъ надъ Вритрою и другими злыми демонами, между прочимъ и надъ ракшасами. Одно упоминаніе имени «боговъ-отцовъ» прогоняетъ злыхъ демоновъ. Сопоставляя эти данныя, авторъ приходитъ къ очень вѣроятному предположенію, что эти «всѣ боги» то же, что̀ и «боги отцы», такъ что здѣсь мы имѣемъ очень интересный примѣръ повторенія, удвоенія культа: къ культу старыхъ предковъ присоединился совершенно почти тождественный культъ ближайшихъ предковъ. Въ пользу такого толкованія говорятъ еще и нѣкоторые тексты, упоминая прямо рядомъ съ человѣческими отцами отцовъ божественныхъ.

Остатки отъ пищи, которая приносилась предкамъ, отдавались послѣ совершенія обряда бѣднымъ или больнымъ. Ей приписывалась цѣлительная сила. Кромѣ того предки имѣли власть дать хозяину дома мужское потомство: жена хозяина поэтому съѣдала среднюю изъ клецокъ, приносимыхъ предкамъ, въ надеждѣ, что вслѣдствіе этого у нея родится сынъ.

Въ концѣ книги авторъ въ особомъ экскурсѣ изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи Mānavadharmaçāstra (Manu) къ древнѣйшимъ сутрамъ (конечно, только съ точки зрѣнія обряда çrāddha). Онъ находитъ, что Manu далеко не согласуется съ тѣмъ, что̀ даютъ книги школы Mānava относительно этого обряда. Это, конечно, говоритъ не въ пользу той гипотезы, что Manu находится въ ближайшемъ родствѣ со школою Mānava. Выводъ свой авторъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Либо источникъ Manu утерянъ, либо вообще не существовало никакого опредѣленнаго его источника, и çrāddhakalpa Manu, которая первоначально (когда dharma çāstra еще не была переложена въ стихи) примкнула къ опредѣленному ритуалу (*вѣроятно* школы Mānava или Maitrāyaṇīya) потомъ распространилась и приняла въ

себя элементы различныхъ школъ. По крайней мѣрѣ çrāddhakalpa Manu стоитъ *не настолько* ближе къ текстамъ школы Mānava, чѣмъ къ текстамъ какой-либо другой школы, чтобы мы имѣли право *отсюда* заключить о ближайшемъ родствѣ между книгами Mānava и нашимъ теперешнимъ текстомъ Manu (стр. 206)».

Наконецъ въ приложеніяхъ помѣщены еще до сихъ поръ неизданные тексты, которыми пользовался авторъ при изложеніи обряда çrāddha. Тексты эти (52 стр.) снабжены критическими примѣчаніями. Вообще книга представляетъ богатый матеріалъ для изслѣдованія индійскаго культа предковъ.

Д. Кудрявскій.

234. A. Rea. South Indian Buddhist Antiquities; including the Stûpas of Bhaṭṭiprôḷu, Guḍivâḍa, and Ghaṇṭaśâlâ and other ancient sites in the Kṛishṇa district, Madras Presidency; with notes on dome construction; Andhra numismatics; and marble sculpture. Madras 1894. (Arch. Surv. of India. New Imperial Series, vol. XV), V+51 стр. pll. XLVII in fol.

Неутомимый г. Ри, которому мы обязаны уже столькими важными открытіями памятниковъ индійской древности, въ этой послѣдней своей работѣ, посвященной буддійскимъ древностямъ въ южной Индіи, оказалъ новую услугу индійской археологіи. Важность надписей на открытыхъ г. Ри сосудахъ съ мощами была уже оцѣнена проф. Бюлеромъ, который на основаніи разновидностей въ начертаніяхъ буквъ этихъ надписей указалъ на несомнѣнность факта существованія въ Индіи письменности задолго до III-го вѣка до Р. Хр., т. е. до времени надписей царя Ашоки [1]).

Описанію раскопокъ и сдѣланныхъ находокъ, составляющему главную часть книги, предшествуютъ краткія, но интересныя замѣчанія о внутреннихъ сводахъ при постройкахъ ступъ и о постройкѣ оградъ вокругъ ступъ; слѣдуетъ также отмѣтить интересную замѣтку о монетахъ династіи Andhra, съ двумя таблицами.

Интересъ самихъ раскопокъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, какъ мнѣ кажется, что г. Ри блистательно доказалъ какія научныя и художественныя сокровища могутъ быть еще найдены при тщательномъ изслѣдованіи и *систематическихъ раскопкахъ* даже въ мѣстахъ уже изслѣдованныхъ. Излагать въ подробностяхъ сами раскопки значило бы почти повто-

1) Ср. Bühler, G. The Bhaṭṭiprolu inscriptions. E. I. II, 323—329 pll. (1894) и замѣчанія въ его же статьѣ: Indian Studies № III. On the origin of the Indian Brāhma Alphabet. S. B. W. A. P. H. C. v. CXXXII. (1895).

рить всю, чрезвычайно сжато и дѣльно написанную книгу г. Ри и мы поэтому остановимся подробнѣе только на одномъ скульптурномъ изображеніи, которое мы объясняемъ нѣсколько иначе чѣмъ онъ; позволяемъ себѣ думать, что если бы г. Ри были доступны необходимыя пособія, которыхъ онъ, какъ самъ пишетъ (p. V), былъ лишенъ во время работы, онъ бы объяснилъ данное изображеніе, какъ и мы.

На таблицѣ XXVIII-й изображена по объясненію г. Ри сцена поклоненія священному древу bodhi (worship of the sacred bodhi tree p. 37). При внимательномъ разсмотрѣніи изображенія, мы видимъ однако, что цѣлый рядъ фигуръ не только не находятся въ молитвенныхъ позахъ, но напротивъ кидаются съ оружіемъ къ дереву (справа отъ дерева); другія фигуры (слѣва) убѣгаютъ или стоятъ въ сторонѣ (сильно пострадавшія отъ времени женскія фигуры). Такая группировка сразу показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ традиціоннымъ изображеніемъ искушенія Будды, притомъ въ древней формѣ, когда самъ Будда еще не изображался, а былъ представленъ символомъ, въ данномъ случаѣ «львинымъ престоломъ» подъ священнымъ древомъ. Сцена искушенія Будды принадлежала къ числу наиболѣе любимыхъ темъ для буддійскихъ художниковъ, которые сохранили намъ рядъ изображеній какъ на камнѣ, такъ и въ живописи. Прилагаемъ перечень нѣкоторыхъ подобныхъ изображеній, снимки съ которыхъ намъ доступны; мы раздѣлимъ ихъ на двѣ группы — первая, гдѣ Будда представленъ лишь символомъ, вторая, гдѣ онъ изображенъ самъ.

I. На ступѣ Amarāvatī [1]); * 1) Табл. LVIII, 1 правое отдѣленіе подъ кругомъ; * 2) Ib. LXVII; * 3) Ib. XCVIII; 4) * Ghaṇṭaśâlâ [2]).

II. На ступѣ Amarāvatī * 1) Fergusson l. c. Табл. LXXXIV, 3 * 2) Burgess [3]) Табл. XXXVIII, 5. 3) Ib. XLVI, 2. 4) Ajaṇṭā [4]) 5) Ib. [5]) 6) Bôrô-Boedoer [6]) CIX (187). 7) Ms. кэмбриджской университетской библіотеки Add. 1643, изслѣдованіе о миніатюрахъ которой предпринято г. Фушэ.

---

1) Fergusson J. Tree and Serpent worship: or illustrations of Mythology and Art in India in the first and fourth Centuries after Christ. From the Sculptures of the Buddhist Topes at Sanchi and Amravati. London 1868.

2) Rea A. l. c. Знакомъ * мы означаемъ сцены, которыя нами впервые, насколько конечно намъ извѣстно, толкуются, можетъ быть и не всегда правильно, какъ «искушеніе».

3) Burgess Jas. The Buddhist Stupas of Amaravati and Jaggayyapeta in the Krishna District, Madras Presidency, surveyed in 1882. London 1887.

4) Rájendralála Mitra. Buddha Gayá, the Hermitage of Sákya Muni. Calcutta 1878, pl. II.

5) Burgess Jas. Notes on the Bauddha Rock-Temples of Ajanta, their Paintings and Sculptures, and on the Paintings of the Bagh Caves, Modern Bauddha Mythology etc. Bombay 1879 (Archeological Survey of Western India № 9). Pl. XX.

6) Bôrô-Boudour dans l'île de Java etc. publié par le D. V. C. Leemans. Leide. Атласъ.

Кромѣ того къ сценѣ искушенія мы склонны отнести еще три не вполнѣ сохранившихся изображенія:

* 1) Обломокъ изваянія, найденный въ предѣлахъ Юсуфзайевъ [1]). 2) Обломокъ изваянія въ лахорскомъ музеѣ [2]) * 3) Остатки фрески въ одной изъ Аджантскихъ пещеръ [3]).

Внимательный пересмотръ разныхъ археологическихъ изданій и снимковъ съ находящихся въ индійскихъ музеяхъ предметовъ, конечно, значительно дополнитъ нашъ краткій списокъ [4]).

С. О.

235. G. Huth. The Chandoratnâkara of Ratnâkaraçânti. Sanskṛit text with a Tibetan translation. Edited with critical and illustrative notes. Berlin 1890. V + 34 стр. 8°.

Д-ръ Хутъ даетъ намъ санскритскій и тибетскій тексты маленькой буддійской санскритской метрики буддійскаго автора Ratnākaraçānti по Данджуру. Метрика эта была извѣстна раньше по краткой выдержкѣ въ письмѣ Шифнера къ Веберу (Ind. Stud. VIII, 466—468); когда жилъ ея авторъ остается пока, къ сожалѣнію, не извѣстнымъ, хотя мы и знаемъ другое его произведеніе Hevajrasahajasadyoga, которое начинается такъ:

नमो वज्रडाकाय ॥

हेवज्रं सनिष्यन्दं परमं प्रणिपत्य योगिनीचक्रं।
स्यादुत्पन्नकपत्ते यथाभिसमयस्तथा वक्ष्ये ॥
खधातौ च भगं ध्यात्वा मध्ये कुर्वीत भावनां ।
चक्रं पूर्वं यथान्यायं देवतानां यथोदयम्
इत्युद्देशः ॥ प्रथमस्यार्थः ॥
स्थाने करणमाविश्य क्रियां कुर्वीत साधकः ।
फलन्तु योगिनीचक्रं तन्निष्यन्दश्च हेरुकः ॥ [5])

---

1) Cole H. H. Graeco Buddhist Sculptures from Jusufzai. (Preservation of National Monuments India. (1885) pl. VII, 5.

2) Cp. Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin 1893 p. 91.

3) Burgess Jas. and Bhagwanlal Indraji Pandit. Inscriptions from the Cave Temples of Western India with descriptive Notes etc. (A. S. W. I.). Bombay 1881. Ajanta Frescoes from Cave X. 1. Къ стр. 67.

4) См. нпр. Anderson. Catalogue etc. II, p. 50. Можетъ быть и I, 212—213 изображаетъ «Искушеніе». Не можемъ не указать здѣсь на любопытную джайнскую параллель въ пещерахъ Indrasabhā («Дворъ Индры») въ Элурѣ, гдѣ изображенъ Pārçvanātha. Fergusson J. and Burgess J. The Cave Temples of India. London 1880. Pl. LXXXVI. На параллель указали авторы, стр. 496.

5) Списокъ И. П. Минаева.

Ввиду того, что сочиненіе это оканчивается опредѣленнымъ заявленіемъ, что авторъ его Ratnākaraçānti (कृतिरियं रत्नाकरशान्तिपादानां) мы не можемъ придавать значенія возраженію г. Франке, который видитъ въ первой части именно только указаніе на авторство разбираемой метрики [1]).

Въ библіотекѣ India Office есть совсѣмъ новая рукопись Chandoratnākara (№ 2917) писанная Ланджою, съ транскрипціей тибетскимъ шрифтомъ и тибетскимъ переводомъ писаннымъ курсивомъ; въ рукописи 54 foll. по 3 ll. Въ какомъ отношеніи эта рукопись находится къ тексту въ Данджурѣ мы не знаемъ, но есть большое вѣроятіе предположить, что она просто представляетъ выписку изъ него.

Мы надѣемся, что г. Хутъ въ скоромъ времени дополнитъ свое интересное и полезное изданіе обѣщанными имъ примѣчаніями.

С. О.

236. G. Huth. Verzeichniss der im tibetischen Tanjur, Abtheilung mDo (Sûtra), Band 117—124, enthaltenen Werke. S. B. B. A. 1895. Отд. отт. 22 стр. 8⁰ (=pp. 267—286).

Сокровища санскритской литературы, которыя скрываются въ двухъ большихъ тибетскихъ сборникахъ Ганджурѣ и Данджурѣ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованы; тѣмъ желаннѣе всякія свѣдѣнія о нихъ, особенно когда они даются съ такою систематичностью и аккуратностью, какъ въ лежащей передъ нами брошюрѣ г. Хута. Мы не будемъ теперь подробнѣе останавливаться на всей работѣ, такъ какъ нами, совмѣстно съ А. О. Ивановскимъ, предпринято изданіе полнаго указателя къ Данджуру, по имѣющемуся въ Петербургѣ обильному матеріалу, а позволимъ себѣ только ближе указать на одно мѣсто въ прекрасномъ трудѣ г. Хута, гдѣ мы можемъ ввести небольшую поправку.

На стр. 274—275 (=10—11 отдѣльнаго оттиска) г. Хутъ называетъ сочиненіе Vimalapraçnottararatnamālā и приписываетъ его составленіе Amoghodaya, какъ онъ переводитъ тибетское དོན་ཡོད་འཆར; переводъ этотъ былъ сдѣланъ еще покойнымъ академикомъ Шифнеромъ [2]) и съ тѣхъ поръ Amoghodaya сталъ считаться авторомъ Vimalapraçnottararatnamālā. Авторство это однако покоится лишь на недоразумѣніи, и, какъ мы сейчасъ уви-

1) Franke, O. рецензія на книгу г. Хута въ G. G. A. 1892. 478 sqq. см. р. 482.
2) Schiefner, A. Carminis indici «Vimalapraçnottararatnamâlâ» versio tibetica, 1 sqq.

димъ, авторомъ названнаго сочиненія слѣдуетъ считать извѣстнаго царя Amoghavarṣa.

Въ концѣ одной изъ тибетскихъ версій (у Шифнера L) находится стихъ, который Шифнеръ считалъ почему-то позднѣйшей вставкой; стихъ этотъ въ его переводѣ гласитъ такъ:

«Diese von Amoghodaja verfasste Juwelenschnur des Königs, der seine im Innern befestigten Reiche verliess, ist die trefflichste Zier der Verständigen» (l. c. 26).

Въ джайнской версіи (Digambara) въ концѣ Praçnottararatnamālikā стоитъ стихъ [1]).

विवेकात्त्यक्तराज्येन राज्ञेयं रत्नमालिका ।
रचितामोघवर्षेण सुधियां सदलंकृतिः

«Эта гирлянда драгоцѣнностей, прекрасное украшеніе мудрецовъ,
Составлена царемъ Amoghavarṣa, покинувшимъ царство вслѣдствіе достиженія истиннаго пониманія.»

Не можетъ быть конечно сомнѣнія въ томъ, что тибетскій стихъ есть переводъ съ санскритскаго: вмѣсто «seine im Innern befestigten Reiche», надо читать «вслѣдствіе достиженія истиннаго пониманія», и вмѣсто Amoghodaya—Amoghavarṣa; ошибка произошла вѣроятно у рѣзчика, вслѣдствіе смѣшенія тибетскихъ འཆར и ཆར дождь (varṣa).

Такимъ образомъ, текстъ нашъ можетъ быть пріуроченъ къ IX вѣку. Вопросъ о разныхъ Praçnottara мы разсмотримъ въ примѣчаніи къ изданію отрывковъ одного Praçnottara изъ кашгарскихъ рукописей собранія Н. Ѳ. Петровскаго.

Относительно помѣщенныхъ на стр. 271—272 (7—8) сочиненій по иконографіи слѣдуетъ замѣтить, что они по всей вѣроятности переводы съ санскритскихъ оригиналовъ, которые сохранила намъ кэмбриджская рукопись Add. 1706, III, IV а можетъ быть и слѣдующія. Первое сочиненіе, правда, называется въ кэмбриджской рукописи सम्यक्संबुद्धभाषितं बुद्धप्रतिमालक्षणं, но стоящее почти въ началѣ न्यग्रोधपरिमण्डलं यावत्कायं तावत् व्योमं यावद्व्योमं तावत्कायं । указываетъ на связь этого текста съ № 3, т. 123. Ср. также монгольское сочиненіе, указанное А. М. Позднѣевымъ (Очерки быта буддійскихъ монастырей стр. 45).

---

1) Bhandarkar R. G. Report on the search for Sanskrit Manuscripts in the Bombay Presidency during the year 1883—84. Bombay 1887. Notes, corrections and additions p. II. Веберъ въ каталогѣ своемъ (Verzeichniss II, з. 1118 n. 4) даетъ уже указаніе на Бхандаркара; кромѣ того на авторство Amoghavarṣa было указано уже Haridas Sastri. A note on Vimala. I. A. XIX, 378—380 и Fleet. A note on Amoghavarṣa I Ib. XX. 113—114.

Въ заключеніе не могу не подѣлиться съ читателями «Записокъ» пріятнымъ извѣстіемъ изъ недавно полученнаго мною отъ г. Хута письма, что имъ предпринято по порученію Берлинской Академіи обозрѣніе содержанія Ганджура и Данджура. Всѣ лица, интересующіеся буддизмомъ и индійской филологіей, конечно присоединятся къ нашимъ пожеланіямъ, чтобы г. Хутъ возможно скорѣе исполнилъ эту важную работу.

С. О.

Примѣчаніе. Замѣтка наша была уже кончена, когда мы получили дополненіе къ разбираемой статьѣ: Nachträgliche Ergebnisse bezügl. der chronologischen Ansetzung der Werke im Tibetischen Tanjur, Abtheilung mDo (Sûtra), Band 117—124. ZDMG XLIX. 279—284. Отмѣтимъ изъ этого дополненія, что по изысканіямъ д-ра Хута выходитъ, что тибетскій переводъ Vimalapraçnottararatnamālā относится къ первой половинѣ XI вѣка; переводы Chandoratnākara и Meghadūta онъ относитъ къ первой половинѣ XIV вѣка.

237. Th. Aufrecht. Florentine Manuscripts examined by —. Leipzig. 1892. IV+181 стр. 8°.

Проф. Ауфрехтъ, авторъ лучшаго изъ до сихъ поръ напечатанныхъ каталоговъ санскритскихъ рукописей (оксфордскаго), рѣшилъ повидимому приступить къ изданію каталоговъ индійскихъ рукописей тѣхъ книгохранилищъ, которыя медлятъ обнародованіемъ указателей своихъ сокровищъ; первымъ плодомъ этого рѣшенія является лежащій передъ нами каталогъ флорентійскихъ санскритскихъ рукописей [1]); слѣдующимъ повидимому явится каталогъ кэмбриджскихъ санскритскихъ, не буддійскихъ рукописей, надъ которымъ проф. Ауфрехтъ работалъ послѣднее время. Изъ сколько нибудь значительныхъ собраній индійскихъ рукописей въ Европѣ, такимъ образомъ остаются почти не тронутыми только: Парижскія и Петербургскія; съ поступленіемъ въ Публичную Библіотеку собранія И. П. Минаева, у насъ теперь въ Петербургѣ болѣе *600* индійскихъ рукописей; пишущій эту замѣтку надѣется не въ столь отдаленномъ будущемъ напечатать хотя-бы списки этихъ рукописей.

Флорентійская коллекція, по крайней мѣрѣ въ не джайнской своей части, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно рѣдкаго и замѣчательнаго

1) Джайнскія рукописи этого собранія будутъ описаны проф. Пуллэ (стр. III); къ печатанію описанія уже приступлено, ср. Pullè, F. L. The Florentine Jaina Manuscripts. Tr. IX Or. Congr. I, 215—218.

и рукописи въ ней по большей части новыя, хотя для цѣлей изданій текстовъ можетъ быть многія изъ нихъ и дадутъ полезный матеріалъ.

№ 101 Mādhavānalakathā, этотъ же разсказъ въ формѣ драмы № 102 и въ другой повидимому редакціи № 453. Эта легенда про красавца Mādhavānala, гетеру Kāmakandalā и царя Vikramāditya принадлежала къ любимымъ книгамъ индійской читающей публики и, повидимому, относительно довольно старая [1]). Она вошла въ персидскія версіи сборника разсказовъ 32-хъ статуй трона царя Vikramāditya подъ названіемъ قصّهٔ مدهوانل. Мы склонны сближать ее съ разсказомъ о гетерѣ въ Bṛhatkathā [2]) принадлежащимъ къ циклу Vikramāditya, и видимъ въ ней кое-какіе общіе мотивы съ легендами о царѣ Bhoja и Kalidāsa въ Bhojaprabandha, такъ напримѣръ мотивъ писанія стиховъ на стѣнѣ: одинъ такой, очень изящный стихъ пишется Mādhavānala въ горести по разлукѣ съ возлюбленной и въ одной рукописи India Office читается такъ:

هزار درد بدل میرسد از دوری یار
چگونه صبر کنم دل یکی و درد هزار

«Тысяча горестей проникаютъ въ сердце отъ отдаленности милой.
Какъ мнѣ стерпѣть? Сердце одно, а горестей тысяча».

Желательно было бы, чтобы кто-нибудь занялся этой прелестной маленькой новеллой, интересовавшей и трогавшей столько сердецъ.

№ 104. Kathārṇava. Этотъ сборникъ повидимому чрезвычайно близокъ по типу, а отчасти и по содержанію съ Kathāprakāça, о которомъ мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Записокъ» [3]). Къ описанію проф. Ауфрехта замѣтимъ, что разсказы lokavidyākathā, hāsavidyākathā и т. д. взяты изъ сборника *Puruṣaparīkṣā.*

Остается пожелать, разставаясь съ прекрасной работой проф. Ауфрехта, чтобы скорѣе явилось въ печати и описаніе кэмбриджскихъ рукописей, которыя повидимому заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго и важнаго.

С. О.

---

1) См. Grierson, G. The Modern Vernacular Literature of Hindustan, p. 133.

2) Tar. LVIII. Иначе думаетъ г. Паволини. The Mādhavānala-kathā. Tr. IX. Or. Congr. I, 450—453.

3) Матеріалы для изслѣдованія сказочнаго сборника Bṛhatkathā. I. Записки В. О. II, 44—47. (1888).

238. R. G. Bhandarkar. Report on the search for Sanskrit Manuscripts in the Bombay Presidency during the years 1884—85, 1885—86, and 1886—87. Bombay 1894. 138 стр. 8°.

Профессоръ Бхандаркаръ издалъ новый отчетъ о поискахъ за санскритскими рукописями въ бомбейскомъ президентствѣ за года 1884—1887. Всѣхъ рукописей пріобрѣтенныхъ для правительства 1406, собраны онѣ въ Гуджаратѣ, Раджпутанѣ и у Махраттовъ; 126 изъ этихъ рукописей сочиненія авторовъ джайнской секты Digambara. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одно изъ этихъ сочиненій Digambara, одинъ разсказъ котораго, по нашему мнѣнію, долженъ быть сближенъ съ одною изъ джātакъ. Сочиненіе это Dharmaparīkṣā, написано Amitagati въ 1014 по Р. Хр. (Bhandarkar, p. 13); разсказъ, сближаемый нами съ джātакою, относится къ легендамъ о похожденіяхъ бога Агни и въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ переданъ профессоромъ Бхандаркаромъ (l. c. p. 16).

Отшельникъ Maṇḍapa Kauçika женился на вдовѣ и у него родилась дочь удивительной красоты, по имени Chāyā. Отправляясь съ женою на богомолье, отшельникъ рѣшилъ поручить кому нибудь охрану дочери. Брахма, Вишну и Шива не оказались подходящими, такъ какъ были слишкомъ извѣстны своими любовными похожденіями; выборъ отшельника остановился поэтому на богѣ смерти Яма. Однако и этотъ выборъ оказался неудачнымъ: Яма плѣнился дѣвушкой и соблазнилъ ее. Чтобы скрывать ее отъ другихъ, онъ проглатывалъ ее и держалъ въ своемъ желудкѣ. Это замѣтилъ *Vāyu, богъ вѣтра*, и сказалъ объ этомъ Агни, который захотѣлъ ее увидать. Vāyu сказалъ ему, что Яма выбрасываетъ изъ себя дѣвушку и оставляетъ ее одну, только когда идетъ *совершать омовенія* и церемонію очищенія отъ грѣховъ (aghamarṣaṇa). Агни воспользовался подобной минутой и соблазнилъ дѣвушку. Когда Яма долженъ былъ вернуться Chāyā проглотила Агни и скрыла его въ своемъ желудкѣ. Агни исчезъ и весь міръ страдалъ отъ исчезновенія огня. Индра поручилъ Vāyu найти Агни, но тотъ нигдѣ не могъ его найти. Наконецъ онъ рѣшилъ, что есть еще одно мѣсто, гдѣ можетъ быть Агни и съ цѣлью найти его, Vāyu пригласилъ къ себѣ на пиршество всѣхъ боговъ. Для всѣхъ онъ приготовилъ по одному сѣдалищу и по одному приношенію, а для Ямы *три*. Яма спросилъ, что это значитъ и прибавилъ, что если Vāyu думалъ объ его возлюбленной, то и тогда нужно было только два сѣдалища и два приношенія. Vāyu обѣщалъ все объяснить и велѣлъ ему выбросить изъ себя Chāyā; когда Chāyā вышла, Vāyu велѣлъ ей въ свою очередь выбросить изъ себя Агни, она повиновалась и передъ удивленными взорами всѣхъ предсталъ Агни.

Джâтака излагаетъ дѣло иначе, но въ общности нѣкоторыхъ существенныхъ чертъ слѣдуетъ, какъ кажется, видѣть несомнѣнное доказательство того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя версіями джайнской и буддійской одного и того же разсказа, по всей вѣроятности, брахманскаго.

Джâтаку мы сообщаемъ цѣликомъ въ переводѣ И. П. Минаева [1]).

«Откуда идете?» Такъ повѣствовалъ учитель въ Жетаванѣ, намекая на одного духовнаго влюбленнаго. Учитель спросилъ его: «Правда ли, что ты влюбленъ?» И когда тотъ отвѣчалъ: «Правда, господинъ!» Учитель сказалъ: «Зачѣмъ ты вожделѣешь женщину? Женщины недостойны довѣрія, неблагодарны. Въ древности ракшасы Дâнавы, даже проглотивъ женщину и въ животѣ сохраняя ее, не могли охранить ее отъ единаго человѣка. Какъ же ты сможешь?» Такъ сказавъ, онъ обратился къ прошедшему.

Въ древности, въ царствованіе царя Браhмадатты въ Бенаресѣ, Бодhисатва, отказавшись отъ страстей, отправился къ Гималайскимъ горамъ и тамъ выступилъ на путь. Достигнувъ ясновѣдѣнія и созерцанія, онъ жилъ тамъ, питаясь плодами и неплодами. Не подалеку отъ его хижины изъ листьевъ, жилъ ракшасъ Дâнава, который по временамъ приходилъ къ великому существу слушать законъ. Въ лѣсу же (тотъ же Дâнава), ставъ на дорогѣ, по которой ходили люди, хваталъ ихъ и поѣдалъ. Въ то время нѣкая дѣвушка-красавица изъ почтеннаго семейства, въ Касіійской странѣ, была выдана въ отдаленную деревню; однажды, когда она, побывавъ на свиданіи съ отцемъ и матерью, возвращалась назадъ, Дâнава, при видѣ ея спутниковъ, грозно выступилъ; тѣ бросили оружіе и убѣжали. Дâнава, увидавъ оставленную красивую женщину въ колесницѣ, влюбился въ нее, повелъ ее въ свою пещеру, гдѣ и женился на ней.

Женившись, сталъ питать ее масломъ, рисомъ, рыбою, мясомъ и сладкими плодами; нарядилъ въ красивыя платья; посадилъ ее въ ларецъ, чтобъ ее сберечь; самый же ларецъ проглотилъ и носилъ его въ животѣ. Однажды онъ пожелалъ выкупаться и съ этою цѣлью отправился къ озеру; (тамъ), выбросивъ ларецъ, вынулъ оттуда жену, вымылъ ее, вымазалъ, нарядилъ и поставивъ около ларца, сказалъ: «Выпрями нѣсколько тѣло». Самъ же въ то же время отошелъ нѣсколько подальше отъ берега, чтобъ она не подходила, и сталъ купаться.

Въ это время нѣкій геній, по имени Vâyussaputto, съ мечемъ летѣлъ по воздуху. Жена, увидавъ его, подала знакъ: «Подходи». Геній тотчасъ же спустился. Жена спрятала его въ ларецъ, на который сама сѣла, поджи-

---

1) Минаевъ, И. П. Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды. Ж. М. Н. П. 1871. № 11, 126—129. Fausböll. V. The Jātaka III, 527—531. Samuggajātaka.

дая прихода Дâнавы. Когда же увидѣла, что тотъ подходитъ, показавшись ему, до его прихода открыла ларецъ, взошла туда, легла на чудесника и прикрыла его своимъ платьемъ. Дâнава, пришедъ, не изслѣдовалъ ларца; полагая, что тамъ жена, онъ проглотилъ его и отправился въ свою пещеру. По дорогѣ ему пришла мысль: «Давно не видалъ я подвижника, пойду сегодня, поклонюсь ему». (И въ слѣдъ за этимъ) онъ отправился туда. Подвижникъ издали, видя его приближающимся и узнавъ, что у него въ желудкѣ находятся двое, привѣтствуя, сказалъ первый стихъ:

«Откуда идутъ трое? Добро пожаловать, садитесь здѣсь! Все ли благополучно у васъ? Давно вы сюда не приходили» (1).

Услыхавъ это, Дâнава подумалъ: «Я пришелъ къ подвижнику одинъ; а онъ говоритъ: «три человѣка». Что̀ онъ разсказываетъ? Говоритъ ли онъ такъ, считая и себя, или же болтаетъ, помѣшавшись? «Подумавъ такъ, сѣлъ въ сторонѣ и въ отвѣтъ сказалъ второй стихъ:

«Я пришелъ сегодня сюда одинъ; нѣтъ никого другого здѣсь». О комъ ты, мудрецъ, говоришь: «Откуда идутъ трое?» (2).

Подвижникъ спросилъ: «Вполнѣ желаешь выслушать?»

«Да, господинъ!»

«Такъ слушай же». И за симъ сказалъ третій стихъ:

«Ты одинъ, да жена твоя милая, посаженная въ ларцѣ и проглоченная; тобою оберегаемая въ животѣ, она тамъ наслаждается съ геніемъ» (3).

Услыхавъ это, Дâнава подумалъ: «Геніи весьма искусны; если у этого есть въ рукѣ мечь, — разрѣзавъ животъ, онъ бѣжитъ». Сильно испугавшись, онъ выбросилъ ларецъ и поставилъ его передъ собою.

Учитель, когда сдѣлался великимъ буддіою, разъясняя это обстоятельство, сказалъ четвертый стихъ:

«Выбросилъ тамъ ларецъ испуганный Дâнава, когда мудрецъ ему открылъ (дѣло), и увидалъ жену съ чистыми гирляндами, наслаждающеюся тамъ съ геніемъ» (4).

Какъ только открыли ларецъ, геній, проглотивъ питье, схватилъ мечь и пустился по воздуху. Увидавъ это, Дâнава, восхваляя великое существо, сказалъ остальные стихи:

«Ты, тяжкіе подвиги свершающій, вѣрно прозрѣлъ; низки тѣ люди, которые во власти у женщинъ; вотъ эта хотя оберегалась мною цѣною жизни, и все-таки, измѣнивъ мнѣ, наслаждалась съ другимъ (5).

«Днемъ и ночью я за нею ухаживалъ, какъ за огнемъ подвижникъ, живущій въ лѣсу; а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами (6)».

«Я думалъ объ этой безнравственной, грѣшной: «она у меня въ тѣлѣ... она моя»; а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами (7).

«Какъ можетъ довѣряться (мудрецъ мысли): «эту я хорошо охраняю». Нѣтъ между вѣтренницами охраняемой. Онѣ то же, что̀ адскій омутъ.

«Тотъ идетъ къ бѣдствію, который въ нихъ влюбляется (8).

«Тѣ радостны, у тѣхъ нѣтъ скорби, кто отрѣшился отъ женщинъ. Желающій высшаго счастья, да не связывается съ женщинами» (9).

Такъ сказавъ, Дâнава упалъ въ ноги великому существу, и восхваляя его, сказалъ: «Господинъ, тебѣ я обязанъ, что сохранилъ жизнь; едва геній этой грѣшницы не убилъ меня».

Великое существо, научая его въ законѣ, сказалъ: «Не дѣлай вреда ей; прійми заповѣди». И даровалъ ему пять заповѣдей.

Дâнава отослалъ жену, сказавъ: «Сохраняя тебя въ животѣ, не могъ тебя уберечь; пусть кто другой бережетъ тебя». И ушелъ въ свой лѣсъ.

Учитель, научая и разъясняя истины, истолковалъ перерожденія. Въ концѣ проповѣди влюбленный достигъ первой степени святости.

«Тогда подвижникъ, обладавшій небеснымъ окомъ, былъ я».

Сходство разсказовъ очевидное. Роль Ямы въ джāтакѣ играетъ Dānava, вмѣсто Агни vidyādhara Vāyussa putto, т. е. сынъ Vāyu, раскрываетъ тайну отшельникъ, который является совсѣмъ новымъ дѣйствующимъ лицомъ, явно вставленнымъ для морализирующаго конца. Детальныя сближенія при отсутствіи джайнскаго текста конечно немыслимы, но мы считаемъ нужнымъ отмѣтить врядъ ли случайно выбранное имя «сынъ Vāyu», которое можетъ быть слѣдуетъ объяснить той покровительственной ролью, которую играетъ Vāyu, а также и полную тожественность обоихъ разсказовъ въ способѣ открытія тайны, намекомъ на *три существа.*

Геній, хранящій своихъ двухъ женъ внутри себя и выбрасывающій ихъ, причемъ одна жена грѣшитъ съ чужими мужчинами, упоминается въ Kathā-Sarit-Sāgara (tar. 63), но тамъ разсказъ совсѣмъ другой; можно только отмѣтить, что при описаніи генія указано, что онъ съ мечемъ (khadgī l. c. 63, 18), тоже говорится и про vidyādhara въ джāтакѣ (sannaddhakhaggo, l. c. III, 528). Интересную пораллель мы находимъ еще и въ камаонской сказкѣ (Минаевъ, стр. 85—89).

Мы остановились такъ долго на этомъ разсказѣ объ Агни, потому что считаемъ теперь важнымъ для исторіи индійской литературы собираніе фактовъ объ обработкѣ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ брахманами, буддистами и джайнами [1]).

1) Укажемъ здѣсь кстати на связь между Kumbhakārajātaka (№ 408) и джайнскими разсказами у Jacobi H. Ausgewählte Erzählungen in Mâhârâshṭrî IV—VII: Die vier Pratyekabuddha. Мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть подробнѣе эти разсказы въ другомъ мѣстѣ.

С. О.

НОВЫЯ КНИГИ.

И. В. Аничковъ. Киргизскій герой Джанходжа Нурмухаммедовъ (текстъ и переводъ). Казань 1894. 16 стр. 8°. [Отд. отт. изъ XII т. «Изв. Общ. Арх., Ист., Этногр. за 1884 г.].

И. В. Аничковъ. Пѣсня о киргизскомъ батырѣ Джанъ-Ходжѣ Нурмухаммедовѣ. Спб. 1895. 12 + 9 стр. 8°.

В. Васильевъ. Географія Тибета. Переводъ изъ Тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты. Спб. 1895. 2 + 95 стр. 8°. Цѣна 1 р. 50 к. [Изд. Имп. Акад. Наукъ].

Н. Веселовскій. Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Спб. 1894. X + 82 + IV + 118 стр. 8°.

[**Катаринскій**]. Практическіе уроки русскаго языка для киргизовъ. 2-ое изд. Оренбургъ. (Бресланъ). 1895. 122 стр. 16°.

[**Катаринскій**]. Краткій русско-киргизскій словарь. Оренбургъ 1895. 66 стр. 16°.

Протоіерей **Евѳимій Маловъ.** Мухаммеданскій букварь (Миссіонерско-критическій очеркъ). Казань 1894. 112 + II стр. 8°.

— — — Условія вѣры شرايط الايمان [Переводъ]. Казань 1894. 63 стр. 8°.

М. М. Петрово-Соловово. Краткій очеркъ исторіи отношеній между Ассиро-Вавилоніей и Евреями. Съ картою. Спб. 1895. 112 стр. 8°.

П. С. Поповъ. 蒙古游牧記 Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о Монгольскихъ кочевьяхъ. Переводъ съ китайскаго. Спб. 1895. 2 + III + 487 + 92 + VIII стр. 89°.

Д. В. Путята. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Срединной Имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россіей полосы. Съ XVI чертежами. Спб. 1895. 2 + IV + 265 + 83 стр. 8°.

В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. седьмой. (Второй томъ, вып. первый). Спб. 1895. 320 стр. 8⁰. Цѣна 1 р. [Изд. Имп. Акад. Наукъ].

Восточныя Замѣтки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей Факультета Восточныхъ Языковъ Имп. Спб. Университета. Спб. 1895. 404 стр. 4⁰. Съ 13 таблицами.

Сборникъ Трудовъ Орхонской Экспедиціи. II. Археологическій дневникъ поѣздки въ среднюю Монголію въ 1891 г. Д. Клеменцъ. Спб. 1895. 76 стр. 8⁰. Цѣна 75 к. [Изданіе Имп. Академіи Наукъ].

تسريح النظر فى منشور البابا لاون الثالث عشر. بقلم الحقير فى المتوحدين الارشيمندريت رفائيل طبعت فى مدينة كازان المحميّة على نفقة الجمعيّة الامبراطوريّة الفلسطينيّة سنة ١٨٩٥ مسيحيّة. 80 стр. 16⁰.

W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von — — Dritte Lieferung. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei. Спб. 1895. Стр. I—XI и 175—460. 8⁰. Цѣна 2 р. 80 к. [Изданіе Имп. Акад. Наукъ].

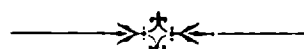
C. Salemann. 'Abdulqâdiri Baġdâdensis lexicon Šahnâmianum cui accedunt eiusdem auctoris in lexicon Šâhidianum commentariorum TURCICI particula prima, ARABICI excerpta. Ad fidem codicum manuscriptorum recensuit annotationibus indicibus instruxit edidit — —. Tomi I Pars I. Lexicon Šahnâmianum continens. Спб. 1895. 247 + 17 + IV стр. 8⁰. Цѣна 2 р. 40 к. [Изданіе Имп. Акад. Наукъ].

ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Читай.
60	17 сверху	გამო[ს]ნნდეთ	გამოჰჩნდეთ
64	4 снизу	прим. 19	стр. 67, прим. 7.
65	3 »	Б. Бакрадзе	Д. Бакрадзе
66	18 »	3)	4)
—	6 »	Мхаръдзелидзе	Мхаргдзелидзе
67	5 »	айхазовъ	аӣхазовъ
—	9—10 сверху.	въ нашемъ актѣ напримѣръ ოჳ̃თო.	въ нѣкоторыхъ актахъ напримѣръ попадается ო̃ლო.
68	10 »	айхазовъ	аӣхазовъ.

Въ 4-мъ примѣчаніи 61-й страницы приводится двоякое толкованіе слова საკოდრისა (сакодриса), но при внимательномъ просмотрѣ текста (см. таб. 1, стр. 12) я пришелъ къ заключенію, что слово надо читать «საკოშრისა» (сакошриса), хотя это слово въ грузинскомъ языкѣ не встрѣчается и въ лексиконахъ конечно не упоминается; но Н. Марръ находитъ возможнымъ объяснить его армянскимъ словомъ kĕshir' — вѣсъ, вѣсы. Тогда это слово въ нашемъ переводѣ будетъ означать «вѣсового или оброка за вѣсы».

135	18 сверху	IX	X



ОБЪЯВЛЕНІЕ.

От Совѣта Специальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, въ Москвѣ.

Тема на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени покойнаго стат. совѣт.

Д. Г. КАНАНОВА:

„АРМЯНЕ ВЪ ВИЗАНТІИ ДО ЭПОХИ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ“ (преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ).

Сочиненіе можетъ быть представлено на одномъ изъ языковъ—армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Срокъ представленія сочиненій не позднѣе 1-го Января 1898 года.

За лучшее сочиненіе на указанную тему будетъ присуждена Совѣтомъ премія въ размѣрѣ **семисотъ** рублей.

Директоръ Института **Г. Канановъ.**

Секретарь Совѣта **Г. Халатьянцъ.**

10/22 Октября, 1895 г.
Москва.

Табл. I.

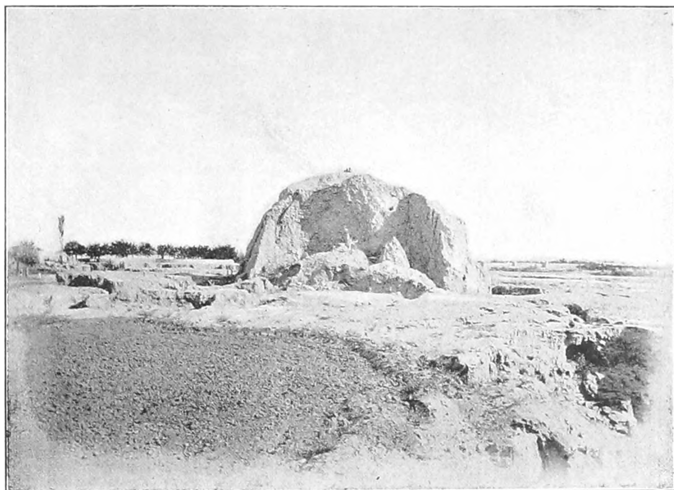
Гэсэръ-ханъ.

1.

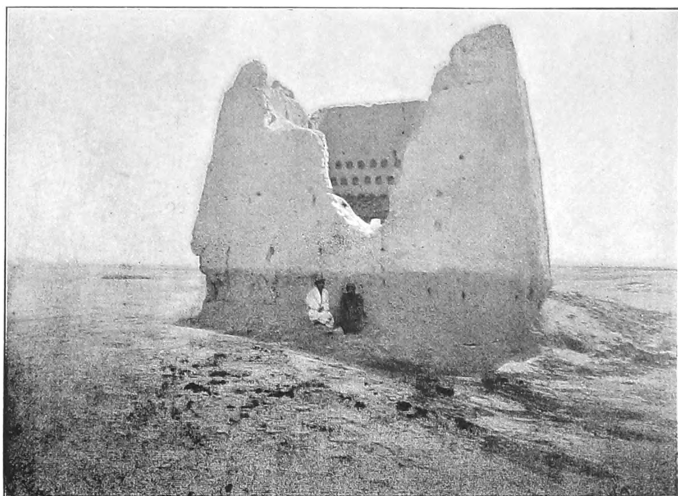
2.

3.

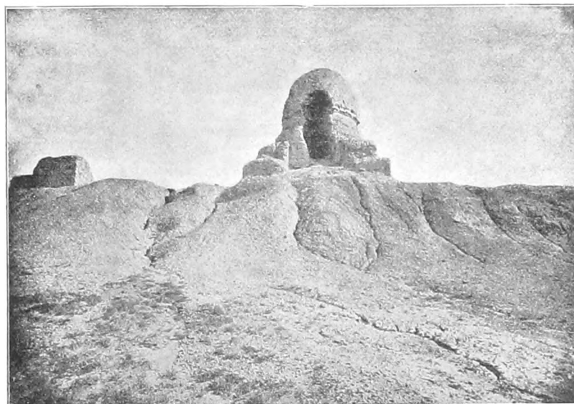
4.



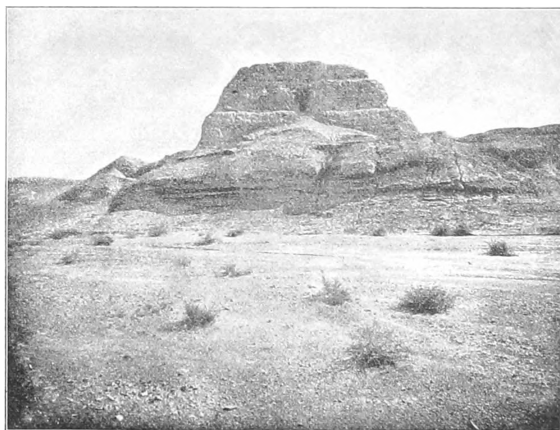
1. Ступа близъ Кашгара.



2. Каптаръ-Хана.

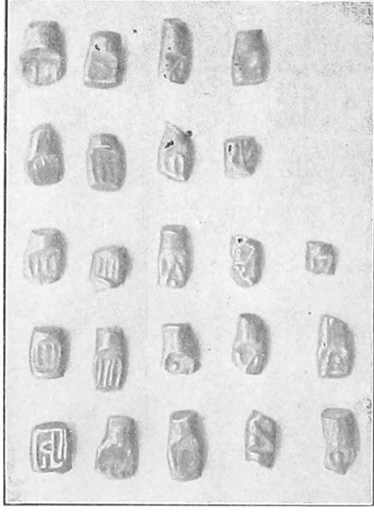


1. Мури на Ханъ-Уйѣ.

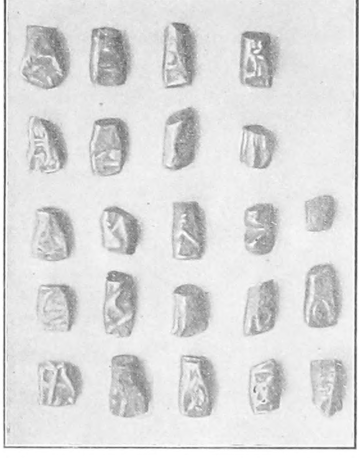


2. Сакалъ Тамъ на Ханъ-Уйѣ.

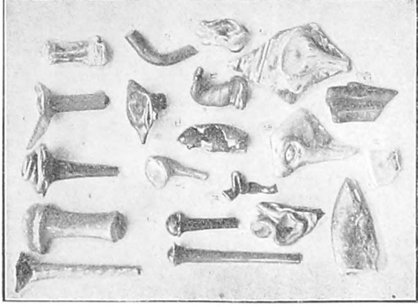
Табл. VIII.



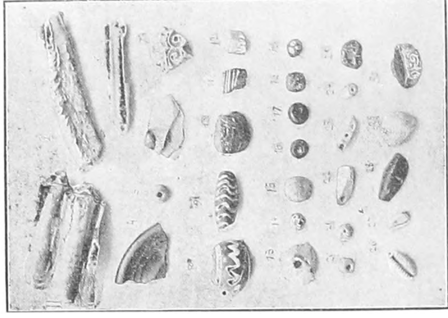
3.



4.



1.



2.

ТРУДЫ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Ч. IX. X. XI. XII, 1. Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ В. В. Вельяминова-Зернова. Цѣна за четыре части 9 р. 25 к.

Ч. XIII. Сборникъ лѣтописей, Исторія Монголовъ Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ. Персидск. текстъ съ предислов. и примѣч. И. Н. Березина. Цѣна 2 р. 50 к.

Ч. XIV. Опытъ исторіи династіи Сасанидовъ по армянск. источникамъ, К. П. Патканіана; Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей, А. Я. Гаркави; Описаніе рукописей изъ коллекціи Фирковичей въ Имп. Публ. библ., І. Гурлянда; Хронографическая исторія о. Мехитара, армянскій текстъ съ переводомъ К. П. Патканіана. Цѣна 3 р.

Ч. XV. Сборникъ лѣтописей, Исторія Монголовъ Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана отъ восшествія его на престолъ до кончины. Персидскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями И. Н. Березина. Ц. 2 р. 50 к.

Ч. XVI. Грамоты вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана, писанныя квадратнымъ письмомъ, А. А. Бобровникова, съ дополненіями В. В. Григорьева; О скиѳскомъ народѣ Сакахъ, В. В. Григорьева; О названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ, К. П. Патканова; О первоначальномъ обиталищѣ Семитовъ, Индоевропейцевъ и Хамитовъ, А. Я. Гаркави. Ц. 2 р.

Ч. XVII. Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII в., К. П. Патканова; Вахáги — Вишапакáхʼ армянской миѳологіи есть Индра — Vritrahan Риг-Веды, Н. О. Эмина; Замѣчанія на эту статью, К. П. Патканова; Содержаніе магомет. сочиненія Юй-ланьчжи-шенъ-ши-лу, Архим. Палладія Каѳарова; Караханиды въ Мавераннагрѣ, осм. текстъ съ перев. и примѣч. В. В. Григорьева; Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ, А. Я. Гаркави. Цѣна 2 р.

Ч. XX. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Т. I. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Цѣна 3 р.

Ч. XXI. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Т. II. Царствованія Бориса Годунова, Василія Шуйскаго и начало царствованія Михаила Ѳедоровича. Цѣна 3 р.

Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О. Т. I (четыре выпуска съ 15 табл.). Цѣна 4 р. — Т. II (четыре выпуска съ 18 табл.). Цѣна 4 р. — Т. III (четыре выпуска съ 4 табл.). Цѣна 4 р. — Т. IV (четыре выпуска съ 2 табл.). Цѣна 4 р. — Т. V (четыре выпуска съ однимъ портретомъ и 6 табл.). Цѣна 4 р. — Т. VI (четыре выпуска съ 10 табл.). Цѣна 4 р. Т. VII (четыре выпуска съ 2 табл. и однимъ портретомъ). Цѣна 4 р. — Т. VIII (четыре выпуска съ 4 табл.) Цѣна 4 р. — Т. IX (четыре выпуска съ 8 табл.). Цѣна 4 р.

Атласъ къ путешествію Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспійскаго моря. С.-Петербургъ, 1895. Цѣна 3 р.

Съ требованіями обращаться въ *книжные* магазины «Новаго Времени» (Спб. Невскій проспектъ № 38) или К. Риккера (Спб. Невскій проспектъ № 14).

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ I—IV.